

Аня Сокол

Первый
ученик

Аня Сокол
Первый ученик
Серия «Империя Камней», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67254017

SelfPub; 2022

Аннотация

Иногда кажется, что весь мир против тебя. Иногда так оно и есть. Макс привык быть один. Один в аудитории полной студентов. Один на полигоне полном призраков. Один на дежурстве, заполненном только тиканьем часов. Не любим учителями и не признаваем сверстниками.

Он почти не удивился, когда его обвинили в краже. А кого же еще? Но преступление оказалось лишь вершиной айсберга, его видимой частью, а то, что скрыто, вряд ли по плечу студенту психиатрии. И теперь под ударом оказался не только он сам, но и его сокурсники. Готов ли Макс рискнуть всем и протянуть руку помощи тем, кто раньше даже не замечал странного угрюмого парня?

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Урок первый – Псионника	4
Урок второй – Психология	31
Урок третий – Биология	49
Урок четвертый – Физическая культура	71
Урок пятый – Литература	90
Урок шестой – Экономика	111
Урок седьмой – История	129
Урок восьмой – Педагогика	149
Урок девятый – Специализация	175
Урок десятый – География	196
Урок одиннадцатый – Политология	218
Урок двенадцатый – Археология	239
Урок тринадцатый – Этикет	271
Урок четырнадцатый – Философия	294
Урок пятнадцатый – Физика	325
Урок шестнадцатый – Искусствоведение	355
Урок семнадцатый – Информационные технологии	388
Урок восемнадцатый – ОБЖ	418
Урок девятнадцатый – Химия	445
Урок двадцатый – Социология	469
Урок двадцать первый – Философия	501

Аня Сокол

Первый ученик

Урок первый – Псионника

Тема: «Энергия»

– Ты справа, я слева, – скомандовал Сенька, по лицу которого было видно, как ему претит зависеть от напарника.

Тот кивнул, не считая нужным отвечать. Парни разошлись, огибая двухметровый дощатый щит с разных сторон. Пространство вокруг было изрыто, словно после бомбежки. Как показала практика, жаждущие знаний студенты могут быть не менее разрушительны.

Макс выглянул из-за грубо сколоченных досок. Большая часть курса уже получила дисквалификацию, а блуждающий так до сих пор и не был пойман. Физически схватить нечто, не имеющее тела, можно лишь условно. Задачей его курса было загнать призрака в энергетическую петлю. Но сегодня им не везло: кто-то растратил силы, кто-то не смог направить и придать форму энергии, а кто-то сам попался в ловушку, нарушив границы захоронений. Площадки, к которым было привязано с десятков вернувшихся, располагались в самых неожиданных местах учебной полосы.

Наказание за это одно – незачет. В жизни бы все могло за-

кончиться больницей и курсом реабилитации. Но здесь призраки были слабые и смиренные, как комнатные собачки.

Макс обошел вроде бы свободное пространство. Цепочки следов на песке говорили о том, что ни ему одному пришла в голову блажь выписывать зигзаги. Парень повернулся, и его тут же окутала едкая вонь. Как всегда бывало в такие минуты, он остро позавидовал обычным людям. Те никогда не ощущали того, что псионники. Если призрак не атаковал, они и знать не знали, что он рядом. Вернувшийся мог стоять на голове за их спиной, а они бы и не обернулись. Псионник же обречен жить в тягучем мире запахов, от которых иногда хочется разучиться дышать.

Парень взял еще чуть правее, обходя площадку, под которой были закопаны останки бедняги, служившего студентам обучающим пособием. Десяток статичных и один подвижный блуждающий. Поймать нужно было не того, кто и так привязан, а того, кто свободно перемещался. Ну, относительно свободно... Поля с абсолютным нулем не дадут отпущенному на время зачета призраку покинуть учебную полосу.

Он прошел еще с десятков метров вперед, краем глаза отмечая движение с левой стороны – значит, Сенька почти вышел на линию атаки. Макс подобрался и шагнул вперед, одновременно вскидывая руку, в которую стягивал энергию. По плану он должен был всего лишь отвлечь внимание призрака на себя, а уж партнер позаботится об аркане. Как все-

гда ему досталась самая невыгодная роль – в случае успеха все лавры соберет Сенька.

Макса подобная чушь не интересовала. Его, если говорить начистоту, и призрак не интересовал. Так почему бы не развлечься? Судя по рассказам старшего курса, именно так и должны проводить время младшие. Он выбросил свою петлю, хотя еще минутой ранее собирался без лишних телодвижений отыграть роль загонщика, от которого блуждающий отшатнется в расставленную сокурсником ловушку. И призрак отшатнулся с секундным опозданием, когда уже был внутри. Парень рывком затянул аркан, чувствуя, как невидимые нити силы впиваются в ладонь.

– Держи, – не стал возмущаться его отступлением от плана Сенька.

Студент подскочил с другой стороны и накинул на блуждающего свою петлю, пусть не очень ровную и не очень сильную. Совместная победа лучше совместного поражения.

В тот момент, когда чужая энергия коснулась вернувшегося, Макс отпустил петлю, позволил ей лениво скользнуть меж пальцами и рассеяться в пространстве.

– Что ты творишь?! – закричал сокурсник, стараясь удержать получившего неожиданную свободу призрака.

Блуждающий рванулся в сторону, разорвал энергетическую петлю Сеньки и ушел. Будь у них второй шанс, предстояло бы снова искать и локализовывать затаившегося призрака. Хорошая новость состояла в том, что вторых попыток

тут никому не давали.

Макс развернулся и направился к ближайшему выходу с площадки. Там, за сетчатым забором, собралось уже немало неудачников, вернувшихся отсюда ни с чем.

– Ты что сделал, урод? – парень схватил его за плечо.

Макс не ответил, он очень давно научился молчать, когда ответа не требовалось. Его поступок был банальной подставой. Произнеси он это вслух, ничего не изменится. Особенность пси-сил состояла в том, что как бы они не манипулировали энергией, она все равно оставалась невидимой, как и формы, которые ей придавали, как и сам призрак, пока не решит материализоваться. То, что произошло на площадке, нельзя увидеть, лишь почувствовать. Но сидевшие на криво сколоченных скамейках были для этого слишком далеко. Когда Вишня начнет разбор полетов, картина будет проста: Макс отвлекал на себя призрака, Сенька же, не справившись со своей корявой петлей, упустил блуждающего. И их зачет в придачу. Отговорки преподаша не жаловала, так что вряд ли сокурсник рискнет пожаловаться.

– Я тебя спрашиваю! – рявкнул Арсений, толкая его в грудь.

– Соболев, Грошев, разошлись, – раздался четкий приказ, к ним уже спешила крепкая невысокая женщина в полевой форме черного цвета. – Ошибки ясны? Или разобрать? – студенты одновременно покачали головами. – Пересдача через неделю. Соболев, свободен. Грошев, за мной. Тебя вызывает

Куратор, – и, не дожидаясь их реакции, она развернулась и пошла обратно.

– Ты труп, Грош, – донесся в спину яростный шепот.

Макс не стал оборачиваться. Он ненавидел эту дурацкую кличку, прилипшую к нему чуть ли не с первого дня в психиатрической Академии. Парень сунул руки в карманы и, ссутулившись, побрел следом за Вишней. Вишневецкой Яной Итировой. Но по имени и отчеству ее звали исключительно на лекциях и практикумах, за глаза – только Вишней, а особо смелые и соскучившиеся по ночным дежурствам – даже Вишенкой.

На Максе была точно такая же черная форма. Худой и жилистый парень, которого перетянутая ремнем рубашка и форменные штаны непостижимым образом делали похожим на кузнечика.

Учебные площадки закончились, показались жилые корпуса, один учебный, столовая и стоящая на самом конце плато баня. Дорога все время шла в гору, но за полтора месяца в Инатарских горах¹ он привык бегать туда-сюда по нескольку раз в день. Последняя летняя практика проходила в лагере около старого могильника и бункера, куда запирали особо опасных призраков. К сентябрю, по возвращению в Заславль, столицу Империи, каждому студенту предстояло иметь в голове четкое представление о своем будущем. На

¹ Инатарские горы – горная система, расположенная на севере Империи Камней. Длина – более 2000 км, ширина – от 40 до 150 км (*Путеводитель по Инатарскому краю. Лучшие пешие и автомобильные маршруты. Устаревшее издание 19.. года, снято с печати*).

деле же это означало выбор специализации, которой они посвятят оставшиеся два года в пси-Академии.

В голове у Макса за три курса обучения и строевой подготовки ничего не изменилось. И Академию, и специализацию он видел в гробу и в белых тапках. Когда совсем прижмет, он поступит как обычно – просто ткнет пальцем в первый попавшийся вариант, и от него отстанут.

Дорожка свернула к вросшему в землю крыльцу административного корпуса. Вишня чуть задержалась на пороге, придерживав для него дверь. Кто бы мог подумать, что спустя три года после того, как Куратор лично привез тощего взъерошенного и злого на весь мир пацана в Академию, он все еще будет здесь. Пусть такой же тощий. Да и злость никуда не делась.

Они миновали канцелярию, библиотеку, комнаты методистов и склад инвентаря. Лестница, ведущая на второй этаж, гулко вздрогнула под их тяжелыми ботинками.

Интересно, что потребовалось Куратору на этот раз? Грехов на Максе больше, чем блох на собаке, о чем именно донесли старшему? Хотя... Какая разница? Что тот может? Максимум – выслать его из лагеря обратно в Академию, влепив неуд по практике. Общий балл все равно не позволит оставить его на второй год, за этим парень следил строго – лишний курс в стенах учебного заведения не входил в его планы.

Дверь, оббитая светлым дерматином, открылась, женщи-

на пропустила его вперед и с чувством выполненного долга осталась в коридоре. Грош огляделся, он был в этой комнате не раз и не два. Стол в центре, полка с папками на стены, точно такая же напротив, только с книгами, сейф в углу, широкое окно за спиной Куратора. Там за стеклом полнеба закрывал склон Великой². Стульев для посетителей не предусмотрено, но сегодня стоять предстояло не ему одному.

Справа от высокого и массивного Куратора небрежно оперся о стол Арчи, его страдальческий взгляд был устремлен в окно. Арчитинов Андрей Валентинович прекрасно знал, как зовут его меж собой студенты, но вроде ничего не имел против, что лишало оных большей части удовольствия. Единственный преподаватель, не оставивший надежду вернуть Макса на путь истинный.

Слева от Нефедыча, вернее, Куратора Нефедова, стояла незнакомая женщина в форме корпуса правопорядка, в руках она сжимала пухлую, наполненную бумагами папку. Незнакомка смерила Макса возмущенным взглядом, так же на него смотрела старуха, жившая на первом этаже их дома

² Великая – самая высокая вершина Инатарского хребта, представляет собой горный массив, в составе которого можно выделить две вершины: Западную, высота 1730 м; и Восточную, резкое скальное поднятие с плоской вершиной, высота 1472 м. Относительный перепад высот составляет 200-350 м. (*Национальный Атлас, входит в учебно-методический комплекс по географии, рекомендованный корпусом образования и науки Империи, издательство ИМПРА, издание 3-е дополненное, тираж...*).

в Трвороте³, подозревая, что он пнул одну из ее десяти кошечек.

– Максим, – преувеличенно серьезно начал Арчи, – скажи, пожалуйста, ты был сегодня в хранилище?

– Да, – односложно ответил парень.

– Брал там что-нибудь?

– Нет.

– Вредитель врет, – на скулах Куратора заходили желваки.

Нефедыч всегда так говорил и в девяти случаях из десяти был прав. Но сегодня как раз пришла очередь десятого. Чего там, в хранилище, брат? Кубы с прахом?

– Давайте так, – женщина положила пухлую папку на стол и картинным жестом открыла, – Максим Грошев, тут твои правонарушения за время обучения в пси- Академии.

Парень прикинул на глаз количество бумаг. Максимум год, да и то не весь, так что разыгранная сценка вышла отнюдь не угрожающей, как задумывалось теткой. Но та этого не знала и строгим голосом продолжила:

– Нарушение распорядка, самоволки, порча имперского имущества, хулиганство, уклонение от общественных работ.

Макс подавил желание зевнуть.

– Сегодня добавь к этому опасность для жизни гражданских, – женщина покачала головой. – Ты совершеннолетний,

³ Трворот – областной центр на востоке Империи Камней, образовался в период мертвых веков, на слиянии рек Верхней и Нижней Измири, из рабочего поселка лесорубов. *(История Измирского края: факты, мифы, легенды. Отпечатано по заказу Краеведческого музея. Тираж 1000 экз., не для продажи).*

значит, тебе грозит тюремное заключение.

Два месяца назад ему исполнилось восемнадцать. Макс отметил это очередной выходкой.

– Мы ведь хотим тебе помочь, – получилось еще фальшивее.

Она сама не верила в то, что говорила. Психологию он сдал на четыре, практически высший для него балл. Офицер корпуса правопорядка могла напугать такого, как Сенька Соболев, но никак ни его, бывавшего в этом кабинете не реже раза в неделю и отмывшего все туалеты в округе. И ничего, жив пока.

– Да что вы с ним нянчитесь, – грохнул кулаком по столу Куратор, знавший его куда дольше, чем тетка в форме. – Он украл!

Парень посмотрел на Арчи, как единственного, кто мог бы дать ответ, что за дурдом здесь творится.

– Макс, – мягко начал препод, – из хранилища пропал куб с прахом. Блуждающий, который к нему привязан, имеет третий класс опасности, – мужчина развел руками. – Произошло это в ваше дежурство. Если ты прямо сейчас скажешь, где он, информация об инциденте не выйдет за пределы этого кабинета...

– Ничего подобного, – перебил Нефедыч. – Гаденыш отправится в изолятор.

Грош посмотрел в окно и промолчал. За три года он овладел этим мастерски, слишком много тех, кто желает сказать

за него. Но был один факт, которому стоило порадоваться – из вредителя его перевели в гаденыши.

В дверь постучали, и в кабинет вошел Самарский. Вот уж на ком форма сидела как надо, девчонки должны просто давиться слюной.

– Артем, – обратился к нему Арчи, – вы с Максимом несли утреннюю вахту в хранилище?

– Так точно, – козырнул тот.

– Что Groшев вынес из хранилища? – влез Куратор.

Самарский перевел взгляд на сокурсника, и за миг до того, как тот открыл рот, Макс понял, каким будет ответ.

Отличник курса, самый перспективный студент, первый ученик, внук профессора Сорокина. Что, такой как ты, делает здесь? – мысленно спросил парень. Неужели в Заславле не нашлось тепленького местечка для еще одного мажора? Все маменькины и папенькины сынки остались в столице, а ты решил показать свою непохожесть на них. Настоящий псионик. Ты забрался в горы к старому могильнику вместе с нами лишь затем, чтобы заполнить строку о практике правильными буквами. Пси-специалисту не пристало бояться грязной работы, пусть она заключалась в том, что бы ровнять песок на ученической полосе да нести дежурства в хранилище.

– Никак нет. Он ничего не выносил.

На щеках Куратора загорелись два ярких пятна. Неправильный ответ, отличник. Ну что тебе стоило соврать? Нет, даже не соврать, а подстроиться. Любой бы ответил иначе.

Любой, кроме этого идеалиста в форме, принципиального отличника, лидера курса. Этот просто не мог позволить себе ложь.

– Уверен? – тут же встрял Арчи – еще один любитель правды.

– Так точно, майор, – козырнул Артем. – Мы вместе заступили, вместе сдали вахту. Грошев ушел из хранилища с пустыми руками. Иначе вы бы получили мой рапорт еще до обеда.

И в этом тоже не приходилось сомневаться. Макс продолжал смотреть в окно и молчать.

– Свободны, – через силу проскрежетал Нефедыч.

Тетка в форме с постным лицом закрыла пухлую папку.

Ноут на тумбочке мигал извещением о полученном письме. Макс плюхнулся на покрывало, почти упираясь ногами в стену. На практику стоило поехать хотя бы ради комнаты, где он мог ненадолго остаться один. Спальня напоминала узкий пенал, в котором едва помещались кровать и тумбочка, но это была его личная территория. Он с тоской думал о возвращении в жилой корпус Академии, где комната раз в пять больше и раза в три заселеннее. Но это не скоро – впереди еще полтора месяца относительного одиночества.

Парень открыл папку с входящими. Мать не так давно освоила электронную почту, и он вздохнул с облегчением. Один раз ее письмо, тогда еще обычное бумажное, перехва-

тили. Сокурсники здорово повеселились, зачитывая вслух корявые, наполненные беспокойством и вопросами (есть ли у него чистые носки) строки матери. Он позаботился о том, чтобы впоследствии каждый из этих шутников получил по заслугам. Он ведь, гаденыш, верно?

Все как обычно. Она писала о повышении цен, соседке с сердечным приступом, о новом участковом, голубях, срущих на балкон, и орущих по ночам котам. Обхохочешься. Он закрыл ноут, старенький и поцарапанный, чтобы купить его с рук, ему пришлось... Парень потер глаза – не самые приятные воспоминания.

Письмо было обычным, но он умел читать между строк. То, что проскальзывало между новостями о соседке и голубями, приводило его в ярость. Старую, давно уже перегоревшую, но все так же заставляющую его в бессилии сжимать кулаки.

Грош рывком поднялся. Комната, еще минуту назад бывшая убежищем, вдруг показалась камерой. Он сдернул с крючка на стене сделанный из пластика кристалл и выскок за дверь, на ходу накидывая цепочку на шею. В век, когда цифровые носители заменили и удостоверения личности, и кошельки, выходить без одного за пределы лагеря явно не стоило.

Увольнительной у него не было. Как сказала тетка из корпуса правопорядка, он ходил в самоволки так же часто, как и в столовую.

Пси-Академия – учреждение смешанного типа, полувоенная и полусветская структура. Но в отличие от солдатских училищ режим здесь был щадящим, вернее, можно сказать, никакого не было, да и на плац их гоняли не чаще раза в неделю. Им выдавали форму и по окончании присваивали звания, но в остальном они вряд ли могли равняться на армейские учебки. Взять хотя бы КПП, квадратную комнату с вертушкой и прозрачными дверьми, где дежурных можно застать разве что перед Кураторской проверкой. Студенты предпочитали проводить время на полигонах, уголках отдыха и смотровых площадках, а не в тесной конуре пропускного пункта.

Макс беспрепятственно миновал караулку и стал спускаться по извилистой дороге в поселок. Местные отнюдь не торопились с визитом в тренировочный лагерь. Собственно, никто не торопился. Соседство с бункером, где содержались особо опасные призраки, не добавляло месту популярности. Говорят, за такое попустительство в армии, а не в их психушке, как ласково называли ученики Академию, туалеты отправились бы мыть все: от рядового до генерала.

Некропольский – поселок, получивший название в те времена, когда здесь располагался старый некрополь, куда свозили умерших со всей Империи. Это было до образования Ворошков⁴ и этапов хронологических перезахоронений. На

⁴ О событиях, произошедших в Вороховке, читайте в книге Ани Сокол «Призраки не умеют лгать».

сегодняшний день в нулевом поле хранились останки тех, чьи призраки совершали нападения на людей, повлекшие за собой три и более смерти. Хранилище сравнивали с тюрьмой строго режима для мертвых, а тем плевать на замки, стены и пропускные пункты. Их могут сдержать только камни и еще псионники.

Поселок был не то, чтобы очень большим, но достаточно оживленным. Он жил в основном за счет окрестных шахт по добыче камней. Кирпичные пятиэтажки соседствовали с деревянными срубам, мини-рынок вплотную подступал к детской площадке, а одноэтажная больница стояла стена к стене с единственным в Некропольском питейным заведением. Маленькая (столов на семь) кафешка, где работяги могли после смены пропустить стаканчик дрянного алкоголя и закусить еще более дрянными сосисками.

Макс толкнул дверь, впусив немного свежего воздуха в пропахшее чем-то кислым помещение.

– Кофе, – сразу попросил он худощавую женщину за стойкой.

Днем клиентов обслуживала Леминария, ночью ее сменял муж Винис. Парень иногда задавался вопросом: когда они умудряются быть семьей при таком графике?

Женщина поставила на стойку белую кружку с черной жидкостью, кофе по качеству был под стать алкоголю. Леми навалилась грудью на стойку, вид в вырезе открывался умопомрачительный. Бледно-розовый кад-арт, висящий на се-

ребряной цепочке, громко стукнулся о деревянную поверхность. Хранителем ее разума был лунный камень. Идентификацию кад-артов Грош сдал на твердую три, но только потому, что ему за это заплатили. Парень припомнил свойства кристалла, его хозяин должен был вызывать у окружающих высокие чувства. Может и вызывал, раз ее муж все еще был здесь.

Рядом с его рукой она выставила портативный терминал, и парень, подцепив висевшую на его шее пластиковую подделку под камень, вставил в порт. Машина пискнула, списав со счета нужную сумму. Он прикинул, сколько там должно остаться, и понял, что в ближайшее время нужно искать приработок.

– Максим, – окликнул его вошедший в кафе посетитель.

Грош обернулся, от двери к нему направлялись двое, парень и девушка. На изящной фигурке последней форма сидела как надо. Еще один признак комбинированного учреждения – обучение в Академии было смешанным. Сила псионника не делала различий между полами. Женский жилой корпус стоял на противоположном краю лагеря.

Грош не ответил, возвращаясь к горячему кофе. Артем облокотился на стойку.

– У нас проблема, – изрек первый ученик курса.

Девушка с белыми волосами и длинной, падающей на глаза челкой попросила у Лемии воды. Макс не ответил, впрочем, как всегда.

– Пропал призрак. Ты не брал куб, я тоже. Но исчез он в наше дежурство. Понимаешь?

– Нет.

– По сути, это побег, третий класс опасности, когда блуждающий нападет и выжжет мозг человеку, пятно ляжет на нас.

– Пятном больше, пятном меньше, – он отпил. – Моя совесть выдержит.

– А моя нет, – отрезал Самарский.

Парень пожал плечами, проблемы очередного отличника его не волновали. Но Артем смог его удивить, всегда выдержанный студент вдруг рявкнул:

– Хватит строить из себя злодея.

Макс продолжал смотреть в кружку, он слышал подобные слова не раз и не два.

– Ты же такой «хороший мальчик», – насмешливо процитировала то самое письмо Светка.

Парень заставил пальцы разжаться, иначе дешевый фарфор брызнул бы во все стороны. Он был немного удивлен тем, что с Самарским пришла Коса. Светка Корсакова, получившая свое прозвище из-за толстой белой косы, и кроме нее ничем особо не выделявшаяся. Ну, разве что излишней дерзостью, но этим грешила половина курса. Раньше Артем предпочитал другую компанию.

– Ладно, Грош, – по одному слову было понятно, как взбешен сокурсник, никогда раньше не опускавшийся до кли-

чек. – Как знаешь, – он хлопнул ладонью по столу и направился к выходу.

Девушка чуть задержалась и, качнув бедрами, шагнула к Максу.

– Ты ведь на самом деле не такой, – тихо сказала она, наклоняясь к его лицу.

– Нет, – ответил он, посмотрев в голубые глаза, – я еще хуже. Хочешь выяснить насколько? – он повернулся к Леми и попросил пива.

– Учует Нефедыч – вылетишь с практики, – предупредила Коса.

– Тогда два.

Света выпрямилась и, не говоря больше ни слова, последовала за Самарским.

Макс пожалел о своем демарше уже через минуту, когда невозмутимая женщина вновь достала терминал и пришлось расплачиваться.

Он просидел в баре, пялясь на работающий без звука телевизор еще час. Дверь открывалась и закрывалась. Два мужика в клетчатых рубашках взяли дрянных бутербродов, при этом покосившись на студента в черной форме, но так и не сказали ни слова. Потом забегал какой-то мужик в спецовке, на которой крупными буквами было выведено «Караварт». Имя или название конторы? Кто бы мог подумать, что тот, кто получил право на простое красивое имя, будет завидовать какому-то там Караварту? Если бы парень осмелился

сказать это вслух, та же Леми повертела бы пальцем у виска.

С именами в Империи Камней все плохо. На земле, где умершие не уходят навсегда, имя ребенку выбирают с осторожностью. Призраки – не люди, они не умеют лгать, не умеют прощать, но очень хорошо умеют ненавидеть. Они возвращаются только ради мести. Они не приходят к любимым – только к врагам: мнимым или настоящим. Даже если это всего лишь почтальон, как-то раз сунувший в почтовый ящик грязное и мятое письмо.

Профессора говорят, что после смерти память о нанесенных обидах раздувается, как воздушный шар. То, что раньше казалось неприятностью, становится достойным кровной мести. И только камни, которые носят на шее все жители Империи, генерируя нулевое поле, хранят разум живых от пси атаки мертвых.

Из этого правила исключили лишь псионников, тех, кто при рождении получил дар управлять энергией. Таких, как он. Поэтому у него на шее не кад-арт, не хранитель разума, а пластиковая подделка, в которую, как и у всех, вмонтирован электронный чип. Даже в этом не повезло – таскать на шее стекляшку вместо алмаза было обидно.

Он снова посмотрел на суетливого мужичка, тому срочно понадобилось пять бутылок минералки. У блуждающих была своя логика. Они всегда нападали только на тех, кого знали при жизни. То есть, если умрет этот Караварт, он не сможет явиться к Граде, что живет рядом с Академией в За-

славле, по той простой причине, что они незнакомы. Зато Леми вполне может огрести пару атак (хотя бы за нерасторопность). Вон, как мужика разбирает, даже лысина покраснела.

Но и у этого правила есть исключения. Призрак может атаковать незнакомо­го человека в двух случаях. Первый, если это его живой тезка. То есть умер Караварт, нашел такого же Караварта и выжег ему мозг. Тут уж, к сожалению и к адарт не спасет, стандартный предел которого – десять онн⁵. Вот поэтому женщина за стойкой Леминария, потеющий мужик, силящийся унести за раз все бутылки Караварт, а он – просто Макс, коих в Академии с десяток. Он сам, если захочет, выжжет мозг призраку или что там у него. Остальным же после рождения ребенка приходится открывать единый реестр Империи. Не дай боги, если имя, которое они придумали малышу, трудно произносимое и страшное, уже кому-то дали.

Второе исключение – это угроза захоронению или целостности останкам. То есть выкапывать покойника ради того, чтобы снять с пальцев усопшего пару колец, он бы не рекомендовал. Тут уж знакомы или не знакомы, а огребешь онн двенадцать и приляжешь рядом.

Грош отставил выпитую бутылку и поднялся. Хватит же-

⁵ Онн – единица измерения пси-атаки (*Нефизические величины и единицы их измерения. Справочник под ред. М Мишнева, пособие для студентов пси-Академии, утвержденный...*).

лать несбыточного, он пси-специалист, таким родился. Это все выпитое пиво. Бросить оплаченное не позволила жадность. Не будь этих двух бутылок, не сидел бы он здесь, жалея себя.

На улице уже начало темнеть, пора возвращаться. Охрана, конечно, лучше за последний час не стала, но запереть на ночь лагерь дежурные еще ни разу не забывали.

Дорога все время шла в гору, все время прямо, заблудиться негде, даже если бы за прошедшие полтора месяца студенты не облазили Некропольский вдоль и поперек.

Зачем он повернул голову в проулок между домами? Услышал шорох? Уловил движение? Четкого ответа он не мог дать даже впоследствии, да и не особо задумывался об этом. Стоило Максу чуть качнуться вперед, как он ощутил едкий запах. И его источник был где-то рядом.

Дом справа был темен, окна первого и второго этажей забраны решетками. Местные говорили, что раньше он принадлежал художнику Воскресенскому, который при отце нынешнего императора стал очень популярен. Сюда, как гласила молва, он приезжал писать горы. После его смерти дом менял одного не очень рачительного хозяина на другого, пока постройку не выкупил офицер корпуса правопорядка и не поставил решетки. Острословы добавляли – видимо для того, что бы чувствовать себя как дома. Это изменение так и осталось единственным, а офицер здесь больше не появлялся. Дом остался в памяти людей домом художника.

Слева стоял классический пятистенок из потемневших от времени бревен. Над крыльцом покачивалась тусклая лампочка, но ее свет был слишком скуден, чтобы разогнать полумрак между домами.

Все, что Максу нужно было сделать, это дойти до лагеря и сообщить о происшедшем, а в идеале – подать рапорт. Он всего лишь студент, пока не получивший звания, и не обязан отслеживать блуждающих по темным подворотням. В другой день он так бы и поступил. Но сегодня он выпил два пива – как раз достаточно для того, чтобы наплевать на доводы разума. Не только Самарский может хвастать своими достижениями. Он тоже кое-чему научился. Пси-сила лишила его всего, пора чем-то это компенсировать.

Макс ступил в полумрак, поднял руку, стягивая силу, и сформировал поисковую полосу. Не самую мелкую модификацию, какую мог, но и не зияющее дырами полотнище. Он слишком привык придерживаться середины, что делал это почти неосознанно.

Локализовать призрака, определить степень опасности, а потом уж действовать. Энергия сорвалась с пальцев, принимая форму сетки, он чувствовал каждую подрагивающую нить. Источник вони был там, невидимый и неосязаемый. Грош шевельнул ладонью, еще немного...

Мир брызнул в разные стороны цветными искрами. Полоса коснулась призрака и тут же рассеялась, словно Макс не смог удержать вектор. Тьма шагнула вперед и окутала парня

со всех сторон. Падения на землю он уже не почувствовал.

Первым вернулось зрение, но он понял это не сразу, потому что вокруг была темнота. Следом он почувствовал медный привкус во рту и боль. Падая, он чуть прикусил язык. Грош знал, какова кровь на вкус. И прежде, чем он все вспомнил, на несколько тягучих мгновений Макс испугался, что жизнь сыграла с ним злую шутку, и он снова вернулся туда, в тот подвал.

Парень рывком сел и едва не опрокинулся обратно, все кружилось и дрожало. Чертов полумрак покачивался туда-сюда. Звук пришел постепенно, словно повернули рукоять громкости. Кто-то кричал, надрывно, на одной ноте.

Макс поморщился и коснулся рукой затылка, там надувалась отнюдь не маленькая такая шишка. Кто-то не очень нежно отоварил его по голове. Едва пальцы коснулись кожи, перед глазами снова заплясали цветные искры – парень глухо вскрикнул.

И одновременно с этим ощутил знакомую вонь. Блуждающий никуда не исчез, мало того, наоборот приблизился. Это было не просто странно, это было из разряда невозможного. Преступники обычно не спешат с раскрытыми объятиями к офицерам корпуса правопорядка, так же и призраки никогда по своей воле не приближаются к псионникам. Но этот был здесь.

Макс заставил себя сосредоточиться, энергия никак не хо-

тела собираться, проскальзывая между пальцами. Потусторонний запах окутал его сплошным непроницаемым покрывалом.

– Уби-и-и-или, – смог разобрать он то единственное слово, которое выл неизвестный снаружи.

Снаружи? Грош огляделся: здесь было темнее, чем на улице, облетевшая штукатурка обнажала грубый красный кирпич, высокий потолок терялся в полумраке, грязный пол, прямоугольные проемы окон с наваренными железными прутьями. Он в доме художника. Внутри. Макс оперся о стену и встал. От этого движения блуждающий качнулся, но этого не могло быть. Физические тела не влияют на призраков, не могут колыхать и двигать их. Ради императора, это же не занавески, это вернувшийся. Привести его в движение могла лишь собственная воля или вещь, к которой он привязан, например, куб с пеплом. Но двигался в комнате только он. Страх липкими пальцами коснулся позвоночника.

– Помоги-и-и-ите-е-е-е! – продолжал орать неизвестный.

На этот раз энергия повиновалась ему беспрекословно. Поисковая полоса обернулась вокруг парня. Блуждающий был здесь привязанный не к кубу, а к его руке, будто шарик на веревочке. Привязанный к псионнику, как к вещи. Три невозможных события сложились в одно. Призраки не приближаются к таким так он, не цепляются будто репей, и не ждут, пока бессознательный парень очнется. По логике, его

разум уже должен быть на той стороне. И последнее: почему блуждающий так спокоен, как овца рядом с мясником? Он должен рвать поводок с яростью дикого пса, а не безучастно висеть в воздухе.

Послышались топот ног и разрозненные выкрики. Если солист снаружи не ошибается, значит, кто-то отбросил коньки. А если найдут рядом студента с призраком на поводке? Как минимум пара часов в допросной корпуса ему обеспечены. Вот тетка в форме порадуетя. Дальше – как карта ляжет, но что-то подсказывало Грошу, что тело вряд ли принадлежит бабке, у которой сердце дало сбой. Старушки не имеют привычки таскаться по заброшенным домам.

Мысли вихрем пронеслись в голове, заставляя парня шевелиться, а не стоять столбом. Макс резким росчерком перерезал нить канала. Призрак тут же отшатнулся в сторону, запах стал слабеть. Сколько они привязаны друг к другу? Минуту? Две? Десять? Сколько специалистов сошло с ума от такого соседства? Много. В любой момент блуждающий мог перетянуть его на свою сторону, в свой мир. Но придумавшие это просчитались. Грош очнулся раньше и отрезал канал. Плевать, что призрак освободился и исчез в неизвестном направлении, сейчас надо думать о себе.

– Уби-и-и-или! – голос сорвался.

Макс бросился к окну, но крикун стоял где-то вне зоны видимости. Он тряхнул решетку, подбежал к следующей с тем же успехом. Голоса слышались все ближе и ближе. Па-

нические многоголосые вопросы и такие же бестолковые ответы.

Он выбежал из пустой комнаты в коридор. Двери, стены, спуск в подвал, лестница на второй этаж и еще выше на чердак. Там, на самом верху, было круглое окно, на котором не было решетки, и он вполне мог бы выбраться на крышу. Дом старой постройки, высота потолков – под пять метров, умножаем на два этажа и получаем, что прыжок с крыши оставит после себя неизгладимые воспоминания и переломанные ноги.

Но выход должен быть. Как и вход. Он же не блуждающий, через стены проходить не может. Парень бросился дальше, дверь должна быть где-то с противоположной стороны здания. И она там была, запертая на замок. Значит, кто-то позаботился и обзавелся ключом. Он бы точно позаботился, планируя подобную подставу.

Макс заставил себя остановиться, а не метаться от проема к проему, заставил себя думать, вспоминать все, что он знал о доме художника, все, что видел. Окна с решетками, стены из красного кирпича, крыша из листового железа, трава во дворе, осколки стекла, старое заброшенное строение, в которое изредка лазали дети, чтобы пощекотать себе нервы.

– Кого уби...ох, ты ж! – прозвучало очень близко.

Он вспомнил. Макс бросился обратно в коридор, лестница в подвал уже попадалась ему на глаза. Там внизу тоже были окна, узкие и вытянутые. Окна без решеток. Он сам ви-

дел, как неделю назад одно из них заколачивали щитами, после того как кто-то из пацанов свалился туда и что-то сломал. Но окон было два, на второе у местных не хватило энтузиазма. Или фанеры.

– Убили!

– Чего блажишь? Корпус вызывай!

Парень бегом спустился по широким, уводящим во мрак ступеням, перед глазами замаячил прямоугольник, сквозь который пробивался тусклый вечерний свет. Окно было целым. Грош подбежал к стене, ухватился руками за кирпич, чуть приподнялся и потянул за тугой шпингалет. Рама упала на него, едва не придавив пальцы, у матери точно так же старенький бар в серванте открывался. В лицо дохнуло летним воздухом, запах тепла, травы, солнца – и никакой вони блуждающих. Макс отошел на два шага, взял короткий разбег, подпрыгнул, зацепился уже за раму, уперся ногами в стену и, подтянувшись, стал протискиваться в щель.

– Психов надо звать, – голос, раздавшийся из-за угла, заставил парня замереть на месте. – У Ирыча кровь из ушей хлещет, это призрак.

Грош выдохнул и возобновил движение. Окно было узким, затрещала ткань, и дерево старой рамы наждаком прошлось по плечу, царапая кожу. Будь на его месте кто-то более массивный, вроде Самарского, ничего бы не вышло. Макс стиснул зубы, дернулся и почувствовал, что свободен. Руками он зацепился за траву, ногами оттолкнулся от рамы. Стек-

ло оглушительно зазвенело, осыпаясь осколками ему на ботинки.

Разговоры тут же стихли. Парень мысленно выругался, ведь почти ушел, и, уже не скрываясь, вскочил на ноги. Из-за угла выскочили двое. Студент побежал в противоположную сторону.

– Держи! – закричали за спиной.

Макс свернул в переулок, потом в еще один, и еще. Он бежал, менял направления, улицы, бежал, не останавливаясь, до тех пор, пока крики не стихли. Не так уж много смельчаков бросилось в погоню. Но его черную форму без сомнения срисовали. Он прислонился к стене, бессознательным жестом потирая запястье, к которому был привязан призрак, кожу чуть заметно саднило. В поселке звучал собачий лай и ругань, предлагающая всем горлопанам заткнуться. В нескольких домах зажегся свет.

Грош вышел на окраину и стал обходить Некропольский по дуге. Все, что ему было нужно, это поскорее оказаться в тишине своей комнаты и подумать. Хорошенько подумать.

Урок второй – Психология

Тема: «Виды общения»

Рассвета он дождался с большим трудом, и едва посветлевшее небо начало раскрашивать горы мягкими красками, не выдержал. Вышел в коридор, миновал тринадцать дверей по правую руку от себя и толкнул четырнадцатую. Комнаты студентов не запирались, исключений из этого правила не было. Парень подошел к окну и рывком отдернул штору.

Макс огляделся и мысленно присвистнул. Обучение в пси-Академии было бесплатным для всех, этот закон ввел один из первых императоров, и его потомки отступать от него не собирались (к великому разочарованию министра экономики). Платили студенты только за место в общежитии, да и то не все. Для таких, как он, всегда находилась бесплатная койка без тумбочки в общей комнате. Но студентам с тугим кошельком непременно предоставляли кое-что получше. Раньше повода заглянуть в комнаты «золотой» молодежи Академии у него не было. Просторная метров двадцать спальня, с широкой кроватью, стенным шкафом и полноценным рабочим местом и дверь в санузел, тогда как Грош пользовался удобствами «на этаже».

Артем приподнялся, сонно похлопал глазами, нахмурился и с удивлением посмотрел на Макса.

– Надо поговорить, – обрадовал того парень.

– Что, совесть проснулась?

– Шутишь, она умерла в страшных мучениях много лет назад, – Грош присел на подоконник и скрестил руки на груди. – Но тюрьма не входит в мою образовательную программу.

– Не преувеличивай. Ты не брал этот куб, да и факт кражи еще надо доказать. Покосятся пару дней с подозрением, тебе не привыкать.

– Ты не все знаешь, – Макс почесал запястье и стал рассказывать.

Через пятнадцать минут Артем уже ходил босиком по комнате и задумчиво хмурил лоб.

– Призрак, которого к тебе привязали, и тот, что исчез из хранилища – это один и тот же блуждающий?

– Хватит шутить, отличник. Я понятия не имею, какой куб исчез.

– Не дергайся, двоечник, – в тон ему ответил сокурсник. – Но в совпадение, в двух бесхозных призраков поверить очень сложно.

Ответить на это Грошу было нечего, он и сам не раз думал об этом ночью.

– Допустим, что это так, – стал рассуждать Самарский. – Что это нам дает? – Макс пожал плечами. – Тому, кто украл куб, очень нужен ты! Не скажешь, зачем?

– Нет. Хотят вышибить из Академии? Так я и сам бы с удовольствием ушел, но не пускают, – парень развел руками.

– Логично. Убрать тебя отсюда можно лишь в двух случаях: объявить психически недееспособным или осудить по уголовной статье.

– Прекрасные перспективы, – парень одернул манжет на зудящем запястье.

– Уверен, что тебя не опознают, – Артем остановился и посмотрел на Грошева.

– Уверен, но форму я засветил. Искать будут здесь. Плюс следы, – он поднял ногу с армейским ботинком, – сорок четвертого размера, это сузит круг до мужской половины учащих.

– Значит, с утра стоит ждать гостей, – Самарский перевел взгляд на ладони Макса и вдруг рывкнул. – Покажи руки!

Грош задрал рукав. Там, на светлой коже, алым браслетом выделялся след от привязки. Точно, как картинка в учебнике о несовместимости мертвого и живого.

– Так, – зловеще протянул отличник. – Если они догадаются провести сканирование на предмет соприкосновения с блуждающим...

Он еще не договорил, а по зданию уже разнесся сигнал побудки.

– На двадцать семь минут раньше, – Макс посмотрел на часы. – Не к добру.

– Я что-нибудь придумаю, обещаю, – кивнул Артем.

– Ты не обязан.

– Нет. Но мне нужен вор, вору нужен ты, значит, придется

потерпеть меня рядом.

– Переживу, – Грош направился к двери.

– Ты в первый раз обратился за помощью, – сказал ему в спину сокурсник, и в его голосе не было ни грамма насмешки.

– Иди ты, отличник.

До сканирования Нефедыч созрел еще до обеда. То, что в лагере все не так, как обычно, заметили все. Ранняя пробудка, изменения в графике практикумов, озабоченные лица преподавателей. Слухи поползли сразу после завтрака, убийство в Некропольском держали под большим секретом, и потому студенты обсуждали его на каждом углу, на лекциях, полигонах, столовой.

Старший был готов на все, чтобы снять подозрения с лагеря, поэтому сканирование учащихся, подходящих под описание очевидцев, началось еще до прибытия следственной команды. Первая же проверенная группа растрепала об этом, едва за их спинами закрылись двери диагностического центра.

Их курс должен быть следующим. Вишня на полигоне сразу разделила их на десятки, максимум через полчаса его тоже ожидала эта сомнительная честь. В ожидании этого их заставили бегать. Более глупое занятие сложно представить. По полигону то тут, то там были «расставлены» блуждающие, вернее, зарыты кубы с их останками, к которым при-

вязаны вернувшиеся. Ни одного свободного. Обычный тренинг. Задача студентов – пробежать всю полосу, не заступив за линию привязки. Это имело смысл для первых бегущих, остальные легко ориентировались по оставленным на песке следам.

Макс поймал обеспокоенный взгляд Артема и дернул плечом. Выхода не было. Мелькнула мысль найти Арчи и рассказать все самому. Этот, по крайней мере, выслушает. Но Грошу претило идти к тому, кому три года назад в запале пообещал, что скорее сдохнет, чем попросит о помощи.

Они бежали, и время продолжало мчаться вместе с ними. Макс попытался представить, что будет после того, как на его запястье обнаружат энергетический след, но фантазия на этот раз буксовала.

Парень обогнул очередное «плохо пахнущее» место и едва не налетел на того, кто бежал впереди. По закону подлости это оказался Сенька Соболев, но сегодня тому было не до мести. Сокурсник смотрел куда-то вперед, туда, где раздавались раздраженные выкрики:

– Что ты делаешь?

– Нельзя!

– Настя, стой!

Парни посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, побежали. Начало представления они пропустили, но домыслить было не трудно. Лисицына вляпалась в привязку. На экзамене это означало бы автоматическую передачу, на трениров-

ке же – максимум нагоняй от Вишни, а, учитывая ситуацию в лагере, и вовсе можно было надеяться замять инцидент. Но Настя то ли от злости, то ли по дурости резанула энергией по нити. Дала, что называется, сдачи мертвому существу. Призрак получил свободу. Девчонка не была полной дурой и попыталась ухватить его в петлю, но тут подоспели сокурсники, зашумели и она сбилась. Блуждающий вырвался.

Вернувшийся отшатнулся от студентов, рванулся назад, и в этот момент вперед вышел Самарский, рыцарь без страха и упрека.

Вчера Макс удивился, встретив отличника в компании Косы, потому что девушкой Артема всегда числилась Лисицына. Но, видимо, что бы не произошло между голубками, это уже или было улажено, или улаживалось сейчас.

Парень шагнул вперед и замер, погружаясь в мир энергий, запахов и ощущений. Глаза для работы с силой не нужны, они необходимы для того, чтобы не врезаться в стену и не попасть под машину. Их сила невидима. Артем выбросил петлю, Грош ощутил сильное изящное движение гибкой нити. Энергия захлестнула вернувшегося, и отличник рывком затянул ловушку. Блуждающий, не собираясь сдаваться, дернулся, не давая концам нити соединиться и связать его. Патовая ситуация: псионник тянет в одну сторону, блуждающий – в другую.

Грош бы на месте Самарского раскрыл петлю, отпуская призрака, одновременно закрутив нить силы в противополо-

ложную сторону, и захлестнул противника обратным ходом. Сокурсник пришел к этому же выводу с опозданием в несколько секунд.

Нить раскрутилась, призрак стал уходить, но не в сторону, а вверх. Артем скорректировал направление энергии, и это решило все. Один конец, как и ожидалось, обвился вокруг вернувшегося, на этот раз не оставляя тому ни тени шанса. Но отличник допустил ошибку: чтобы не дать блуждающему уйти, он слишком сильно дернул петлю на себя и не удержал свой конец нити. Нет, он не потерял контакт с энергией, и она не рассеялась в пространстве. Она проскользнула сквозь его руку дальше. Теперь Артем держал нить не за конец, а за середину. Модификация «посох» (определил парень). Не самая удачная для петли. Призрак в очередной раз дернулся, свободный конец энергии хлестнул в сторону зрителей. И за мгновение до того, как все случилось, Макс понял, что намеревается сделать Самарский, что он придумал для него.

Парень силой заставил себя оставаться на месте, хотя все инстинкты кричали о надвигающейся опасности. Он заставил себя стоять, даже когда рядом кто-то предупреждающе закричал. Он только поднял зудящую руку, будто бы в защитном жесте. Свободный конец чужой петли обвился вокруг запястья. И тогда Артем отпустил нить. Она перестала принадлежать человеку, он подарил ее призраку, предварительно завязав бантиком на руке Грошева. Канал, соединивший мертвого и живого, налился яростью. Именно так и де-

лаются точечные привязки. Второй раз за двадцать четыре часа к нему приковывают потустороннее существо. Самарский поставил ему еще один след (прямо поверх первого) и сделал это на глазах у всего курса. Вряд ли теперь у кого-то возникнут вопросы, где он заработал украшение.

Подобные соединения можно сравнить, например, с теплогенератором, от работы которого счетчик потребления энергии крутится, как сумасшедший. Каждый миг соединения блуждающий высасывал из псионника энергию. Это не больно и практически не ощутимо, но когда она закончится, призрак перетянет его по этой нити в свой мир. Самарский чертовски рисковал – с его-то совестью.

Макс почувствовал, как сознание уплывает куда-то во тьму – сказались бессонная ночь и недавний удар по голове. И прежде, чем ткнуться носом в песок, он успел услышать тоненький смех. Кому-то очень понравилось, как лучший ученик проучил худшего.

Очнулся Грош в лазарете, вздрогнул от боли в руке и открыл глаза. Седовласый доктор как раз выпрямлялся, держа в одной руке шприц, а второй прижимая остро пахнущую вату к сгибу локтя.

– Сколько пальцев видишь, – мужчина приблизил раскрытую пятерню почти к самому носу парня.

– Примерно сотню.

– Шутник, – раздался знакомый голос.

Макс повернул голову – на соседней койке сидел серьезный Арчи. Парень подтянулся и сел. Доктор тут же попросил его посмотреть на молоток и поводит из стороны в сторону: то приближая, то отдаляя.

– Головокружение? Тошнота?

– Нет.

– Если появятся – немедленно известите, – врач выпрямился, кивнул преподу и вышел из палаты.

Студент спустил ноги на пол, мимоходом заметив, что запястье обработали и туго перебинтовали.

– Что вы там устроили? – спросил Арчи.

Макс пожал плечами, продолжая зашнуровывать высокие ботинки.

– Мне сейчас на сканирование? – спросил парень, выпрямляясь.

– Тебя уже осмотрели, – мужчина задумчиво кивнул на дверь, за которой скрылся врач. – Не забудь взять заключение, иначе компенсацию не получишь.

– Что?

– Самарский у всех на виду привязал к студенту призрака, что нанесло твоему нежному организму непоправимый вред и заставило испытать моральные страдания, – ухмыльнулся Андрей Валентинович.

– Где Самарский?

– В карцере.

– Черт, – Макс взъерошил волосы. – Скажите, что я не

имею к нему претензий, пусть выпускают.

– Эвоно как, – Арчи привстал, вглядываясь в лицо парня. – Похоже, док поторопился с выводами, ты явно не в себе.

– Да, блин, я и так ему обязан за то, что он рассказал про хранилище, а ведь мог бы и промолчать.

– Как сделал бы ты, – согласился препод. – Не хочешь быть обязанным. Уже лучше. Но скажи, пожалуйста, когда тебя в старшие произвести успели?

– Что?

– А то, что по твоему распоряжению мы вдруг должны выпустить студента, совершившего грубое нарушение техники безопасности, которое поставило под угрозу жизнь другого студента?

– Черт.

– Он самый. У тебя шишка на голове.

– Упал.

– Я почему-то так и подумал, – преподаватель встал и пошел к выходу. – Если бы ты во что-то вляпался, ты бы мне сказал, так?

– Куда бы я делся, – развел руками парень.

Макс покинул лазарет, выждав минут пятнадцать после ухода препода. Но, как оказалось, его все равно ждали. Стоило парню показаться в общем коридоре, как от стены отделилась женская фигурка. Лиса невозмутимо взяла его под руку и пошла рядом.

Он мог собой гордиться, потому что сбился с шага всего один раз, да и тот от неожиданности. Настя Лисицына, еще один представитель «золотой» молодежи империи, ее присутствие в Инатарских горах никого не удивляло по той простой причине, что здесь был Самарский. Интересная пара – парень, словно сошедший со страниц журнала для женщин, и невысокая хрупкая девушка с простым личиком и короткими вьющимися волосами. Если Артем был «всего лишь внуком» профессора, то эта студентка выходила из рода придворных псионников. Тех, кто на протяжении веков хранил венценосную семью от блуждающих. Не удивительно, что отличник и его семья ухватилась за эту партию обеими руками.

– Тем просил передать, что порог компенсации, которую его отец выплачивает без вопросов – шесть тысяч, – парень едва заметно дернулся, а девушка невозмутимо продолжала. – Не скрипи зубами, принципиальность проявишь в другом деле, а деньги потребуешь уже сегодня, если не хочешь, чтобы о вашей неожиданной и нежной дружбе шептались на каждом углу. Когда закончим играть в сыщиков, сводишь нас в ресторан.

Макс хотел было поинтересоваться, что это за ресторан, в котором можно прогулять шесть тысяч за раз, но вовремя опомнился, потому что другие ее слова вызывали куда более серьезные вопросы.

– Вас?

– Нас, нас, – ответила девушка. – Он все мне рассказал.

Или ты думаешь, я призраков каждый день на волю отпускаю?

– Так ты специально?

– Конечно. Тему закрыли на сутки.

– Черт.

– Он знал, на что идет, – она покачала головой. – Больно уж ты совестливый для твоей репутации.

– Да пошла ты!

– Вот, уже лучше. Сегодня мы с тобой заступаем на ночную вахту в хранилище, – она отпустила его и пошла дальше по коридору, теперь уже ему пришлось догонять девчонку и хватать за руку.

– Поясни, – потребовал он.

– Пришлось попросить кое-кого об услуге и изменить график. Надо выяснить: куб какого именно из блуждающих исчез и как технически была осуществлена кража.

– Но почему МЫ? – он выделил голосом последнее слово.

– А кто? – она выдернула локоть.

Баек о спецхранилище в Инатарских горах он наслушался до отрыжки еще в детстве. Стоило бате с соседом Костычем принять на грудь грамм н-дцать, как Макса тут же окидывали многозначительным взглядом, и начинался вечер сперва страшных, а потом и очень страшных историй.

В горах добывали камни. Кристаллы (по структуре своей), способные ограждать разумы людей. Минералы были здесь

всегда: и в периоды мертвых веков⁶, и в десятилетия стремительного развития прогресса, и урбанизации. Кад-арты были хранителями живых и защитниками от мертвых. Лет пятнадцать назад они обзавелись электронной начинкой. Грош плохо помнил детали денежной и идентификационной реформ. Одно несомненно – камни с электронной начинкой или без нее создавали вокруг носителя нулевое поле, пусть и не очень сильное, и оно в разы ослабляло психические атаки призраков.

А если этих камней много? Если первичные месторождения тянутся через весь хребет? Чем станет такое место для блуждающего? Могилой? Или тюрьмой? Горы успели побывать и тем, и другим. Века два назад здесь хоронили всех без исключения жителей империи. Но результативность этих мер оказалась в разы меньше ожидаемой. Глубина залегания жил везде разная: где-то они генерировали поле, где-то нет. Плюс постоянная и непрерывная добыча минералов, новые шахты, туннели, мосты. Покойников приходилось часто перетаскивать с места на место. Потом кто-то предложил кремацию, и дело пошло куда как веселее.

⁶ Мертвые века – период с 1524 по 1703 гг., ознаменованный нашествием первых блуждающих, характеризуются территориальной раздробленностью, разобщенностью, отсутствием единовластия, непогрешимой верой в загробную жизнь и несопротивлением власти призраков. Человеческие потери по самым скромным подсчетам варьируются от 1 млн. до 3,5 млн. человек. (*История Империи Камней. Учебник рекомендован для школьной программы 7 класса Имперским образовательным корпусом*).

Пока один из императоров (Макс не помнил, какой именно) не понял, что бесконечно так продолжаться не может – горы не резиновые. Тогда-то и были основаны Ворошки⁷. С того момента и по сегодняшний день усопшие находили место последнего приюта на равнине.

Поначалу решение не нашло отклика в народных сердцах. Оставлять призраков без сдерживающей силы гор улыбалось не всем. Но перезахоронения прошли на удивление гладко. Вернувшиеся как атаковали своих обидчиков, так и продолжали заниматься любимым делом. Никаких массовых убийств и террора от мертвых не последовало. Живые стали осмотрительней, и прежде чем дать наглецу соседу в глаз, задумывались: а не допьется ли он завтра до уютной метр на два могилки, и не заглянет ли к вчерашнему собутыльнику, свеженький покойничек, не вспомнит ли про подбитый глаз? В свете этого заповедь «возлюби ближнего своего» приобрела совсем другой, весомый, нежели другие постулаты, смысл.

Макс миновал полигоны, обозначенные в поздний час тихонько покачивающимися фонарями, половина из которых не горела, и стал взбираться по тропе вверх, к каменному выступу, на площадке которого находилась массивная железная дверь. Ходили упорные слухи, что Старший уже третий год обещает построить подъемник. Над входом в инатарское

⁷ Ворошки – национальное всеимперское кладбище, на сегодняшний день площадь захоронений насчитывает более 35 тыс. гектаров (*Имперский реестр используемых под захоронения площадей, их учет и обслуживание, по состоянию на май 20.. года*).

хранилище, где содержались те, кто как раз и мог устроить массовую бойню, тревожно мигала желтым светом одинокая лампочка.

Призраки ненавидели живых и мстили за пустяковые обиды. Не сложно представить, какие драмы разворачивались, когда происходило убийство. Если уж обычное оскорбление раздувалось до вселенской несправедливости, которую надлежит исправить, что уж говорить о лишении жизни. Виновника от мести вернувшегося не спасал и кад-арт. Атака свыше десяти онн, проецирование собственной смерти в мозг убийцы – и тот либо труп, либо растение.

Впрочем, убийца мог обратиться в службу контроля психической активности, к псиооникам, подписать чистосердечное признание, получить защиту специалистов и со спокойной совестью отправиться отбывать положенную судом десятку в те же шахты по добыче камней. Другие варианты всегда заканчивались смертельно.

Но иногда призраки «сходили с ума», начиная выжигать мозги направо и налево. Ученые Академии даже выводили какие-то законы и параллели, путанную суть которых Макс так и не постиг. Кроме одной: останки таких людей сжигались, заваривались в кубы и запирались здесь, в старом могильнике.

Грош поднялся на каменный язык, вытащил свой пластиковый кад-арт и вставил в порт пропускного терминала. Лампочки на панели сменились с красных на зеленые, замок

мягко щелкнул. Войдя в хранилище, парень оказался в просторном и абсолютно пустом помещении, так называемой переходной капсуле, в стенах которого столько драгоценных минералов, что где-нибудь там, за восточными пустошами, вполне можно купить себе дворец с гаремом. Вторая дверь открылась ровно через три минуты после того, как закрылась первая.

Грош шагнул в бункер. Настя уже была там, весело болтая с одним из дежурных, которых им предстояло сменить. Стандартный пост: стол, стулья, кушетка с клетчатым одеялом (почему-то в единственном экземпляре), пузатый сейф в углу, стеллаж с книгами, в основном философского и псионического содержания, на средней полке вместо потрепанных томиков – чайник и коллекция кружек разной степени немытости.

В дальней стене вытянутой комнаты была другая дверь, рядом с которой весело помаргивала лампочками еще одна электронная панель. Там начиналось хранилище, место, о котором слухов ходило не меньше, чем о полигонах смерти. Макс вспомнил трепет первого дежурства и его разочарывающую обыденность.

– Кто старший смены? – спросил высокий блондин с широким лицом. Макс смутно помнил его по практикуму, парень учился на год старше.

– Я, – пока он раздумывал над ответом, Лиса вставила свой кад-арт в панель.

Блондин последовал ее примеру. Весь ряд огоньков так и остался нейтрально белым, личные коды приняты, ни одного нарушения не зафиксировано.

– Пост сдал, – сказал парень.

– Пост принял, – ответила девушка.

Второй студент молча подхватил со стула куртку и толстый томик «Нефизических величин»⁸ профессора Мантурова, который снился в кошмарах всем студентам без исключения, и направился к выходу. Блондин подмигнул Насте и последовал за ним.

Смена закончилась, смена начиналась.

Они провели в молчании минут десять, чтобы убедиться, что парни на самом деле ушли и не вернуться за забытой второпях любимой кружкой и выращиваемой в ней плесени.

Лиса кивнула, снова вставляя свой муляж в панель и набирая код. Внутренняя дверь, не такая массивная и впечатляющая, как входная, открылась. В уходящем вдаль коридоре автоматически зажегся свет.

Придется написать объяснительную, по кой черт их понесло в хранилище. Не очень трудная задача – по инструкции дежурные обязаны проверять бункер по множеству причин: от мигания датчика температуры до банального «мне послышалось, там кто-то ходит», которым злоупотребляют

⁸ Справочник сводных таблиц по нефизическим величинам, под редакцией профессора Мантурова Е. Ф. (рекомендован как учебное пособие школьникам старших классов, абитуриентам пси-Академии, объем 1430 с., тираж 20 000 экз., типография Тиррен, Заславль).

младшие курсы.

Урок третий – Биология

Тема: «Фауна Инатарского края»

Коридор шириной метров пять, через каждые десять – ответвления в стороны. Тут можно бродить часами. Схема бункера, если нарисовать ее на бумаге, напоминала бы жилки на березовом листе. От главного вгрызающегося в горы тоннеля примерно через равные промежутки отходили коридоры чуть уже, некоторые изгибались и, соединяясь с соседними, снова возвращаясь к центральному, некоторые заканчивались тупиками.

Настя шла впереди, присматриваясь к стенным нишам, на железных полках которых стояли кубы. На одной полке – всего два, на другой – с десятков, третья и вовсе пустовала. Но каждая такая ниша был промаркирована: год смерти, класс опасности, подкласс силы, территориальная принадлежность. Империя большая – желательно сразу знать, куда может рвануть тот или иной блуждающий.

– Ты знаешь, весь курс сейчас делает ставки, как сильно я расцарапаю тебе морду за Артема? Убеждены, что для этого я и затеяла совместное дежурство, – сказала девушка, не оборачиваясь.

Макс хмыкнул, неосознанно жестом дотрагиваясь до кармана. Там лежала расписка. Он не просто знал, но и успел поставить. Не сам, конечно, но Шпала, задолжавший еще с

прошлого зачета и прочно сидевший на мели, ухватился за возможность отработать долг обеими руками.

Странные существа люди – парень убеждался в этом каждый день, иногда даже глядя в зеркало. По логике, это у него надо прощения просить, его жалеть, он пострадал, так нет же, сочувствие всегда на стороне таких, как Самарский, поэтому все предвкушают вторую серию избиения Грошева. С другой стороны, он и не ждал ничего другого, не заслужил народной любви, да и не стремился к этому.

Макс намеревался выйти отсюда с целой мордой и забрать у Игрока кругленькую сумму, которой как раз хватит на... Он отогнал мысли, делить чужую шкуру раньше времени – плохая примета. На что-нибудь да хватит. О компенсации, поступившей на счет еще до ужина, он себе думать запретил.

– Ищешь табличку «здесь совершена кража»? – спросил Грош. Лиса дернула плечом. – Тогда как мы намереваемся узнать, кого именно вынесли?

Девушка не ответила, и впервые парню показалось, что он понимает, почему все так раздражаются, когда он игнорирует вопросы.

Проходя мимо очередного уводящего в сторону туннеля, Грош чуть замедлился. Ориентироваться по запахам энергий в хранилище было трудно. Здесь было столько призраков, их сила звенела в пространстве натянутой струной, окутывая любого приблизившегося специалиста удушливой волной едких ароматов, очень разных, очень неприятных, за-

ставляющих отключиться от этого ощущения.

Парень даже не сразу понял, что привлекло его внимание, взгляд зацепился за какую-то неправильную деталь. Макс вернулся к боковому коридору, внимательно оглядывая ближайшие ниши. Что не так? Что выбивается из общей картины стоявших ровными рядами кубов? Ровными – вот ключевое слово. На второй снизу полке два куба сдвинулись, развернувшись друг другу гранями, будто заговорщики. Только призраки не общаются друг с другом, им в тягость присутствие себе подобных. Между кубами по технике безопасности оставляли зазор сантиметров двадцать, не бог весь что, но все же лучше, чем постоянная вибрация, если их сдвинуть, к примеру, как сейчас. Но пока не подойдешь ближе, не почувствуешь.

– Погоди-ка, – появившаяся внезапно Настя поднырнула под руку, которую он протянул, чтобы расставить железные узилища. – Только твоих пальчиков нам здесь не хватает.

Грош тут же сжал руку в кулак и пустил. Девушка подняла один куб, затем другой, повертела в руках, расставив по разные стороны полки, и, ухмыльнувшись, указала рукой на то место, где они стояли.

– Вот твоё объявление, – и, присев со скрипом, выдвинула железный ящик с документацией, который располагался в самом низу под полками.

Макс склонился к тусклому железу, на его светло-серой поверхности еще сохранились следы порошка для снятия от-

печатков пальцев. Специалисты прибраться за собой не стали, сдвинули узилища и ушли. Хотя вполне могли кому-нибудь наряд впаять и всучить тряпку. Да и старенькой тетке Маше, что заведовала библиотекой и на полставки мыла учебные классы, здесь бы понравилось. Она сама не раз жаловалась студентам, если находились те, кто слушал, или недостаточно быстро бегал, что скучает по горячим денькам молодости. Но Старшему Куратору сейчас не до пустяков. К вечеру прибыла следственная бригада из Заславля, он теперь изображает радушного хозяина и невинного страдальца в одном лице.

– Полка три-два, ага, их было трое, – Лисицына быстро перебирала папки. – Продиктуй номера оставшихся.

– Три-два-пятьдесят один и три-два-сорок семь, – Грошев присмотрелся к выбитым на металле цифрам.

– Методом исключения остается три-два-двадцать пять. Наш беглец, – она раскрыла папку и, достав телефон, стала фотографировать листы. – Ты тоже скопируй, – она протянула ему несколько бумажек.

– Нафига? Скинешь потом на мыло, – процедил он. Телефон, пусть не самый модный и не самый красивый, он разбил три дня назад. Другим пока не обзавелся и, учитывая состояние финансов, случится это еще не очень скоро.

Макс просмотрел бумаги. Блуждающий, при жизни – Лукин Ерофеиван Тиронович, умер в возрасте двадцати пяти лет, вернее, был убит отчимом, после того, как заступился

за мать, не дав тому в очередной раз почесать о женщину кулаки. Отчим добавил к уже немалой дозе выпитого следующую и приласкал пасынка топором по голове. Банальная бытовуха, с которой корпус правопорядка разобрался до того, как виновник проспался.

Дальше по стандартной схеме. Парень вернулся, но несостоявшийся папаша уже во всю исповедался псионникам в службе контроля. Микорскому (так звали отчима) дали семь лет на шахте, где он, судя по пометке в деле, скончался два года назад. Ирония судьбы состояла в том, что призрак, обиженный на то, что убийца недосыгаем, стал срывать зло на других своих знакомых. И везде следовал одному принципу: погибали только мужчины, и только те, кто хоть раз поднял руку на женщину. Эдакий мститель и защитник прекрасной половины человечества. Все бы ничего, но Макс считал, что убивать парня, который похлопал по спине подавившуюся девушку, чересчур. Итог – призрак отправился в заключение следом за отчимом.

– Здесь сети нет, – буркнула Лиса, продолжая нажимать на кнопки телефона. – Пойду из караулки попробую.

Он кивнул, собирая листочки обратно в папку. Она могла пытаться хоть из караулки, хоть из переходной капсулы, хоть из туалета. Они внутри горы, окруженные каменной породой. Итог будет один. Но мешать девушке развлекаться парень не стал.

Грошев еще раз пробежал глазами сухие строчки досье.

Третий класс опасности, второй подкласс силы. Призрак не выходил за пределы закона о сформированных при жизни связях. Все, кого он убил, были его, возможно, шапочными, но знакомыми. Впечатляла сила, второй уровень, это он двадцать, как с куста, выше – только первый, и такие монстры редкость.

Макс дернулся, отрываясь от листа с текстом. Его внимание привлек тихий шуршащий звук. Парень окинул взглядом коридор. Никого. Оглянулся назад, Лиса должна быть в караулке. Снова воцарилась тишина. Может, одна из папок в незакрытом ящике чуть сдвинулась, зацепив другую, а может, просто показалось. В таких местах вечно что-то мерещится, особенно с непривычки. Он снова вернулся к бумагам.

Зачем кому-то брать призрака? Как его можно использовать? Натравить на людей? Невозможно. Блуждающий здесь никого не знает и атаковать местных не сможет. Но ведь какой-то призрак уложил того беднягу у дома художника, а в роли подозреваемого пытались представить Гроша. Парень дал себе слово выяснить личность жертвы и проверить на возможные хвосты⁹.

⁹ Хвост – название явления, при котором призрак, не будучи привязанным к захоронению, регулярно атакует мозг человека, не выходя за пределы пяти онн. Опасности такие атаки не несут и являются следствием мелких ссор и обид, нанесенных призраку человеком при жизни. Хвосты подлежат обязательно регистрации в службе контроля того района, где проживает человек (*Памятка гражданину Империи*).

Снова звук, но этот раз уже не шорох, а скрежет, что-то твердое прошло по металлу, уже не спишешь на расшалившееся воображение. Макс захлопнул папку, сунул в ящик и задвинул ногой под полку. Дальний конец коридора, откуда доносился звук, оставался пустым. Скрежет повторился. На этот раз ближе. Лампочка впереди угрожающе мигнула. Парень осторожно пошел вперед. Через две ниши на нижней полке шевельнулся куб. Сам по себе. Как тут не поверить в жизнь после смерти?

Грош пригляделся к гладкому металлу. Предметы не могли влиять на блуждающих, а блуждающие на предметы – вполне, если, конечно, материализуются, придав энергии ту форму, что имели при жизни. По сути, они превращались в видимого всем человека, который может ходить, говорить, брать любые предметы. Исключение – живые, если материализовавшийся блуждающий коснется человека, последует «бум» – и временное тело призрака разлетится.

Энергия собралась в ладони и чуть покалывала кожу. Макс скользнул вдоль полок. Страх не было, лишь недоумение. Что могло гроыхать в нише с кубами? Словно в ответ узилище дернулось, снова издавая тот самый скребущий звук. И он, наконец, увидел, как три загнутых когтя прошли по серой стенке куба. Макс остановился.

Зверь?

Энергия, собранная в кулак, рассеялась. Пси-силой от живых не отбиться. Она способна вызвать напряжение, безот-

четный страх, но в случае с животным это сработает против псионника. Лапа с когтями коснулась следующего узилища. Парень выдохнул.

Зверь тут же высунул вытянутую морду меж кубов. Сперва Макс показалось, что это медведь, а через мгновение – медвежонок, больно уж мала была башка. Животное толкнуло лапой куб. Звери, за исключением кошек, на потустороннюю жизнь реагировали вяло.

Парень сделал шаг назад, воевать с призраками его учили, ломать кости людям тоже, но отлову диких животных – вряд ли. Гость выглянул из-за полки, вода в воздухе подвижным бурым носом.

Возможные варианты развития событий еще только пронесли в голове парня, а за спиной уже собралась тягучая капля энергии. Ее невозможно было не почувствовать, от ее запаха заломило затылок, словно открыли флакон с растворителем, в котором они с бате́й замачивали кисти.

– Лиса, нет! – закричал он.

Но бесшумно подошедшая девушка отпустила энергию секундой ранее. Сила пронеслась мимо Макса и врезалась в стеллаж. Зверь взвизгнул.

– Офигеть, – вынесла вердикт Настя.

Грош был полностью согласен. Визг сменился шипением, в которое вплетались мяукающие скулящие звуки. Животное выбралось из-за стеллажа, вздыбив на загривке темно-коричневую шерсть. Размером с собаку, с вытянутой мед-

вежью мордой и пушистым лисьим хвостом бурого цвета.

– Росомаха, – опознала зверя Лисицына. – Здесь? Но откуда?

– А ты у нее спроси, – предложил Грошев.

Зверь попятится, гибкое тело по-прежнему стояло горбом. Девушка шагнула вперед, парень так и не понял зачем, но это была ошибка. Росомаха отступала, отступала от двоих противников, и движение Лисы было воспринято как угроза. Животные не думают, они действуют, подчиняясь инстинктам.

Зверь зарычал, обнажая крепкие белые клыки, и вдруг подался вперед, отталкиваясь от пола задними лапами, которые были больше и мощнее передних. Макс схватил Настю за рубашку и дернул в сторону, отбрасывая девушку на стеллаж. Зверь разминул ее с ее ногой сантиметров на десять. Настал черед Лисы шипеть, вернее, стонать сквозь стиснутые зубы. От боли, а может и от испуга, она совершила еще одну ошибку – снова швырнула силой. Для псионников это на уровне рефлексов.

Росомаха разразилась серией грубых лающих звуков и, казалось, раздулась еще больше, то и дело поднимая оскаленную морду кверху и цепляясь передними лапами за пол. Настя добилась прямо противоположного эффекта. Она разозлила зверя еще сильнее.

– Прекрати, – рявкнул на девушку Грош.

Крик спровоцировал новый рывок уже в его сторону.

Зверь рычал, парень развернулся, уклоняясь от зубов и когтей. Росомаха в очередной раз промахнулась, проскальзывая чуть дальше по коридору. Теперь она оказалась с другой стороны, полностью перекрывая им путь к центральному туннелю. Зверь стоял посреди коридора, широко расставив лапы и скаля зубы. Животное не горело желанием связываться с людьми, но выглядело угрожающе. С ним не надо было драться, его надо было прогнать, запереть хранилище и подать рапорт – пусть у старшего голова болит.

Макс схватил первое, что попало под руку – куб с прахом – и швырнул. Затем второй, попал, зверь снова то ли застонал, то ли залаял. Настя, азартно пискнув, бросила третий. Росомаха попятилась, по-прежнему скаля зубы, рык оборвался, и зверь, подбирая мохнатый зад, быстро побежал по туннелю.

«Только не направо», – мысленно взмолился Макс, наблюдая, как Настя азартно швыряет вдогонку еще одно узилище. Но его не услышали ни боги, ни кто там вместо них. Хищник резво свернул направо и побежал по центральному туннелю к караулке. Макс, остановившийся у перекрестка, как раз успел увидеть пушистый исчезающий в проеме хвост.

– И что теперь? – поинтересовалась Лиса.

– Я что, похож на всезнайку, – рыкнул он, ударяя кулаком по стене. Краткая боль прошла от костяшек до запястья.

– В сейфе есть оружие, – сказала девушка.

– Напомнить ширину туннелей? – парень пошел по коридору, в караулке что-то со звоном разбилось. – От трех до пяти метров, вероятность загнуться от рикошета гораздо выше, чем с первого раза пристрелить эту тварь.

– Тогда идей нет, если ты только не планируешь просидеть ночь здесь, а комнату оставить зверюге.

– Я планирую выгнать животное наружу и вздремнуть на кушетке, – Макс заглянул в комнату.

Росомаха чем-то шуршала под столом.

– Интересно будет посмотреть, – усмехнулась девушка, демонстративно доставая муляж кад-арта.

Все верно, только старший смены может управлять дверьми, а то он хотел совсем не по-мужски предложить ей загонять зверя с двух сторон.

Стоило им зайти в комнату, как росомаха высунула медвежью морду из-под стола и угрожающе заворчала, под лапами валялись обрывки бумаги, рядом белели осколки забытой на столе чашки.

Настя тут же вставила кристалл в панель возле двери и стала набирать код. Быстро, чтобы не дать себе передумать, Макс ухватил ближайший стул за спинку, поднял и стукнул ножками по столу. Зверь оскалился и сгорбился, чуть отступая в сторону.

– Будь готова открыть...

– Я уже готова, – ответила девушка. Огни на панели сменили нейтральный белый свет на зеленый, тонкий палец чуть

подрагивал, зависнув над кнопкой.

Грош снова ударил по столу ножками стула, под ботинками захрустели керамические осколки. Росомаха попятилась, выходя из-под стола. Парень стал наступать на нее, чуть согнувшись и выставив вперед стул. Дверь, ведущая в переходную капсулу, открылась. Подвижные уши тревожно шевельнулись, зверь снова встал в защитную позу, шипя и скалясь. Макс сделал очередной выпад, почти касаясь стулом росомахи, когтистая лапа тут же ударила по дереву.

– Ну, пошла, – парень толкнул тварь стулом.

Животное огрызнулось и замерло. Еще тычок, остервенелый удар лапой – и зверь попятился. Грош вытеснял росомаху за порог, готовясь подать Насте сигнал и закрыть дверь. Но стоило парню сделать шаг назад, зверь, повинувшись инстинкту хищника, разглядевшего в отступлении Макса слабость, пошел вперед, не давая человеку разорвать дистанцию. Студент снова ткнул стулом. Животное вроде отступило и тут же проворно последовало за ним.

– До утра будешь с ней танцевать? – поинтересовалась Лиса. – Если так, только скажи, я оставлю вас наедине.

– Вот ведь приставучая животиная, – процедил Грошев. – Значит, выйдем вместе, закроешь за мной.

– Внешняя дверь откроется только через три минуты.

– Уж три минуты я против большой собаки как-нибудь продержусь, – Макс пошел вперед, выталкивая стулом зверя из проема.

– Уж будь добр, – буркнула ему в спину Настя, нажимая на кнопку.

Дверь закрылась, запирая студента, стул и росомаху в капсуле. Снова беспорядочные удары лапой, на этот раз дерево хрустнуло, и одна из ножек сломалась.

Неизвестно, что напугало хищника сильнее: зажегшийся люминесцентный свет или замкнутое пространство, но животное вдруг извернулось, припадая мордой к земле, и ринулось на ноги парня. Макс отпрыгнул в сторону, с тоской думая, что три минуты – это очень много. Зверь оскалил клыки.

Грошев вспомнил, как в школе они проходили флору и фауну складчатых гор Средней полосы. Одна фраза (неведомо почему) запала в память: «Случаев нападения росомах на людей не зафиксировано». Сюда бы сейчас автора этого учебника. Животина извернулась, уходя от удара стулом, и белоснежные зубы сомкнулись в сантиметре от его лодыжки. Зверь не прыгал, не метил в горло, не ставил себе целью убить более крупного хищника – только отпугнуть. Тут их желания полностью совпадали.

Росомаха огрызалась, то отступая, то вновь приближаясь к человеку раскачивающейся угрожающей походкой. Макс удерживал ее на расстоянии стула. Да, три минуты – это много, но даже они когда-нибудь закончатся.

Зверь сменил тактику, когда Грош решил, что уже пора теснить хищника к двери. Росомаха, вытянув в очередной

раз морду, заворчала, отводя голову вправо, но стоило парню переместить стул, у которого не было уже двух ножек, как она с неожиданным проворством ринулась к нему слева. Макс ударил ее стулом в бок, одновременно отпрыгивая в сторону. И не рассчитал. С зубами разминулся, а вот со стеной нет. Влетел в нее плечом и коленом, не удержал равновесия и, уже падая, подумал, что все настолько глупо, что в это никто не поверит.

Он упал вперед, почти съезжая по каменной стене. Еще одна ножка сломалась. Парень выругался от злости, крепче сжал стул и стал подниматься, подхватывая единственное оружие. И в этот момент росомаха атаковала сзади. Макс успел вскочить, лапа хищника прошла по спине, вспарывая рубашку и впиваясь в кожу. Но зацепиться животному не удалось. Грош развернулся и со злостью ударил стулом, метя в дурную косматую башку твари, но та проворно отскочила.

Дверь открылась. Учувя запах ночи, ее чуть прохладный воздух, наполненный тихим шелестом ветра, росомаха припустила к выходу и, выскочив на каменный уступ, освещенный мигающим оранжевым светом, исчезла в темноте.

Макс посмотрел ей вслед и со злостью швырнул обломки стула наружу.

– Опять порчу казенного имущества припишут, – буркнул он. – И ведь даже не возразишь, – он схватился за ручку и закрыл дверь.

Через очередные три минуты капсула открыла внутрен-

ную дверь. Настя с пистолетом в руках целилась куда-то в область коленей. Сейф за ее спиной был открыт.

– Убери, пока не поранилась, – сказал Макс, проходя в дежурку.

Парень, морщась от боли в саднящей спине, расстегнул ремень. Лиса присвистнула, опуская оружие.

– Все-таки без царапин не обошлось, ребятам понравится, – она хихикнула.

– Еще бы, – Грош расстегнул рубашку. – Учитывая, что раскорябали мне спину, я вполне смогу объяснить их как-то иначе, – он выразительно посмотрел на кушетку. – Расстроенная девушка, не очень порядочный парень, воспользовавшийся положением...

– Ты не посмеешь, – прошипела она, пистолет по-прежнему смотрел дулом в пол. – Раны от звериных когтей не спутать с... с... – она не смогла подобрать слов, чтобы закончить свою мысль.

– А ты проверь.

– Урод, – она подошла к сейфу и стала разряжать оружие.

Макс стянул рубашку, открыл дверь в санузел и попытался в зеркале над раковиной через плечо разглядеть рану. Три параллельные полосы наискосок перечеркивали позвоночник чуть выше поясницы. Кожа зудела, но не более того, кровь уже начала сворачиваться. Парень открыл висящий рядом с зеркалом шкафчик с красным крестом, достал бутылочку, оторвал кусок бинта.

Дотянуться до раны оказалось сложнее. И потому, когда дверь снова открылась, и прохладные пальцы выдернули из его руки бинт, он не стал возражать. С какой, собственно, стати? Хоть на что-то дельное она сгодилась. Макс смотрел в зеркало, молча наблюдая за тем, как девушка осторожными касаниями стирала кровь с кожи. Она быстро закончила с царапинами, выбросила порозовевший бинт в урну. Тонкие пальцы поднялись чуть выше, касаясь одного из старых шрамов.

– Что это?

– В детстве с кровати упал.

– Ага, – согласилась она, – на решетку, – ее рука прошла по следующему поперечному рубцу. – А потом встал и снова упал, и так раз десять.

– Не преувеличивай, – он взял брошенную на край раковины рубашку и вышел.

– Я все думаю о росомaxe, – торопливо проговорила Ли-сицына, но от чего-то не решаясь поднять глаза от пола.

Где та воительница, что минуту назад держала в руках оружие?

– Зачем?

– Что зачем?

– Зачем ты о ней думаешь? – он накинул рубашку на плечи, кровь на черном материале была не так заметна.

– Как она здесь очутилась? – девушка вышла следом. – Не через капсулу, это точно. Значит, в бункер есть другой вход,

лаз, не знаю, отдушина вентиляции.

– Нам-то что до этого?

– У нас в лесном домике одна такая тварь разворовала все припасы, – Лиса села на уцелевший стул и вытянула ноги. – Отец сильно разозлился, – Макс взял со стола ремень, – и не стал больше завозить продукты, тем более, что мы с матерью и братом отдыхали в Ладии¹⁰. Но эта тварь не успокоилась, она вернулась в дом и разорила две комнаты. Оборвала занавески, растерзала книги, выгрызла обивку из стульев, перебила посуду, – Лиса вздохнула и, наконец, подняла на него взгляд, – зверюга возвращалась снова и снова, пока егерь не пристрелил ее.

– Это ты к тому, что она может вернуться?

– Это я к тому, что если есть ход, она вернется.

– Нас здесь уже не будет.

– Уверен? Ни разу не случилось дежурства вне графика получать?

– Черт, как тебя Самарский терпит? – простонал Макс и направился обратно в бункер. – Тут до утра можно искать.

– Право или лево? – к Насте вернулись уверенность и хо-

¹⁰ Ладия – область на юге Империи камней, граничит с севера-востока с Шиганским краем, с запада – с Вадийской областью, с юга омывается Ладийским морем. Курортная зона, средняя температура января не опускается ниже – 3°C, средняя температура июля – +27°C. По морю проходит государственная граница Империи с островным государством Тихрат общей протяженностью... (*Географический справочник школьника. Рекомендован Имперским образовательным корпусом, как справочно-вспомогательное пособие для учеников общеобразовательных школ*).

рошее настроение.

– Право, – нехотя выбрал сторону Грош и, не дожидаясь Лису, быстро пошел по коридору.

Осмотр инатарского хранилища оказался весьма скучным занятием. Бесконечные ряды кубов и металлических полок. Туннель за туннелем, и он снова оказывался в центральном, иногда замечая в противоположном ответвлении кудрявую голову девушки. Иногда слышал, как она напевала. Заблудиться здесь практически невозможно, коридоры были не особо длинными и заканчивались либо тупиками, либо, загибаясь, снова возвращались к центральному, прямому как стрела туннелю.

Везде, где он успел побывать, стены оставались прохладными, шероховатыми и целыми. Макс заглянул в лабораторию – единственное квадратное помещение в хранилище, не считая караулки. Постоял на пороге, оглядывая белый кафель, железные столы, инструменты, сварочный аппарат в углу, болгарку. Уголок – мечта маньяка – расчленителя. На скамье, прозванной псионниками «последней», стояли в ожидании своей участи два куба. Призраки, которые уже «умерли». Скоро их узилища вскроют, неактивный прах выкинут, а кубы будут ждать новых постояльцев.

Вопреки народной молве, призраки не живут вечно. Высвобождающаяся после смерти человека энергия имеет свойство заканчиваться. Ее можно пополнить, и людская па-

мьять – лучшая «батарейка» для призраков. Пока жив хоть один человек, помнящий умершего, блуждающий будет существовать, материализоваться, атаковать, ненавидеть. Но время идет, и год за годом остается все меньше и меньше друзей, родственников, знакомых. Наступает такой день, когда все, знавшие человека при жизни, отходят в мир иной. Кто-то возвращался, кто-то нет, но это уже не важно. Забытый призрак слабеет, а потом просто исчезает. Иначе при том, что из умерших возвращается процентов восемьдесят, на этом голубом шарике жили бы одни призраки, не оставив места людям.

Прежде чем наткнуться на завал, Грош осмотрел десятка три коридоров и успел мысленно послать Лису с ее идеями в карцер к Самарскому. Дойдя до конца очередного тоннеля, закончившегося тупиком, Макс увидел осевшую на пол мелким крошечком часть стены, за ней виднелось нагромождение камней побольше, словно в этом месте коридор был проложен не в монолитной породе, а сложен из булыжников.

Как говорил Игрок, бывший родом из такого же поселка, как Некропольский, горы иногда шевелились. Иногда люди чувствовали это шевеление, иногда нет. Тут всего лишь просевшая порода, даже полки с кубами не задело. Макс подошел ближе и пнул камень. Между двумя самыми громоздкими валунами образовалась щель шириной с кулак. Парень даже просунул в зазор пальцы, но до следующего камня не дотянулся.

Кошка бы, пожалуй, пролезла, россомаха при всей ее ловкости – вряд ли.

– Максим, – крик Лисы эхом отскочил от стен, заставив его вздрогнуть. Так называла его мать, да и то, когда он в очередной раз что-то накосячил.

Парень вернулся в центральный коридор, Настя выбежала из третьего от него ответвления.

– Я нашла, – девушка улыбнулась. – Я нашла ход. Помнишь, сейсмические датчики подняли тревогу, нам потом говорили, что в шахте на северном склоне произошел обвал?

– Нет, – Макс последовал за Лисицыной.

– Говорили, говорили. Видимо, бункер тоже задело. Смотри, – она жестом указала на еще одну россыпь камней, не в пример большую, чем нашел он. Стена между двумя нишами выглядела так, словно по ней долго стучали молотком, пока не пробили дыру с неровными краями, и большая часть камней оказалась с той, а не с этой стороны.

Грош склонился к пролому, кожи коснулось чуть прохладное дуновение ветерка. Куда бы не вел этот лаз, заканчивался он на поверхности.

– Удивительно, что никто ничего не заметил ранее, – сказала девушка.

– И мы бы не заметили, если бы не зверь, – он коснулся края камня. – Горы изрыты ходами как червивые грибы. Старые шахты, новые шахты, засыпанные или нет захоронения.

– Ты же знаешь, что наш бункер не единственный, – Настя

тоже склонила лицо, оказавшись в непосредственной близости от него. – Говорят, раньше все хранилища соединялись ходами, и можно было перейти из одного бункера в другой, не выходя на поверхность, – прошептала она.

Макс выпрямился. Она была права. На самом деле, хранилищ, сохранившихся со старых времен, было несколько. Отданный пси-Академии бункер назывался Учебным. Существовали еще Исследовательский, Экспериментальный, Третий (куда подевались первые два, Грош не знал), Старый и само собой Императорский.

Члены монаршей семьи умирали как люди, какими они, за исключением первого императора, и являлись. Они тоже возвращались вредить после смерти, а это никуда не годилось, не вязалось со светлым образом династии. К тому же разногласия семьи не должны были стать достоянием общественности. Почивших членов правящего дома провожали в бункер со всеми почестями и хвалебными речами. Там же хранили и наиболее ценные реликвии трона. Под охраной семейных призраков их не то, что украсть, к ним даже приблизиться не осмелятся.

Макс еще раз взглянул на дыру и пошел обратно.

– Ты чего?

– Ты нашла, что хотела, – не оборачиваясь, сказал парень.

– Да, но не оставлять же все так...

– Предлагаешь залить бетоном? Заколотить? Так прости, я бетономешалку и молоток в других штанах забыл, к при-

чески не подходили, – он притормозил и все-таки посмотрел на девушку. – Я иду спать. Хочешь – присоединяйся.

– Скотина, – буркнула Лиса.

Через несколько минут Грош уже вытянул ноги на кушетке и закрыл глаза. Он слышал легкие шаги девушки, слышал щелчок закрываемой двери и даже слышал ее дыхание, когда Настя склонилась над его лицом, с минуту пристально его разглядывая.

Урок четвертый – Физическая культура

Тема: «Бег с препятствиями»

Дежурные ночной смены освобождались от утренних лекций, чтобы отоспаться. Это и намеревалась сделать зевающая Настя. Место на единственной кушетке Макс освободил ей ближе к утру. Сам же Грошев предпочел прогуляться в Некропольский, зашел в маленький павильон местного оператора связи, без энтузиазма поглазел на пяток моделей сотовых телефонов и ушел. Перебьется – мать все равно отказывалась звонить на трубку, считая это расточительством, а больше с ним разговаривать некому.

Потом его за каким-то чертом понесло к Дому художника. Он вряд ли смог бы ответить, что там забыл. Но через сутки с небольшим парень снова стоял на том же месте, где схлопотал по голове. Стоял, смотрел и ждал хоть каких-нибудь откровений. При свете дня место выглядело обыденным. Двухэтажный Дом художника, приземистый пятистенок напротив, проулок между ними хорошо просматривался, вплоть до забора следующего участка. Откровение задерживалось.

Чуть ниже по улице гомонил и собирался народ, эмоциональные выкрики чередовались с не менее эмоциональной

жестикоулящей. Парень неторопливо приблизился, черная форма удостоилась нескольких взглядов, но и только. С утра по поселку бродило с десятков студентов.

– Что она делает-то? – дородная женщина прижала руку к необъятной груди, закрывая ярко синий кад-арт.

– Не по-божески, – добавила вторая, ее камень был спрятан под растянутую вязаную кофту.

– Еще Ирыча не схоронили, – дедок в рубашке крикнул.

– Да заткнись ты, – повернулась к нему бабка, ее фиолетовый камень, на вскидку конхит, качнулся на белой тесемке. – Много она хорошего от него видела, чего ж удивиться.

Макс встал рядом со столпившимися у красного забора людьми. Все смотрели на деревянный дом и на женщину, которая в остервенении вытаскивала во двор вещи и кидала их в бочку, где весело пылал огонь.

– Сперва сын сбежал, теперь мужа убили, – проговорил мужчина в спецовке, стоящий ближе всех к Грошу. – Бедная баба.

Женщина со свинцово-серым кад-артом на груди решительно бросила в пламя две пары обуви. Действия при всей их истеричности напоминали ритуал. Рубашка, засаленный ватник и даже книга – все принял огонь.

– Ну, и свезла бы в шахты острожникам, – не унимался дедок. – Палить-то зачем?

– Эх, Рутка...

Парень почувствовал это внезапно. Чужой, толкающий

в спину взгляд. Макс, заставляя себя оставаться внешне спокойным, не торопясь, пошел вдоль забора, словно потерявший интерес к зрелищу зевака. Десять шагов до конца участка, он бросил рассеянный взгляд через плечо, женщина швырнула в бочку удочки. За ним шли двое. Точные движения, цепкие глаза. И хотя на мужчинах, обходящих толпу, не было формы, парень готов был спорить на все свои деньги, что она у них есть. И, вполне возможно, что такая же черная. Но пока они шли следом в простых рубашках и со спрятанными кад-артами, у него развязаны руки, он не обязан подчиняться всяким недоумкам. Если они хотели пообщаться с Максимом Грошевым, им придется сделать это немного по-другому.

Парень свернул в переулок и быстрым шагом, почти бегом, бросился за угол дома. Скрывшись с глаз толпы, он ухватился за забор из красных досок, перепрыгнул, пригнувшись, миновал старый со сдутыми покрышками автомобиль и замер под прикрытием куста шиповника.

Мужчины показались через секунду, они обменялись взглядами и разошлись в разные стороны. Коротко стриженный брюнет, не останавливаясь, пошел дальше, а патлатый задержался у кустов.

Шум голосов, который отдалился, когда Макс ушел с улицы, стал приближаться. Худощавая женщина, радовавшая своим костром народные сердца, решительно вышла на задний двор. В руках у тетки была канистра, она остервенело

выплеснула жидкость на вросшую в землю машину. В нос ударил резкий запах горючего.

– Рутка! – закричал выбежавший из-за угла мужчина в синей майке и трениках. Он неловко перебирал ногами в растоптанных кроссовках. – Машина-то в чем виновата? Остановись, дурна баба!

Грош был согласен с мужиком. Судя по состоянию автомобиля, горючего в нем не было, и взрыв им не грозил, но огонь мог запросто перекинуться на дом, не локализованное бочкой пламя очень сложно контролировать. Но у тетки было другое мнение, потому как она, уронив канистру на траву, настойчиво чиркала спичками. С улицы стал подтягиваться народ, сообразив, что представление продолжается. Доводы разума затерялись в многоголосых выкриках.

Макс, сосредоточившийся на женщине, совсем упустил из поля зрения преследователей. И то, что его ухватили за волосы и вздернули голову кверху, стало для парня большой неожиданностью. Длинноволосый, в отличие от него, не отвлекался на массовку и успел перелезть через забор. Он ухватил Макса нарочитым, унижительным жестом – так поднимают за шкуру щенка. Было бы проще дать по шее.

В толпе вскрикнули, указывая на новых действующих лиц. Женщина со спичками, которые все никак не хотели зажигаться, неприлично широко открыла рот. Посторонние в поселке не редкость, в округе не меньше десятка шахт, то и дело нанимающих работников, плюс лагерь псионников, но

обычно пришлые не залезают в чужие огороды, если не хотят, чтобы их побили, конечно.

– Простите, мой племяш-ш-ш с-с-с...

Как патлатый собирался объяснить их присутствие, местные не узнали. «Племянник» заехал локтем «дяде» под дых.

Мужчина согнулся, Грош ударил еще раз в основание шеи. Преследователь упал. Это в фильмах героя надо музуть минут тридцать, прежде чем тот свалится, в жизни же люди гораздо уязвимее, чем пытается представить студия «Импермакс».

Не дожидаясь аплодисментов со стороны зрителей, Грош бросился к забору, не останавливаясь, перескочил ограду и побежал. Что ж, на этот раз недостатка в тех, кто сможет опознать студента, не предвидится. Судя по доносившимся крикам, впечатление он произвел незабываемое.

Парень выбежал на параллельную улицу, свернул за угол, планируя обежать деревянный дом. Умник, блин. Бегал он, конечно, быстро, но забыл, что преследователь был не один. Стриженный ушел в противоположную сторону, но, видимо, успел вернуться. Максу стало не до рассуждений, когда его ударили в ухо.

В голове загудело, картинка перед глазами дрогнула и накренилась. Парень упал под ноги стриженному. Мужчина размахнулся и пнул Гроша в бок, даже не очень больно, скорее для оснастки.

– Шустрый, пацан, – процедил он, примериваясь пнуть

снова.

Макс не очень любил, когда его били, и по возможности старался пресекать. Он поймал чужой приближающийся ботинок и повернул. Лодыжка – очень уязвимое место. Грош резко развернул ступню и оттолкнул от себя. Мужчина всплеснул руками, чтобы сохранить равновесие, не преуспел и завалился спиной в забор. Макс тряхнул головой, звон в ушах то приближался, то отдалялся. Он встал на ноги раньше стриженного. Ни пинать, ни вступать в открытую схватку студент не стал, он поступил так, как подсказывал ему разум – снова побежал. Его преимущество – в скорости, в том, что он знал эти улицы, а преследователи, кем бы они ни были, нет.

Он не обыватель, ограбивший по-пьяни торговую точку, он не боялся ни корпуса, ни службу контроля. Он мог бы остаться и выяснить, в чем дело. Но что-то подсказывало ему, что мужики будут злы, они не посчитали тощего пацана с цыплячьей шеей достойным противником, за что и огребли. Теперь ничто не помешает им отыграться. Выяснять мотивы незнакомцев он предпочел бы не с разбитой мордой и сломанными пальцами.

Макс остановился на северо-восточной окраине, когда понял, что никто его не преследует. Он ухватился за шаткий забор, восстанавливая дыхание. Происходящее нравилось ему все меньше и меньше. В Империи как-то не принято хватать на улице студентов Академии. Стоит как можно скорее вер-

нуться в лагерь. Если преследователей послал Нефедыч, то бегать бессмысленно. Но если нет, то стены могут прослужить защитой от таких вот жаждущих общения энтузиастов.

– Грошев Максим, – раздался голос, в котором в равной степени смешались укор и радость. – Ты почему не на лекциях?

Парень обернулся, он не предполагал встретить здесь человека, которому не наплевать, жив он или мертв, не говоря уж о лекциях. На крыльце соседнего дома стояла бабка Маша, библиотекарь и уборщица в одном лице.

– Иди сюда, – женщина взмахнула рукой, парень нахмурился, не понимая, что могло ей понадобиться. – Иди, не съем. Даже наоборот, ты обедал?

Грош еще не понял, к чему все это, а поймал себя на том, что мотает головой, а руки сами открывают калитку.

– Давай-давай, – поторопила бабка, когда он замешкался у порога. – Суп стынет, да и котлеты.

Парень скинул в узких сенях ботинки и прошел в светлую комнату. Белые кружевные занавески на окнах, дощатый пол, вязаные половички, скатерть на круглом столе – все в лучших традициях. Жаль, что у него не было ни одной бабушки.

– Руки вымой, – приказала хозяйка, и он послушно пошел к белой эмалированной раковине. – Садись, а то и впрямь остынет.

– Кого Вы ждали? – спросил Макс, подходя к столу и огля-

дывая полностью сервированный обед.

– Кого-кого, – библиотечарша села напротив и подперла голову рукой, – постояльца своего. А он, стервец, не пришел. Привар сказал, его машину на выезде видали. В Шорому¹¹ подался, али еще дальше, и хоть бы предупредил, – она поджала губы. – Ешь давай, а то все смотрю на тебя и дивлюсь, как от ветра не падаешь, худоба.

– Угу, – парень попробовал суп, и взял хлеб. – Комнату сдаете?

– Сдаю, – она кивнула. – Тут все сдают. Давеча шахтер жил, полгода аж, да к семье уехал. Теперь этот, молодой, да ранний, тоже за романтикой потянуло.

– Романтикой? – Макс ел, пропуская половину разговора мимо ушей, библиотечарша была болтливой, но в отличие от остальных никогда не шпыняла Гроша, даже после того, как студент продал одну из книг налево.

– Романтикой, – у нее это слово получилось каким-то пренебрежительным. – В горах много камней и не меньше охотников на них.

– Продажа кад-артов частным лицам запрещена, – прого-

¹¹ Шоромы – город в Империи Камней, административный центр Шоромского района Инарского края, городской округ. Расположен у слияния рек Троги, Шоромки и Кобылки. В 1989 году население Шоромы достигло 251,4 тысяч человек и с тех пор быстрыми темпами сокращается, хотя он остается вторым по величине городом Инарского края (*Вестник имперского географического общества, от 15 апреля 20..г, не принят к печати, как несоответствующий общей направленности издания*).

ворил он с набитым ртом.

– Куда торопишься, не отберут ведь, – она встала, забрала у него пустую тарелку и пошла на кухню за вторым. – Это по закону, тут много любителей искать обходные пути.

Она чем-то там загремела, а Макс быстро поднялся и, отодвинув занавеску, выглянул на улицу. У соседского забора мочился на доски кудлатый пес.

– Ну, бог с ним, с постояльцем, – бабка Маша вошла в комнату с тарелкой дымящейся гречи, Грош вернулся за стол. – Ты лучше расскажи, чего на тебя Нефедыч взъелся? Опять у него погоны с кителя срезал что ли? – Макс едва не подавился. – Ну, будет, будет, – она хлопнула его по плечу.

– Откуда Вы... то есть это не я.

– Не ты, не ты, – согласилась она, – не ты с Игроком спорил, не ты деньги получал в отделе периодики. Не слушай бабку, она слепая и глухая, шаркает себе потихоньку и ладно. Сейчас-то что? Погоны с утра вроде на месте были, когда он перед Шоромскими специалистами гоголем ходил.

– Про убийство слышали? – вздохнул парень.

– Слыхала, весь Некропольский гудит. Ты что ли его? – она провела ладонью по горлу, и парень подавился уже по-настоящему. – Ну, будет уже, – она снова стукнула его по спине. – Экий студент нежный пошел, шуток не понимает. Знаю я, что его призрак прибрал, да, чего там, все знают. Ты-то с какого боку?

– Хр, – парень откашлялся и сипло продолжил, – в мое

дежурство куб из хранилища пропал.

– Вот, значит как.

– А вы этого Ирыча хорошо знали? – спросил парень. – У него много хвостов было?

– Но-но, – библиотекарша поднялась и погрозила парню узловатым пальцем. – Следствие оставь шоромским, они за это деньги получают, – бабка Маша подхватила опустевшую тарелку и понесла на кухню, на этот раз задержавшись там подольше, наливая в чайник воды и что-то бормоча.

Макс снова подошел к окну, улица была все так же пуста, пса у забора сменила воробьиная стайка.

– Кого высматриваешь?

Студент вздрогнул, в комнату хозяйка вернулась бесшумно, хотя до этого шарканье войлочных тапок разносилось по всему дому.

– Уж не патруль ли? – она поставила на стол пузатый, накрытый vareжкой чайник. – Они будут минут через двадцать. И нечего глазами сверкать, не в бега же ты надумал податься?

Парень пошел к выходу, он понял, что чувствует мышь, съевшая сыр из мышеловки.

– Молодость и глупость синонимы? – библиотекарша оперлась о стол, всем видом показывая, что задерживать и тем паче гоняться за студентом она не собирается. – От кого ты надеялся убежать? От кого прятался в моем доме? – Макс скривился. – Я тебе не конвой вызвала, а охрану.

– Обойдусь.

– Ну, конечно, а потом меня будут спрашивать, вышел ли ты отсюда с целыми зубами и не упал ли на пороге, потеряв добрую половину?

– Это не ваши зубы! – он резко развернулся, руки сжались в кулаки.

– Твоя правда, – беззлобно согласилась старуха. – Кстати, у Ирыча было четыре хвоста.

Парень остановился, так и не перешагнув порог. Злость схлынула.

– Чаю? – невозмутимо предложила бабка Маша, и студент вернулся к столу. На этот раз глупой мыши предложили сыр повкуснее.

– Четыре хвоста, – напомнил он библиотекарше.

– Четыре, – кивнула та, опять присаживаясь напротив. – Первый он схлопотал давно. Друг детства или враг, тут как посмотреть. Умер в шахте, под обвалом.

– Имя?

– Не имею ни малейшего представления. Это было задолго до того, как я сюда переехала, – она пододвинула к нему кружку, к которой он не прикоснулся.

– Кто еще?

– Диша. Теща. Потом Капитоныч, собутыльник. И какая-то девка из Малоозерца, именем не интересовалась, – женщина подняла руки.

– Все?

– Все мальчик, все, – покивала она, но он уловил маленькую заминку, слишком привык прислушиваться, очень привык искать подвох.

– Марья Курусовна, – попенял он.

Она подняла дугообразные, начерченные черным карандашом брови, и не смогла удержать улыбку.

– Хм, теряю форму. Вроде ничего особенного, но неделю назад у Рутки сын сбежал.

– Ищут?

– Нет. Он совершеннолетний. И давно мечтал уехать в Заславль, говорил об этом на каждом углу.

– Тогда что в этом интересного?

В дверь постучали. Бабка, вздохнув, нарочито тяжело поднялась и отправилась открывать. В комнату вошли двое в черной форме и с повязками патруля на руках. Грош не был знаком с ними лично, но здоровый бугай справа победил в личном первенстве по рукопашному бою среди старших курсов.

– Ноги, – сурово сказала библиотекарша, и те послушно повозили ботинками о коврик.

– Сам пойдешь? – исподлобья спросил бугай. – Или как?

– Или как, – ответила за него библиотекарша. – Или больше за пирогами и не приходи.

У старшекурсника покраснела шея, но отнекиваться он не стал. Грош не того полета птица, чтобы ссориться. А библиотекарша не того уровня человек, чтобы прислушиваться

к ее мнению в случае серьезной заварушки. Так что парни могли пообещать ей что угодно, а сделать все по-своему. Но смысла ломать копыя не видел никто.

Грошев встал, парни расступились, пропуская его на выход. И лишь в сенях студента догнал голос бабки Маши.

– Собака Лапка, – библиотекарша выглянула. – Мелкая глупая пустолайка, но Сварик, сын Рутки, в ней души не чаял, а отец грозился утопить докуку.

– И? – студент стал обуваться, парни из патруля терпеливо ждали.

– Парень уехал без собаки. Чемодан взял, паспорт взял, деньги и те у матери спер. А собаку забыл.

– Бывает, – равнодушно кивнул Макс.

– Точно, – подтвердила библиотекарша, выходя следом за ними из дома. – Ирыч отвез Лапку в горы и ... – она не договорила, но этого и не требовалось.

В караулке их ждали. Макс почему-то был уверен, что его очередной раз отведут в кабинет к Куратору, а потом уже знакомым маршрутом в карцер, который уже должен освободить Самарский. Он ошибся. Наполовину.

Арчи взмахом руки отпустил дежурных и уставился на парня тяжелым взглядом.

– Что еще случилось? – спросил Макс.

– Еще один куб пропал, – наверное, на лице Гроша отразилось что-то такое, само по себе бывшее ответом на неза-

данный вопрос. – Слава императору, на этот раз не активный. Призрак должен был исчезнуть на днях, если уже не исчез, на атаку он не способен. Настя, как старшая, дала исчерпывающие объяснения.

– Но они устроили не всех, – парень скрестил руки на груди.

– Второе твоё дежурство и вторая кража. Настораживает, знаешь ли.

– Отлично, Вы насторожились. И что? Почему меня не вызвали к старшему? Почему позволили уйти? Если я вор, то мог этот куб в дюжине мест спрятать? Или...

– Или, – согласился Андрей Валентинович. – Шоромские ребята так и сказали, за тобой отправили наружку. Все ждали, когда ты приведешь нас к тайнику.

– Привел?

– Мне не до шуток, Макс. У меня здесь злой Куратор, который может в тайне и гордится тем, как ты сделал двоих спецов из района, но ни в жизнь в этом не признается. Вывих лодыжки и шишка на башке у «следаков» из Шоромы, упустивших студента-третьекурсника. И что прикажешь делать?

– Отойти в сторону, – предложил Грош.

– В этом ты весь. Марье Курусовне не забудь спасибо сказать. Знает, кому звонить. Идем, – Арчи открыл дверь. – Посидишь пока в карцере, а там, глядишь, все остынут и сообщать начнут. Тогда и поговорим.

Когда говорят о карцере, все представляют себе темную узкую комнату, больше похожую на поставленный вертикально гроб. Макс не раз видел что-то подобное в имперских блокбастерах, где очередного безвинного страдальца сажали в тюрьму. Но у них здесь не тюрьма и даже не армия.

Арчи оставил его в комнате без окон, с умывальником и вонючим толчком в углу, достаточно большую, чтобы влезла железная койка без матраса, и достаточно маленькую, чтобы он мог сделать больше, чем один шаг.

Пружины скрипнули, когда Макс вытянулся на кровати. Кое-что все-таки роднило имперские фильмы и реальность, света в камерке не было. Наказание надлежало отбывать в темноте, давясь слезами и чувством вины. Со слезами было негусто, с чувством вины – тем более, зато мыслей было в избытке, одна другой гаже.

Грош таранился в темный потолок и пытался представить, как все происходило.

Его дежурство с Самарским стояло в графике, и любой желающий мог ознакомиться с расписанием на доске в главном корпусе. То есть узнать, когда он будет в хранилище, не составило труда. Дальше сложнее, потому что кто и как вынес куб, он по-прежнему не представлял. Они с Артемом сменили парня и девушку со второго курса, тех наверняка тоже проверили. В хранилище они с отличником заходили два раза, регулировали термостат и меняли перегоревшую лампочку.

Пропажу заметили днем, когда аспиранты и преподаватели начинали работать с призраками. И, что интересно, никто не пересчитывал узилища, если не считать проводимой раз в полгода инвентаризации. На отсутствие блуждающего могли бы и не обратить внимания до этого знаменательного дня. Но обратили, значит, с этим кубом работали или с соседним. Что это? Стечение обстоятельств или грамотно организованная подстава?

Вечером убивают Ирыча и вырубают Макса. Еще вопрос: как этот невзлюбивший Гроша чел узнал, что парень будет в нужном месте и в нужное время? Впрочем, дорога тут одна, и если не мудрить, не скакать по переулкам и огородам, не наматывать лишние километры по окружной, то маршрут просчитывается на раз-два. Значит, его ждали. А его ли? Или любого другого псионника? Пока непонятно.

Счастливчика вырубают, перетаскивают в Дом художника и привязывают к руке призрака. Это значит, что против него играет, по меньшей мере, такой же пси-специалист.

Ирыча убили до или после этого события? Как он там оказался? Выбор жертвы случаен? И, самое важное, какой призрак сжег мужика? Похищенный из хранилища? Невозможно. Пропавший не мог атаковать местных, он их не знал при жизни. Могли специалисты упустить какое-нибудь шапочное знакомство мертвого Лукина и местного «нелюбителя» собак? Кто знает, все контакты не отследить. Или это был другой блуждающий? На этот вопрос ответят снимки полей

энергии. Как бы ему на них взглянуть, вряд ли шоромские спецы покажут их ему по доброте душевной.

Макс перевернулся на бок, теперь перед глазами оказалась облупившаяся стена.

За первый дежурством с интервалом в сутки следует второе. И вторая кража. Но их с Лисой ночь в хранилище была спонтанным изменением в графике. Опять вопрос: везение или кто-то узнал о дежурстве? Неприятное предположение, ставящее под подозрение преподав. На этот раз забирают с последней скамьи неактивный куб. Зачем? Фиг его знает. Грошу почему-то вспомнился ненормально спокойный блуждающий, привязанный к руке. Если его энергия иссякала, это бы объяснило заторможенность вернувшегося. Но куб похитили после.

Специалистов из следственной бригады можно понять, он отличный подозреваемый. Его комнату наверняка тщательно осмотрели и, ничего не обнаружив, предположили наличие тайника. Слежка – логичный шаг.

Что изменилось? Почему они решили его взять? Он засветился на месте преступления, но это можно списать на банальное любопытство. Затем он отправился к дому жертвы, уверен, психолог вывел бы не одну теорию. И что? Там половина Некропольского собралась, чтобы посмотреть концерт. Парень перелез через забор, чтоб схорониться в кустах...

Макс хлопнул себя по лбу. Спецы решили, что у него там тайник. Они посчитали его дураком, который полез в захо-

ронку рядом с теми шаманскими плясками, что происходили вокруг бочки с огнем.

Парень снова перевернулся и вновь стал вспоминать все сначала: дежурства, кража, убийство, призрак. Он думал, гадал, предполагал, перебирал события последних дней, вертел их и так и сяк, пока не уснул. И слава императору – спал без сновидений. Единственное, чего ему не хватало в эти часы, так это одеяла.

Разбудил Макса свет, ярким прямоугольником легший на кровать.

– Подъем, – голосом Арчи скомандовала появившаяся в проеме тень. – На выход.

– Только не говорите, что еще кого-то убили, – хрипло пошутил студент.

По его внутренним часам был поздний вечер, может уже ночь. Вряд ли его захотели допросить в такое время, разве что случилось что-то из ряда вон.

– Раз не хочешь, не скажу. Тем более, что у тебя лучшее алиби, которое только можно придумать, – Андрей Валентинович указал на стол охранника, там стояла кружка с кофе и тарелка с двумя бутербродами.

Макс потер глаза и потянулся.

– Ты не удивлен? – препод прислонился к стене. – Не спросишь, кого убили?

– Раз я вне подозрений, то нет, – буркнул парень, плюхаясь на стул, и взялся за чашку. – Но Вы ведь все равно скаже-

те. Вы для этого меня разбудили? – настал черед Арчи многозначительно молчать и разглядывать студента. – Хорошо, я спрошу. Кого боги прибрали?

– Шахтера в десятке километров отсюда. Но я разбудил тебя не поэтому. Твоя мать в больнице, – Макс вскочил, опрокидывая стул. – До тебя пытались дозвониться с обеда, потом связались с Академией, а те уже перекинули на нас.

– Что с ней? – глаза парня из темно-серых стали почти черными.

– Упала с лестницы и сломала ногу.

– Я должен...

– Я знаю, – перебил Арчи, доставая из кармана бумагу, на которой синела круглая печать. – У тебя пять суток, рапорт напишешь задним числом, приказ старший подмахнет, я прослежу. До Шоромы тебя подбросит Игроков, он сегодня на транспорте, автобус на Трворот отходит через три часа.

Он отдал бумагу парню. Тот молча взял. Благодарности и уверения в вечной дружбе решили оставить до другого раза, впрочем, как всегда.

Урок пятый – Литература

Тема: «Легенды и мифы народов империи»

Автобус сломался под Листовцом¹². Они простояли под дождем три часа, пока ползающий в грязи водитель и еще пара равнодушных к технике пассажиров не вернули транспорт к жизни. В салоне было душно и тесно. Ноги Макса застряли, колени упирались в переднее сидение. Пахло выхлопными газами, потом и копченой курицей, которую ел толстый парень у окна, на соседнем месте.

Иногда плакали дети. Мальчишка лет шести, что сидел через проход, без стеснения разглядывал Гроша круглыми, полными любопытства глазами. Его внимание привлекла черная форма. На груди маленького пассажира болтался такой же, как и у Макса, пластиковый муляж кад-арта. У ребенка был дар, и его будущее было предопределено.

Если ты умеешь управлять энергией, тебя заберут в Академию в пятнадцать лет. Оторвут от семьи, от друзей, заставят забыть о мечте стать пожарником или космонавтом, ты не снимешься в кино и не побьешь рекорд на соревнованиях. Ты станешь пси-специалистом. Нерушимый закон, утвержденный предком нынешнего Императора. Макс понял это

¹² Листовец – город в империи, расположенный по обе стороны реки Листы, в 947 км на юго-восток от Заславля, высота над уровнем моря 160 м, население... (паспорт муниципального образования Троторотского городского округа).

спустя год в казенных стенах, после четырех побегов и четырех позорных возвращений, после штрафа, для выплаты которого отец продал машину. Таких, как он, не спрашивали. Не спросят и этого мальчишку. В его интересах захотеть стать псионником, как произошло с большинством сокурсников.

– Мам, а расскажи, как появились пси, – затеребил сидевшую рядом женщину мальчик.

– Я уже столько раз рассказывала, – она бросила на Макса извиняющий взгляд.

– Ну, пожалуйста, пожалуйста-а-а-а, пожалуйста-а-а-а, – занял пацан.

– Хорошо, – сдалась она, и Грош понял, что она сдавалась так миллион раз до этого, по миллиону самых разных требований этого мальчишки. – Давным-давно в темные века, когда мертвые убивали живых тысячами...

Студент фыркнул. Чего ж не миллионами?

– Не было ни камней разума, ни псионников.

– Пока не родился Император Керифонт? – не утерпел сын.

– Да, – согласилась мать. – Но тогда он еще не был Императором. Он был простым человеком, который понял, что может прогонять блуждающих, может причинять им боль, может...

– Убивать призраков! Х-дышь! – пацан взмахнул рукой, имитируя удар.

– Да. Но он был один. А один не способен спасти всех, не может быть повсюду.

– И тогда он отдал свою силу камню, – юный слушатель как-то разом сник, эта часть легенды ему не очень нравилась.

– В горах, на самой-самой высокой вершине, люди нашли камень. Он был прозрачным, как вода, и каждый день его наполняло светом солнце. Ни один вернувшийся не осмелился приблизиться к нему.

– А почему? – мальчишка заерзал и бросил еще один взгляд на Макса. – Почему призраки не могли подойти к камню? Он был волшебный?

– Наверное, Вить, а может горы – это слишком высоко для них.

Юный псионник подумал и кивнул, соглашаясь. Грош отвернулся. Всего лишь легенда, ей не обязательно быть логичной, достаточно быть красивой.

– Керифонт добрался до камня и...

– А как же семь дней? – перебил сын. – Ты должна была сказать, что он шел семь дней и семь ночей, не ел, не пил, не спал.

«И сдох», – мысленно закончил Грош легенду. В таком варианте она понравилась ему больше.

– Тогда рассказывай сам, – предложила мать.

– Нет, ты, – мальчишка в знак примирения положил голову ей на колени.

– Он шел семь дней и не остановился, пока не дошел до

вершины.

На своих двоих на вершину за неделю? – подумал Макс. – Супергерой, не иначе.

Он поймал себя на том, что качает головой, глядя на смущенного толстого парня, который достал очередную куриную ножку. В детстве все звучало не так плохо, как сейчас.

– Когда Керифонт увидел камень, силы его были на исходе. Он понял, что кристалл предназначался ему, а он – кристаллу.

– Мам, – робко прервал парень, – откуда он это узнал?

– Иногда, малыш, люди просто знают. Вырастешь – поймешь.

Грош повернулся и увидел, как мальчик сморщил нос, задумался на секунду, а затем кивнул. Его полностью устроило это обещание. Взрослые кажутся детям великанами из сказки, видятся чем-то большим, чем являются на самом деле, обладателями тайных знаний.

– Керифонт из последних сил поднял руки и положил их на нагретый солнцем камень, – женщина коснулась головы сына. – И камень впитал его силу, из золотого став красным. Защитник потерял сознание, здесь и нашли его воины спустя два дня.

«А чего не через две недели?» – Макс ухмыльнулся, ведя мысленный диалог. «Хватились, значит. Единственный защитник человечества лазает по горам, а им и горя мало».

– Воины спасли его, – голос пацана дрогнул, словно он

слушал эту историю впервые.

– Спасли. Они принесли его назад. И камень тоже. Но лишь спустя время все узнали, что Керифонт сделал для людей, а что сделал камень для гор. Каждый, кто коснулся прозрачных граней, стал псионником. Все воины, сменявшие друг друга у носилок Керифонта, по очереди несли кристалл, и он наделял их силой. Он впитал силу одного, умножил ее и разделил между людьми и камнями. Целый отряд стал пси, а все камни, найденные в горах, стали отражением первого кристалла. Они превратились в кад-арты, вид-арты, сем-аши и выбирали себе людей, которых могли оградить от вернувшихся, – женщина вздохнула. – У воинов родились дети, внуки. Дар пробудился в потомках, из века в век становилось все больше.

– А Керифонт? – грустно спросил мальчик.

– Он лишился силы навсегда, – ответила мать. – Но люди в благодарность за жертву избрали его Императором.

«Ну, предположим, не Императором, а Князем», – снова про себя возразил Макс, – «Императором стал его праправнук, огнем и мечом присоединивший к землям отцов Ладию, Перискор, Винию, Бронер¹³. Да и с избранием все не так просто, ведь откуда-то Керифонт взял своих воинов».

¹³ Ладия, Перискор, Виния, Бронер – области, присоединенные к Инатару в период мертвых веков путем завоевания их Тримиром Третьим Инатарским (*Правдивая история завоеваний и образование Империи камней. За основу текста издания взят перевод, выполненный известным профессором Д.С.Грозовым, научная деятельность которого начиналась еще в при Императоре...*).

– С тех пор в роду Императоров рождались только люди.

– А камень? – юный псионник приподнял голову. – Куда делся камень?

– Говорят, он хранится в императорской сокровищнице.

– Он по-прежнему волшебный?

– Думаю, да, – мать взлохматила каштановые волосы.

Хороший камушек. Заверните два. Грош побарабанил пальцами по подлокотнику.

Автобус фыркнул и заурчал двигателем. Пассажиры радостно загомонили, мальчишка подскочил на месте и завертел головой, женщина улыбнулась.

До Трворота оставалось еще полтора часа.

Мать была бледна, но относительно цела (и, слава императору, не собиралась умирать), пусть конструкция вокруг ее колена и выглядела устрашающе.

– Максим, – она протянула руки, и он, присев рядом, положил на них голову, совсем как тот мальчишка из автобуса. В основном потому, что не хотел видеть, как она постарела за прошедший год, как новые морщины расчертили лицо, как резко обозначились скулы, набрякли веки, посветлели некогда такие же темные, как у него, глаза. Пока он был рядом, изменения казались незаметными, но стоило ему уехать, и все изменилось. Они изменились: она, он, отец. И он не хотел, чтобы она увидела отражение этих перемен в его глазах.

– Как ты? – глухо спросил он.

– Ничего, Макс, уже ничего.

– Как это случилось? – прозвучавшая помимо воли резкость в голосе заставила женщину на соседней койке вздрогнуть.

– Да, глупость полная. Несла пакеты с продуктами, устала, в голове лишь одна мысль, что сериал вот-вот начнется, ну, и поставила ногу мимо ступеньки. Сама виновата.

Грош поднялся и посмотрел матери в лицо.

– Тебя надолго отпустили? – быстрый вопрос, словно она опасалась, что он начнет задавать свои.

– У меня есть время проследить, чтобы это не повторилось, – Грош встал, посмотрел на съезжившуюся на сером казенном белье женщину и почувствовал себя взрослым, ощутил великаном из сказки. Когда все успело так измениться?

– Ты ведь не уйдешь сейчас? – испуганно спросила мать, и он услышал за ее словами много такого, чего бы не хотел. – Скоро придет врач, опять будет говорить об операции, терапии. Максим, – голос сорвался, и она приложила руку к груди, пальцы с короткими обломанными ногтями чуть дрожали.

Он знал, о чем она его просит, видел, чего на самом деле боится. Всегда боялась, все равно не мог отказать. Не мог уйти.

Грош опустился обратно на кровать, воздух в палате показался ему спертым, а взгляды, бросаемые соседкой, навязчивыми и слишком жалостливыми. Он в жалости не нуждался.

ся. Ни в чьей.

– Я поговорю с врачом, – пообещал он, сжав ее руку.

Итог этих разговоров был неутешительным: и травматолог, и заведующий отделением сказали одно и то же. Нужна операция. В противном случае, кость могла срастись неправильно, плюс атрофия нервных окончаний. Тогда, в лучшем случае, мать будет ковылять с палочкой, в худшем – ездить на инвалидной коляске. Еще хуже то, что операция не покрывалась из имперской социальной страховки, а шла сверх нее. Тысяч на сорок сверх.

Он воспользовался телефоном матери, который до сих пор выглядел так, словно его вчера купили. Он купил, а она им почти не пользовалась.

Трубку взяли после третьего гудка.

– Привет, – проговорил Грош и представился, – это Малой.

– Тебя уже выпустили из психушки? – голос хрипло рассмеялся.

– Нет. Нужно поговорить.

– Приезжай, – милостиво разрешили ему.

Дом был самым обычным. Трехэтажный особнячок, выкрашенный голубой краской и отделанный белым орнаментом. Здание долго разрушалось, никто ни хотел браться за реставрацию сарая, объявленного памятником архитектуры.

Пока, к возмущению сторожил, за него не взялся Шрам. Или Раимов Тилиф, успевший изрядно намозолить глаза корпусу правопорядка. На момент знакомства с Максом у него было около трех десятков хвостов. О чем и не преминул сообщить ему один мелкий мальчишка десять лет назад, встретив того на улице. Молодой мужчина, правую щеку которого пересекала ломаная линия шрама (от этого уголок глаза казался опущенным книзу, а еще не хватало части верхней губы), тогда очень напугал его мать.

Второй раз они встретились через два года, и Макс с удивлением отметил, что количество хвостов уменьшилось вдвое. Тогда же он заработал свои первые деньги, просто подержав в руке зеленовато-желтый кристалл, змеевик. Это сейчас Грош знал, что Шрам заставил пацана поднять сопротивляемость кад-арта онна на три, передав ему часть силы. И стоило это куда дороже, чем та, сотня, что дал Раимов.

Кад-арт – это не первый камень Керифонта, он не лишает псионника, взявшего его в руки, силы, а лишь выпитывает ее частичку, которая со временем восстанавливается, как и любая другая энергия.

Макс оглядел фасад, ухоженный газон с цветами, козырек над крыльцом, с которого лениво капала вода. Дождь закончился, на тротуаре в серых лужах отражалось серое небо.

В здании располагался клуб спортивного туризма Эдвантин, названный в честь высокогорного озера, жемчужины в короне Инатара. Многие думали, что его председатель ро-

мантик, пока не встречались лицом к лицу. Один из журналистов разразился серией обличительных статей, экспрессивно рассуждая, что на самом теле перевозят байдарочники и студенты в своих больших рюкзаках. А потом вдруг в зените славы перевелся в областной центр на другом конце Империи. «Де юре» Раимов был чист перед законом и не имел никого отношения ни к проституции, ни к транспортировке оружия и лекарств. Каким чудом при такой насыщенной «путешествиями» жизни Шрам не обзавелся ни одним смертельным хвостом, оставалось для Макса загадкой.

Обычные хвосты регулярно подчищались, причем совершенно законно, разве что любопытные задавались вопросом, как он минует расписанные на год вперед очереди к пси-специалистам. А умные об этом не думали, помня о судьбе журналиста.

Грошев потянул на себя тяжелую железную дверь, глазок камеры ожил и повернулся, фиксируя посетителя. Приемная с двумя диванами, фикусом в кадке и секретаршей за массивным столом. Вместо ожидаемой длинноногой блондинки на него сквозь стекла очков смотрела дама в строгом сером костюме и тугим пучком на голове, по возрасту годившаяся студенту в матери.

– Вас ждут, – она указала на совершенно обычную дверь в конце коридора, а не на представительное полотно за спиной.

Макс смутно помнил, что комната, куда его отправили,

была библиотекой. Стеллажи книг уходили под потолок, мягкие кресла, тумбочки, низкие столики, несколько торшеров со светлыми абажурами и гигантский каменный глобус у окна. В одном из кресел спиной к двери сидел мужчина, в руках которого белела страницами открытая книга.

С момента их первой встречи прошло десятилетие, время посеребрило и без того светлые волосы, придав им немного пыльный оттенок, лицо стало грубее, залысины на висках глубже, шрам на правой щеке казался трещиной на светлой коже, и только глаза остались такими же цепкими, в них по-прежнему горел лукавый беспокойный огонек.

– А ты подрос, Малой, – Тилиф указал на кресло напротив.

Макс сел, оглядел дорогой костюм, часы на запястье, кожаные туфли собеседника. В нос тут же ударил застарелый несвежий запах отрезанных хвостов и яркие аромаросчерки действующих. Шрам многим был неуютен и при жизни, и после нее. Но ему было наплевать. На груди поверх шелковой рубашки висели три кристалла: кад-арт, вид-арт, сем-аш.

Многие сказали бы, что он этого не достоин. Но решали не люди, а камни. После рождения ребенка приносили в сад камней, чтобы один из кристаллов отозвался на его зов и признал хозяином, до самой смерти защищая его разум от мертвых. Ничто не могло помешать этому: ни потоп, ни народное восстание, ни высадка инопланетян, ни отсутствие денег или времени. На земле, где призраки убивали живых,

беспечность обходилась очень дорого. Но бывало и так, что младенцу отвечал не один камень, а два, еще реже – три. Кад-арт – камень разума, вид-арт – камень сердца, сем-аш – камень души. Три кристалла, три хранителя. С абсолютно одинаковой электронной начинкой и по сути взаимозаменяемые, но если поднять сопротивляемость каждого хотя бы на пару единиц, способность противостоять блуждающим усилится ровно в три раза. Таких, как мужчина напротив, называли счастливыми. Таким завидовали.

– И остался таким же молчуном, – Шрам перевел взгляд на окно и без эмоций спросил. – Сколько?

– Откуда Вы...

– Ко мне за другим не приходят, – мужчина развел руками. – Только за деньгами.

– Мне нужны не деньги, мне нужна работа.

– Сколько?

– Тридцать пять тысяч, – Тилиф прищурился, и парень добавил. – И у меня только два, максимум три дня.

– Да, все такой же, – словно разговаривая сам с собой, повторил Шрам. – Работа на пять тысяч и на тридцать пять сильно отличаются друг от друга. Ты понимаешь это, Малой?

– Понимаю.

– Хорошо, – мужчина усмехнулся. – Возвращайся к матери в больницу.

Макс скрипнул зубами, вызвав еще одну полу улыбку. Шрам всегда знал то, что требовалось знать. Мужчина до-

стал из кармана телефон и протянул парню.

– Нам нужна связь, судя по тому, что звонил ты с матушкиного, с этим проблемы, – он бросил аппарат Максу на колени. – Прекрати разыгрывать передо мной белошвейку с принципами. Сделаем дело – вернешь.

– Когда? – Грош убрал трубку в карман.

– Я позвоню, – мужчина взял отложенную книгу и перевернул страницу.

Макс ждал звонка весь остаток дня и даже часть ночи, которую провел в больнице, легко поддавшись на материнские уговоры. Точно также поддался и врач, и сестра-хозяйка, выделившая парню закуток со швабрами, раскладушку и байковое одеяло неопределенной расцветки. Он мог пойти домой, он почти хотел этого, но, глядя в умоляющие серые глаза, сдался. Мать не боялась оставаться одна, она боялась, что один останется он.

Но дома он все-таки побывал, пусть и не совсем так, как рассчитывал.

Чтобы добраться до родительской квартиры, нужно сесть на третий автобус, доехать до церкви, пересесть на девятнадцатый и выйти за одну остановку до конечной, на улице Старого Яма.

А можно дойти пешком. Сжимая руки в кулаки, то и дело останавливаясь, задирая голову к темному небу. Двухчасовая прогулка как способ успокоить бушевавшую внутри ярость.

Знакомая до каждой выщерблины лестница, дверь из фанеры, выкрашенная коричневой краской. У него не было ключей, но он почему-то был уверен, что она не заперта. Полумрак коридора, брошенная как попало обувь, мерцающий свет работающего телевизора в дверном проеме.

В большую, обставленную старой мебелью комнату, он прошел, не разуваясь. Круглый стол по центру, вместо скатерти – затертая на сгибах клеенка. На стуле, глядя на беззвучное изображение экрана, сидел мужчина. Перед ним опустошенная наполовину бутылка, стопка и банка помидор.

– Пришел, умник? Я уж заждался, – он рассмеялся. – Давай-давай, проходи, выпей.

Рука схватила бутылку и прозрачная жидкость, булькнув, перелилась в стопку. Мужчина был нетрезв, но движение отработано настолько, что мимо не пролилось ни капли.

– Давай, – взмах рукой.

Гость не шевельнулся.

– Али ты не мужик?

Вошедший не ответил, он стоял и смотрел на стареющего алкоголика, с его выпирающим брюшком под растянутой майкой, на волосатые руки, и испытывал отвращение. Больше всего на свете ему хотелось оказаться подальше от этих стен, оклеенных обоями в цветочек, подальше от этого пьяного уroda.

– Али ты меня не уважаешь? Уже запахло поднять стопку с таким как я? – мужик поднялся, угрожающе качнулся впе-

ред, пальцы сжались в кулаки. – Высокомерный щенок. Все вы чернорубашечники такие, все...

Он замахнулся, но гость легко ушел от удара. Пьяного повело в сторону, он задел бедром стол. Бутылка упала, разливая остро пахнущую жидкость.

– Урою, мразь, – заорал он, бросаясь на молчаливого гостя.

Бутылка докатилась до края стола и упала на пол, каким-то чудом не разбившись.

Хозяин ударил снова, на этот раз удачнее, по лицу не попал, но задел плечо. Пришедший толкнул пьяного, тот грузно сел обратно на стул.

– Ублюдок, – взревел мужик, поднимаясь и бросаясь на гостя, лицо покраснело, вены на шее вздулись.

Это даже не было похоже на драку. Это вообще не на что не было похоже. Размашистые, дерганные движения пьяного с лихвой компенсировались силой. Пришедший отступал, блокировал удары, словно не желал причинять хозяину вред. Замах, гость пригнулся, короткий рык, удар в пустоту – и пришедший скользнул в сторону. Ругательство, гость перехватил руку и снова оттолкнул от себя хозяина.

Но долго так продолжаться не могло, от всех ударов не уйдешь. И кулак мужчины все-таки врезался в живот. Из горла пришедшего вырвался хрип.

– Получил, сопляк, – удовлетворенно сказал пьяный и ударил снова, на этот раз в грудь.

Гость согнулся, задевая и опрокидывая стул.

– Мразь!

Мужик налетел, уронил противника на пол, подмял под себя и ударил. Гость поднял руки, все еще защищаясь, а не атакуя.

– Я научу тебя уважать старших! Научу, – удар по рукам, – уважать, – удар в лицо – и что-то хрустнуло. – Старших!

Гость все еще молчал, и только хриплое дыхание срывалось с разбитых губ. И это бесило мужчину. Он хотел слышать мольбе о пощаде, он привык их слышать. Это доставляло удовольствие, охлаждало ярость. Они должны были хныкать и просить. Он здесь хозяин. Он и только он будет решать, когда остановиться. Но упрямый молодчик в черной рубашке продолжал молчать.

– Сопляк! – удар.

Темно-серые глаза встретились с черными, небо с землей. Что они увидели друг в друге? От чего занесенная рука пьяного чуть дрогнула? Неизвестно. Но мужик бы все равно ударил, на этот раз чужая безмолвная боль не приносила удовлетворения.

Из-за спины нападавшего появилось лезвие, поймало искусственный свет телевизора и четким движением прочертило на горле хозяина горизонтальную линию. Кожа разошлась, в стороны, окатив лицо и руки гостя, алой кровью. Булькнуло, челюсть клацнула, и прежде, чем мужик с оставившимся взглядом повалился вперед, пришедший успел

подумать лишь об одном: «Почему кровь такая горячая? Разве она может быть такой горячей?»

Макс рывком поднял голову от подушки. Все еще ощущая на коже обжигающее прикосновение чужой смерти. Сердце грохотало в ушах, во рту было сухо, пальцы сжимали край одеяла.

Что было? Сон? Явь? Мечта?

Парень сел и протер лицо руками. День начинался так, что впору совсем не вставать с кровати.

Телефон зазвонил за полчаса до полудня, ровно в тот момент, когда он сидел в палате матери, а человек в серой форме корпуса правопорядка сообщал, что этой ночью в их доме был убит его отец, Грошев Вирон. Не ответить он не мог, пусть мать, едва замечая, что происходит вокруг, цеплялась за руку, как заведенная повторяя одно и то же:

– Нет! Боги, нет! Макс, нет, пожалуйста!

Парень поднес телефон к уху.

– Серый тенвер на больничной стоянке, – сказал хриплый голос. – Избавься от формы, в ней ты привлекаешь внимания больше, чем клоун в трико, – голос замялся, но все же добавил. – И постарайся не привести «следака», что сидит напротив.

Макс опустил аппарат. Пальцы матери впились в его запястье, из глаз катились слезы, на рвущее грудь дыхание не

хватало дыхания. Она мотала головой, не слушая, что говорил офицер. Не желая слушать, и все еще повторяя:

– Нет! Нет! Нет! Максим!

Будто он что-то мог изменить.

Конструкция вокруг ее колена шевельнулась, когда она попыталась приподняться, но парень положил руки на плечи, удерживая на месте, и едва заметно кивнул капитану корпуса. Слава богам, тот все понял.

В палату вошли трое, соседка с напуганным лицом, доктор и медсестра, сменившая Гроша у кровати, и также старающаяся удержать мать на месте.

– Как он умер? – спросил Макс, выходя вместе с офицером из палаты.

– Ему перерезали горло, – ответил мужчина.

Парень до боли стиснул зубы, стараясь отогнать картинку того, как из ровного, словно прочерченного по линейке, разреза толчками выходила кровь. Макс оглянулся, матери как раз делали укол, а она продолжала плакать.

– Один из соседей видел около дома молодого человека в черной форме, – мужчина средних лет демонстративно осмотрел рубашку Макса.

– Я всю ночь был здесь.

– Знаю, – капитан, кад-арт которого был спрятан под форменной рубашкой, жестом предложил студенту пройтись по коридору. – Твоя мать уговорила врачей нарушить правила. Но это не значит, что ты не мог выбраться.

– Не значит, – согласился Макс.

– Сестрички на дежурстве заскучали и решили позвать тебя в свою теплую компанию, живой псионник, и все такое, – мужчина позволил себе легкую улыбку. – И было это в аккурат около двух часов ночи.

– Я не был в сестринской.

– Точно, у них руки не поднялись тебя будить. Но этим своим любопытством они сделали тебе алиби.

– А оно мне нужно?

– Этот же сознательный сосед видел, как пару дней назад Грошев старший спустил свою жену с лестницы. И он же вызвал ей скорую, – они остановились у окна. – Рвать волосы от горя ты вроде не собираешься, так что сам скажи, нужно тебе алиби или нет.

Макс отвернулся.

– Когда ты в последний раз виделся с отцом?

– В прошлом году в августе, приезжал на побывку.

– Не начинай врать, – строго предупредил офицер. – Тебя видели у дома вчера в десять утра, через час после прибытия автобуса из Шоромы.

– А вы многое уже успели, – кивнул Грош. Сквозь оконное стекло была видны часть стоянки и серебристый тенвер, стоящий с правого угла здания. – Видели меня? Или человека в черной форме?

– После того визита Грошев был жив и здоров, он даже успел полаяться с соседкой Ехивановой, – сказал капитан. –

Не понимаю, зачем тебе это скрывать.

– Не зачем. Только вот незадача, я там не был и не мог быть. Автобус три часа простоял под Листовцом. Я приехал в начале двенадцатого.

Мужчина крякнул.

– Н-да, успел многое, но не все, – он улыбнулся, только глаза остались цепкими, оглядывая каждый сантиметр черной формы.

– Хотите взять в лабораторию? – предложил парень. – Убийство – грязнее не придумаешь, а всю кровь не смоешь.

– Хочу, – не стал отнекиваться офицер.

В подсобке собранная раскладушка и сумка с вещами все еще соседствовали с оцинкованными ведрами и швабрами. Пока Грошев переодевался в клетчатую рубашку и серые джинсы, капитан внимательно осмотрел вещи.

– У тебя есть нож? – задал он вполне ожидаемый вопрос.

– Конечно, – Макс расстегнул боковой карман, вытащил складной нож, выигранный в споре и, положив поверх стопки черной одежды, передал следователю.

– Теперь все?

– Пока да. Город не покидать.

– Это вряд ли, – Макс достал выданную Арчи бумагу. – Через три дня я вернусь в лагерь, а еще через месяц – в Академию.

– Значит, поторопим лабораторию.

– Меня задержат?

– А что, очень хочется? – на этот раз улыбка офицера была искренней. – Алиби плюс добровольное сотрудничество со следствием, еще кое-какие детали, которые я не вправе раскрывать – все это заставляет меня не торопиться с выводами.

Парень нахмурился, раньше отсутствие доказательств никого не смущало, хватало одного его вида. В резких, почти хищных чертах лица, легко было видеть злодея. И ведь видели, да и он обычно оправдывал ожидания публики.

– Капитан, – окликнул уходящего следователя Грош, может, тот и представлялся, но имя парень успел начисто забыть. – Он вернулся?

– Это ты у коллег спроси, – мужчина обернулся. – Не сегодня-завтра специалисты явятся к твоей матери, и ей придется с ними поговорить.

Макс и сам это знал. Но волновало парня совсем другое: чтобы не происходило в лагере, оно последовало за Грошем сюда. Ни о какой случайности не может быть и речи. Девять из десяти, что охота шла именно за ним.

Урок шестой – Экономика

Тема: «Заработная плата и пути ее формирования»

Серебристый тенвер¹⁴ пересек черту города после полуночи. Макс давно перестал вглядываться в темноту за окном. Как сказал сидящий на переднем сиденье Тилиф, он либо делает дело без вопросов, либо выходит из машины. Водитель, бритый детина с жирной складкой на затылке, издал подхалимское «гы-гы», что надлежало понимать, как смех, и вывернул руль, бросая автомобиль в поворот.

Парень знал, что дело за тридцать пять тысяч ему не понравится. За такую сумму оно и не должно нравиться. Но Шрам был прав: выбора, кроме как гордо хлопнуть дверью, не было. А гордость нынче дешева, чтобы там не воспевали в легендах.

Местность он узнал сразу, не раз бывал здесь на практике. Под ложечкой неприятно засосало. Вороховка. Не город, а кладбище Империи. Гигантский от горизонта до горизонта могильник. Сюда свозили умерших со всей страны, и здесь же предавали земле. Никто не хотел жить рядом с захоронениями, но местные как-то приспособились, и городок постепенно рос и расширялся, правда, не такими темпами, как кладбище.

¹⁴ Тенвер – марка машины, характеризуется целым рядом моделей внедорожников.

Машина въехала на территорию Вороховки с юга. Погост не огораживали. Сумасшедшие, решившие поиграть с призраками, сбегают из больниц не так часто и, как правило, долго не живут. Рыжая песчаная грунтовка закончилась. Впереди расстились холмистые поля памятных знаков, плит, крестов, статуй и даже кое-где склепов. Водитель заглушил мотор и выключил фары. Глаза медленно привыкали к темноте. Никто не кинулся на автомобиль: ни мертвые, ни живые.

– Вперед, – командовал Шрам.

Бритый детина открыл багажник, о землю ударились две лопаты и массивный фонарь на изогнутой ручке.

– Осквернение захоронения – до пяти лет, – проинформировал мужчин Макс.

– Мелковато для нас, – Тилиф обернулся к водителю.

Тот повторил на бис свое «гы-гы» и взял лопату. Groш подхватил вторую и фонарь. Шрам указал направление, в луч света попали памятники, огороженные коваными заборами и уходящая в темноту тропинка.

– Самое время посвятить меня в детали, – сказал Groш.

– Мне нужно вскрыть могилу, – ответил идущий первым Тилиф, мужчина сменил деловой костюм на спортивные штаны и темную ветровку.

– Я понял. Чья могила? Чей хвост? Есть ли привязка?

– Много вопросов, – буркнул позади водитель.

– Малой молод и любопытен, – ответил Шрам, – но не

групп. Заметь, он не спрашивает о причинах.

– Если призрак привязан, заперт в прямоугольнике могилы, я могу преспокойно подождать вас в машине.

Раимов развернулся к Грошу, вынуждая парня остановиться.

– Поясни.

Макс почувствовал, как сзади к нему вплотную подошел водитель.

– Если блуждающий заперт, я не смогу пересечь границу захоронения. В противном случае, вернувшийся может перетянуть меня на ту сторону, в свой мир. В результате, вам придется отмахиваться лопатами уже от меня.

– Что-то я не понял, – нахмурился Шрам. – Вы вроде в хранилище каждый день с кубами играетесь. И все пока в этом мире.

– Поместите могилу в герметичный куб, цилиндр, шар, и я сыграю им в футбол. Мы с ними работаем, но никогда не лезем внутрь, пока прах активен, пока привязка воняет, какдохлая рыба. Представьте себе комнату, наполненную газом, вы войдете туда? – тот, кого мужчина назвал Лбом, хрюкнул. – Так понятнее?

– Более чем, – Тилиф развернулся и снова пошел вперед. – И так со всеми? Никто не может ступить на могилу, если к ней привязан призрак?

– Почему, любой может ступить. Может даже станцевать и спеть. Пока не начнет разорять захоронение, он для призра-

ка не интересен. Никто не интересен, кроме псионника. Если тигр заперт в клетке, охотнику лучше туда не заходить, – парень вдруг запнулся, оглянулся, всмотрелся во тьму.

– Я не понял, – проворчал Лоб. – Есть призрак, есть могила?

– И есть люди, которым он мстит, – пояснил Грош, оторачиваясь от водителя и возобновляя движение. – Например, за отдавленную в транспорте ногу. Такой призрак называется «хвостом». Не смертельным, но не очень приятным.

– Человеку начинает тяготиться визитами, – вставил Раимов. – И обращается к психам с заявлением о привязке мертвеца. Так?

– Так, – согласился парень, не упоминая о том, сколько времени и нервов это будет стоить. Очереди в службе контроля на привязки огромные. – Блуждающего привязывают к месту захоронения.

– И что? – спросил водитель.

– И все, – развел руками Макс. – Призрак заперт, люди живут долго и счастливо. Пока не обзаведутся следующим хвостом (подумал он), а вслух добавил:

– Но если те, кто связан с мертвым, придут сами... если глупая мышь идет в логово кота, значит одной мышью станет меньше.

– Слышишь, Лоб, с кем он меня сравнил? С мышью.

– Хвост ваш?

– Мой, мой. И я еще не обращался по поводу его привяз-

ки.

– Что? – Лоб проследил, как Макс в очередной раз хмуро оглядывается.

– Ничего. Справа как раз привязка, вот и фонит, – студент пошел дальше.

– А остальные? Не психи и не связанные со жмуриком люди?

– А остальных он попросту не замечает, – ответил Грош.

– То есть вся надежда на тебя, Лоб.

– Гы-гы.

– Если привязки нет, – парень передернул плечами, ему все время мерещился чужой, упирающийся меж лопаток взгляд. Ночные запахи земли, влаги и вонь потусторонних существ – все смешивалось и мельтешило, не давая сосредоточиться, – то и проблем нет, вернее, их не будет, пока не начнем копать. Вскрытие захоронения равносильно объявлению войны мертвому. Ему будет плевать, кто мы и кем были.

– Удержишь призрака?

– Класс опасности неизвестен? До четвертого удержу точно, это онн десять.

– Как же психи сами могилы вскрывают?

– Там целая команда работает.

– Тихо, – вдруг поднял руку Шрам. – Пришли.

Он указал на лаконичный черный монумент, вытесанный из черного камня. Блестящая поверхность отразила свет фо-

наря. Большая черно-белая фотография, с которой на них внимательно смотрел лысеющий мужчина средних лет.

«Кирилов Антониан Гремович», – гласила выбитая надпись. Макс почувствовал, как что-то неприятное зашевелилось в животе, что-то холодное и склизкое. Парень отвернулся и тут же наткнулся глазами на светлого мраморного ангела с мечом в руках. Аллея славы, тут придают земле только тех, кто заслужил благодарность Империи.

Кирилов Антониан работал в службе спасения, прославился тем, что, рискуя жизнью, вытащил семерых школьников из попавшего в горах под обвал автобуса. Его наградили Звездой героя и вроде даже отжалели квартиру от императорских щедрот. А через два года прославившийся спасатель пал смертью храбрых в неравной борьбе с огнем при пожаре на лесопилке. Теперь выясняется, что герой народа и его враг, как называли Шрама старушки возле подъезда, были знакомы.

Макс обернулся. Они были там, в темноте, невидимые и неосязаемые для людей, но всегда враждебные и наполненные яростью. Блуждающие, не нашедшие покоя после смерти. Он чувствовал их энергию, она (как обычно) смердела падалью.

– Там кто-то есть? – тихо спросил Тилиф, встав рядом с Максом.

– Да, – парень передал лопату Раимову и пояснил. – Мне нужны свободные руки.

Шрам не стал возражать и перехватил черенок.

– Сколько у нас времени? – спросил водитель, вставая по другую сторону могилы.

– До того, как хозяин кинется защищать свою недвижимость? – Макс пристроил фонарь на земле так, чтобы луч падал на землю. – От двух до семи минут. И я не уверен, что смогу удерживать призрака долго.

– Тогда начали.

Лопаты вошли в землю. Грош закрыл глаза и сосредоточился на окружающем пространстве. Он чувствовал едва колышающие нити энергии. Вокруг были одни мертвецы.

Они работали молча. Металл едва заметно скрежетал, соприкасаясь с камушками и перерубая корни растений, в стороны летели комья земли.

– Что за...? – высказался Лоб и добавил еще пару цветистых оборотов.

Парень открыл глаза, возвращаясь к реальности. За низким ограждением на тропинке, по которой они пришли, стояла девушка. Молодая и красивая с длинными распущенными волосами. Если не задаваться вопросом, что она забыла на погосте в такой час, то вполне можно принять за человека. Первым, что бросалось в глаза, было тонкое полупрозрачное платьице, скорее уж сорочка, и босые ноги. Псионник почувствовал нестерпимую вонь, живо напомнившую ему контейнеры для мусора, которые стояли с торца их дома в Тротороте. Девушка был мертва.

Энергию, которую вернувшиеся расходуют на атаку разума живых, этот призрак предпочел потратить на материализацию, на принятие человеческого облика, спрятав все потустороннее под красивой оболочкой. Никакой прозрачности, никакой туманной дымки. Обычная одетая не по погоде девушка.

Ни один живой никогда не сможет коснуться ее тонкого выступающего плечика. Несовместимость мертвого и живого. Стоит протянуть руку – и ее временное тело лопнет, как мыльный пузырь, оседая на землю вязким исчезающим ядом.

– Работаем, – прорычал Тилиф, вопреки собственным словам продолжая пялиться на девушку, только в его глазах вместо удивления была злость.

– Еще один хвост? – спросил Макс.

Вместо ответа Раимов яростно вонзил лопату в землю. Железо глухо обо что-то ударилось.

– А она не ...? – Лоб не закончил вопрос, возобновляя работу.

– Нет, – правильно понял его опасения Грош. – Во-первых, она материализовалась, это значит, сил на атаку нет и не будет еще несколько дней. А, во-вторых, она нас не видит.

– Почему? – лопата водителя тоже обо что-то ударилась.

– Мы на чужой территории, чужая могила – это что-то вроде слепой зоны для вернувшихся, – парень напрягся. – А вот и хозяин! Быстрее!

Грош развернулся, с ладоней сорвалась самая простая, самая интуитивная модификация. Щит. Не что иное, как волна нулевого поля, которая отбросила блуждающего.

Мертвый был в ярости. Второй бросок блуждающего, и второй щит. Пять онн.

Парень стоял на кладбище с закрытыми глазами и вытянутыми руками, словно слепец, старающийся поймать в ладони ветер. А за спиной два варвара лихорадочно выбрасывали из ямы комя земли, скребя железом по крышке гроба. За оградой на все это смотрела и не видела юная незнакомка в легком платье, такая же беспомощная в мире людей, как и тот, которого раз за разом отбрасывал псионник.

Бывший герой Империи сменил направление атаки, и Максусу пришлось развернуть щит. Семь онн. Удар отозвался болью в кистях. Затрещало взламываемое лопатами дерево. И, почувствовав это, блуждающий атаковал десяткой. Макс едва не упустил энергию, он впервые ощутил, что такое сила смертельной атаки. Чтобы отразить ее, у него ушла добрая половина сил, ухнула в никуда, образовав внутри пустоту.

Вернувшийся не остановился ни на секунду. Он снова сменил направление, бросаясь на мужчин с другой стороны. Очередной поворот – и снова волна нуля. Но на этот раз щит, прежде чем отбросить призрака, прогнулся. Псионник почувствовал, как его энергия поддается, отступает перед яростью мертвого.

– Все! – закричал парень. – Он превысил десять онн.

Шрам выругался и спрыгнул в яму, недоломанная крышка гроба затрещала под его ботинками. Он поднял лопату и ударил острием в то место, где должна была находиться голова умершего. Еще замах, и еще удар.

Макс снова выбросил щит, сейчас он напоминал человека, противостоящего сильному ветру, хотя ни один волос не шевельнулся на его голове, не качнулась ни одна травинка под ногами. Для живых этого ветра не существовало. Псионник чувствовал, как дрожит щит, как призрак своей яростью почти разрывает его.

Тилиф ударил еще раз, отбросил лопату, нагнулся, запустив руку в дыру, и что-то вытащил. Из кулака свисал, покачиваясь в воздухе, обрывок цепочки. Если бы кад-арты не сдавали в сад камней после смерти владельца, парень бы решил, что Шрам разграбил могилу из-за кристалла. Но камень для другого человека бесполезен, защитник сам выбирает хозяина, оставаясь для всех прочих красивой стекляшкой с электронной начинкой.

Щит просел, словно был не из энергии, а из гнилой фанеры. Выпустить следующую волну Грош не смог. Сила расползлась из пальцев, верный признак грядущего истощения.

Блуждающий ринулся в атаку, когда Шрам, уцепившись за руку водителя, выбирался из ямы. Раимов зарычал от боли, продолжая хвататься за чужую ладонь. Одиннадцать онн. Другой бы уже остался без мозгов, но не тот, у кого было полное трио. На груди наверняка останется ожог: отражая

атаки, камни нагреваются.

Лоб рывком вытащил босса из ямы. Макс сформировал из остатков энергии петлю и накинул на призрака ровно в тот момент, когда мертвый налетел на водителя. Сейчас не имело значения, кто чей враг, сейчас они все были для него мишенями. Они нарушили правила, они пришли к его останкам, они заплатят.

У Лба был всего один буро-серый камень, висевший на цепочке, которая уместно смотрелась бы на собачьей будке. Водитель закатил глаза, раскрыл рот в немом крике и рухнул лицом в кучу свежевыкопанной земли. Макс затянул петлю и дернул, отгаскивая блуждающего от мужчин, словно заарканенного невидимого зверя.

– Уходим, – прохрипел, поднимаясь, Шрам.

Из носа шла кровь, его шатало, но он остался в сознании. Раимов мог стоять, мог говорить, мог думать, а это уже не мало. Блуждающий рванулся к нему, энергетическая нить врезалась Макс в ладонь, лопнула кожа, из сжатого кулака потекла кровь.

Грошев вывернул руку, раскручивая петлю и освобождая блуждающего, и тут же закрутил обратным ходом. Сила хлестнула по вернувшемуся подобно кнуту и отбросила его в противоположную сторону. Энергии почти не осталось, поэтому он позволил петле выскользнуть из пальцев. Он смог выиграть еще несколько секунд.

Шрам ухватил водителя за шиворот и поволок прочь. Ло-

паты остались лежать на земле. Макс не стал обходить яму, а просто ухватился за забор и перепрыгнул ограду. Тилиф успел вытащить помощника через проем, когда призрак атаковал вновь.

Раимов упал, издав не то краткий крик, не то всхлип. Мужчина выгнулся дугой и стал кататься по земле, беспорядочно хлопая руками себя по телу.

Полная проекция. Антониан погиб в огне и теперь проецировал свою смерть в разум врага. Так убивают блуждающие, записывая тебе в мозг то, от чего умерли сами. Очень качественно записывая, жертва верит и умирает. В данном случае от ожогов, от огня которого здесь не было.

Грош собрал в руки все, что у него осталось и даже немного больше, и выплеснул тоненький, легкий, как паутина, слой абсолютного нуля, на ходу направляя его на упавшего Шрама. При поддержке камней это даст тому шанс. Тилиф должен жить, он еще не расплатился.

Они вышли за границу захоронения и скоро снова станут для вернувшегося чужаками. Но не так быстро, его ярость не так просто охладить, пока он еще видел землю на их ботинках, чувствовал боль от вскрытия могилы.

Но Раимов как на могиле с лопатой в руках, так и вне ее оставался врагом, разница лишь в силе атаки. В обычное время хвост не смертелен. Макс не знал, что они не поделили при жизни Кирилова, да и не хотел знать. Он должен сделать свою работу и получить деньги.

Волна нуля прошла над мужчиной, призрак отпрянул. Тиллиф остановился, тяжело дыша и конвульсивно подергиваясь. Секунда, две – и блуждающий повторит атаку. А Макс был пуст, совсем как после экзамена по привязкам. Неприятное сосущее чувство пустоты и предчувствие неудачи холодом разлилось внутри, заставляя сожалеть, что вообще ввязался во все это.

Только вот на жизнь Раимова было уже два претендента. Девушка в белом увидела Шрама, и ее глаза зло сощурились, разом стирая с тонкого лица всю красоту. Они сорвались с места одновременно, Макс и мертвая незнакомка, босые ноги которой едва касались травы. Она очень спешила, как мотылек, стремившийся к огню, для мертвых это рефлекс.

Девушка налетела на мужчину, и мертвое соприкоснулось с живым. Временное тело призрака разлетелось вязкими брызгами, окатив Гроша и Шрама с головы до ног. Макс поднял руку и рукавом стер с лица материю блуждающих.

Смесь немиротацина и гаростида один к одному, сильнейший яд, появляющийся из ниоткуда и исчезающий в никуда. Сквозь кожу не впитывается, но прими внутрь пять кубиков – и можно заказывать похороны, противоядия не существует.

Не успел Грош отвести руку от лица, как почувствовал приближение первого призрака. Парень бессильно попытался собрать хоть что-то, хоть мизер на укол. Ухватил грамм силы, выбрасывая из руки почти бесполезное шило.

И мир качнулся, на мгновение теряя четкость. Перерасход... Вспомнилось любимое словечко одного из преподавов, когда самые упертые пытались третий раз за день сдать экзамен. Если сила кончается, в ход идет жизнь. Он не мог остановить призрака.

Блуждающий почти атаковал Шрама. Почти убил. Присутствие чужой энергии Макс ощутил острым, режущим обоняние запахом бензина, словно под ноги плеснули литр другой. За миг до того, как вернувшийся влил в разум Шрама смерть, кто-то заключил его в кокон, ослепляя и отрезая от живых. Кокон – более сложная модификация щита, когда его края смыкаются вокруг мертвого, удерживая его в абсолютном нуле. Сил он жрет немерено.

Макс не раздумывал. Все потом: и вопросы, и ответы, и эмоции. Парень ухватил Тилифа за руки и поволок в сторону. Кожа, покрытая слизью блуждающего, была холодной и скользкой. Грош подтащил мужчину могильному камню, на котором было выбито изображение широкоскулой женщины с раскосыми глазами, выдававшей уроженку Винии¹⁵.

Кокон тут же раскрылся, и призрак ушел ввысь. Раимов стал для него невидим, также как ранее для девушки в со-

¹⁵ Виния – область на востоке Империи камней, потерявшая независимость в период мертвых веков. Население: национальное меньшинство – инийцы, после опустошительных войн трех императоров, демография восстановилась на 40%, на сегодняшний день ассимиляция малых народов империи достигла 65% ... (Визуальное народоведение Империи. Ежегодный альманах нового обозрения, 2000 экз., памятное издание, цена...).

рочке.

Грош выпрямился и выскочил на тропинку, он все еще чувствовал чужую силу. Тот, кто спас Шрама, стоял там, где заканчивалась песчаная дорога. Макс бросился к едва различимому во тьме силуэту, петляя и между могил, и стараясь не потерять из виду невысокую фигуру. К несчастью, незнакомец совсем не горел желанием получить благодарность и не остался на месте.

Преследование в темноте – удовольствие не из приятных, ты не можешь бежать без оглядки, не видишь препятствий, теряешь ориентацию, и, наконец, останавливаешься, стараясь сдержать дыхание, оглядываешься и ничего не видишь.

Они влетели в молодой лесок за дорогой с интервалом в несколько секунд, Макс даже слышал, как захрустели ветки, когда незнакомец продрался сквозь придорожные кусты. Но когда он последовал за ним, вокруг уже царил тишина. Грош углубился на десяток шагов и замер, прислушиваясь. Это был даже не лес, а его преддверие, но он смог разглядеть лишь темные влажные стволы, да и то, когда они оказывались перед самым носом. Чужая сила рассеялась в пространстве, и пока незнакомец не применит ее снова, найти его по энергетическому следу невозможно.

Макс почувствовал, как в нем закипает злость. Его подводят под кражу, потом под убийство, и вдруг помогают. С чего вдруг?

Уловив краем глаза движение справа, парень бросился ту-

да, чтобы через два шага остановиться. Сухая ветка, хлестнув по лицу, чудом разминулась с глазом. Бесполезно. Все, что незнакомцу надо, это оставаться неподвижным, и тогда Макс пройдет в паре шагов и не заметит.

Парень оперся рукой о шершавый ствол, ладонь тут же заныла, к ране прилипли кусочки коры. Звук собственного дыхания казался оглушительным. Лес шуршал ветром в кронах, отзывался тиканьем сверчков и цикад.

Пустота внутри неожиданно заставила его почувствовать себя голым и беззащитным. Энергия была бесполезна против живых, но парень привык к тому, что она всегда с ним, смирился полагаться на силу. Противоречивое открытие. И неприятное – он презирал свой дар.

За спиной хрустнула ветка, Грош развернулся, с трудом представляя, что будет делать. Поблагодарит за спасение Шрама? Даст в морду за отца? На основании того, что кто-то видел черную форму, а спасший его был псионником? Не рано ли ставить знак равенства?

Парень принял универсальную стойку, влоборота, одна нога чуть выставлена вперед: из такой позиции можно как атаковать, так и обороняться.

Во тьме блеснули глаза, и хриплый голос произнес:
– Ты упустил свидетеля, Малой.

Парень выдохнул. Шрам двигался тихо, даже несмотря на судороги, то и дело пробегавшие по телу – остаточные явления атаки, когда нервная система пытается восстановиться.

В руках мужчина держал что-то по очертаниям очень похожее на пистолет.

Ветер снова зашумел, и парень напрягся, запах падали, сперва едва уловимый, стал приближаться. Темнота леса вдруг стала враждебной. Где-то там был незнакомец с неясными намерениями. Где-то там был призрак. А у него только едва стоящий на ногах Шрам с огнестрельным оружием.

– Что вы бы вы не взяли из могилы Кирилова, советую избавиться. Иначе нас ждет второй раунд. А я пуст.

– Черт тебя возьми, Малой, – мужчина вытащил из кармана что-то уместившееся на ладони и поднес к лицу, сясь разглядеть.

Макс зашипел, запах мертвечины приблизился, он выхватил телефон, дернул руку мужчины на себя, заставляя того вздрогнуть, и сделал несколько снимков. От режущей белизны вспышки перед глазами заплясали цветные пятна. На ладони Тилифа лежала железная табличка с выбитым номером, такими обзаводятся солдаты, пожарные и спасатели, чтобы облегчить опознание тела. Если он хотел узнать номер Кирилова, был способ проще, неужели в их ведомстве никто не берет взятки?

Но мысли Грош оставил при себе, ему платили не за это. Парень подхватил тонкую пластинку, бросил мужчине вместо нее телефон и, размахнувшись, отправил находку в полет. Что-то едва заметно стукнуло. Качнулись ветки, и все снова замерло. Парень напряг все свои чувства, блуждающий

отступил, оставаясь все еще где-то рядом, но не собираясь приближаться. Раимов повел пистолетом из стороны в сторону.

– Нажмете на курок, и смертельный хвост вам обеспечен, – проинформировал Тилифа Грош.

– Вряд ли. Тут только ты, а псионники, не возвращаются, – мужчина опустил оружие, и оперся о ближайший ствол. – Удобно, не находишь? Вы единственные, *кто* может убивать, не боясь мести мертвых. И вы единственные, *кого* можно убивать по той же самой причине.

Макс попытался рассмотреть лицо Шрама, но в темноте оно казалось чуть более светлым овалом. Тилиф говорил правду. После смерти возвращались процентов восемьдесят умерших. Пять, по неясным до сих пор причинам, уходили навсегда, а оставшиеся пятнадцать – это псионники, умиравшие, как обычные люди, и никогда не возвращающиеся. Для пси-специалистов загробной жизни не существовало.

– Расслабься, Малой. Я хорошо стреляю, поэтому и жив до сих пор. Совсем необязательно убивать, чтобы вывести из строя, – Раимов вдруг согнулся, и Макс услышал звук рвоты. – Не возражаешь, если мы обсудим принципы друг друга после того, как приберем за собой и свалим, – сипло спросил он спустя минуту.

Урок седьмой – История

Тема: «Письменность древних народов»

Боль выдернула Макса из сна. Ленка Афанасьева, ткнувшая его шариковой ручкой, возмущенно поджала губы. Зануда и заучка, у которой почти не было друзей, потому что живым людям она предпочитала книги. Grosh поднял голову и, глядя ей в глаза, демонстративно зевнул. Староста курса отвернулась, отгораживаясь от него учебником.

Grosh заморгал, Володин как раз закончил инструктаж, и все потянулись к выходу. Каждый выходящий из аудитории брал со стола лектора прямоугольный листок бумаги. Эдакий экзамен, где ученикам не требуется отвечать, а только лишь говорить номер билета. Историк в своем репертуаре – все ищет новые способы заинтересовать студентов непрофильным предметом. Парень, не раздумывая, взял ближайший.

– Groшев – тринадцать, – сказал он препода и последовал на выход.

Около корпуса ученики становились в шеренгу. Арчи, хмуро оглядывая нестройный ряд, задержал взгляд на Максе. После возвращения из Троторота они разговаривали два раза.

Первый – перед допросом, которому его подвергли специалисты из Шоромы. Grosh не заметил у следователей никаких увечий, оставшихся в память о встрече в Некрополь-

ском. Распускать руки в стенах лагеря мужики не осмелились, ограничившись многообещающим: «Расскажи все сам, а то хуже будет».

Второй – состоялся накануне, Арчи проинформировал парня, что операция его матери прошла успешно, ей предстоял долгий курс реабилитации. И похороны.

Ни один человек не спросил Макса об отце.

– На первый и второй рассчитайся, – скомандовал Андрей Валентинович, и студенты начали вялую переключку. – Первые номера, шаг вперед. Старший группы – Ильин, маршрут номер семнадцать.

Невысокий и коренастый Пашка Ильин подошел к преподавателю и получил бумаги. Многие, обманутые простоватой внешностью, видели в нем лишь недалекого деревенского увальня, тогда как в последнем семестре он заработал право на дополнительную Императорскую стипендию.

– Вторая группа – маршрут номер одиннадцать, за старшего – Самарский.

Макс поймал тоскливый взгляд Лисы, которой выпало идти с Ильиным.

– Спорим, мы сделаем Увальня часа на три, – Игрок толкнул Макса в плечо.

Грош не ответил, спорить на что-то очевидное не имело смысла.

– Игроков, Грошев. Задания получили?

– Так точно, – рявкнул Леха.

Парень посмотрел на свой листок.

– Образец быта древних интар, – прочитал вслух любопытный Алексей. – Повезло, можешь хоть камень из Солнечного притащить и выдать его за древний молоток.

– Ага, – закатил глаза Арчи, – Васька в прошлом году так и сделал, и огреб неуд.

– Почему? – удивился Игроков.

– Потому что гранит в этих горах не водится. Так что подбирать абы что, вроде щебня, которым ямы на дороге засыпали, я бы не рекомендовал, – препод посмотрел на часы. – У вас десять часов до Солнечного и обратно, – хлопнул Леху по плечу и отошел.

– Малышке совсем не повезло, – Игрок посмотрел на миниатюрную Натку, которую со спины чаще принимали за девочку, чем за девушку. – Ей нужен образец письменности, – Алексей хмыкнул. – У интар ее не было. Пойду, предложу ей сразу написать на стене что-нибудь вечное из трех букв и не мучиться, – парень рассмеялся.

Макс машинально отметил, что Игроков так и не сказал, какое задание получил от историка сам.

Маршруты меняли каждый год. Практика будущих психологов включала в себя долгие пешие переходы, ориентирование на местности, навыки выживания в дикой природе, уроки первой помощи и то, ради чего все было затеяно – поиск захоронений. Ну, а историк, узнав, что тропы

частенько прокладывали мимо древних развалин, прибавил студентам работы. Теперь псионники должны были притаскивать какие-нибудь древние черепки и нудно о них разглагольствовать.

Если заглянуть в любой дневник практики, то записанное там вызовет слезу умиления даже у самых придирчивых учителей. Студенты усердно собирали растения, тренировали выносливость, изучали созвездия, учились форсировать реки. Разные варианты таких сочинений ежегодно пачками ложились на стол Нефедычу, и он давно уже ничего не читал, не глядя ставя подпись. В прошлом году Игрок на спор распечатал и сдал отрывок из пособия по сексуальным расстройствам, больше похожим на радости. И ничего, получил свой дневник практики назад с размашистой визой Куратора.

На деле они пили, купались, травили байки у костра, целовались и не только. Палатки обычно разговорчивостью не страдают, а слухи ходят всегда: не об этой парочке, так о другой. Но это в долгих переходах, а сегодня группам предстоял короткий. Часа четыре до развалин Солнечного, час на привал, четыре обратно, один в запасе – к ночи будут в лагере.

– Если идти все время на север, можно добраться до экспериментального бункера, – миниатюрная Наташка Мартынова присела, завязывая шнурок.

– Точно, а если на запад, то в Имперский, – добавил, проходя мимо девушки, Леха. – Представьте, что будет, если

спуститься в шахты – ход к центру планеты найдем, не иначе.

– Да ну тебя, – фыркнула Натка, возвращаясь на тропу.

Макс монотонно шагал за Даном, замыкая цепочку из девяти человек. Ильин увел в горы десятерых. Два дня назад Машка простудилась и теперь весело проводила время в компании градусника и жаропонижающего, а Самарскому достался неполный десяток.

– Как вы думаете, нас бы туда пустили? – задумалась Светка Корсакова, сегодня ее светлая коса была забрана наверх.

– Не знаю, как вы, а я собираюсь выбрать экспериментальную псионнику¹⁶ и следующую практику буду проходить уже там, – чопорно произнесла староста Ленка, топя сразу за Артемом, уводившим отряд в горы.

– А я в следаки подамся, – подал голос Сенька Соболев. – Те, что из Шоромы, классные мужики! Вот увидите, они живо найдут вора и...

Все повернулись и посмотрели на Грошева: кто-то мельком, кто-то с вызовом. Посмотрели и замолчали, словно произнесли вслух какую-то неловкость.

Макс достал из вещмешка флягу и глотнул воды. Дорога все время шла вверх, под ботинками твердая земля, над головой солнце. Вдоль широкой тропы тянулись старые заросшие травой рельсы, которые не потрудились разобрать после истощения месторождения.

¹⁶ Псионника – наука о пси-энергии. Псионник – ученый, специалист ее изучающий, постепенно стало обозначением любого обладающего пси-силой.

– Я, – прервал неловкое молчание Самарский, – заявку в группу немедленного реагирования подал.

– Офигеть, – прокомментировал Игроков. – Чего ты там забыл? Обвал, эпидемия, авиакатастрофа, наводнение! По колено в трупах будешь.

– Мы все в них будем, – со вздохом добавил широкоскулый винииец Дан Тимирязев, шедший перед Грошем.

– Сам-то куда собрался? – спросила Светка.

– Не знаю, может, в моделирование или в аналитику, еще не решил, – пожал плечами Дан.

– А ты, Макс? – вдруг спросил Самарский, останавливаясь и доставая карту.

И снова взгляды, снова молчание, слишком явное, слишком осязаемое, чтобы списать на воображение. Лишь Леха соорудил дебильную рожу, сведя глаза к переносице. Артем нахмурился.

– Мне плевать, – ответил парень.

Афанасьева фыркнула, сейчас в ее руках не было учебника, так что она предпочла просто отвернуться.

– Долго еще? – спросил Васька Кузнецов, еще один неразговорчивый парень, правда, не вызывавший в людях тех чувств, что Грошев. Может, из-за добродушного широкого лица, а, может, из-за готовности помогать. Все знали, если попросить Молчуна о помощи, то он не откажет.

Группа остановилась. Шесть мужчин, три девушки и девять рюкзаков с водой, сухим пайком и аптечками первой

помощи.

– Здесь мы сходим с тропы, – сказал Самарский, указывая на северо-восток. – Час до Трепетного ручья, потом вверх по течению еще два, и мы выйдем на южную окраину Солнечного.

Макс задрал голову, солнце висело прямо над головой, на склоне не росло ни одного деревца. Прогулка будет жаркой.

К ручью они добрались даже раньше, чем планировали. И без происшествий, если не считать жука, забравшегося в волосы Афанасьевой. Она стойко держалась почти всю процедуру излечения, хотя Макс сразу достал нож и предложил срезать вместе с головой... тьфу, прядью.

По столь значительному поводу Артем объявил десятиминутный привал. Девчонки прыгали вокруг Ленки. Игрок – вокруг Натки. Дан бросил вещмешок на землю и сел рядом. Самарский решил пройти чуть выше по течению, чтобы наметить путь.

Ручей Трепетный был достаточно широким, чтобы претендовать на звание речушки. Изгибаясь, он полз по склону, огибая деревья и кусты, изредка натыкаясь на валуны, подныривая под камни. Макс скинул ботинки, сел на берег и окунул ноги в воду. В первый момент от холода даже перехватило дыхание – такой ледяной она оказалась. Трава на берегу была сочной и высокой, практически срывая его от сокурников. Дно, усыпанное округлыми разноцветными ка-

мешками, прекрасно просматривалось. Грош закрыл глаза, откинулся на спину и позволил себе несколько минут ничего не делать.

Из задумчивости его вывел тихий всплеск. Грош приподнял голову и, прищурившись, посмотрел на ручей. Сонливость слетела с парня в один миг. Он вскочил и побежал по воде, не обращая внимания на брызги, оседавшие на брюках. В траве, наполовину погруженное в воду, лежало тело. Черная форма, пегие неопределенного цвета волосы и залитая кровью рана на макушке. Течение у берега окрасилась красным.

Он подхватил упавшего, перевернул и выругался. Сенька Соболев. Еще минуту назад он слышал его голос, парень пытался что-то настойчиво втолковать Молчуну, изредка вставляющему реплики.

Рука дрогнула, когда он приложил пальцы к шее. Грошев облегченно выдохнул – под кожей уверенно бился пульс. Оглушенный ударом, он не успел полностью соскользнуть в воду.

Макс огляделся. Трава, кусты, справа большой валун, на котором веером осели брызги, когда Соболев упал, за ним корявая береза, сквозь листву мелькали черные пятна формы сокурсников. Засмеялась Натка, Игрок что-то сказал, и захохотали уже все. Берег пуст. Никого, кроме него и Сеньки. У самой кромки воды, рядом с колыхающейся от течения травой, лежал голыш. На первый взгляд, ничем не отлича-

шийся от тех, что на дне. За одним исключением – на камне подсыхала кровь.

Парень осторожно взял его двумя пальцами и поднес к глазам. Главный вопрос: Соболев неудачно навернулся сам, или камешек к его голове приложил кто-то другой? Их тут девять. Восемь, если вычесть Сеньку. Семь, если исключить себя.

Он услышал тихий звук и поднял голову. Там, где еще минутоу назад лежал он сам, стояла староста Ленка. Девушка набрала в ладони воду, намереваясь то ли напиться, то ли умыться, но так и замерла с вытянутыми руками.

Соболев, которого он поддерживал, вдруг пошевелился и застонал. Афанасьева издала странный всхлип и попятилась. Девушка смотрела на камень в его руке, на кровь на нем, Сенька обхватил голову руками и, качнувшись, сел. Ленка открыла рот, чтобы заорать, и перевела взгляд куда-то Максy за спину. Ее глаза расширились, и парень понял, что сейчас заорет сам.

Он резко обернулся – лишенный опоры Соболев едва не опрокинулся в ручей.

– Что, черт возьми, происходит? – спросил Самарский. Он, как и Грош, снял ботинки и, связав их шнурками, перекинул через плечо, предпочитая прохладу ручья летнему зною.

Макс разжал пальцы. Все, включая Соболева, проследили, как камень опустился на дно. Кровь растворилась в светлой

чистоте ручья.

– Урод, – простонал Сенька. – Ну все, Грошев, капец тебе!

– Да пошел ты, – огрызнулся Макс, поднимаясь.

Ленка испуганно переводила взгляд с одного на другого, но визжать вроде бы передумала. Соболев стал подниматься вслед за Максом. Лицо из белого стало зеленоватым, и он грузно осел обратно в воду, цепляясь за лодыжку и шипя сквозь зубы.

– Урод, – с надрывом повторил он, закатывая штанину, на светлой коже алел глубокий разрез.

– Так, – Артем снял с плеча армейский рюкзак и достал аптечку, – Ленка, хватит там топтаться, надо перевязать, – он подхватил Сеньку под руку и помог выбраться на берег.

Афанасьева, к которой возвращалось спокойствие, старательно обошла Гроша и занялась раненым, ловко орудуя бинтом и зеленкой.

Макс не шевельнулся, продолжая стоять по щиколотку в воде.

– За что тебя так? – спросил Артем.

– У него спроси, – поморщился Сенька, Ленка как раз обрабатывала рану на голове, – я к нему не лез, склонился башку сполоснуть, тут он меня и приложил.

– Тебя ударил Максим? – не поверил Самарский.

– Эй! – возмутился парень. – Я очнулся, а надо мной этот с камнем в руках. Чего еще надо?

– Видел?

– Нет, – процедил Сенька, бросая на Грошева злой взгляд.

– Ленка?

Девушка замотала головой, завязывая бинт на ноге.

– Значит, и говорить не о чем, – подвел итог Самарский.

– Как это? – Соболев ухватился за протянутую руку и все-таки встал. – Мне башку разбили и ногу разрезали, а мы просто все забудем?

– Ногу ты, скорей всего, сам о камень распахал, когда пал, – вставила Афанасьева.

– Макс, ты его ударил? – спросил Артем.

Грошев не ответил, продолжая оглядывать берег.

– Так он тебе и сказал.

– Макс?

– Чего ты от меня хочешь, отличник? – Грош подошел ближе. – Любой ответ – это всего лишь слово. Думаешь, если бы я его отоварил, то сознался бы?

Сенька фыркнул, он услышал именно то, что хотел.

– Это ты? – с нажимом переспросил Самарский.

– Нет, – парень выбрался на берег.

– Для меня этого достаточно.

– А для меня нет! – парень повысил голос, веселые разговоры, доносившиеся из-за дерева, стихли.

– Нам топать еще семь часов, – Артем повернулся к Соболеву. – Мне не нужны склоки в группе. Твоя принципиальность может подождать до конца маршрута? В лагере подашь рапорт, согласен?

Сенька дернул головой и нехотя кивнул. Грош его понимал. Соглашаться не хотелось, но если отказать, то будешь выглядеть принципиальным дураком, заботящимся только о себе.

– Эй, у вас там все в порядке? – крикнул Леха.

– Почти, – ответил за всех Артем. – Сенька в воду свалился, голову разбил и ногу порезал.

Послышались охи, остальные поспешили на берег.

– Где твой кад-арт? – вдруг спросила Ленка.

Соболев машинально поднял руку к груди. Муляжа кристалла не было.

– У него спроси, – злым шепотом ответил студент.

– Не вали с больной головы на здоровую, – дернул плечом Макс. – Сам где-то посеял.

– Ну, можно его обыскать, – задумчиво предложила староста.

Грош широко ухмыльнулся.

– Только если ты сделаешь это лично, – и, раскинув руки, шагнул к девушке.

Та покраснела. Рыжие вообще очень легко краснеют.

– Тихо! – скомандовал Артем. – Нашли, о чем переживать. Вернемся в лагерь, пробьешь по базе.

– Ага, – отвернулся Соболев, – искать в этих горах кад-арт бесполезно.

Как ни печально, но парень был прав. Властьдержавшие давно позаботились о сохранности защитников разума.

Встроенная электронная начинка позволяла обнаружить местонахождение кад-арта с точностью от метра до пятидесяти (в зависимости от региона). Исключение – Инатарские горы, которые гасили любые сигналы, делая поиск невозможным.

– Ты уж определись, – сказал Макс: – либо камень украли, либо он валяется в горах.

– Блин, – высказалась выбежавшая на берег Светка. – Как тебя угораздило?

Соболев бросил на Макса очередной хмурый взгляд.

Группа пошла дальше, вяло присматриваясь к окрестностям, иногда останавливаясь и проверяя подозрительные скопления камней, сухих веток и небольших возвышенностей, которые легко могли оказаться древними курганами. О главной цели походов – обнаружения старых могильников – особо не распространялись. По официальной версии, перезахоронены были все, но шахтеры или туристы время от времени находили замурованные ниши и гилби. Но отнюдь не от атак блуждающих. Костям столько лет, что о них не сталось упоминаний даже в исторических хрониках, не говоря уж о людской памяти. Они умирали от того, что совали нос туда, куда не следовало, и проваливались в пустоты, составляя компанию древним покойникам. Иногда в одиночку, иногда целыми бригадами, группами или семьями.

Отряд псионников мог обнаружить такую нишу, потому что даже старые и некогда активные кости фонили. Едва

ощутимо пахли кислятиной и тленом. Вот и гоняли по горам мобильные группы студентов туда-сюда. Если удавалось найти что-то стоящее, то есть с десятков покойников столетней давности, отличившиеся освобождались от зачета. И это, по мнению Макса, радовало преподав ничуть ни меньше, чем учащихся.

Как ни старался Артем, как ни скалил зубы Игрок, но к тому времени, как они вышли к развалинам Солнечного, напряженность, возникшую в группе, заметили все. Соболев начал хромать, с каждым шагом все сильнее и сильнее замедляя отряд. Макс заметил, как он морщился, когда приходилось опираться на раненую ногу, но лезть с советами не стал. Этот идиот молчал до самых развалин, где и свалился, не в силах скрыть гримасу боли.

– Показывай, – потребовал Самарский, бросая вещмешок на остатки выступающего из травы серо-белого фундамента.

Сенька закатал штанину. Лодыжка опухла и приобрела нездоровый красный цвет. Светка села рядом и, размотав бинт, присвистнула. Края пореза чуть разошлись, из раны потек светло-желтый гной, совсем немного, но выглядело это достаточно хреново.

– Предлагаю ввести антибиотик, – сказала Коса и положила руку на лоб Соболева, который тут же сбросил ее, как капризный мальчишка. – Жара пока нет.

– Давай, – скомандовал Самарский. – Вася, Дан, надо сделать носилки. Привал сокращаем до сорока минут. Света,

останешься с ним. Остальным выполнять задания историка, потом меняемся и уходим.

– Н-да, – констатировал очевидное Игрок. – Прогулялись по летнему солнышку.

Развалины этого древнего города отличались от любых других формой. Центральная выложенная камнем площадь в форме круга, от которой во все стороны расходились лучи-улицы. От построек остались лишь взрытые корнями деревьев стены без крыш, дверей и окон: где-то разрушенные до основания, где-то поднимавшиеся выше человеческого роста. Белое чередовалось с зеленым, неподвижный обкрошившийся камень и колыхающаяся от ветра листва разросшегося кустарника. Никто не знал, как называли город древние интары, но историки окрестили развалины по тому, что видели, по форме застройки – Солнечным.

– Что произошло? – спросил идущий рядом Леха. – И не ври, что ничего. Паренек давно на тебя волком смотрел. Если он нарвался и схлопотал по голове так, что охромел, сам виноват.

– Интересное предположение, – Макс пошел вперед, внимательно смотря под ноги. Нужно найти этот чертов черепок для Володи. – Но я его не трогал.

– Сенька явно считает иначе, – Игрок пнул беловатый камень.

– Мне плевать, – Грош повернул и направился поперек луча-улицы. – Тебе-то что историк заказал?

– А, – Игроков махнул рукой, – я уже нашел. Образец гастрономии древних. Тоже мне задачка, они жрали всех и вся: от дождевых червей до горных коз.

– Ты червей накопал? Или козой обзавелся?

Впереди показалась высокая, местами обросшая мхом, стена.

– Зачем, – Леха достал из кармана увесистый булыжник и подбросил на ладони. – Подобрал у ручья.

Грош присмотрелся – камень оказался не совсем камнем, а образованием, в котором четко отпечаталась витая ракушка.

– Улиток они тоже жрали?

– Ага, на великосветских приемах у костра, – парень убрал находку обратно в карман.

Фраза про ручей неожиданно царапнула Макса, хотя они шли против течения два часа, а Леха мог подобрать находку где угодно. Макс поднял руку и взъерошил черные волосы. Хотелось бы встретиться с любителем ударов по затылкам...

– Посмотри! – Леха указал на высокую стену, которую Макс намеревался обойти.

В нижней ее части, ближе к краю, был нарисован жирный крест, а рядом, напротив горизонтальной перекладины, кто-то изобразил три галочки одну над другой. Детский рисунок елочки рядом с крестиком.

Игрок присел на корточки, отвел ветки кустарника в сторону и провел рукой по черным линиям, на пальцах остался

темный след.

– Похоже на уголь, – пробормотал он.

– Ты говорил, что у интар не было письменности?

– Это не я говорил, – Леха встал и вытер руку о брюки. –

Это дед, а ему, в отличие от историка, я склонен верить.

– Ты здесь родился?

– Нет, я с Сарачаевского кряжа¹⁷, – он улыбнулся. – Пойду позову Натку, пусть сфоткает.

– Брось, в древний рисунок углем не поверит даже она.

– Спорим?

– Иди, – махнул рукой Макс, продолжая рассматривать равносторонний крест на стене.

Он видел рисунок впервые в жизни, но изображение что-то напоминало парню, однако он никак не мог понять, что именно. Грош нахмурился и, бросив последний взгляд на стену, пошел дальше.

Еще одна улица-луч вывела псионника на круглую мощенную площадь в центре разрушенного города. Между камнями росла трава, качались белые и желтые головки одуванчиков. Послышались голоса: Леха что-то втолковывал Натке, его прерывал скептический голос старосты.

¹⁷ Сарачаевский кряж – низкогорная возвышенность в восточной части Ина-тарского хребта. Протяженность кряжа – около 230 километров. Ширина – 23-30 километров. Наиболее значимые вершины: Карак... (Имперская географическая энциклопедия, одобрена Имперским образовательным корпусом в качестве дополнительного пособия для изучения в средних и старших классах общеобразовательных учреждений).

Макс почти миновал круг площади, когда землю тряхнуло. Камни под ногами вздрогнули, словно великан, взяв в ладони планету, потряс шариком, как игрушкой. Завизжали девчонки. Игрок что-то выкрикнул про стену, но далекий грохот заглушил его слова.

Второй толчок, и Грош, не удержавшись на ногах, упал на колени. По камням, как в замедленной съемке, побежали трещины. Кто-то снова бессвязно и едва слышно закричал, но на этот раз с другой стороны. Наверное, Светка.

Последующая медленно утихающая дрожь земли, по сравнению с первыми ударами, показалась почти ласковой, лишь едва заметно отдавшись вибрацией в костях.

Стена с нарисованным крестом запоздало треснула и раскололась на три зубчатых обломка, которые аккуратно съехали на траву: два в эту сторону и один в противоположную. В воздух поднялось облако белой пыли.

Грохот затих. И все кончилось. Горы шевельнулись и замерли. Земля снова стала неподвижной. Краткий миг тишины – и все звуки вернулись. Кто-то из девчонок плакал, кто-то из парней матерился. Макс и сам почувствовал желание от души высказаться.

– Все целы? – раздался голос Самарского.

Ответили ему нецензурно.

– Игрока слышу, – как ни в чем не бывало крикнул Артем и позвал: – Света!

– Мы в порядке, – ответила та. – Вроде бы.

Из-за остатков расколотой стены показалась присыпанная пылью голова Лехи, он помогал подняться цепляющимся за него и Мартыновой. Афанасьева поднялась сама, хотя руку у нее дрожали.

– Лена! – продолжал переключку Самарский, и его голос приблизился.

Рыжая староста кивнула, словно он мог ее видеть. На узком покрытом пылью лице слезы оставили извилистые дорожки.

– Она здесь, – ответил Игроков. – Они с Малышкой со мной.

– Васька? Дан?

Никто не отозвался.

– Тимирязев? Кузнецов? – закричал Артем, выбегая на дорожку луча. Сам он с виду был цел, но бледен.

– Они вон в тот лесок ушли, за ветками для носилок, – Наташка указала на редкий подлесок чуть стороне.

– Самарский? – он кивнул Максу и быстрым шагом направился туда, куда указывала девушка. Игрок снял с плеча руку Афанасьевой и поспешил следом, в черных глазах плескалась тревога.

– Что это было? – Макс решил не отставать.

– Скорей всего, обвал. Далеко, – кратко ответил Леха.

– Нам это чем-нибудь грозит? Лавина или еще что?

– Поверь, – Игрок задрал голову к далекой заснеженной вершине, – мы скоро это узнаем.

Парни с двумя толстыми жердями в руках вышли из леса, когда Самарскому оставалось пройти не больше пятидесяти метров. Макс, шедший следом, видел, как расслабились его плечи. Молчун с Даном отделались легким испугом да ссадиной на скуле последнего.

Урок восьмой – Педагогика

Тема: «Мотивация»

– Крепи здесь и здесь, – Артем протянул Ваське ремень, остальные восемь уже фиксировали направляющие самодельных носилок.

– Темыч, ну на фига столько мороки? – злился Соболев. – Мне лучше, идти я могу сам. Так какого хрена ты придумал?!

– Такого, – спокойно ответил Самарский. – У тебя нагноение, хочешь без ноги остаться?

Сенька сцепил зубы и зло посмотрел на Макса.

– Дорога вниз, дотащим, – Артем хлопнул парня по плечу. – Оглянуться не успеешь, как будешь Милке про героическую схватку с дикими зверями рассказывать.

Тимирязев, фиксирующий последний ремень, не смог сдержать улыбку: поведать длинноногой медсестре лагеря о своих подвигах не отказался бы ни один студент.

– Лады?

Соболев промолчал, но встать больше не порывался, что было расценено как согласие. Надо сказать, выглядел парень не очень: кожа покрылась испариной, глаза лихорадочно блестя.

– Артем, Макс, – позвала шедшая от ручья Натка, мокрые каштановые пряди облепили узкое лицо. – Вас Лешка зовет,

что-то у него там с вещмешками не выходит.

Интересное утверждение. Что там может не выходить? Берешь и перекладываешь все из двух мешков в два других. Поскольку парням предстояло поочередно тащить носилки, решили перераспределить груз в рюкзаках. С этим справились бы и Светка.

Они нашли Игрока на берегу, задумчиво жующего соломинку и медитирующего на воду. Полностью уложенные рюкзаки стояли рядом с наполненными флягами.

– Что случилось? – спросил Самарский.

– Посмотри на воду, – Леха выбросил соломинку, ее тут же подхватило быстрым течением и унесло прочь.

– Давай, ты просто скажешь, что не так.

– Смотри на линию берега, – волосы парня, потемнели от воды, которой он смывал пыль от рухнувшей стены, черная форма впереди была влажной. – За последние полчаса она расширилась на пять сантиметров.

– И? – не понял Артем.

– Руслу так просто не меняются. На все должна быть причина, особенно в горах, – Игрок поднялся.

– Полагаю, эта мне не понравится, – Артем поднял первый рюкзак и передал Грошу.

– Вариантов два: что-то повлияло на течение либо снизу, либо сверху. Надеюсь, что-то ниже по течению перегородило ручей, и вода просто расходится по сторонам, – Леха тоже подхватил рюкзак.

– А если сверху? – спросил Макс.

– Это хуже – обрушение в русло большого количества горной породы, – Игрок посмотрел на Артема. – И, как следствие, сход снега или селя. Надо уходить. И быстро. Мы планировали спуститься вдоль ручья?

Отличник закрыл глаза. Глядя, как болезненно скривилось лицо, вряд ли кто-то мог позавидовать его лидерству. Только не сегодня. Парень достал карту и, развернув, показал Игроку.

– Мы должны были взять на полградуса восточнее Солнечного, а через километр свернуть к югу, здесь снова пересечь Трепетный, – парень провел пальцем по бумаге. – Отсюда – по прямой в лагерь.

– Здесь петля, – в свою очередь, указал на изгиб ручья Игроков, – и песчаник. Через два часа его подмоет так, что все превратится в болото. Даже налегке вряд ли пройдем, не то, что с носилками.

– Мы на склоне, вода уйдет вниз, – не понял Макс.

– В конечном итоге, да. Вопрос: что она утащит за собой, – Леха еще раз посмотрел на карту. – К тому же мы не знаем, что и где перегородило ручей.

– Что предлагаешь?

– Можно взять к востоку, – палец сместился, – как минимум до сюда.

– Это лишние два часа, а с носилками – и все три.

– Да, к черту время, – не выдержал Макс. – Ты лучше по-

думай, как мы в темноте спускаться будем. Это уже не маршрут, там наши не ходили. Напороться можно на все, что угодно: от капкана охотника до гадюки.

– Верно, тогда, – Леха как будто ждал возражений и сдвинул палец, указывая на точку севернее. – Что у нас здесь?

– Степанов хутор, – ответил Самарский.

– Именно. И до него в разы ближе, чем до лагеря. Главное – уйти от ручья. Предлагаю ночевку у Степанова, а спустимся утром, тот же Ишка выведет.

– Не вернемся в срок, Арчи вышлет спасателей, – рука Самарского потянулась к поясу, где в кобуре висела портативная ракетница. – Если все так серьезно, проще послать сигнальную ракету.

Лидер группы мог в любой момент подать сигнал тревоги. На вышке в Некропольском его засекут спасатели. Насколько Грош помнил классификацию, белая ракета означала просьбу медицинской помощи. Красная – угроза жизни человека. Чередование красного и белого – универсальный сигнал СОС, когда все совсем плохо. Каждой группе полагалось шесть ракет: три белые, три красные.

– Спасатели снимут нас отсюда часа через два, – предложил Артем.

– Эти два часа нам придется просидеть на месте, иначе какой толк в ракете, – Леха вернул карту. – Я объяснил, почему не хочу здесь оставаться?

– Объяснил, – буркнул Макс. – Сигнал можно подать и с

хутора.

– У Ишки всегда есть медовуха, – улыбнулся Игрок.

– Это-то меня и пугает, – Самарский сложил карту. – Ты уверен по поводу ручья? Может, мы зря паникуем, и там комок глины в русло свалился? Скоро его размочит – и все.

– Может, и зря, только пока мы болтали, вода уже подошла к ботинкам, – указал им за спины Игроков. – Если это комок глины, то очень уж большой.

Они двигались так быстро, как позволяли носилки. Никто больше не отвлекался на камни, холмы и возможные захоронения, не глазел по сторонам в поисках черепков или цветной гальки. Все просто шли. Быстро, молча и целеустремленно.

С лица Ленки не сходило испуганное выражение. Натка предпочитала держаться поближе к Игроку. Даже на Гроша перестали смотреть, как на неизбежное зло.

Парни сменяли друг друга у носилок каждые двадцать минут, и все равно к исходу третьего часа у Макса гудели руки и плечи. Изменение маршрута пришлось по душе не всем. Особенно возмущался Тимирязев, к которому с утра должен был кто-то приехать. Его неожиданно поддержала Светка. Но остальные поверили не столько Игроку, сколько Самарскому.

Начало темнеть, оранжевое солнце коснулось склона Великой, чуть задержалось и нырнуло за склон, погружая окру-

гу в ранние сумерки. К Хутору Степанова вышли в почти в полной темноте. Макс с Даном положили носилки на землю, парень заставил себя осторожно выпустить, а не выронить из рук самодельные ручки. Ладони покраснели и болели, кожа давно стерлась от соприкосновения с грубым деревом.

Дом местного отшельника Ишки походил на детский конструктор. Два квадратных блока и два вытянутых прижи-мались к каменистому отвесному склону, словно поставлен-ные друг на друга кубики, сходство усиливалось разным цве-том. Темное дерево сруба, выкрашенная зеленой краской до-щатая пристройка, голубая будка туалета и неопределенной расцветки сарайка, почти перегораживающая тропу в горы. Мало кто пользовался этим путем, слишком здесь крутой подъем. До ближайшей горизонтальной площадки, где мож-но хотя бы поставить палатку, неделя пути. И ни одного жи-лья до самого перевала.

Дверь была не заперта, чему удивились как-то вяло. Мыс-ли у всех были очень далеки от сантиментов и правил при-личий. Самарский с Кузнецовым втащили Соболева в дом и помогли перебраться на диван. Дан уселся прямо на пол, по-тирая зудящие руки. Игрок щелкнул выключателем, лампа под потолком осталась темной. Девчонки, непривычно мол-чаливые и тихие, оглядывали широкую комнату, обставлен-ную старой и (большей частью) самодельной мебелью.

– Где Иш? – спросил Самарский.

– Хрен его знает, – ответил Игрок, – к свояку в Некро-

польский подался, в толчке сидит, на охоту пошел, – парень пожал плечами, – Макс, – он махнул рукой, – пошли, генератор проверим.

– Думаешь, ему понравится, что мы тут хозяйничаем? – Самарский бросил рюкзак на стол.

– Мы в горах, – серьезно ответил Игроков, выходя вслед за Грошем на улицу. – Здесь принято помогать друг другу.

Генератор нашелся в зеленом сарае. Грошев мало понимал в таких устройствах. Баллон, соединенный с вытянутым блоком, плюс нечто, напоминающее мотор от мотоцикла – все выглядело внушительно.

– Газа нет, – констатировал Леха, глядя на циферблат. – Странно, – парень переключил рубильник туда сюда.

– Что не так? – Грош подошел ближе. Так несвойственная Игроку серьезность не нравилась парню куда больше всего происходящего.

Света сумерек едва хватало, чтобы не наткнуться на предметы, и Алексей подсвечивал себе экраном телефона. В его рассеянном свете загорелое лицо парня казалось пепельно-серым.

– То, что он ушел, не выключив генератор, и тот работал, пока не кончилось топливо.

– Мог забыть.

– Исключено. Повторяю, мы в горах, здесь порой жизнь зависит от наличия у тебя топлива, теплой одежды и ружья.

– Значит, сидит в сортире, – пожал плечами Макс.

– Несколько суток? – Алексей в последний раз щелкнул рычагом и вышел на улицу.

– Куда? – догнал его Грош.

– В сортир, – огрызнулся тот. – Искать хозяина.

Воняло в будке туалета прескверно, больше минуты там не выдержал бы никто. Ишки не было, если не брать в расчет, что он мог провалиться в овальную дыру и тихо потонуть в отходах. Игрок захлопнул дверь, дощатое полотно с грохотом впечаталось в косяк и отскочило обратно.

– Тебя сегодня переполняют мрачные предчувствия, – сказал парень. – Иди к Натке, глядишь, отпустит.

– Ты не понимаешь, – сокурсник направился вверх по тропе.

У последней постройки стояла кособокая собачья будка. Макс почувствовал первый ледяной укол тревоги. Он помнил дворнягу Иша по прошлой практике, пес бы не пропустил незваных гостей. Игрок без опасения нагнулся и заглянул внутрь.

– Мы год здесь не были. Хрум мог сдохнуть зимой, – Грош и сам не понимал, почему говорит все это, почему не хочет видеть ничего особенного ни в открытой двери, ни во включенном генераторе, ни в отсутствии хозяина и его пса.

Леха достал из будки погнутую с края железную миску, понюхал и отбросил в кусты.

– Что у вас там? – крикнул с крыльца Самарский. – Плевать на генератор, девчонки свечки нашли...

Его прервал отчаянный тонкий визг. Артем бросился в дом, оставив дверь распахнутой. Макс с Игроком отстали от него секунд на десять. Но когда он вбежали внутрь, визг перешел в тихое беспомощное всхлипывание.

Все собрались во второй комнате, отгороженной от первой светлой занавеской. Неизвестно, что искала в спальне хозяйина Светка Коса, но находке не обрадовалась. Девушка тихо плакала, уткнувшись Самарскому в плечо.

Между кроватью и полированным шифоньером стояла громадная кастрюля, с которой местами успела облететь эмаль. У Грошева бабка в таком белье кипятила, пока не померла. Внутри лежал Хрум.

Некогда поджарый пес дворовой породы с небесно-голубыми глазами, единственным достоинством которого была абсолютная преданность хозяину. Кто-то превратил зверя в кровавое месиво из меха и костей, завернул в мутный целлофан, затолкал в бак и задвинул за шкаф. Из-за этого запаха почти не ощущалось.

– Ну и куда вы меня притащили? – спросил Сенька Соболев и уцепился за Ленку Афанасьеву, едва не упав вместе с ней.

Стоя над изувеченным телом собаки в темной комнате с телефонами в руках, они напоминали адептов секты. Молчун нагнулся, поднял крышку и с громким «дзанг» закрыл бак. Натка схватила Игрока за руку, но (впервые на памяти Макса) тот не обратил на нее внимания. Дан сжал кулак, уда-

рив по шифоньеру, выговорил:

– Черт знает что!

И все словно очнулись, зашевелились, светлые пятна экранов разошлись в разные стороны.

– Там в кастрюлях еще... – слабым голосом сказала староста, стараясь устоять сама и удержать Сеньку. Васька шагнул вперед и подставил Соболеву плечо, за что получил полный благодарности взгляд рыжей.

– Что? – спросил Тимирязев. – Кошка в маринаде? Волнистый попугайчик с травами?

– Нет, – мотнула головой Афанасьева и побледнела, хотя казалось, куда уж больше. – Там еда: суп, котлеты – все испорчено.

– Иш пропал, – констатировал Леха, и стоявшая рядом с ним Наташка вздрогнула.

– Хватит! – Артем отстранил от себя Косу. – Решили страшную историю на ночь глядя придумать? Степанов мог уйти по сотне причин. Мог сломать ногу и попасть в больницу, мог встретить женщину, мог уйти кому-то на помощь. Да мало ли ситуаций, когда не до кастрюль.

– Ага, а труп собачки он в спальне держит, не в силах с ней расстаться, – добавил Тимирязев.

– А ты поменьше в чужие спальни заглядывай, – Артем повернулся и стал перечислять. – У нас есть крыша над головой, вода, пайки...

– Я картошку в ящичке видела, – вставила Ленка.

– Вот и займись. Алексей, там перед домом вроде открытый очаг, сможешь разжечь? – Игрок кивнул. – Тогда вперед. Васька, положите Сеньку обратно, а то он сейчас упадет. А сюда, – Самарский подтолкнул Корсакову к выходу, – больше ни ногой. Макс, у сарая поленница, мы с тобой за дровами, – он вышел последним и задернул за собой занавеску, – и ради Императора, найдете еще какую падаль, хомячков в желе, не орите, будто вас режут. В конце концов, вы на пси-специалистов учитесь или парикмахеров!

Они отвели глаза. Наверное, впервые в жизни они видели лучшего ученика курса таким раздраженным и таким настоящим, а не застегнутым на все пуговицы.

Соболев упал обратно на диван, Светка села рядом, лишь едва заметно поджав губы. Ей надоел раненый, но она не стала говорить этого вслух. Молчун одну за другой зажигал свечи, расставляя их по кружкам и стеклянным банкам.

Макс шел за Артемом, который совсем неплохо ориентировался в темноте. Совсем неплохо для того, кто год за годом приезжает в Инатар на практику и не пьет медовуху.

– Ты здесь был, – сказал Грош, и отличник едва заметно споткнулся.

– Как понял?

– Поленницу с тропы не видно, но ты знал, что она здесь.

– Да, был, – раздраженно ответил Артем. – А что? Всем можно, а мне нельзя?

– Ты сам написал для себя правила, сам завинтил гайки,

и только тебе решать, что можно, а что нет.

– Как ты можешь быть таким? – уже спокойнее спросил Самарский, останавливаясь напротив пленницы.

– Каким? – Макс подставил руки.

– Не знаю, таким неправильным. Тебя ненавидят, ты скалишь зубы, обвиняют в краже – отворачиваешься, хотят унижить – заключаешь пари, удастся им это или нет.

– Что-то ты разговорился, отличник, – тот положил Грошу на руки несколько поленьев. – Уверен, что обошлось без медовухи? Если ты собрался копать в себе или во мне, иди лучше к Косе, ей понравится. А если снова позволишь головку на свое плечо положить, то можешь хоть классификацию блуждающих рассказывать.

– Да пошел ты, Грошев.

– Легко, – парень перехватил охапку поленьев и со вздохом рассыпал деревянные четверики под ноги. – Что-то мне остро захотелось пойти в парикмахеры, – Макс указал на пленницу.

Там, где Артем вытащил десяток поленьев, виднелся край целлофанового свертка. Сквозь мутную пленку угадывались очертания человеческой руки.

– Приехали, – констатировал Самарский.

На то, чтобы разобрать первый ряд пленницы и извлечь тело, понадобилось минут десять. Причем пять из них ушло на препирания стоит ли делать это в принципе. Лежало, вот пусть и еще полежит. Но Самарский в очередной раз закру-

тил гайки, и они вытащили тело.

Артем присел, поддел рукой целлофан, явно позаимствованный с грядки с огурцами, и ткнулся носом в рукав. Не сдерживаемый больше запах коснулся даже Макса.

– Иш, – констатировал отличник. – Умер он не от старости, – Грошев фыркнул, Артем чуть сильнее приоткрыл лицо покойника, и Макс присвистнул.

Кровь из глаз, носа, ушей – классическая картина кровоизлияния мозг после атаки блуждающего. Степанова убил призрак.

– Но у него не было смертельных хвостов, – удивился отличник.

– Значит, обзавелся, – парень повернул голову и спросил. – Чувствуешь?

– Да. Далеко этот хвост не ушел, – Самарский встал, вглядываясь в уходящую вверх тропу, откуда тянуло едва уловимым трупным запахом.

Тонкая нить связывала покойника и что-то больше не принадлежащее миру живых, что-то нашедшее убежище в горах. Если не искать специально, то и не почувствуешь. Сила призрака успела развеяться, остался только ее след, убийство произошло не сегодня.

– Мы должны... – Артем перешагнул через тело.

– Нет, – Макс сложил руки на груди. – Мы никому ничего не должны, отличник. Очнись, ты не имперский супергерой, чтобы всех спасать. Сунуться туда, – парень указал на тро-

пу, – худшая из твоих идей.

– Если вернувшийся обосновался на пути, могут пострадать люди.

– Весело тут у вас, – раздался голос из темноты, парни вздрогнули, а стоящий позади Дан добавил. – Долго ходите. Теперь вижу, причина уважительная. Помочь?

Макс взбирался на очередной уступ и думал о том, что общение с Самарским дурно на него влияет. Иначе чтобы он делал здесь в темноте в компании с идеалистом и излишне любопытным винийцем? Парень подтянулся и, ухватившись за руку Дана, влез наверх. Тропа давно превратилась в широкую, словно созданную природой для какого-либо великана, лестницу, свалиться с которой в темноте делом одной минуты. Но опасался Грош не этого. Идущие впереди парни вообразили себя спасителями человечества, не представляли, что такое схватка с полным сил блуждающим. Они привыкли к смирной покорности привязанных.

К известию о том, что хозяин скромно прикорнул внутри поленицы, студенты отнеслись по-разному. Игрок замкнулся, глядя на разведенный огонь. Соболев в очередной раз уснул, Светка махнула рукой, Ленка закусила губу, Натка поежилась. Они уже устали удивляться. И морально, и физически.

Кузнецов молча принял у Самарского ракетницу, никак не комментируя желание того прогуляться ночью в горы. Ни-

кто не сказал отличнику ни слова – с раздражением вспомнил Макс.

Присутствие блуждающего с каждым шагом, с каждым пройденным уступом ощущалось все сильнее. Мертвый был тут. Как и его тело.

Очередной подъем – и Самарский вскинул руку в предостерегающем жесте. Постоянно ныряющая в облака луна, словно в насмешку, зависла над его головой, освещая картину смерти во всей ее неприглядности.

Макс услышал хлопанье крыльев. Несколько черных птиц разлетелось в стороны, стоило Дану махнуть рукой. Трупы – не очень приятное зрелище, но в целом они безобидны. В отличие от душ, которые превращаются в призраков. Самарский достал телефон. Смешно, но в этих горах, стоявших тут задолго до их рождения, современное средство связи превращалось в обычный фонарик.

Свет лег на то, что осталось от лица.

– Пацан совсем, – констатировал Тимирязев, словно сам был умудренным опытом стариком. Сила иногда играла с псионниками такие шутки, заставляла чувствовать себя на ступень выше остальных.

Судя по одежде и телосложению, мертвый был их ровесником, плюс-минус год. Синие джинсы, серая толстовка с капюшоном, кеды с желтой подошвой и наушники, одна таблетка которых до сих пор находился у парня в... даже не в ухе, а в голове, так как ушей давно не было. Раскрытые гла-

за пусты, вместо губ – рваные ошметки плоти, обнажающей зубы: ни носа, ни лба, ни подбородка. На месте живота – когда-то кровавая, а теперь уже почерневшая дыра, из которой растащили все внутренности, на руках не хватает пальцев. Сколько он здесь? Неделю? Десять дней? Вряд ли больше. Еще пара ночей, и падальщики растащат по норам кости, и тогда привязать этого призрака будет очень сложно. Отличник не был так уж неправ, потащившись сюда.

От запаха Макс постарался отстраниться, с рождения мир вокруг чаще напоминал ему помойку, чем розовый куст.

– Наверное, он упал оттуда, – Дан указал на небольшую площадку правее и метров на десять выше.

С точки зрения Гроша, говорить об этом, по меньшей мере, рановато. Они не эксперты, но поза погибшего, раскинутые руки и ноги, а также расколотый о камень затылок говорили, что виниец мог быть прав.

Тропа уходила в сторону, не пересекаясь с широким выступом, но больше свалиться парню было просто неоткуда. Туда же вводила нить следа блуждающего. Вернувшийся не мог защитить свое тело от зверья, мало того, он не мог даже приблизиться к нему. Поверх серой ткани толстовки все еще висел серый, очень похожий на металл кристалл. Вольфрамит продолжал защищать хозяина и после смерти, даже от самого себя.

– От уступа до площадки метр, может меньше, – указал Самарский, примеряясь к склону.

– Этот тоже так думал, – пнул желтую подошву Макс, чувствуя, как снова начинает злиться.

– Можешь подождать нас здесь, – не удержался от шпильки Тимирязев.

– Могу, – Макс заставил себя не обращать внимания на тон винийца. – Что ты собираешься с ним делать? – вопрос адресовался Самарскому.

– Помечу его осмысленной петлей.

В этом был резон, по крайней мере, отличник не замаживался на уничтожение вернувшегося. Осмысленная петля отличалась от обычной замкнутой структурой. Ее блуждающий не присвоит и не сбросит. Она останется на призраке, как ошейник, и накинувший ее псионник в любом месте может призвать петлю – она притащит призрака словно на аркане.

Прекрасная модификация. За одним минусом. Применивший ее лишается возможности оперировать силой. Вернее, он может это сделать в любой момент, но стоило специалисту обратиться к энергии, как петля развязывалась, и призрак сбрасывал ярмо. Сила словно застывала в неизменности. Пленил призрака, добежал до лагеря, сдал его старшим и только тогда работай дальше. Узкая капризная модификация.

– Тебе нужны загонщики, – Грош, не тратя время на дальнейшие рассуждения, первым полез вверх.

Быстрее начнут, быстрее закончат.

– Извини, – буркнул через несколько минут в спину Дан.

Макс не ответил, его не трогали чужие слова или мнения, он давно уже перестал в них нуждаться. Почти перестал, иначе откуда бралось это глухое недовольство?

– Не каждый день трупами любуемся, – попытался оправдаться винец.

– Тело Хрума тебя впечатлило больше, чем остальные, – заметил Грош, подтянулся и взобрался на старый уступ.

Он понимал, почему эта тропа не пользовалась популярностью: пока взберешься, семь потов сойдет, и это налегке, без груза за плечами.

Тимирязев залез следом и выпрямился.

– У меня тоже была собака. Когда она умерла, я неделю спать не мог, все ждал, что Рэм вернется.

– Животные не возвращаются, – сказал взобравшийся последним Артем.

– Тогда я этого не знал и сегодня как увидел, так сразу вспомнил, – Дан принялся. – Только не говорите, что сами в детстве ничего не боялись.

– Не скажем, – Макс, повинаясь жесту Артема, стал смещаться правее. – Я темноты боялся.

– Ух ты, наш циник был ребенком, – в темноте улыбка Самарского была не видна, но чувствовалась в каждом слове, заставляя парня сожалеть о спонтанно вырвавшихся словах. – А сейчас?

– Батя отучил.

– Повезло тебе с бате́й, – вставил Дан.

Макс остановился и, напрягая зрение, взгляделся в скалу. Козырек не просто опоясывал ее, он уходил вглубь, служив полом высокой расщелины, перед которой завис призрак. Яркий в своей отвратности запах резким рощерком бил прямо в нос.

Самарский в центре, два отвлекающих по бокам – стандартное построение для работы в тройке. Они сделали пару шагов, прежде чем блуждающий ринулся в сторону. Дан (скорее на рефлекс, чем осознано) чиркнул силой, преграждая мертвому путь. И тут же, словно испугавшись собственной инициативы, упустил силу. Артем стянул энергию в ладони, но Макс опередил его, щитом отбросив вернувшегося к расщелине.

– С двух сторон полусферами, – скомандовал Грошев Тимирязеву и кивнул Артему. – Будь готов.

Отличник дернул шейю, поднимая руку. Макс послал второй щит. Дан сятнул силу и упустил ее снова. Он слишком старался, энергия, как это бывает от чрезмерного усилия, никак ни хотела принимать форму. Грошев снова отбросил вернувшегося, на этот раз действие отозвалось упругой вибрацией в костях. Будто удар о батут, когда тебя подбрасывает вверх. Там в пещере было что-то, оттолкнувшее призрака обратно.

Грош уже подумал, что придется делать все самому, когда Дан справился с волнением и сформировал щит. Вме-

сто того, чтобы отбрасывать вернувшегося, они зажали его с двух сторон. Блуждающий рванулся, щит Тимирязева чуть погнулся, руки винийца дрогнули.

– Держать! – рявкнул на него Макс. – Раз! Два! Три! Давай!

Грош оборвал связь со щитом и тот лопнул. Дан замешкался всего на долю секунды. Накинутаая на призрака осмысленная петля, соприкоснувшись с чужой силой, исчезла. Капризная и не терпящая соседства модификация.

– Черт, – выругался Самарский, быстро формируя следующую и уже понимая, что не успевает.

Энергия в очередной раз расплзлась из пальцев Тимирязева. Слишком он волновался, слишком злился на себя. Макс снова выбросил щит и круговым движением, мысленно ругая себя последними словами, превратил его в кокон. На первые же секунды сдерживания ушла добрая четверть сил.

– Давай, отличник! Третьего захода не будет, – прохрипел Грош.

Самарский создал петлю. Макс смял кокон. И в ту же секунду Артем обратным движением затянул аркан на невидимом призраке, одновременно наполняя до предела силой. Если бы пси-энергию можно было видеть, они сияла бы ослепительным белым светом, словно раскаляясь и оставляя за собой запах жженой бумаги. Отличник опустил руки, блуждающий тут же ушел в сторону вместе с вплавившейся в несуществующее тело меткой.

Макс вспомнил проваленный зачет, сюда бы сейчас Вишню с ведомостью.

– Черт, – буркнул Тимирязев.

– Все в порядке, – успокоил Самарский, но вряд ли тот поверил.

Грошев быстро прошел к расщелине, достаточно высокой, чтобы он стоял в полный рост, и достаточно темной, чтобы он не видел ничего дальше собственного носа. Там, в темноте, было нечто, оттолкнувшее призрака. Дальше пары метров идти не потребовалось, он просто задел ногой что-то шуршавшее. Склонился и поднял свернутый пакет, который будут рады продать вам на любой кассе любого магазина.

Находка оказалась тяжелой, от нее веяло слабым соленым ароматом, ассоциирующимся у парня с морем. Он вернулся под скудный лунный свет и развернул пакет, уже представляя, что нашел. Пальцы коснулись холодной поверхности кристаллов. Камешки мягко стукнули один о другой. Тусклые, необработанные, но все равно действующие кад-арты.

Макс прикрыл глаза, мысленно считая до пяти и стараясь загнать раздражение обратно. Поверх кристаллов лежала железная пластинка с выбитыми цифрами. За обладание точно такой же Шрам чуть не расплатился жизнью.

– Что там? – спросил Артем.

– То, из-за чего свалился парень. Или его толкнули, – констатировал Грош. Пальцы, перебиравшие камни, как бы ненароком сомкнулись вокруг пластинки, скрывая ее

от взгляда подошедшего Самарского. Парень опустил руку, убирая металлическую табличку в карман.

Артем заглянул в пакет, и на его скулах заходили желваки. С контрабандой камней в Империи было покончено еще в прошлом веке. Так говорилось во всех пресс-релизах корпуса правопорядка.

– Парни, я... – снова завел покаянную шарманку Тимирязев.

– Нам потребуется еще целлофан, – перебил его Грош.

– Тело нельзя так оставлять, – согласился Самарский, забывая у него пакет. – Тот, кто завернул Иша и собаку, был предусмотрителен.

– И не боялся призрака, – закончил Макс, не желая говорить вслух, что роскошь не опасаться мертвых могли позволить себе только пси-специалисты.

У хутора было тихо. Слишком тихо. Очаг горел, и ни одного человека рядом. Даже трупа. В маленьких окнах едва заметно колыхались живые языки пламени. Но из дома никто не вышел.

– Пузырь! – простонал идущий первым виниец, обернулся на парней с недоверием на лице и повторил: – Пузырь!

Макс ощутил это секундой позднее. Слабую, похожую на электрическое поле, вибрацию, которая пахла горелым пластиком и будто бы тихо потрескивала. Образование блуждающего. Над телом раздувалась невидимая оболочка, внутри

которой сливались личность и энергия. Когда процесс завершится, в мир вернется еще один умерший. Значит, на том свете Ишу не понравилось.

Макс почувствовал, как от нестабильности пси-поля запылились виски.

– Мне нельзя, – Артем переложил сверток из одной руки в другую. – Макс, ты должен...

– Нет.

– Что нет?

– Я ничего не должен.

– Давай, не сейчас. У нас еще один призрак, пометишь его петель.

– Нет.

– Да что с тобой такое? – рявкнул Самарский.

– Это с тобой что? – Грош сложил руки на груди. – Всех спасти надумал? Так напомню, ты не Керифонт.

– Парни, вы чего? Где все? – глаза Дана перебежали с соратников на дом.

– Ничего. Отличника понесло, – Грош почувствовал, как от разрастающейся энергии оболочки у него занемел затылок. – Этот, – неопределенный кивок в сторону, – никого не убил. Не факт, что убьет. Но ты предлагаешь мне запечатать силу! Тогда как неизвестно, что еще мы встретим и когда выберемся.

– Ты опять о себе, – скривился Артем.

– Именно, – не стал отрицать Грошев, едва ли замечая, как

делает шаг навстречу Самарскому, а опущенные руки сжимаются в кулаки. – Тебе не в группу немедленного реагирования надо, а в морг. Будешь над каждым трупом стоять, призраков караулить, пока копыта не откинешь. Думаешь, кто-то спасибо скажет? Держи карман шире! Закопают как собаку и забудут.

– Ты уж точно с собой так обращаться не позволишь, – Самарский не подумал отступить. – У меня для тебя новость, двоечник, это наша работа! И каждый обязан...

– Вы чего орете? – раздался недоуменный голос Игрока.

Макс не шевельнулся, он почти хотел, чтоб они закончили этот разговор. И клубящаяся внутри злость, наконец-то, нашла выход.

– У вас Пузырь? – крикнул Лехе Тимирязев.

– Знаю, – стоя на крыльце дома, Игрок махнул рукой. – Башка уже у всех гудит от него, – парень потер переносицу. – Пусть себе лопается, тело в сарае, куда он от нас денется.

Наверное, эта небрежность в жесте, в голосе и подействовала на Самарского. Он посмотрел в глаза Грошу и словно очнулся. В его собственных отразилось какое-то детское недоумение, словно товарищ по играм вдруг предпочел футболу поход в библиотеку.

– Соболеву совсем хреново, – сообщил Кузнецов, появляясь из дома следом за Игровым, снял с пояса ракетницу и протянул Артему. – Утром надо вызывать подмогу, антибиотики не действуют. Ого, – парень, получив от Самарско-

го взамен кобуры пакет с камнями, заглянул внутрь.

Артем, не глядя ни на кого, достал ракетницу, вставил патрон, поднял руку и нажал на курок. В черное ночное небо с тихим шипением ушла ракета и взорвалась белой вспышкой над их головами.

– Ночью никто в горы не ползет, – покачал головой Леха.

На крыльцо высыпали девчонки. Самарский не отреагировал, он вставил второй патрон, и в небо ушла следующая ракета. На этот раз небо стало красным. Потом снова белым.

– Темыч, перестань, – подошел к нему Игрок.

Но отличник выпустил еще одну, четвертую ракету и сказал:

– Через два часа все кончится.

Но ни через два, ни через три часа никто не пришел, не приехал, не прилетел. Как и через пять, и через шесть. Лишь под утро, услышав далекий стрекот вертолетов, не сомкнувший глаз Артем выскочил на улицу и выпустил предпоследнюю ракету красного цвета.

Их забрали ближе к полудню. У Сеньки к тому времени были температура под сорок и вялотекущий бред. Но им повезло, потому что они выжили. Потому что выросший в горах Игрок, повинувшись своему ничем не объяснимому чутью, вывел их из-под селя. Разжиревший до состояния реки Трепетный сошел со склона, утащив за собой все, чего коснулся: горную породу, камни, почву.

Лагерь уцелел, Некропольский тоже. Но вышки спасателей больше не существовало, как и целого фермерского хозяйства к западу от поселка. Сообщение с Шоромой прервалось, стихия уничтожила единственную дорогу. Точное количество погибших уточнялось. Как сказал сидевший в вертолете напротив Макса седовласый спасатель, цифра уже двухзначная, не считая пропавших без вести.

Десяток Ильина не вернулся и не подавал сигналов бедствия, исчезнув с маршрута номер семнадцать.

Урок девятый – Специализация

Тема: «Анализ и оценка исходных данных»

Карачаева распиналась перед ними уже второй час. О важности принимаемого решения, о последствиях ошибки, еще о чем-то. Для Макса ее голос звучал как «бу-бу-бу». Пустые парты и стулья, от которых преподаша отводила глаза, навевали тоску.

Десять человек. Все, что осталось от их потока.

– Я прошу вас ознакомиться с вводными данными тестирования. По ним специалисты составят общее впечатление, – женщина у доски одернула серый жакет. – Откройте первую страницу и заполните титульный лист печатными буквами.

Зашуршала бумага. Им предстояло трехдневное тестирование на предрасположенность к той или иной специализации.

– А если я уже знаю, куда пойду, можно не тестироваться? – спросил Леха.

– Нет, Игроков, нельзя, – вздохнула Марина Трагировна. – Итак, первая страница...

Ленка Афанасьева принялась водить ручкой по бумаге. Она могла выбрать любое свободное место, но предпочла привычное, рядом с Грошем.

Парень склонился к листку и тоже стал заполнять пустые графы.

Имя Фамилия Отчество – *Нагибайло Хрум Закусонович.*

Увековечим в недрах анализирующей машины пса Иша.

Дата рождения – *32 декабря девятьсот девяносто девятого года до рождения Керифонта.*

Место рождения – *кровать* (и, подумав, приписал: «*наверное*»).

Макс поднял голову, староста читала с его листка, смешно кривя губы.

– Хорошо Соболеву, – не особо понижая голос, сказал Ле-ха. – Нашел способ избежать тягомотины.

Все повернулись к пустой парте у самых дверей. Сенька сменил в лазарете Машку Архипову и медленно шел на поправку.

– Многие нашли, – тихо добавил Самарский.

Парень неподвижно смотрел в окно. К тетради с гербовой печатью общеимперского тестирования он даже не притронулся.

За стеклом ребята с четвертого курса выносили зеленые ящики с вертолетной площадки. Сообщение так и не восстановили, не было даже интернета, лагерь снабжался самым необходимым по воздуху.

Раздался торопливый стук, в дверях аудитории показался дежурный.

– Грошев, к Куратору, – выкрикнул паренек.

Макс закрыл тетрадь и отбросил ручку. Есть вещи, которые никогда не меняются.

В кабинете Нефедыча было многолюдно. Старший Куратор смотрел в окно, сцепив за спиной руки. Арчи улыбался. На месте тетки с папкой стоял длинноволосый следователь из Шоромы, которому Макс заехал по шее, и вроде бы не находил повода для радости. Но именно он заговорил первым.

– Мы решили сообщить, что снимаем с вас, Грошев, обвинения в краже кубов.

Тишина, воцарившаяся после этого заявления, показалась парню какой-то выжидательной. Он что, должен был пасть ниц? Или расплакаться от радости?

– Почему? – спросил Макс.

– Я же предупреждал, – не оборачиваясь, сказал старший.

Никто не ответил, и Грош уже подумал, что все закончится именно так. Эти считающие себя взрослыми, эти всезнающие великаны просто отошлют его обратно, кинув известие о снятии подозрений, как подачку.

– Мы нашли один из пропавших кубов у ученика. Мертвый куб из трех подготовленных к вскрытию в лаборатории.

– У кого?

– Мы не вправе распространять сведения, порочащие имя и достоинство ученика, – ответил следователь.

– Неужели? Видно я один такой толстокожий, на мое имя ваши принципы не распространяются.

– В чем-то он прав, – сказал Арчи.

– Мы не можем, – рявкнул Нефедыч.

– Почему? – неожиданно встал на их сторону следователь. – Тому ученику, вернее, ученице уже все равно.

– У Лисицыной Анастасии, – ответил Андрей Валентинович.

– Это все, Грошев, – подвел итог беседе Куратор, разворачиваясь, – можешь идти.

Макс не настаивал. Он ушел, не замечая, куда и зачем движется. В голове крутилось воспоминание, как он стоит на пороге лаборатории, как смотрит на белые отделанные плиткой стены, на последнюю скамью. С двумя кубами. Всего двумя.

«Из трех подготовленных к вскрытию».

В их с Лисой дежурство узилищ уже было два. На вопросы следователей отвечала Настя, которая даже не заходила в лабораторию. Его об этом не спрашивали, всех интересовал другой, активный куб, и его мифический тайник.

Лисицына ничего не выносила. Как и он. Они были свидетелями невинности друг друга.

Он налетел на кого-то и оказался отброшенным к стене. Стриженный брюнет, с которым они не смогли разминуться в широком коридоре административного корпуса, ожег его неприязненным взглядом и поспешил к выходу. Послышались голоса сокурсников, первая часть тестирования закончилась. Тимирязев спорил о чем-то с Игроком, остальные просто галдели.

Макс развернулся и пошел в противоположном направлении. Не давая себе времени осознать, что собирается сде-

лать, не давая себе шанса передумать. У него есть несколько минут, пока один следователь ведет умные беседы с Нефедычем, а второй бегаёт по улице. И он собирался их использовать.

Специалистам отвели одну из малых аудиторий. Там они работали, там проводили допросы, там, на широком столе кафедры, лежали бумаги, на который он очень хотел взглянуть. Он не хотел больше выслушивать умную чушь, не хотел одолжений, которое ему только что сделали с подачи Арчитинова.

Дверь с цифрой пять была заперта. Макс дернул за ручку и выругался, постоял несколько секунд и побежал обратно. Один пролет лестницы – и он внизу. Парень слышал, как работало радио в каморке у Михаила Сергеевича, крепкого старика, исполняющего обязанности вахтера. Ходили слухи, что одно время он приглашал Марию Курусовну на свидание, но огреб палкой по хребту и отстал. Слухи всегда ходили: не о той парочке, так о другой. Говорили, что Вишня ночует в комнате Нефедыча, якобы кто-то видел ее выходящей оттуда в несколько растрепанном виде. Говорили, что Арчи бегаёт к одной вдовушке в Некропольском. Люди всегда говорили и будут говорить.

Вахтер сделал радио потише и выжидающе уставился Макса. Это третья практика Гроша на Инатаре, и он не помнил ни одного дня, когда бы старик не вышел на работу, словно тот не знал о существовании выходных или больнич-

ных.

– Нужен ключ от двадцать пятой аудитории, – проговорил парень, протянув руку к щитку. – Девятнадцатая теперь слишком велика для нашей группы.

Старик кивнул, отводя глаза. После произошедшего все так делали, словно в том, что произошло, была часть их вины, словно им было неудобно, что они живы, а десяток студентов нет.

Краткий миг – и Макс, снимая ключ от двадцать пятой, сбил рукой еще несколько висящих ниже друг под другом. Пятнадцатый, шестнадцатый, под ним пятый и шестой.

– Извините, – пробормотал он, быстро вешая железки обратно и следя, чтобы крючок под цифрой пять не остался пустым.

Этому он научился еще во время своей эпопеи с побегами, когда не хотел, просто не мог оставаться в этих стенах. Ключи – вещь незаменимая, и в его интересах сделать так, чтобы пропажи не хватились как можно дольше.

Грош заставил себя неторопливо выйти и только потом побежать. Времени с каждым шагом оставалось все меньше и меньше. Он повернул ключ и толкнул створку, размышляя, что будет, если его здесь застукают. Выходило, что по большей части – ничего. Наорут, может, дадут в рожу (ну это в первый момент сгоряча), вернут в список подозреваемых, наложат взыскание, и... дальше его фантазия отказывала.

Он закрыл дверь, в аудитории успели кое-что поменять.

Стулья сдвинули ближе к стенам, столы, наоборот, к центру, на них расстелили подробную карту Инатара и окрестностей. В нескольких местах торчали красные шляпки булавок, отменяя чем-то значимые для следователей места. Их названия ничего не сказали Грошу, и он пошел к кафедре.

Колыхнулась тюлевая занавеска, по случаю летней жары окно оставили открытым. Сокурсники все еще спорили, но теперь их голоса раздавались снаружи. На столе лежали шесть папок, несколько листков бумаги и блокнот с заметками.

Макс раскрыл первую папку. С титульного листа на него смотрела знакомая угловатая физиономия. Личное дело Грошева Максима Викторовича. Он перелистал страницы, ничего нового, ничего такого, чего бы он не знал раньше. Вторая папка – Артем Самарский. Образцово-показательный студент, полная грудь орденов и значков за спасение котят и старушек.

Грош быстро взял третью. Лисицына Анастасия Тароновна. На фотографии девушка выглядела очень серьезной. Отец, мать, брат – богатая влиятельная семья. И почти ничего нового, кроме одного: ее отец родился без дара. Псионники в семье – Настя и ее дед.

Как показывает статистика, семьдесят процентов специалистов передают способности по линии крови через поколение, от деда к внуку. Как Лиса или Самарский. Пять процентов наследуют напрямую от отца к сыну. Все остальные –

дело случая. В семье, не отмеченной даром, рождается пси-специалист, как родился он. Зато и знатный, и знаменитый род может вдруг превратиться в обычный.

Судя по личному делу, отец Насти был офицером личной гвардии Императора, так что неизвестно, кто и кому должен завидовать.

На улице расхохотались. Грош узнал голос Косы. Что ж они никак не разойдутся? Дел что ли нет? Грош схватился за следующий кусок пластика, пытаюсь представить, что будет, если сейчас дверь откроется, и в аудиторию войдет кто-то из следователей. Нервы не выдержали, и он, подскочив к двери, приоткрыл створку. Коридор был пуст. Пока.

Бумаги в четвертой папке оказались не в пример интереснее. Дело о краже кубов из хранилища. Грош стал перебирать страницы, отчеты, показания, пока не добрался до снимков энергетический полей.

Руки дрогнули. Пси-поле пропавшего блуждающего ни на онн не совпадало с тем, что убил Ирыча у дома художника. Призраков все-таки двое.

Пропавший из хранилища (при жизни Лукин Ерофеиван) тоже успел отличиться, сжег мозг какому-то бедняге в шахте в десяти километрах севернее лагеря. Произошло это в тот вечер, когда он прохлаждался в карцере. Жертва – Мучнов Гурон Артонович шестидесяти лет, старатель со стажем. На последнем листе кто-то из следователей синей пастой записал возникшие вопросы.

Связь между призраком и жертвой?

Отсутствие в шахте женщин?

Логично. Просто так никого не убивают. За что же призрачный защитник дам сжег Мучнова, если в округе шахты нет ни одной женщины? Ответ напрашивается сам: между ними была иная связь, которую пока не обнаружили.

– Александр, – раздался за окном голос рыжей старосты. – Можно... можно вас спросить? Как вы стали следователем?

Макс подошел к окну и осторожно выглянул. Стриженный успел вернуться. Мужчина остановился напротив Ленки, судорожно прижимающей к груди тетрадки. Девушка смотрелась очень трогательно с задорными хвостиками на макушке. И чего это ее на разговоры потянуло, она же в экспериментальную псионнику собиралась? Какая разница, главное – сейчас ему это на руку.

Грош отбросил бумаги о краже и схватил следующее дело. Убийство Ирыча, Иша и пацана. Пока не восстановят связь и не проведут идентификацию по кад-арту, он так и останется неизвестным. Макс перебирал бумаги, не забывая поглядывать в окно. Мужчина что-то рассказывал Афанасьевой, странно было слышать голос следователя, звучащий с такой мягкостью.

Результаты проб удивили – вернувшийся парень убил обоих: Ирыча и Иша. Грош мысленно вернулся в тот вечер, когда получил удар по голове. Неизвестный мертв как минимум дней десять. Он вспомнил вялого, привязанного к ру-

ке блуждающего, и ярость того, кого Артем пометил петлей. Слишком разные ощущения. Слишком разные призраки, в этом он был уверен, так же как в том, что его зовут Макс Грошев.

Даже не два, а три блуждающих. Призрак неопознанного мальчишки, убивший Иша и Ирыча. Призрак Лукина, убивший старателя. И неизвестный, привязанный к его руке. На эту роль идеально подходил умирающий с последней скамьи, но его украли только через сутки.

Грошев выглянул в окно, и увидел уходящую к корпусам старосту, «следака» на улице уже не было. Черт! Черт! Черт! Он положил папку и схватил последнюю, раскрыл и прочел несколько строк: «*Контрабанда камней разума*». В деле один листок. Пока.

Макс швырнул бумаги на стол, распахнул дверь, готовый увидеть, что угодно, хоть Нефедыча в компании с Императором. Но коридор был пуст, приближающие шаги раздавались на лестнице. У него секунд пять, не более. Парень бросился к соседней аудитории. Заперто. Следующая тоже. Третья дверь неожиданно поддалась. Он оглянулся на лестницу и нырнул в класс, не сводя взгляда с показавшейся стриженной макушки. Дверь он закрыл как можно тише и прижался лбом к окрашенному в коричневый цвет дереву.

И только услышав шорох за спиной, Макс додумался обернуться. На него смотрели с большим удивлением.

– Э-э-э, – смог произнести парень прежде, чем Вишня

молча указала ему на выход.

Только оказавшись на улице, Грош понял, что ключ от пятой аудитории остался лежать на кафедре рядом с документами.

Но волновало его не это. Ключ – всего лишь железка. Тревожил вопрос: почему ему не понравилось, что следователь обвинил Лису? Не понравилось настолько, что он, не задумываясь, залез в аудиторию, где работали специалисты из Шоромы. Какой смысл, раз девчонка Самарского мертва?

И, что самое обескураживающее, он не уверен, что хотел бы знать ответ.

– Макс, – окликнули его, когда он огибал тренировочную площадку. – Есть работа.

К Грошу подбежал невысокий щуплый четверокурсник, которого в насмешку над внешностью прозвали Шпалой.

– Работа? Сейчас? – переспросил Грошев.

Старшекурсник пожал плечами. Лагерь продолжал существовать, и каждый занимался тем, что мог, иногда даже делая вид, что ничего не случилось. Преподаватели читали лекции, спасатели прочесывали горы и доставляли предметы первой необходимости, студенты учились или писали тесты. Все были заняты или делали вид, что заняты.

– Что надо делать?

– Одного мужика в Некропольском хвост навешает в самые неподходящие моменты. Он заплатит за час спокой-

ствия. Быть рядом – это все, что от тебя требуется, чтобы призрак держался в стороне.

– А неподходящие моменты – это...?

Шпала отвел глаза и скупое ответил:

– Блуждающий приходит, когда он с женщиной, и у того, как правило, ничего не получается.

– Он платит за то, что псионник подержит свечку? – не поверил Грош.

– Вроде того.

Клиент оказался полноватым и краснолицым работягой с мозолистыми руками. Женщина, с которой он встречался – крашеной блондинкой с длинными ярко-розовыми ногтями. Местом романтической встречи – неказистый пятистенок с пристройкой. С открытой веранды, где устроился Грош, открывался вид на лес, подступавший к окраине Некропольского. Сель прошел в километре западнее, выдирая деревья и камни из земли. Отсюда почти не видать, словно ничего и не было.

В два часа дня влюбленные были сильно нетрезвы. Парень подумал, что на счет часа, это они себе польстили. Но раз клиент платит, он и не подумает возражать.

Грошев вытянул ноги, толстые стены из бруса не пропустили ни одного звука. Слава богам за маленькие радости. Макс прикрыл глаза, вспоминая свою первую «подработку». Самое простое действие – поднятие сопротивляемости кадарта. Дел на минуту. Но он решил все сделать по правилам.

Кристалл принадлежал ребенку, девочке десяти лет, которая подхватила воспаление легких. Атака единственного хвоста, пусть и не смертельного, не добавляла малышке здоровья.

Ненужные подробности чужой неинтересной жизни. Иногда знания – это зло.

Макс не только разузнал все о носителе камня, но и решил измерить силу блуждающего, чтобы знать, насколько повышать кад-арт. Грошев, тогда студент, едва окончивший первый курс, только-только начинающий смиряться с уготованной ему участью. Он договорился с матерью девочки, что та даст ему знать сразу же, как призрак атакует. Парень провел в ожидании три часа, не приближаясь к дому заказчицы ближе, чем на три сотни метров. Иначе почувствовавший псионника блуждающий не пришел бы. Например, как сейчас: Грош сидит, клиент развлекается, а хвост держится на расстоянии. Он чувствовал его присутствие где-то на границе десятиметрового радиуса.

В то первое лето на Инатаре он расставил ловушку – и мертвый попался. Прибежавший по звонку матери студент успел застать его возле задыхающейся от слез девочки. Псионник установил контакт с призраком, а потом от волнения перепутал вектор. Вместо того, чтобы измерить силу блуждающего, влил в него часть собственной, за секунду повысив класс опасности с седьмого до пятого уровня. Канал – это улица с двусторонним движением.

Старший был в ярости. Трое суток в карцере, месяц мытья туалетов, насмешки, шепотки и открытая враждебность сокурсников. Призраки – враги, и тот, кто помог им, даже невольно, становился изгоем. Кончилось все вполне ожидаемо – избиением. Их было четверо, он один. Итог – перелом руки, ключицы и трех ребер, выбитые зубы и ушиб почки. Обычные синяки и ссадины, от которых его лицо стало похожим винийскую маску, он даже не считал.

Больше его не трогали. Возможно, сами испугались того, что сделали, а, возможно, посчитали достаточно наказанным.

Девочка поправилась.

Скрипнула дверь. Макс открыл глаза, на крыльцо вышел мужик в спортивных трениках. Красное лицо, мутный взгляд. Грош ему польстил, на все ушло не больше десяти минут.

– Сидишь, чернорубашечник? – он плюхнулся рядом.

Грош едва заметно вздрогнул. С того мига, как его забрали в Академию, отец называл его только так. И ни разу по имени.

– Как тебе моя Кисана? – он подмигнул, заржал и попытался хлопнуть парня по плечу, едва не завалившись вперед.

– Блуждающий находится в одиннадцати метрах справа от вас. И очень злится.

Мужик подавился смехом и оглянулся, ожидаемо ничего не увидев.

– Но-но, – пьяно качнулся он и икнул. – Для этого... ик, ты здесь... ик, я плачу, – он снова посмотрел на пустое место. – Не вовремя Ирыч умер, – мужик поднялся, оперся об стену. – Раньше мы эту стерву... ик, – неопределенный кивок, – делили на двоих. Теперь, когда он скопытился... ик, она только моя, – он сплюнул.

Макс не сразу понял, что тот говорит о призраке, о хвосте, а не о крашеной возлюбленной.

– Откуда только знает, когда мы с Кисанкой? Ик.... Ходит за нами, что ли?

– Мертвые не видят, как мы ходим и что делаем. Они чувствуют. Она ощущает ваш эмоциональный подъем..., – парень посмотрел в пустые глаза заказчика и не стал продолжать. Тот не понял и половины слов.

– Чертова семейка... ик... – пьяный развернулся. – Пацан сбежал, Ирыч сдох, потом Иш, – он пошел к двери.

– Семейка? – удивился Грош. – Иш и Ирыч – родственники?

– Точно, чернорубашечник. Рутка – двоюродная... ик.... сестра Ишки, – мужик взмахнул рукой, задев косяк. – Сидеть здесь, понял? Ик... Меня хватит еще на раз. Или на два, – и снова заржал.

Минут через пять блуждающий отдалился. А потом и вовсе исчез. Макс встал, потянулся и сбежал с крыльца. Долго клиент не продержался, скорей всего, уснул, став призраку неинтересным. Не то, чтобы вернувшиеся не атаковали жи-

вых во сне, атаковали еще как, но именно этот предпочитал бодрствующую жертву, находящуюся на эмоциональном пике.

Макс прошел Некропольский насквозь, мысленно перечисляя хвосты Ирыча, о которых ему рассказала библиотекарша. Друг детства, теща, собутыльник и какая-то девка из Малоозерца. Девка!

Он не понимал, куда и зачем идет, пока не увидел перед собой красный забор.

«В Некропольский к свояку подался», – так пытался объяснить причину отсутствия хозяина Игрок. Мир показался Грошу не просто тесным, а съезжившимся, словно ореховая скорлупка. Все было рядом, все было здесь в доме, где еще недавно сжигали вещи. Парень распахнул калитку. Он не следователь, не официальное лицо, но женщине придется если не поговорить, то выслушать. И пока он будет говорить – не спустит с нее глаз, иногда ответы не обязательно произносить вслух.

Дверь открылась, едва он сделал пару шагов по дорожке. На крыльцо вышла худая тетка в мешковатом свитере с натянутыми до кончиков пальцев рукавами. Казалось, в этот летний день она мерзнет. Когда он приблизился, Рутка грубо и одновременно беспомощно проговорила:

– Вам придется подождать, пока я не продам дом.

Грош молча поднялся по ступеням.

– У меня нет денег, – она отступила к распахнутой двери,

вскидывая руки в извечном защитном жесте. – Сколько он вам должен? Я все отдам, но...

– Ваш муж нанял псионника, – то ли спросил, то ли констатировал факт он.

Он прошел мимо нее в дом, и женщина не стала его останавливать. Внутри царила разруха. Сломанная мебель, сваленные как попало на стульях и столе вещи, выброшенный ящик комода, треснувшее зеркало на стене. За потертую рамку воткнута фотография. Макс не знал, что говорить. И не мог уйти, поэтому зацепился взглядом за цветное изображение. Трое мужчин и Рутка. Улыбающийся Иш, угрюмый мужик в пол-оборота – Ирыч – и напряженный пацан в черной футболке с серо-стальным кристаллом на шее.

– Я заплачу, только подождите, – она оглянулась, недоумевая: только что они были на улице и вот уже стоят в комнате. – Вы ведь за этим приходили тогда?

Она его узнала. Что ж, этого стоило ожидать.

– Иш – ваш брат?

– Да, – она обхватила себя руками. – Его дом я тоже продам. И уеду.

– К сыну? – спросил Макс, вглядываясь в прямоугольник картона, такой несовременный в век компьютеров и кад-артов. Его мать тоже любила именно такие, как она говорила: «настоящие фотографии».

Они встретились глазами в зеркале, и он все понял. В один миг увидев отражение правды на стекле.

Она знала. Знала, что сын мертв, может, с того самого момента, как ее муж увез собаку в горы. Она всхлипнула, по-бабьи некрасиво скривив рот, тут же зажав его ладонями, костлявые плечи затряслись. Она закрыла глаза, не в силах произнести ни слова.

– Это вы завернули тело брата в пленку. Это могли быть только вы, – он повернулся. – Вы не боялись призрака, вы знали, что это ваш сын. Призраки никогда не приходят к тем, кого любят.

Он вытащил фото. На парне была другая одежда, серые брюки и синие кроссовки вместо желтых кед. Но кад-арт, больше похожий на отлитый из металла брусок. Вольфрамит.

– А Хрум? Что вам сделал пес?

– Он лаял! – закричала она. – Он лез в поленницу, он бы привел туда людей. Да и зачем ему жить без хозяина.

– Почему не сказали специалистам? Он сжег двоих, возможно, собственных убийц, но...

– Потому что! Вы захотите его привязать. Если бы я только смогла найти тело, найти моего мальчика. Я бы никогда не отдала его вам, слышите!

– Поздно, – глухо ответил Макс. – Он уже у нас.

– Нет! – застонала она.

– Прекратите, – припечатал он, – ваш сын умер не сегодня и даже не вчера. Вы могли сто раз найти его, но не сделали этого. А теперь скажите мне: почему?

Она стала мотать головой.

– Не поэтому ли? – Макс достал из кармана металлическую пластинку.

Женщина задрожала, будто он наставил на нее оружие. То, что она видела, было страшнее любого пистолета. Она пискнула и вдруг толкнула его в грудь. Эта тетка, годившаяся ему в матери, оттолкнула Гроша к стене, и он от неожиданности позволил ей это сделать. Фотография вылетела из пальцев и спланировала на грязный пол.

Рутка бросилась к выходу. Макс успел схватить ее за вытянутый свитер и дернуть обратно. Она налетела на стул, скидывая одежду на пол рядом с перевернутым ящиком комода. Ухватилась за ручку, с криком подняла его и ударила. Он даже не сразу поверил. Эта странная женщина не воспринималась как соперник. Но она била его старым комодным ящиком, в котором, наверное, хранили носки. Боль отозвалась в руках, которые он едва успел подставить, иначе дерево впечаталось бы ему в бок.

Тетка замычала и, с усилием подняв ящик, замахнулась снова. Криво, неловко, по-женски. Грош схватил его и дернул на себя. Женщина едва не упала, но вовремя выпустила «оружие» и снова бросилась к двери.

Макс отбросил чертов ящик и кинулся следом секундой позже. Не представляя, что будет делать, когда поймает. Что вообще можно сделать с этой теткой?

Рутка выскочила из комнаты и попыталась закрыть дверь.

Парень подозревал, что та тоже не представляет, зачем ей это надо. Псионник выставил плечо, и удар створки отдался болью в теле. Он слышал, как она всхлипывает с той стороны, налегая на дверь всем весом, желая победить в противостоянии, в котором уже проиграла. Он был выше и сильнее. Парень зарычал и, чуть отстранившись, ударил.

Дверь тут же открылась, невзирая на все ее усилия. Женщина закричала и бросилась на улицу. Макс побежал следом, минуя прихожую, ступеньки крыльца и хрустящий гравий дорожки. У нее не было ни малейшего шанса, он бы догнал ее через сотню метров, наверняка втащил бы обратно в дом и заставил говорить. Он не знал как, но заставил бы.

Тетка не была глупой, потому и не решилась на кросс по открытой местности. Она бросилась к дому напротив и, подбежав, заколотила кулаками по двери. Ее впустили, может, с испугом и легким недоумением. Рутка жила тут с рождения и знала всех, а они знали ее. Он же был чужаком. Причем без официальных полномочий.

Занавеска в красный горох шевельнулась и тут же вернулась на место. Он мог представить, как тетка плачется соседке на пришедшего выбивать долги псионника. А та хватается за отключенный телефон, намереваясь вызвать корпус правопорядка. Но даже если бы связь работала, Рутка не дала бы сделать звонок по одной простой причине. Эта причина лежала у него в кармане. Прямоугольная пластинка с выбитым номером.

Он хотел знать, что происходит, для того и взял железку. Хотел иметь противовес к тому времени, когда Шрам решит напомнить пси-специалисту о маленькой ночной прогулке. Хотел иметь то, что позволит сохранить независимость, а не стать карманным псионником Тилифа.

И этим загнал себя в ловушку – теперь он тоже не мог обратиться к властям. Народ ненавидел тех, кто увозил кристаллы-защитники за границу. Кто-то завидовал их зарплате, а кто-то считал, что люди там, за границей Империи камней, не стоят того, чтобы их спасать. За контрабанду камней предусмотрено лишь одно наказание. Смертная казнь.

Урок десятый – География

Тема: «Работа со справочниками»

Макс выругался и закрыл справочник почтовых кодов Империи. Он перебрал уже кучу вариантов. Чертовы цифры ни под что не подходили: ни телефонные номера, ни регистрационные номера автомобилей, ни абонентские ящики, ни личные номера солдат, как он думал сначала. Все, что можно было проверить в отсутствии интернета, он сверил. Мысль о банковской ячейке была отложена в дальний ящик.

За спиной послышались шаркающие шаги, и голос с ехидцей произнес:

– Что, дурь выветрилась, за книги засел? – из-за крайнего стеллажа вышла Мария Курусовна.

Парень потер ноющую шею и не стал ничего отвечать.

– А как же тестирование?

– Я уже протестировался, – буркнул Грош, пододвигая к себе каталог с реквизитами подписок на печатные издания: газеты, журналы альманахи. Книжки он уже проверил, серийные номера были длиннее и составлялись совсем по другому принципу.

– Ну, тогда ладно, раз протестировался. И когда только успел? В прошлом году, не иначе. Наши-то только вчера начали...

Бормотание библиотекаря прервал ударивший по ушам

сигнал тревоги. Грош от неожиданности выронил листок с переписанными с таблички цифрами.

– Самое время для учений, – он наклонился и подобрал бумагу.

– Вот и в прошлый раз все так и подумали, – сказала бабка, покачав головой. – А оказалось... – она вздохнула. – Бросай свою географию и иди в бункер, Максим, от греха подальше.

Сирена взвыла повторно, хлопнула дверь, и в зал вбежал Игрок с совершенно безумным видом.

– Что? – вскочил Грош. – Опять обвал?

Леха оглядел стеллажи, ряд пустых столов и бросился к библиотекарше.

– Справочник по нефизическим величинам!

– Окаянный, – Марья Курусовна картинно схватилась за сердце. – Вот они, – она указала на полку: – краткий, полный и под редакцией Артаховой.

Парень подскочил к стеллажу и вытащил сразу два тома. Система оповещения дала третий сигнал и затихла.

– По какому поводу ажиотаж? Ждем лавину? – спросил Грош.

– Не, – отмахнулся Игрок, – учебная тревога.

– Ишь, ты. Откуда знаешь? Или перед тобой Нефедыч отчитался? – прищурилась библиотекарша.

– Спинным мозгом чую, – парень раскрыл толстый том.

Макс сел на место и взялся за каталог товарных штрихко-

дов. Спинному мозгу Лехи он доверял.

– Сегодня практикум по вскрытию узилиц, – Игроков посмотрел на Грошева, но никак его отсутствие на тестировании не прокомментировал. – Технолог в Шороме застрял. Арчи решил, что мы уже большие, сами справимся. Ну, как в школе, когда ученики уроки ведут, не помню названия, базарный день что ли?

– День самоуправления, – улыbnулась бабка.

– Точняк, он самый. Арчи искал добровольцев, – Леха быстро перелистывал страницы.

– Ты вызвался? – не поверил Грошев.

– Сейчас. Ты наших знаешь. Ленка как всегда стесняется, Самарский в трауре по безвременно почившей любви, а остальные, и я в том числе, сделали шаг назад.

– Он тебя назначил, – констатировал Макс.

– Ага, я половину констант не помню, – он нашел нужную страницу и стал водить по ней пальцем.

– Наши тоже не помнят.

Леха захлопнул том с тоской и посмотрел на тот, что лежал рядом (в два раза тоньше и в два раза меньше).

– Я его с собой возьму, – Игрок схватил книгу и бросился к двери.

– Куда? – закричала Марья Курусовна. – А записать? Где я его потом искать...

Вновь ударила сирена. Теперь так и будет: три сигнала по-минутно, потом четверть часа тишина и все заново. К исходу

часовых учений у всех обычно звенело в ушах.

– Согласно правилам техники безопасности, я должен немедленно поспешить в бункер, – выдал Игрок и скрылся за дверью.

Женщина беззлобно фыркнула. Макс встал и собрал каталоги в стопку. Ничего он здесь не нашел. И не найдет. Взгляд упал библиотекарьшу.

– Почему географию? – спросил парень, рассматривая книги. Та тоже посмотрела на обложки. – Вы сказали, чтобы я бросал географию и шел в бункер. Почему?

– За дуру-то меня не держи, – она взяла верхние три тома, подошла к стеллажам и стала расставлять. – Опять историк шалит? Заставил в старометрических координатах разбираться?

– Это не координаты, – возразил Макс.

Самая простая и самая очевидная догадка – ее он проверил в первую очередь. Сигнал тревоги вибрирующе ввинтился в уши.

– Старая форма записи упразднена при Корифонте IV. Империя перешла на общемировые широту и долготу, – Марья Курусовна вернулась и положила на стол томик в потрепанной обложке.

«История великих географических открытий», – значилось на переплете.

– До этого система была веерная. Неудобная и неточная, но только наша имперская, чем очень гордились. Смотри, –

она указала на листок, – сколько у тебя здесь цифр: первая обозначает прямую, вторая – градус отклонения от нуля, третья – точку пересечения... , сейчас, – она раскрыла томик в самом конце, где были приведены таблицы. – Если перевести со старой системы, получается...

Грош, не дав ей договорить, выхватил книгу, подошел к висевшей во всю стену карте Империи и нашел нужную точку.

– Ну-ну, – сказала бабка, – хоть бы «спасибо» сказал.

Сирена взвыла третий раз и умолкла.

– Спасибо, – машинально ответил парень, даже не обернувшись.

Карта была весьма приблизительной, как и большинство учебных пособий, но координаты, зашифрованные на пластине, примерно указывали на то место, где они нашли камни. Макс уверен, если посмотреть на настоящей карте, той, что выдавали им перед походом, она совпадет до последней запятой. Цифры на пластине – координаты тайников с кристаллами.

Он вспомнил пятую аудиторию, карту с цветными булавками и едва не закричал зубами от злости. Хоть снова лезь и изучай. Значит, следаки знают. Они не нашли эту пластину, но наверняка находили другие, может, не сейчас и не здесь, но уловку контрабандистов они разгадали раньше него.

– Книжки на место поставь, – раздался из-за стеллажа голос бабки. – И марш в бункер, пока мне от Андрюхи не влетело.

Макс тихо рассмеялся. Назвать Арчи Андриюхой – такое он слышал впервые. Грош расставил книги, подхватил словарь, оставленный Игроком, и, едва сделав первый шаг к полке, остановился. Взвесил в руке книгу, посмотрел на толстый корешок и стукнул томом по стеллажу. Одна разгадка подняла настроение, вторая его уничтожила. Он был слеп, как крот. Воистину был прав сказавший: «Хочешь что-то спрятать – поставь на самое видно место».

График дежурств висел на первом этаже административного корпуса прямо напротив каморки вахтера. Дежурства расписаны на неделю вперед. Эту неделю, а ему нужна прошлая. Каждый день парень ходил мимо и не догадался взглянуть на бумажку. Грош поднял прикрепленный кнопкой лист. Есть! Старый никто снять не удосужился, просто прикрепили новый график поверх прежнего.

Его дежурство с Лисой отмечено не было, лишь в нужной графе через ровные строки фамилий шла красная надпись «замена». А чуть выше – две фамилии. Слепцов и Шаров – те, кого они с Настей сменили в бункере. То-то широкоскулый блондин показался ему смутно знакомым, Слепцов уже проходил с ними практику. Фамилию Шаров он тоже слышал, правда, завести личное знакомство так и не удалось. Пора исправить это упущение.

При очередном сигнале тревоги Грош добежал до жилого корпуса, не встретив ни одного студента. Все уже в хранили-

ще обрабатывают действия на случай угрозы извне. Другого шанса может и не быть.

Огибая корпус с торца, Макс увидел Самарского. Сокурсник стоял на смотровой площадке, вглядываясь в прозрачный воздух гор и, казалось, не слышал ни сирены, ни воцарившейся после нее тишины. После того, как они вернулись с одиннадцатого маршрута, Артем мало на что обращал внимания.

Чертыхнувшись, Грош прошел мимо распахнутой двери и поднялся на площадку. Квадратный настил десять на десять метров с двумя скамьями, беседкой, чтобы спрятаться от дождя, и выкрашенными голубой краской перилами. Если подойти к самому краю, кажется, будто пустота под ногами тягуче качается. И иногда так легко представить, как делаешь последний шаг в ее заманчивую глубину, просто так без причины, чтобы просто почувствовать, как это будет.

Ходили слухи, что однажды отсюда прыгнули влюбленные, которым родители не дали разрешение на брак. Парень усмехнулся... Очередная легенда Инатара, в самый раз, чтобы заманить на свидание девчонку и потискать в беседке.

Артем продолжал смотреть на горы, хотя не услышать его приближения не мог.

– Номер комнаты Шарова знаешь? – спросил парень.

– Зачем тебе?

– В гости звал, а я запомнил.

Отличник повернулся. Они не разговаривали с того инци-

дента у дома Иша.

– Шаров живет через одну от меня, в двадцать первой.

– Шаров – такой лопоухий с бритой башкой?

– Как выглядит друг, ты тоже забыл?

– У меня девичья память, от матушки досталась.

– Оно и видно, – Артем отвернулся обратно. – Иди, куда шел, я не собираюсь прыгать.

– Надумаешь, предупреди.

– В спасатели метишь, двоечник?

– Нет, камеру возьму.

Сирена взвыла в третий раз.

В двадцать первой комнате царил образцово показательный беспорядок. Незаправленная кровать, на столе учебники вперемежку с апельсиновой кожурой и носками. Книг было не так много, но они валялись везде. Спальня Шарова была чуть больше, чем у него, и гораздо меньше, чем у Самарского.

Макс подошел к столу и стал открывать ящики. Все тот же бардак, все тот же мусор, но уже приправленный тетрадками. Ничего, что могло бы его заинтересовать.

От ветра колыхнулась бежевая казенная занавеска, приоткрывая стопку книг на подоконнике. Два учебника. Словарь и справочник по нефизическим величинам. Тот самый, что он вынес из хранилища. Парень закрыл глаза, вызывая из памяти картинку, как они стоят в бункере, как старшекурс-

ник наклоняется, подхватывает книгу и ветровку со стула и выходит.

Впоследствии они все дружно кивали друг на друга, заявляя, что никто ничего не выносил. Потому что этот чертов справочник, половину которого студентам полагалось знать наизусть, таскает каждый второй. Ничего удивительного, что псионник взял его с собой, чтобы скоротать дежурство.

Макс вытащил толстый том и раскрыл. Чувство разочарования было почти болезненным. Страницы мягко зашуршали под пальцами. Схемы, таблицы, раскладки, формулы. Неужели он ошибся? Грош захлопнул книгу. Он мог бы с пеной у рта доказывать, что прав, он чувствовал тем самым спинным мозгом, о котором говорил Игрок, но чувства не имели никакого отношения к фактам.

Хлопнула дверь, и этот звук показался Грошеву оглушительнее давно смолкшего сигнала тревоги.

– Теряюсь в догадках, что ты здесь забыл, – Шаров бросил на заваленную одеждой тумбочку черную кепку. – Сломанный нос? Или отбитые кишки?

– Где куб? – напрямую спросил Макс.

И прежде, чем хозяин комнаты ответил, прежде, чем открыл рот, в его карих глазах блеснула тень страха. Еще одно доказательство, которое ни для кого не будет иметь значения. Все чего-нибудь боятся.

– Мало тебя ребята проучили, мало.

– Так давай, – Грош выронил книгу, и поднял руки. – Вот

он я перед тобой. Или тебе только безграмотные надписи на стенах по плечу?

На этот раз страха не было – только недовольство и злость.

Год назад кто-то забрался в комнату к Максиму в Академии и расписал стены непристойными надписями и анатомическими рисунками, если вдруг кто читать не умеет. Ну, непристойными их счел комендант общежития, а Грошеву было все равно. Были стены зеленые, стали желто-зеленые – не велика разница. Но этого шутникам показалось мало, и они поупражнялись в остроумии на его тетрадях и одежде. Только на его – соседей по комнате такой чести лишили. Тряпки было жалко больше всего, он тогда не планировал обновлять гардероб, но пришлось.

Найти юмористов не составило труда. Один из старшекурсников на бис исполнил арт на стене казармы той самой желтой краской.

– Чего мелешь?

– Того. Подельники у тебя уж больно хлипкие. Стоило прижать Гореева с его баллончиками, как он тут же сдал остальных: тебя, Иванова, Теплина.

– Врешь, – Шаров угрожающе качнулся.

– Тогда откуда у меня Гореевский ноут? Он так просил его взять, так уговаривал не ломать ему пальцы.

– Врешь, – повторил парень, одновременно выбрасывая кулак. – Он продал тебе это старье!

Макс перехватил руку за запястье, вывернул и пропустил удар в корпус. Грош согнулся, на миллиметр разминаясь с согнутым коленом, и ударил Шарова головой в живот. Это не тренинг по рукопашному бою, к которым все привыкли, это драка, в которой в ход идет все, даже уличные приемы.

Старшекурсника отбросило к стене.

– Конечно, вру, – согласился он. – А Иванов со щита на полигоне свалился и руку сломал сам. Неуклюжий он у вас.

Шаров прорычал нечто невразумительное и попытался сбить Гроша подсечкой. Макс отпрыгнул в сторону, но тот, поднимаясь на развороте, сократил дистанцию и ударил нисходящим, метя в лицо. Гнев – плохой советчик: бить сверху вниз того, кто на голову выше тебя, затруднительно и, как правило, нерезультативно. Парень легко ушел и ответил прямым в челюсть, снова отбрасывая Шарова к стене. Из разбитой губы потекла кровь.

– Теплину тоже не повезло, его с бутылкой самогона взяли. Стечение обстоятельств.

Старшекурсник поднялся, вытирая рот рукавом.

– А тебя, я помню, не аттестовали по модификациям просто потому, что экзаменационного листа не нашли. Нет работы – нет оценки.

– Ты...

– Я, – кивнул Макс. – Только в отличие от вас, я не подписываю свои работы. И не хвастаюсь перед девками. Только перед парнями, – ему вдруг стало смешно на самого себя. –

Как сейчас.

Лицо Шарова налилось кровью от ярости. Первое правило боя – оставайся спокойным, чтобы не говорил противник. Тот, кто поддается эмоциям, всегда проигрывает расчету.

Шаров ударил. Макс блокировал. Еще удар – уклонение. Он больше не был первокурсником, которого пинали от одного к другому. Грош заехал парню локтем в грудь, и тот, ловя дыхание, ухватился за тумбочку, чтобы не упасть. Ударить его в спину было бы самым простым. И неправильным. Максу нужна была информация, а не победа.

Шаров выпрямился. С тумбочки на пол посыпались ручки, взмахивая страницами, спланировал блокнот, съехала курточка, посыпались из надорванного пакета семечки. Грошев выдохнул и пропустил удар висок. Пропустил от неожиданности, от осознания того, что увидел. Под той самой ветровкой лежала та самая книга!

От цветных пятен перед глазами он просто отмахнулся, хотя его и ощутимо повело вбок. Второй удар он успел перехватить, но на этот раз вместо того, чтобы оттолкнуть Шарова, притянул его ближе и спросил:

– Зачем тебе две одинаковые книги? Про запас держишь?

И только после того, как в круглые и отчаянно злые глаза вернулся испуг, Макс отступил. Сделал шаг к куче вещей и выхватил толстую книгу.

– Не трогай! Не смей... сволочь, – в голосе старшекурсника появились беспомощные нотки.

Грошев открыл справочник. В страницах, некогда заполненных цифрами и буквами, был вырезан ровный квадрат. Точно в ширину узилища. А ведь на миг, когда он стоял там (у окна) и смотрел на абсолютно целую книгу, идея, пришедшая к нему в библиотеке, показалась полной глупостью.

Разве можно вынести что-то на глазах у напарника, на глазах у двойки сменщиков? Нет, если они не в доле. А если в доле, скоро об этом будут судачить все. То, что знает один, будет знать только он один, то, что знают двое – весь лагерь. Куб вынесли в открытую, просто положив его в книгу.

– Сколько ты хочешь за молчание? – хмуро спросил Шаров, весь боевой задор которого куда-то улетучился.

– Всегда одно и то же, – посетовал парень. – Все уверены, что меня можно купить.

– А это не так?

– Так, – усмехнулся Макс, – но в краже пытались обвинить меня, не забыл? У тебя денег не хватит. Так что рассказывай! Или я с этим, – он потряс справочником, – иду к Нефедычу. Ты все равно расскажешь, но уже ему и следователям – последствий огребешь намерено.

– Да, блин, нечего рассказывать, – Шаров плюхнулся на неубранную постель, схватил полотенце и вытер кровь с разбитой губы. – Это шутка была, понял? Ну, попросили меня помочь подшутить над тобой, гадом.

– Кто попросил?

– Кто-кто, – старшекурсник фыркнул. – Лиса, конечно.

Таким не отказывают, да и с распределением она помочь обещала.

Странное ощущение. Словно внутри оборвалась какая-то ниточка, о существовании которой он раньше и не догадывался. Почему укол оказался неожиданно болезненным? Его предавали и раньше, он давно привык, а это даже предательством не назовешь. Тогда почему сейчас так неприятно, немного неловко в первую очередь перед самим собой? Он ожидал от девчонки Самарского чего-то другого? Теперь можно вдоволь посмеяться над своими ожиданиями. Мир никогда не изменится.

– Ты же знаешь ее семейку, – продолжал рассказывать Шаров, – не та девчонка, которую я бы хотел иметь во врагах, просто иметь – другое дело...

– Не отвлекайся. Она попросила вынести куб?

– Да. И даже книгу эту дала, чтобы Слепцова не втягивать.

– И ты согласился? Это же опасный призрак?

– Спятил? Это шутка была! Шутка! Пустой куб с последней скамьи. Обидно девчонке, что из-за тебя Темыча в карцер заперли. Вот она и хотела тебе нервы потрепать. Через пару дней мы должны были вернуть его на место.

– И что помешало?

– Что-что... он пропал, этот дебильный куб. Я везде искал, – парень окинул взглядом бардак в комнате и потрогал опухающую губу. – Я к Насте, так и так, пропал куб. А эта коза, – последнее слово Шаров просто выплюнул, – боль-

шие глаза сделала. Какой куб? Какая шутка? Ничего не знаю.
Блин.

– Все?

– Все.

– Уверен?

– Иди ты в пень, Грошев. Я из-за этой штуки две ночи не спал, зубами клацал.

– А чего клацать-то, если куб пустой? Пустой? – спросил Макс.

– Я ж его с последней скамьи унес. Настька сказала взять средний, я и взял. Правда подумал, не все ли равно, раз они все дохлые, – старшекурсник почесал бритый затылок.

– Стоп, – Грош посмотрел на старшекурсника. – А сам ты не почувствовал дохлый он или нет?

Шаров отвел глаза и едва слышно произнес:

– У меня сенсорика – всего две десятых.

Макс смог удержаться и не присвистнуть. Псионники все не похожи друг на друга, как бывают разными художники, писатели, настройщики ткацких станков и роялей. Кто-то рисует пейзажи, кто-то – портреты. Кто-то пишет стихи, кто-то – прозу. Все разные, даже пси. У Макса, к примеру, чувствительность – абсолютная единица. Показатель, который он не смог себе занизить, потому что зачет принимал Арчи. Он чует потустороннюю вонь за несколько десятков метров. У большинства сенсорика держится на уровне от пяти до семи десятых – и это считается нормой. Шаров среди них со

своими двумя десятиыми – как слепец среди зрячих: силой оперировать может, но вот чувствует ли он ее – еще вопрос.

– То есть Настя велела тебе забрать определенный куб, хотя на последней скамье все равны, и ты даже не смог определить, мертв ли призрак на самом деле?

Парень беспомощно посмотрел в окно и в качестве последнего аргумента добавил: «Он стоял там, в лаборатории, приготовленный к вскрытию».

Второй раз за последние полчаса дверь открылась, и на этот раз побледнел хозяин комнаты.

– Шаров, Грошев, – Арчи посмотрел на студентов. – Что вы тут делаете?

– Ничего, просто разговариваем, – чересчур быстро ответил Шаров.

– Оно и видно, – препод задержал взгляд на распухшей губе одного и расплзающемся на виске синяку другого, поддел ботинком валявшуюся на полу куртку и скомандовал: – Шаров, наряд вне очереди, развел свинарник. Час на уборку, потом ко мне.

– Есть, – старшекурсник встал.

– Грошев, если через пять минут тебя не будет на тестировании, а я не увижу твоих каракуль на листе – присоединись к Шарову, раз вы теперь друзья.

Макс решил соглашаться с анкетой во всем. Тупо проставляя крестики в первом же квадрате.

«Хотели бы вы работать с материей?» – «Да».

«Хотели бы вы не работать с материей?» – «Да».

Он совсем не хотел бы работать.

«Испытываете ли вы брезгливость к останкам?» – «Да».

«Испытываете ли вы потребность в сочувствии при виде смерти?» – «Да».

Именно его и надо пожалеть. Остальные перебьются: как живые, так и мертвые.

Бездумное черкание в пустых клетках не мешало мыслям водить в голове хороводы. В чем-то он оказался прав с самого начала. Призрак, которого привязали к его руке, был почти мертв. Они неправильно соотнесли кражи во времени. Первым украли приготовленный к вскрытию куб, а его место на последней скамье заняло узилище Лукина.

Работы в лаборатории ведут не каждый день, подмену не раскрыли, а зафиксировали кражу Лукина, хотя тот еще находился в бункере.

Его вынес Шаров, которого выбрали именно за низкую чувствительность. Любой другой понял бы, что именно выносит, едва взяв куб в руки. Если бы все раскрылось, Шарова бы сдали, сделав большие глаза. Слово Насти против слова того, у кого на руках краденое узилище. Не трудно предположить, что перевесит.

Но в итоге, Лукина тихо забирают из комнаты старшекурсника.

Что дальше? Зачем им Грошев? И, что самое главное,

кому – им? Куб мертвого блуждающего нашли у Лисы, логично предположить, что она его и вынесла. Допустим, Настя, ростом ему по плечо, умудрилась огреть по голове поленом и привязать призрака, но затащить его в дом художника девчонка бы не смогла. Кто ей помогал? Самарский? А потом разыграл спектакль о пользе чести и совести без единой фальшивой ноты? Сомнительно.

Зачем воровать кубы? Какой с них толк? Призраки атакуют по своим правилам, им не скажешь «фас», указав на неугодного человека. Для убийства есть масса более простых способов, тем более для псионника. Зачем привлекать внимание?

Макс не замечал, что остервенело черкает в тетради.

«Какая у вас мечта?» – «Свалить из вашей богадельни».

И никогда больше не чувствовать вонь мертвых.

– Охренеть, – голос Кузнецова вырвал его из бесконечной чехарды вопросов и ответов.

Макс поднял голову от листка. Оказалось, парни стоят возле окна, а девчонки тревожно переглядываются. Карачева начала подниматься со своего места.

– Он же его убьет, – недоверчиво сказал молчун Кузнецов и вдруг бросился к двери.

За ним Дан и Леха, на ходу крикнув Грошу:

– Темыч сцепился с кем-то из старшекурсников.

– Вернитесь на свои места, – повысила голос преподаша, но ее уже никто не слушал.

В одном предложении были произнесены несовместимые слова. Самарский сцепился со старшекурсником. Самарский, который всегда соблюдал субординацию. Отличник, не получавший взысканий со дня поступления, устроил драку.

Рядом с тренировочной площадкой собралось уже поллагеря. У каждого второго в руке был телефон. Словно в мертвые века они пришли поглазеть, как будет литься кровь. Макс тряхнул головой, что-то его во мрачное фэнтези потянуло. Обычная драка, даже не особо кровавая.

– Спорим, старшекурсник его сделает, – сразу предложил Игроков.

– Он меня-то не сделал, куда ему до Самарского, – отозвался Грош, наблюдая, как Артем впечатывает колено в живот бритому Шарову.

– Из-за чего сыр-бор? – спросил Тимирязев.

– Шар о Лисе что-то брякнул, – ответил ему стоящий неподалеку Шпала. – Вроде девчонка оказалась воровкой. Или что-то еще.

Старшекурсник перекинул Артема через плечо и впечатал лицом в землю. В толпе загомонили, подначивая или ругая. Но отличник рывком высвободился и тут пнул противника в колено. Кто-то из зрителей вскрикнул. Шаров повалился рядом, Артем навалился сверху и ударил: раз, второй, третий, превращая лицо в кровавую маску.

– Идиоты, – раздался голос, и к парням, растолкав зрите-

лей, выбежал физрук Альберт, молодой мужик (старше студентов максимум лет на пять), от того звать его по отчеству не поворачивался язык. – Прекратить!

Мужик подскочил к отличнику и, заломив ему руки за спину, стащил с Шарова. Артем не сопротивлялся, разом утратив всякий интерес к противнику, сплевывающему кровь на землю. Скоро старшему Самарскому опять придется раскошелиться на компенсацию.

К Шарову тут же подскочили двое: Гареев и Иванов. Грош узнал «художников».

– Блин, из-за какой-то... – Иванов замолчал, поймав взгляд Артема.

– Самарский, марш в корпус, – скомандовал Альберт, отпуская отличника и делая шаг к старшекурснику.

– В корпус? И все? – высказался Гореев. – Из-за того, что у них полгруппы пропало, остальным теперь все можно, да? Все их жалеют. Да лучше б они целиком сгинули!

– Что ты сказал? Повтори, – вышел вперед Игрок. – Что-то я не видел, чтоб ты в бой рвался на помощь к дружку, а сейчас осмелел.

Молчун Кузнецов тут же встал рядом с Лехой. Иванов выпрямился, сжимая кулаки.

Гомонящая толпа разом замолчала: смотреть на двоих было интересно, но это не значит, что зрители откажутся от второй серии с новыми героями.

– Прекратить! – снова рявкнул Альберт, вставая между

третьим и четвертым курсом. – Самарский, тебе отдали приказ: бегом в корпус. Игроков, Тимирязев – у вас тестирование. Через пять минут студенты, которые еще будут здесь, пойдут вместе с нами к Куратору. Время пошло!

И оно не просто пошло, оно побежало. Тестирование, хмурые лица парней, мысли и сумерки, быстро опустившиеся на лагерь. Наверное, это был последний день, который с натяжкой можно было назвать обычным.

Когда Макс вернулся в свою узкую каморку, его ждал сюрприз. На кровати поверх покрывала сидел Самарский и, не мигая, смотрел в стену напротив. На скуле отличника налилась багровым цветом ссадина, одно ухо распухло, в правой руке немного мятый коричневый то ли пакет, то ли конверт.

– Чем обязан?

– Это я позвал Арчи, когда ты вломился к Шарову, – без эмоций произнес Артем.

– Я догадался. Больше просто некому.

– Я подслушивал, – сказал, не поворачивая головы, Самарский.

– Если у тебя сегодня по плану покаяние, то это не ко мне, это в церковь, – Макс прошел и положил сумку на стол. – Все слышал?

– Мне хватило, – Артем перевел взгляд на Макса, и тот понял, до какой степени зол отличник. – Когда понял, что больше не выдержу, войду и... – он сжал кулаки, конверт в

его руке хрустнул. – Сходил и позвал Арчи, сказал, что вы деретесь.

– Не переживай, ты сказал правду.

– Настя не воровка, – отличник встал.

– Не соглашусь. Мне тоже морду бить будешь?

– Борюсь с этим побуждением, – Самарский протянул Грошу пакет. – Это просунули под твою дверь около часа назад. Кто – не видел. Я вскрыл.

– А ты не безнадежен, отличник. Оставь себе.

– Не интересно, что там?

– Нет.

Самарский несколько секунд смотрел на Макса, потом опустил голову и одним движением сдернул коричневую бумагу, так похожую на ту, в которую заворачивают посылки на почте. На пол упала грязная, потрепанная, сложенная в несколько раз карта. Еще недавно Грошев мечтал взглянуть на такую, не представляя, что его желание скоро исполнится. В углу листа стояла размашистая подпись Нефедыча и синеватый оттиск цифры семнадцать. Именно эту карту Ильин получил от Арчи и увел первую группу в горы.

– Я хочу знать, почему это прислали тебе?

Макс посмотрел на порванную с одной стороны потную бумагу и тоже отчаянно желал узнать ответ на этот вопрос.

Урок одиннадцатый – Политология

Тема: «Принуждение, убеждение и манипуляции»

Они вышли затемно, когда желтый диск солнца еще не поднялся из-за Великой. Три фигуры в черной полевой форме перелезли через забор и направились вверх по склону.

Макс обернулся на лагерь и поправил ляжки рюкзака.

– Не отставай, – поторопил парня Игрок.

Идея, которую они воплощали, граничила с безумием. Но иногда выбора просто нет. Его не было у Самарского. Надежда, которую вернула ему карта, снова сделала парня похожим на того отличника, которого они знали. Он вспомнил не только Лису, но и список из десяти фамилий, поверх которого в лагере так никто и не решился повязать траурную ленточку.

Его не оказалось у Игрока, когда Макс вломился к нему поздней ночью и рассказал то, что мог. Леха был нужен Грошу в этой аванюре. Нужен тот, кто умел ходить по горам, кто понимал их.

Сам же Грошев просто шел, не задаваясь вопросами и не мучаясь сомнениями. Его в любом случае не оставят в покое, ему в постановке отведена главная роль.

Парню вспомнился фильм об извержении вулкана, который им показывали еще в школе. На экране люди беспорядочно разбегались от вулканических бомб. Географичка то-

гда сказала, что беда в том, что они бегут бездумно. А если б хоть на минуту остановились, подняли глаза к небу, чтобы понять, куда летит очередной сгусток лавы, а только после этого убегали, то жертв было бы меньше.

Грош не хотел бежать вслепую. Он будет смотреть и смотреть внимательно, откуда летят «бомбы», и кто их кидает.

– Когда нас хватятся? – спросил Игрок.

– Третий день тестирования, – ответил Грош. – К обеду поймут, что мы не просто прогуливаем.

Семнадцатый маршрут большей частью пролегал по западному склону и пересекался с одиннадцатым лишь в Солнечном, которого больше не существовало. Сель грязным языком прошелся по земле, стирая с нее все призраки цивилизации. Потом влага уйдет, оставив после себя пористую жижу, которая рано или поздно высохнет и будет по крупичкам растаскана ветрами.

Они хотели повторить путь первой группы, не особенно на что-то надеясь, ведь это уже сделали поисковые отряды. Но карта уцелела. И это нельзя было никак объяснить.

– Я записку оставил, – сказал Артем. – В своей комнате, не на виду, но если будут искать, то найдут.

Никто ему не возразил, не выразил недовольства, потому что в глубине души ни один из них не верил, что к вечеру они вернуться в лагерь.

До распадка дошли в полном молчании, утренняя прохлада успела смениться мягким теплом. Тогда Игрок впервые

обернулся. Но ничего не сказал.

Первые следы прошедшей группы они нашли через километр. На каменистой поляне, судя по всему, устраивали привал, оставив после себя несколько оберток от пайков и пустую пластиковую бутылку. Самарский не поленился все собрать.

За следующий час они прошли около трех километров. Впереди показалась каменистая насыпь, отмеченная на карте, как «нос инта», рядом темнел узкий провал полукруглого лаза. Тропа маршрута проходила в ста метрах от скального образования, большего похожего на бородавку на теле уходящего ввысь склона.

– В таких норах очень любят ютиться россомахи и рыси, – сказал Игрок. – Видите клочки шерсти на камнях?

– Значит, подходить не будем, – Артем развернул карту. – Тут тропа раздваивается, надо решить... Макс, ты куда?

Грошев с разбегу взобрался на каменистое образование. Из-под ботинок посыпались мелкие камушки. На одной из ноздреватых стен был нарисован знак. Он провел пальцами по линии, ощутив чуть липкую поверхность еще не просохшей серой краской. Тот же крест и та же елочка, но только с правой стороны.

– Снова эта хрень, – Игрок взобрался следом. – И не лень людям извращаться.

– Значит, не лень. Знак свежий, – он показал испачканные пальцы, отступил на шаг и склонил голову. – Мне эта штука

что-то напоминает, но никак не могу вспомнить что.

– Найди клад.

– Что? – Грош обернулся, позади стоял Самарский.

– Вы что, в детстве в пиратов не играли?

– Э-э-э, – Игрок и Макс переглянулись.

– Даже не знаю жалеть вас или завидовать, – отличник подошел ближе. – Отец мне на каждый день рождения игру устраивал. Подарки еще предстояло найти по знакам, похожим на эти. Стрелка – это направление поиска, крест – сам клад. По идее, его можно заменить и на квадрат, и на круг, и на сердечко.

– Тогда почему нельзя оставить одну стрелку? – спросил Леха.

– Часто клад ищут две или даже три группы, у каждой свой знак, чтобы они не увлеклись и не нашли чужой.

– Не похоже это на место для детского развлечения, – оглянулся Макс.

– На меня не смотри, – открестился Игрок. – Я впервые слышу об этой эксплуатации детского труда.

– Стрелка указывает на северо-запад, – добавил Артем. – Группа Ильина ушла туда же, но тут две тропы.

– Предлагаешь сменить? – спросил Игрок. – Поискать полкило карамелек и сушек.

– Предлагаю. Ты против? Что-то не так со второй тропой? – уточнил отличник у Лехи, но смотрел он при этом на Макса.

Грош знал, о чем он думает, видел отражение собственных мыслей в глазах Самарского. Они уже нашли один клад, стоимость которого сложно переоценить. И труп пацана – тому лучшее доказательство.

– Нормальная тропа, – пожал плечами Игрок и для наглядности спустился и пару раз подпрыгнул.

Разговаривать, когда дорога все время поднимается в гору – удовольствие на любителя, поэтому они шли в тишине. Из этого второго перехода Макс запомнил только одно – Игрок обернулся. Два раза. Но снова промолчал.

Второй знак нашелся через два километра, дети обычно на такие расстояния не бегают, не похоже на игру. С каменного образования с вольготно раскинутыми по уступам колючими кустами и высокой травой у подножия на парней смотрел все тот же размашистый серый крест. Справа стена расходилась широкой трещиной, а в монотонность коричневого камня вплетались мерцающие темные прожилки – верный признак того, что где-то рядом находятся залежи кристаллов.

– И что дальше? – спросил Макс, разглядывая крест (без каких-либо дополнений).

– По идее, это обозначает, что клад мы нашли, – пояснил Самарский.

Все произошло совершенно беззвучно, как в немом кино. Только что они стояли и разговаривали, а через секунду

Игрок упал на колени, зажимая плечо рукой, между пальцами проступила темная кровь. Второй выстрел, выбивший каменную крошку из скалы, вывел Гроша из ступора, и он повалился в траву, прикрывая голову руками. Инстинктивный, но абсолютно бессмысленный жест. Самарский растянулся рядом. Еще одна пуля прошла через рюкзак на его спине. Две чиркнули по кресту над головой Игрокова.

Леха поморщился, разжал пальцы, кровь пропитала ткань, и чуть приподнял голову, едва не схлопотав в нее очередную пулю.

– Это что за горные рейнджеры? – прошептал он, и испуга в его голосе было гораздо больше, чем злости.

– Пойди спроси, – предложил Макс.

Но их опередили.

– Эй, студенты, вылезайте!

Голос раздался с восточной стороны, там, где каменная стена пещеры сходила на нет, окруженная густыми зарослями лебеды. Они прошли мимо этого места несколько минут назад.

– Идеи? – шепотом спросил Артем.

Игрок указал глазами на трещину в скале.

– Давайте-давайте, – раздался второй голос. – Ничего мы вам не сделаем.

«Интересно, – подумал Грош, – они на самом деле думают, что мы поверим и выйдем».

Самарский кивнул и пополз первым. Расщелину частично

скрывали кусты и трава, и отличник быстро скрылся в темноте. Грош кивнул Лехе, и тот нырнул следом, оставив на каменном полу смазанный отпечаток ладони, которой зажимал рану.

– Пацаны, мы долго ждать не будем. Гранату швырнем и пойдем на обед.

Грош заработал локтями, переваливаясь через каменный порог. Возможно, он излишне старался, но жгучее чувство направленного в спину оружия заставляло невольно ускорять движения. Наверняка он что-то задел, слишком сильно приподнял голову, или ему не повезло, и стрелок посмотрел на трещину именно в этот момент.

Он почувствовал, как пуля просвистела возле уха, ощутил ее тепло. Почти без паузы – второй выстрел, из каменной стены во все стороны полетела крошка, обжигая ему щеки и лоб. С кустов посыпались сбитые листья. И он не выдержал, вскочил, готовый в любой момент ощутить жгучую боль, и бросился во тьму.

Их увидели, и пещера из укрытия превратилась в западню, в которой их перестреляют как уток. Только если трещина не сквозная, а впереди не будет выхода.

«А он должен быть, – повторял про себя Макс, как можно быстрее пробираясь следом за парнями вглубь расщелины., – Где-то там, за границей видимости, должен быть выход. Темнота чуть развеется от заглядывающего в темное нутро трещины солнца. По-другому и быть не может, вот

сейчас...»

Они не преодолели и трехсот метров.

Грош налетел на Игрока, внезапно вставшего посреди дороги и раскинувшего в стороны руки, словно один из пророков на картинке в книге, названия которой он не помнил.

Дыхание Самарского слышалось с другой стороны.

– Запах чувствуете? – спросил Леха.

Макс вдохнул сухой и какой-то терпкий воздух пещеры. Здесь не было ни одного призрака, мало того, здесь не было ни малейшего следа его недавнего присутствия.

Но едва он открыл рот, чтобы сказать об этом парням, произошли сразу две вещи. Во тьме напротив зажглись два желтых глаза. И кто-то приставил к его спине пистолет.

С секундным опозданием Макс все понял. Он так привык к потусторонней вони, что отвык искать подвох в обычных ароматах. Вокруг терпко пахло мокрой шерстью.

Парень подался назад, но незнакомый голос, не скрывая насмешки, произнес:

– Дернешься – пристрелю.

Во тьме послышалось тихое рычание. Острое чувство опасности, от которого волосы встают дыбом, хлынуло со всех сторон.

– В стороны, – заорал Игроков.

Макс дернулся. Неизвестный нажал на курок. Но чуть опоздал, и это спасло падающему парню жизнь. Зверь прыгнул. В серой темноте Грош успел разглядеть лишь гибкое

стремительное движение звериного тела.

Макс рухнул на каменный пол. Тот, что стоял за спиной, успел нажать на курок еще раз, посылая пулю в темноту, прежде чем хищник приземлился всеми четырьмя лапами ему на грудь.

Кто хоть раз слышал, с каким звуком рвется плоть, расколотится кожа, лопаются сухожилия, тот никогда его не забудет. Он не услышит ни рычания, ни мягкого, словно камешек в воду уронили, звука выстрела. Возможно, вздрогнет от сто-на, который будет подобен крику. Последний звук умирающего, последний судорожный и очень громкий вздох.

Макс вскочил на ноги, обернулся и не увидел ничего, кроме очертания тела.

– Это логово, выхода нет, – скомандовал Игрок: – Назад!

Они бросились обратно. Зрение сконцентрировалось на клочке света впереди. И потому удар прикладом в грудь стал для Макса полной неожиданностью. Голоса было два. Уже падая, вспомнил он. Кто-то последовал за ними, кто-то остался у входа. Рядом захрипел Леха.

– Набегались? – уточнили у них.

Когда цветные пятна перестали скакать перед глазами, Грош увидел двоих с винтовками, Игрока, сплевывающего на землю зуб, и пытающегося сделать вздох Артема.

– Что с Вартом? – спросил тот, что стоял ближе к отличнику, его соломенные короткие волосы стояли дыбом.

– Подрала его кошка, наглухо, – раздался новый голос. Из

темноты пещеры показался полностью лысый мужик, лет на десять старше остальных.

Парень поднял голову – в пяти метрах от входа лежала на боку пепельно-бежевая кошка. Рысь с развороченным выстрелами брюхом. Округлые бока судорожно вздымались. Животное было еще живо.

Им связали руки за спиной, отобрали рюкзаки и обыскали. Макс лишился складного ножа и таблички, которую он до сих пор таскал в кармане. Нож почему-то было жалче.

Но времени для сожалений им не оставили, подняли на ноги и тычками отвели куда-то в лес. Леха снова получил в зубы, стоило ему открыть рот и позвать Макса. А Самарский схлопотал пинок, когда, по мнению конвоиров, недостаточно быстро переставлял ноги.

Далеко не потащились. По ощущениям Грошева, не дальше полукилометра. А там...

Там их без лишних слов поставили на колени и приставили к затылками оружие, заставляя склонить головы. Все было так просто, так быстро, словно никто не видел ничего особенно в происходящем, словно они делали это каждый день, а каждое действие превратилось в рутину.

Дуло показалось Максиму очень твердым. Других ощущений не было, кроме одного – всепоглощающего страха. Он поднялся откуда-то из глубины и затопил все.

Игрок странно всхрипнул и тут же под нажимом оружия замолк. Артем лихорадочно смотрел то на него, то на Гро-

ша, не в силах остановиться на ком-нибудь одном. Макс едва сдерживал крик. Слушал шутки стоящих над ними мужчин и думал лишь о том, чтобы не заорать от страха. Каждую секунду, нет, даже каждую долю секунды, ожидая услышать выстрел. Или не услышать, если все кончится быстро.

Именно в этот момент жизнь показалась Максиму не столь поганой, как он привык считать. Даже совсем наоборот, он хотел продлить ее пусть на один удар сердца, на один вдох. Он всегда видел лишь одну опасность, одного врага – блуждающих. Не будь мертвых, жизнь была бы куда веселее. Но здесь, на поляне в лесу, ее готовились отнять совсем не призраки, ее собирались оборвать люди, которых его учили защищать.

Винтовка чуть сильнее уперлась в затылок. Зажмуриться, стиснуть зубы, удержать рвущийся крик – на большее Макса не хватит. Иногда время милосердно, иногда – безжалостно. С каждой секундой, с каждым отдающимся в голове ударом сердца все сильнее и сильнее хотелось открыть рот, попросить или даже умолять оставить им жизнь. Но он лишь крепче зажмурился.

– Так-так, – раздался знакомый голос.

От неожиданности Грош открыл глаза и качнулся, за что тут же получил удар в спину. Парень снова склонил голову к земле, к траве, к подорожникам и одуванчикам. Сердце билось в горле, в висках – везде.

– Они терлись возле знака, – отчитался блондин. – Вот,

что мы нашли у этого.

Макс снова почувствовал удар в плечо и едва не повалился вперед. Блондин явно продемонстрировал найденную у него пластину.

– Длинного ко мне. Остальные не нужны, – распорядился голос за спиной и спустя один удар сердца добавил. – Если не вернемся через десять минут, уберите.

Макса рывком поставили на ноги. Он еще успел поймать полный паники взгляд Игрокова, прежде чем его потащили в сторону.

Тилиф прищурил голубые глаза и кивнул одному из мужчин. Макс у тут же освободили руки. Стоило отойти от той спрятанной в перелеске поляны, как они перенеслись в другую реальность. Стояли палатки, горели костры, в котелках готовилась еда. С другого конца лагеря раздался задорный девчачий смех, от которого Грош непроизвольно вздрогнул.

– Я должен был догадаться, что ты сунешь нос с мои дела, малой, – лениво проговорил Шрам. – Но все же надеялся, что ты умнее, – мужчина покачал головой.

Макс сделал вдох и едва заметно поморщился от удушающего запаха гниения. Хвосты Тилифа были здесь, рядом с ним.

– Ты не мой отец, так что лирику можно опустить и перейти сразу к вариантам.

Макс смотрел, как двое мужчин деловито спорили о чем-то у костра, как еще один двигал в сторону зеленый ящик,

а худенькая девушка в сером спортивном костюме передала ему бутылку воды. Даже не верилось, что все это происходило в двух шагах от места, где им приставили пистолеты к затылкам.

– Ты всегда мне нравился: не ханжа, не идеалист, не дурак, – рассмеялся Раимов, – но чувства не стоят ни она, – улыбка, еще больше кривившая его лицо, исчезла. – Буду честен, раз уж ты умудрился влезть в это дело, – он подкинул на ладони табличку, – вылезти обратно не получится. Выбор прост: либо со мной, либо против меня.

– С тобой, – быстро ответил Грош, он бы сейчас и Нефедичу пообещал отличником стать.

– Я рад, – мужчина вытащил из-за пояса пистолет и протянул парню, – но придется доказать делом.

Оружие показалось парню неожиданно холодным и тяжелым. Девушка у костра скользнула по нему взглядом и отвернулась, предпочтя ничего не заметить.

Очень хотелось поднять ствол и упереть его в голову Шраму, как совсем недавно ему самому. Но вместо этого Макс вытащил и показал Тилифу пустую обойму.

– Старый трюк. Оружие мне положено только через год, но это не значит, что я не умею с ним обращаться.

– Тогда в открытую, – мужчина демонстративно вставил два патрона, вернул обойму в пистолет и повторно протянул парню. – Те двое – свидетели. И не уйдут в любом случае. Две пули – два трупа. Или три, если считать тебя. Решай,

малой. Два выстрела – и ты свободен, как ветер, – Тилиф повернулся к нему изуродованной стороной лица. – Возвращайся в Академию, устрой панику по поводу пропажи парней, вызови спасателей... Их не найдут, даю слово. Учись спокойно, я тебе даже стипендию положу, имени Раимова, – Шрам изогнул бровь, и его глаз с опущенным уголком казался парню гротеском резиновой маски, – или ее сразу твоей матери переводить, ты же ей все деньги отсылаешь? Ну, – рука с оружием требовательно качнулась. – Все у тебя будет. Мы найдем тех, кто убил твоего отца, и от души станцуем на их трупах.

Грош взял оружие и поднял на Тилифа глаза.

– Ну, давай, – подначил его мужчина. – Сделай то, что хочется. Пристрели меня. Ни тебя, ни тех двоих это не спасет – парни знают, что делать при любом исходе, но хоть душу отведешь. Пора делать выбор, малой. Настоящий выбор.

Макс перехватил в повлажневшей ладони пистолет и, ни слова не говоря, пошел обратно к поляне, до последнего ощущая испытывающий взгляд оставшегося на месте Шрама.

Всего два десятка шагов – и он снова смотрит на Игрока, а тот не сводит взгляда с оружия в его руке. В голове шумело, и парень не сразу понял, что говорит белобрысый, и почему, хлопая по плечу, уступает место за спиной отличника.

Такое наверняка проделывали не в первый раз. По идее, где-то должна быть камера, запись с которой навсегда при-

ввязет его к Раимову. Он вспомнил, как несколько минут назад отвернулась девушка. Здесь много дрессированных зверей, и ему предстоит стать одним из них.

– Не тяни, – посоветовал лысый, что держал на прицеле Леху. – Только хуже будет. Отстрелялся и свободен, – и они с белобрысым заржали.

Грош поднял оружие и приставил к голове Самарского.

– Макс, – простонал Игроков, схлопотал пинок и замолчал.

Грошев замер, вспоминая, как на стрельбище старательно целился мимо мишени, как качал головой инструктор, как снова и снова возился с ним, не понимая, что именно этот студент не стоит усилий.

Вдох. Выдох. В чем дело? Он же гаденыш, вредитель. Пора, наконец, соответствовать, стать тем, кого в нем видят. Самарский не замечал Гроша, пока не начались все эти странности. Правда, о Лехе такого не скажешь.

Макс задержал дыхание, как молитву повторяя про себя: «По мишеням, по мишеням», резко вскинул руку, послал первую пулю в голову лысому. Она вошла над правой бровью и вышла вместе с половиной затылка. Инструктор был бы доволен – почти десятка.

И сразу разворот, парень схватился за дуло винтовки, не давая белобрысому прицелиться, и дернул вверх – пуля ушла в небо. Самарский повалился на бок. Макс выстрелил снова, практически в упор. Попал в шею. Кровь брызнула веером на

него, на траву, на винтовку, на белые головки одуванчиков. Как сказал Шрам: «Две пули – два трупа».

– Бежим, – заорал Игрок, вскакивая на ноги.

Артем протащил руки через ноги вперед. Макс отбросил пистолет. Отличник схватился за измазанную в крови винтовку и выдернул ее из рук белобрысого. Того такие мелочи уже не волновали. Пять-десять секунд на все.

Они бросились в лес. Леха бежал первым со связанными за спиной руками, неловко вскидывая ноги и едва уклоняясь от хлещущей листвы и перепрыгивая поваленные стволы. За ним – отличник с винтовкой, которая цеплялась за каждый куст, за каждую ветку. И Макс, внутри которого все звенело. И кричать почему-то хотелось еще сильнее, чем под дулом пистолета.

Парень слышал, как позади перекликаются преследователи, как трещат сучья. Они оторвались на несколько сотен метров, не больше. Грош думал о том, что они не могут бежать вечно. Но пока они бегут, они живы, пусть дыхание и рвало грудь, а стволы деревьев сливались в одну сплошную пелену.

Вечность кончилась быстро, минут через десять, когда Игрок споткнулся и полетел головой вниз. Отличник по инерции пробежал еще пару метров, остановился и быстро присел за куст, пытаясь совладать с винтовкой связанными руками. Макс прислонился спиной к стволу в метре от них, сдерживая шумное дыхание, которое, казалось, слышал каж-

дый в этом лесу. Леха не шевелился.

Хрустнула ветка. Макс вглядывался в зеленые заросли и гадал, каково это будет, когда пули войдут в тело. Больно? Хреново? Или так быстро, что он не успеет ничего понять? Сломалась еще одна ветка, на этот раз правее. Он показал отличнику два пальца. Преследователей, как минимум, пара.

Самарский вытянулся на земле, пристроив винтовку на сучковатую корягу, палец лег на спусковой крючок. Время замерло.

Они вышли из-за стволов очень тихо, мужчины в пятнистом камуфляже, с пистолетами в руках и уверенностью на лицах, словно гонять по подлеску пацанов для них – привычное дело.

Клацнул затвор, отличник, не мешкая, спустил курок. Первый тут же повалился на землю, зажимая рукой бедро и ругаясь. Второй развернулся, поднимая пистолет. Макс в один прыжок сбил его с ног, не давая взять на прицел Самарского. Мужчина кувырнулся, по закону подлости не напоровшись ни на один из сучков, и сразу же стал на ноги. Спокойные глаза, точность в движениях – так отличали его от тех, что караулили их на поляне. Грош понял: времени на второй бросок у него не будет, а Самарский не успеет выстрелить, не хватит времени своими связанными руками переместить винтовку и прицелиться.

О, где же вы, герои боевиков, легко справляющиеся с толпами вооруженных врагов Империи голыми руками?

Мужчина, лицо которого оставалось все таким же равнодушным, поднял оружие и наверняка что-то почувствовал, потому что вместо выстрела начал разворачиваться. И, схлопотав удар по затылку, упал к ногам молодого и совершенно незнакомого парня. Невысокий, в сером спортивном костюме, с корявой палкой в руках и внимательными карими глазами. Секунду они с Грошем смотрели друг на друга, пока незнакомец не бросил корягу и кинулся в сторону, скрываясь с глаз в густой растительности.

– Макс, – позвал Артем. Парень обернулся, только сейчас поняв, что раненый матерится вслух, щедро перемежая ругательства с угрозами.

– Да мы вас... щенки, ... что б вы... твари!

– Посмотри, что с Лехой, – отличник встал, удерживая на прицеле раненого и не давая прикоснуться к валяющемуся рядом пистолету.

Грош подошел как раз в тот момент, когда Игрок, промывав что-то нечленораздельное, сел. Из-под волос по виску текла кровь.

– Ты как?

– Нормально, – прохрипел он, пока Грошев помогал ему подняться. – Наверное, – Игрок качнулся, но удержал равновесие, – надо торопиться, могли послать кого-нибудь еще.

– Я сам вас из-под земли достану!

– Макс, помоги, – попросил Самарский.

Макс принял у того винтовку, взял раненого на прицел

и почувствовал отвращение, граничащее с тошнотой. Находиться по эту сторону оружия ничем не лучше, чем по ту. Но иногда ничего другого просто не остается. Глядя ему в глаза, мужик тут же замолк, позволив Самарскому забрать у себя нож, пистолет и две запасных обоймы.

– Уходим, – скомандовал Артем, в три приема разрезая веревки на руках Игрока и передавая ему нож.

– Вы покойники, – все-таки не удержался раненый.

Игроков разрезал путы Самарского, приблизился к мужчине, задумчиво посмотрел на него и убрал нож в карман.

– Скажи «спасибо», что ты – нет.

И снова были бег, мельтешение стволов и жгучее желание оказаться как можно дальше от скалы с крестом, от поляны – от всего. Трудно сказать, сколько они пробежали и когда бы остановились, если бы бежавший первым Самарский неожиданно не вывалился на открытое пространство и не ухнул по грудь в черно-коричневую жижу.

– Сель, – выдохнул Игрок, цепляясь за ближайшее дерево. – Спокойно, – он склонился вперед, и было непонятно, кому он это говорит: себе или Самарскому, который вроде и так не дергался, лишь приподнял над головой винтовку. – Это не болото, ниже уже не провалишься, если не упадешь. Сейчас вытащим, нужна лишь палка.

Макс смотрел на танцующие золотисто-алые язычки костра. Спички в кармане Игрокова не очень интересовали во-

як Раимова, и парни смогли развести огонь.

Голова Лехи выглядела более или менее нормально, хотя бы потому, что была на месте. Рана на руке чуть опухла, но пуля прошла навылет, и они перевязали ее платком. Ничего, кроме воды из ручья да пары десятков диких яблок, которые они стрясли, наткнувшись на яблоню, у них не было. Ни карты, ни рюкзаков, ни фляг. Только нож, пистолет и винтовка.

– Жаль, что мы второго обобрать не успели, – посетовал Игрок, втыкая лезвие в землю и передавая Максу половину яблока.

– Думаешь, он сухпайки или шоколадки в карманах таскает, чтобы голодных студентов подманивать? – Самарский, сидящий в одних трусах напротив, покачал головой. Форма, растянутая на рогатинах, висела рядом. – Предлагаю радоваться малому. Если б не тот парень, – он покачал головой и посмотрел на Гроша, – я даже его не разглядел, а ты?

Макс промолчал, не зная, что отвечать. Парня он разглядел. Да что толку?

– Кто-то шел за нами от самого лагеря, – неожиданно встал Игроков, а когда Макс, пожав плечами, отвернулся от яблока, откусил его сам.

– Почему раньше не сказал? – удивился Артем.

– А смысл? Что мы бы с ним сделали? Подкараулили и свернули башку? Идет и идет. Я даже не уверен, что прав. Просто взгляд спиной чувствовал. А потом подумал, это кто-то из наших увязался, Дан или Молчун.

– Н-да, – отличник подкинул в костер веток. – Макс, ты чего молчишь? Давай, рассказывай.

– Что рассказывать?

– Кто был тот тип с головорезами?

Грош продолжал смотреть на огонь.

– И не ври, что не знаешь. Он назвал тебя «длинный», а мы, между прочим, на коленях стояли, почти носами в землю. Да и оружие тебе, а не мне или Лехе выдали...

– Блин, Темыч, чего ты до него докопался, – Игрок швырнул огрызок в кусты. – Не видишь, ему хреново. Помнишь, как Владос на задержании того типа с Нечаевки пристрелил? Его потом по кабинетам психологов таскали. А Макс – ничего так, держится... Ты куда? – спросил он, когда Грош поднялся.

– Блевать, – лаконично ответил парень.

Урок двенадцатый – Археология

Тема: «Погребальный обряд»

Утром стало не особенно легче, но он смог выпить воды и удержать ее в пустом желудке.

– Знаешь, где мы? – спросил у Лехи отличник.

Его форма, наспех сполоснутая в ручье, напоминала половую тряпку, которую забыли постирать после использования.

– Точное место не назову, но если хочешь узнать, не заблудились ли мы, отвечу – нет. К лагерю выведу, если мы без карты в какой-нибудь гадюшник не забредем.

– Лагерь... – задумчиво повторил Самарский. – Да, вам надо вернуться в лагерь.

– Нам? – поднял брови Игрок.

– Я иду до конца, – Артем посмотрел на горы.

– До какого конца? Чьего? Своего собственного?

– До конца семнадцатого маршрута, – Самарский посмотрел на Леху. – Я не хочу вернуться в корпус только для того, чтобы собрать рюкзак и начать все сначала. Я должен сделать все возможное, иначе... – он протер лицо руками. – Она мне ночами снится.

Никому не потребовалось объяснять, кто такая «она».

– Но ты должен отвести Макса в лагерь.

– Нечего говорить обо мне как о психе, – вставил Грош.

– Ты в...

– Следующий, кто спросит, в порядке ли я, получит в морду, – Макс встал и затоптал уже остывающие угли.

– Чудно, – Игрок подхватил винтовку. – Я в горах с двумя психами, которым не хочется домой, а хочется еще покуролесить, – Игроков вгляделся в далекие вершины и вздохнул. – Идемте. Чтобы вернуться на семнадцатый маршрут, надо дойти вон до того распадка. Мы вчера здорово пробежались.

Они шли не торопясь, по широкой дуге обходя место, где стоял лагерь Раимов. Это потом, когда они вернутся, когда все будет позади, они натравят на него корпус правопорядка со всеми вытекающими. Сейчас же геройствовать не было ни сил, ни желания.

Несколько раз отсиживались в пещерах и оврагах, когда Игроку чудились человеческие следы или голоса. Макс успел получить от него по рукам, когда сорвал какую-то ягоду и раздумывал, удержится она внутри или нет. Желудок громким урчанием подтвердил полную готовность к эксперименту. Но друг не оценил порыв, предложив подождать с суицидом до лагеря.

Потом Лехе не понравилась мирно лежащая рядом с тропой куча экскрементов. И пришлось менять направление, хотя фекалии продолжали мирно лежать в траве и даже не особо воняли.

После полудня парни взобрались на невысокий холм, земля под ногами слегка проминалась, словно они шли по только что вспаханному полю. По расчетам Игрокова, до лагеря по прямой было не более двадцати километров.

– Мы на маршруте, – объявил Леха, рассматривая что-то у себя под ногами.

– Хорошо, – непонятно чему обрадовался Самарский.

Макс посмотрел вокруг – пейзаж особо не поменялся. Тропы, насыпи, скальные образования, кусты, подлесок справа и нависающие над миром вершины. Великая была в разы больше остальных и словно довлела не только над землей, но и над небом.

Игрок наклонился и поднял с земли камень. Светло-бежевый кусок известняка.

– Помнишь, – он посмотрел на Макса, – я нашел такой в Солнечном.

Он перевернул находку, на другой стороне был отпечаток витой раковины.

– Раньше здесь было полно озер.

– Раньше? – спросил Артем. – Этим горам несколько тысяч лет.

– Еще раньше.

Леха уронил камень под ноги, отряхнул руки от темного налета, вдруг замер и совершил странную вещь.

Игрок опустился на колено, запустил руку в рыхлую землю и вытащил. Между пальцев застряли серо-черные волок-

на. Он потер ладони, поднес к лицу и понюхал.

– Линза торфа у самой поверхности, – он поднялся. –
Черт. С холма! Быстро!

– Почему? – спросил Макс.

– Потому, – рявкнул Игрок бросаясь вперед. – Торф – самый нестойкий материал, а если он еще выгорел изнутри...

Макс побежал за ним, но через шаг нога вдруг потеряла опору и провалилась куда-то вниз. Макс уперся руками о землю и дернул стопой. Он еще успел увидеть, как обернулся Самарский, как побледнел Игрок. И вместо того, чтобы вытащить лодыжку, провалился вниз. Земля исчезла из-под ладоней, промялась с легким треском, словно соломенная. Его встретила темнота. И боль, когда он упал на что-то твердое. От удара, казалось, завибрировали кости. Темнота стала непроницаемой.

Тук-тук. Тихий (на грани слышимости) звук ввинтился в голову. Тук. Макс открыл глаза. Темнота приобрела сперва сероватый, а потом голубой цвет. Парень заморгал, смахнул с лица мелкие камни и какие-то ошметки. Вздохнул и закашлялся. Высоко над головой светлело небо с белыми облаками.

Тук-тук. Грош поднял голову и застонал. Спина горела, но руки и ноги шевелились. Тук-тук. Он снова закрыл глаза, позволив себе минуту (может, две или даже все десять) полежать без движения. Огонь в позвоночнике медленно сти-

хал. Или Грош убедил себя в этом...

Тук-тук. Парень приподнялся на локтях. Он находился в большой пещере или гроте. Коричневые стены терялись где-то в темноте, вместо части потолка была дыра с рваными осыпающимися краями. И, как единственное украшение интерьера, на расстоянии вытянутой руки стоял гроб. Хотя слово «гроб» было слишком мелким для прямоугольного каменного сооружения, накрытого крышкой толщиной с ладонь. Макс позавидовал сам себе: упади он на такую махину – окружающий мир разом перестал бы его интересовать. А так удар смягчили пласт земли и торфа в месте, откуда он сюда пожаловал.

Ту-тук. Отдалось в голове.

Тело было категорически не согласно с так называемым «везением» и отзывалось болью на каждое движение, будто он снова первокурсник, проснувшийся после первой тренировки, когда сокращение мышц подобно пытке.

Тук.

Макс заставил себя сесть, с одежды посыпалась земля, пыль и черт знает что. Он уцепился за крышку саркофага и неуклюже встал. Они провалился в круглый зал, слишком круглый, чтобы считать его творением природы. Такие гроты создавали на заре веков, чтобы хоронить знатных покойников. Не знатных без затей замуровывали в стенах. Он нашел одно из пресловутых старых захоронений, которые, по официальной статистике, не существовали...

Справа послышались шорох и стон. Из полумрака, словно глубокий старик, которому тяжело двигаться, вышел Игрок. Ладони парня были разбиты в кровь.

– Черт, – он ошарашено посмотрел на Гроша и повторил. – Черт.

– Где отличник?

Вместо ответа Леха мотнул головой.

– Артем, – позвал Грош, поразившись, как странно отдается в голове голос. – Может, ему повезло? – парень задрал голову к дыре. – И он сможет нас вытащить?

– Нет, – из-за саркофага раздался абсолютно спокойный голос Самарского, – не сможет.

Грошев, продолжая цепляться за крышку, обошел каменный гроб. Отличник лежал чуть в стороне, присыпанный пылью и походивший на каменную статую самому себе. Правая рука до самой ключицы была завалена камнями, землей и мусором. Самарский напрягся, пытаясь вытащить и чуть отползти в сторону. И не сдержал стога. Белки глаз на фоне серой кожи походили на серебристые монетки.

Макса качнуло, он неловко опустился перед лежащим парнем на колени и руками, которые все никак не переставали трястись, стал откатывать один камень за другим.

– Как же тебя угораздило? Я видел, ты дальше всех стоял?

– Он к тебе на помощь бросился, – пояснил, присоединяясь к нему, Леха. – Пора бы тебе, Теме, понять: добрые дела наказуемы. Посмотри на меня, – кровь с разбитых ладоней

смешивалась с грязью и оставляла коричневые разводы на камнях. – Решил вам помочь и теперь, вместо уютной аудитории и улыбающейся Натки, торчу с вами хрен знает где.

– Не слушай его, – Макс попытался улыбнуться. – Он не сожалеет ни на онн, просто придуривается.

– Верно, – ничуть не смутился Леха. – Не сожалею. В горах может произойти все, что угодно. Это я знаю лучше вас, – он ухватил следующий камень, приподнял его. Самарский вздрогнул и со стоном вытащил руку.

Выглядела она плохо. Предплечье быстро опухало. Стоило коснуться, как Артем поморщился от боли.

– Перелом, – поставил себе диагноз отличник, когда Макс помог ему сесть.

– Нужно наложить шину, – сказал Игрок, перематывая грязную ладонь не менее испачканным носовым платком.

Шину пришлось сделать из винтовки, так как ничего другого в этой пещере не было. Только мусор, камни и гроб.

– Будешь у нас киборгом, – сказал Леха, затягивая ремень вокруг запястья, и отличник, несмотря на выступивший на коже пот, нашел в себе силы улыбнуться.

Через полчаса возни, разговоров и плохих шуток стало понятно, что если они не научатся летать, то пещера станет для них склепом. Кое для кого уже стала.

– Старое захоронение. Дайте боги, чтобы времен мертвых веков, – Игрок сплюнул вязкую слюну, Макс и сам чувствовал, как пыль противным налетом оседала на языке. – Кости

уже даже не фонят.

– Взобраться по стене никак не получится? – спросил сидевший на полу Артем. Его рука напоминала суставчатую лапу насекомого.

– Не, – ответил Игрок, внимательно осматривая отвесную стену. – Если здесь еще можно зацепиться, то выше – один торф. Обвалится все на хрен. Хотя, если прощупать каждый сантиметр и найти язык твердой породы, то можно попробовать.

– Тебе сейчас только скалолазанием и заниматься, – проворчал Грош, чувствуя, как стихшее было тюканье снова начинает бить по мозгам. Тук-тук-тук-тук.

– Я могу здесь подождать, пока вы приведете помощь. Не стоит из-за меня отказываться от попытки.

– Смотри-ка, – ухмыльнулся Леха, – Самарского в герои потянуло, причем, похоже, посмертно. Макс, уступим ему лавры?

– Да ни в жизнь. Аллея славы, выстрелы в воздух, флаг Империи поперек гроба, Нефедыч торжественно роняет скучную слезу – всегда мечтал о таких похоронах.

– Слышал, Темыч?

Тук-тук. Отличник дернулся и потер виски.

– Когда же стучать в башке перестанет, – прошептал он, закрывая глаза.

– У тебя тоже стучит? – спросил Макс.

Самарский кивнул.

– И у меня тюкает, – Игрок развернулся спиной к стене. – Поскольку коллективных глюков не бывает...

– Что-то стучит на самом деле, – закончил Грош и прислушался.

Тук-тук. Пауза – и снова отрывистое ТУК.

– Там, – указал здоровой рукой Самарский.

Парни сделали несколько шагов и остановились в ожидании новых, очень далеких, смазанных, но все-таки ударов.

Тук, – порадовал их одиночным неизвестный...

Три пары глаз остановились саркофаге в центре.

– Не, – тряхнул горловой Леха. – Нет там никого.

Тук-тук, – насмешливо ответили ему.

– Я ничего не чувствую, – Макс напряг обоняние. – Со всем. Там не призрак.

– А кто? – Артем тяжело поднялся, винтовка чиркнула по полу дулом. – Мышь?

– Точно, башкой о стены бьется, – Игрок подошел к саркофагу и попробовал сдвинуть крышку.

На всеобщее удивление та поддалась. С плиты посыпался песок.

– А она не такая тяжелая, как выглядит. Макс, давай вместе.

Они уперлись в камень с одной стороны и стали толкать. Сперва плита заедала, поддаваясь едва ли по миллиметру от каждого усилия, потом пошло легче. Несколько толчков – и крышка, качнувшись, соскользнула с пьедестала и, упав на

пол, разлетелась на осколки. Леха присел и поднял черепок.

– Глина. Вот почему она такая легкая.

– Никому не улыбалось двигать лишнюю тяжесть, – добавил Макс, заглядывая внутрь захоронения.

Рядом склонил голову Самарский. Игрок встал.

Тук-тук, – прозвучало из тьмы уходящей вниз лестницы. Саркофаг не был местом погребения. Не было ни дна, ни добропорядочно лежащих костей – лишь стены и каменные ступени. Гроб был ходом в неизвестность.

Шаги по ступеням отскакивали от толстых, уходящих вглубь земли плит и били по мозгам не хуже монотонного тюканья. Игрок дышал Грошу в спину, с каждым пройденным метром света становилось все меньше и меньше.

– Сюда бы Самарского с его протезом, дорогу нащупывать, – высказался Игрок, когда ширина ступени чуть изменилась, и он едва не свалился на Гроша.

– На фиг он тут нужен? Только мешать будет со своим костылем.

– Я все слышу, – раздался голос сверху, и Леха засмеялся.

– Ты же рвался в герои, вот и наслаждайся, – ответил Макс. – Считай, что охраняешь тылы.

Ход изогнулся, и скудное освещение исчезло полностью. Макс вытянул руку и, касаясь боковой стены, стал спускаться дальше. Ни темнота, ни свет сами по себе не могли помешать движению.

Тук-тук. Звук стал ближе. Через три метра парень стукнулся носком ботинка, потом и коленом о преграду. Пальцы коснулись холодного камня как раз в тот момент, когда раздалось очередное глухое: тук-тук.

– Эй! – крикнул Грош, трогая руками завал из камней. – Там есть кто-нибудь? – парень от души несколько раз пнул препятствие.

Секундное промедление, наполненное тишиной, и тут же яростный, беспорядочный, как удары заходящегося в волнении сердца, ответ: тук-тук-тук-тук.

– Твою... – выругался позади Игроков. – Там что, человек? Ведь это может быть только живой человек!

Макс был полностью согласен. Ни один зверь, ни один механизм не откликнулся бы ни на стук, ни на голос.

– Нужен свет, – потребовал Грош.

В руках Игрока зашуршали, перекатываясь в коробке, спички. Парень чиркнул одной. И подвижный огонек осветил завал из камней впереди.

– Судя по всему, свежий, – Игрок осмотрел преграду. Пламя, танцевавшее на спичке, подобралось вплотную к пальцам, и он уронил ее на пол.

Тук-тук-тук, – продолжал неизвестный. Макс в темноте схватил ближайший камень и откатил в сторону. Звук стал четче.

Тук-тук-тук.

– Давай, ну же, пожалуйста, – услышал он тихий бесплот-

ный голос.

Парень бросился вперед, взбираясь на завал, Леха за спиной снова чиркнул спичкой. Еще один камень вывернулся из-под руки, и, судя по раздавшемуся ругательству, задел Игрока.

– Эй! Есть там кто-нибудь? – закричал Макс.

– Боги, – прошептали с той стороны. – Вы спасатели? Вы нас вытащите?

– Самих бы кто вытащил, – тихо проговорил Игрок и зычно, так, что завибрировали стены рявкнул: – Вы кто? И как там оказались?

– Иван Трифонов, я студент-псионник из лагеря...

– Ванька? – снова заорал Игроков и для Макса добавил: – Я не верю! Мы не спим? Или все-таки нас пристрелили, и это часть загробного мира.

– Хреновый тогда этот мир, – буркнул Грош и тоже закричал: – Где остальные? Где Ильин?

– Там, – послышался неопределенный ответ.

Игроков зажег очередную спичку как раз в тот момент, когда качнулся еще один камень, и в образовавшейся щели показались грязные пальцы с обломанными под корень ногтями. Спичка погасла. Игрок ухватился за следующий булыжник и вытащил из завала.

– Настя Лисицына, – раздался хриплый голос Самарского из темноты. – Настя с вами? Она... – медленно спускающийся по ступеням отличник не смог закончить вопрос.

– Она жива? – спросил Грош и почувствовал, что ответ на этот вопрос совсем не так ему безразличен, как хотелось бы.

– Да, она здесь, – ответил Ванька, и Самарский шумно выдохнул. – Когда будут спасатели? Чуфаровский ранен, Ярцева змея укусила, а у нас в аптечке только антибиотики и йод.

– Это больше, чем есть у нас, – пробормотал Игрок, зажигая очередную спичку.

Они разбирали завал часа три, Игрок и Макс с этой стороны, первая группа – с другой. Ваньку с той стороны сменил Пашка Ильин, и, в отличие от парня, получив в качестве ответа на вопрос о спасателях красноречивое молчание, не стал настаивать. Умный парень этот Ильин.

Неизвестно какой обломок породы оказался опорным, но в какой-то момент завал вздрогнул. Камень стукнул о камень, толкнул, откатился.

– Назад! – заорал Игрок.

И прежде, чем Макс понял, что крик предназначался для тех, кто был снизу, камни, обломки, земля и мусор – все просело и повалилось по ступеням вниз, под испуганные крики и отдавшийся в стенах грохот.

В воздух поднялась песчаная взвесь. Макс протер глаза, однако лучше видеть от этого он не стал. Самарский первым бросился в пыльное облако, нисколько не боясь оступиться и сломать на пару к руке еще и шею. Грош последовал за ним, не дожидаясь, пока Игрок закончит чертыхаться и зажжет

спичку.

В пыли мелькнул луч фонаря. Над Трифоновым, лежащим у подножия лестницы, склонился Ильин. Иван тяжело дышал.

– Ну, куда ты полез? – покачал головой лидер первой группы.

– Вы же не верили, что я до чего-нибудь докопаюсь, – прошептал Трифонов. – А я смог!

– Смог, смог, – успокоил часто дышащего парня Пашка, в глазах которого плескалась усталость. – Но это еще не повод бросаться под камни.

– Просто не успел.

– Теперь у тебя наверняка сломаны ребра, – Ильин увидел, что Макс смотрит на фонарь, и пояснил. – Батарейки скоро сядут, берегли для особого случая, – и кисло добавил. – Куда уж особенней.

Ступени, усыпанные крошкой, закончились полукруглым пустым, если не считать камней и людей, залом. Макс отметил слишком гладкий для природного образования пол и борозды рисунка, выглядывающие то тут, то там, когда на них падал круг света.

Луч попал в глаза, и Грош зажмурился. Свет ушел в сторону, на миг скользнув по хрупкой фигурке девушки с короткими курчавыми волосами. Всего миг он смотрел в карие глаза, из которых, оставляя на коже дорожки, текли слезы. Смотрел и не знал, что должен чувствовать. Ильин выключо-

чил фонарь, но Макс успел увидеть, как девушка отвернулась и спрятала лицо на груди у отличника. Ее плечи дрожали.

– Давайте выбираться на свет, – предложил Groш и не узнал собственного голоса.

На свет из ушедшего по семнадцатому маршруту десятка выбралось семь человек. И не все из них самостоятельно. Если Матвей Чуфаровский довольно бодро доскакал на одной ноге, то укушенного Серегу Ярцева парням пришлось нести, так как он был без сознания. Рука парня опухла и приобрела красноватый цвет сырого мяса. От него отводили глаза. Все знали, если не ввести противоядие в ближайшие даже не часы, а минуты, то дело обернется плохо. Уже обернулось.

Ванька, несмотря на боль в груди, все-таки встал на ноги и, поддерживаемый Викой, дошел до верхнего зала, где лег на пол под дырой в потолке, с улыбкой глядя на рваный кусок неба.

– Где остальные? Что произошло? – спросил у Ильина Самарский.

Они оба были отличниками, лидерами групп, но за Артемом стояло несколько поколений псионников, а Пашка, как и Макс, был первым в роду. Может быть поэтому, а может почему-то еще никто не усомнился в праве Самарского требовать ответа. Или Ильину, судя по потухшему взгляду и запавшим щекам, было все равно.

– Остальные, – парень тоже поднял голову и зажмурился от света, – Кукушкин и Макаров пропали, а Галья Котова, – он вздохнул. – Галя под завалом с той стороны, – он посмотрел на саркофаг. – Мы пытались вытащить, но не смогли.

– Как вы здесь оказались? – влез Игрок. – Вас уже неделю ищут.

– Неделю? – Ильин закрыл глаза. Сидящая прямо на полу Вика Першина спрятала лицо в ладони и беззвучно заплакала. – Похоже, что так. Мы захоронение нашли. Женька почувствовал, – Пашка посмотрел на облокотившегося на саркофаг парня.

– Я себя раз пять проклял за эту находку, – пробормотал Тихонов. Длинные по плечи волосы, выведившие из себя Нефедыча, висели грязными сосульками.

– Мы тоже тебя прокляли, – сказала Лиса, стоявшая рядом с Артемом, запавшие щеки сделали ее лицо рельефным, как у древних статуй. – Легче от этого никому не стало.

– Мы полезли в пещеру проверять, – продолжил рассказ Ильин. – Были внутри, когда пол под ногами стал отплясывать вверх-вниз. Обвал?

– Обвал, – ответил Игрок, взяв протянутую флягу с водой, отпил и передал Максиму, – и сель.

– Ясно, – Пашка посмотрел на небо. – Витьку и Кольку я в последний раз на привале перед пещерой видел. После того, как завалило – нет. Котова стояла ближе всех к выходу и не успела выскочить.

– Мы ноги откопали, – всхлипнула Вика. Черные волосы, обычно красивые и блестящие, сейчас казались кудлатым искусственным париком. – А они холодные, – она вытирала слезы руками, размазывая грязь по лицу.

– Мы нашли захоронение. И подземный ручей, – парень взял протянутую назад флягу. – Без воды мы бы не продержались.

– А где вода, там и змеи, – Игроков посмотрел на Ярцева, грудь которого поднималась и опускалась чересчур быстро.

– Мы растянули пайки насколько могли. Серегу укусили вчера, когда мы на этих змей уже как на деликатес поглядывать начали. Боги, все что угодно за бутерброд, – Женька Тихонов рассмеялся сухим лающим смехом. – Будь у меня оружие... – рука Пашки скользнула к кобуре. – Кстати, – он достал ракетницу, – совсем из ума выжил, – он вставил патрон и улыбнувшись сказал: – Через пару часов будем дома.

Игрок перехватил поднятую руку Ильина, не дав ему выстрелить.

– Не надо.

– Что? – не понял Пашка.

– Вышки в Некропольском больше нет, – сказал Артем.

– Привлекать неизвестно чье внимание – не лучшая идея, – добавил Макс.

– Что вы несете? – Ильин постарался высвободиться, но Леха держал крепко. – Что происходит?

– Если вкратце, то я провел практикум по узилищам, –

ухмыльнулся Игроков. – Темыч набил морду Шарову с четвертого, а Макс пристрелил двоих бандитов и теперь сидит на диете. Продолжать?

Лиса поежилась, вроде бы без всякой причины обхватила себя руками. Она не могла не чувствовать его взгляд, он видел это по неестественно прямой спине, по дерганному повороту головы, по тому, как она старательно избегала смотреть на него, пока Игрок и Самарский рассказывали.

Была очень малая вероятность того, что Шаров соврал, свалил вину на ту, которая не могла защитить себя, не могла возразить. Сам все это придумал, сам подкинул Насте в комнату пустой куб, который нашли следователи. Но сейчас, глядя на Лису, на то, как она вздрогнула, когда Леха произнес фамилию четверокурсника, Макс понял, что Шаров сказал правду, но разозлило его не это. Разозлил его страх, то, что она боялась взглянуть ему в лицо.

– Вот такие дела, – закончил рассказ Игрок. – Карту нам могли принести пацаны, Кукушкин или Макаров, правда, я не понимаю, зачем прятаться, зачем посылать ее Максу.

Ильин наклонился, поднял брошенный на пол вещмешок и вытащил из него карту. Ту самую, грязную и мятую, но без порванного края, с синим штампом и подписью Куратора.

– Не знаю, что прислали Грошеву, но моя карта со мной, – он передал бумагу Самарскому. – Я бы решил, что Леха все это придумал, шуточка как раз в твоём стиле, если бы вы сами здесь с нами не сидели, – Пашка подумал и все же убрал

ракетницу в кобуру. – Ладно, раз вышки нет, то подождем.

– Я хочу домой, я хочу домой, – стала повторять Вика, раскачиваясь из стороны в сторону.

– Скоро будешь, – пообещал ей Пашка, посмотрел на дыру и спросил: – Там есть, где закрепить веревку?

– Бесполезно, – ответил Игрок. – Торф не выдержит твоего веса.

– Я спросил не об этом.

– У подножия холма росла береза, – протянул Игроков. – У вас есть веревка?

Вика перестала всхлипывать и подняла голову.

– Была, – подал голос Чуфаровский. – В рюкзаке у Гальки.

– И где она теперь? – спросил отличник.

– Там же, где и Котова. Под завалом.

Как и сказала Вика, ноги в ботинках торчали из-под камней. От осознания того, что это человек, что еще совсем недавно это была Галька-хохотушка, стало не по себе. Макс досчитал до пяти и заставил себя подойти ближе. Котова никогда не относилась к числу его друзей, к ним мало кто относился. Она также не выносила его, как и остальные, бывало, высмеивала, но почему-то сейчас это уже не имело значения.

Наверное, что-то изменилось, прежде всего, в нем самом. Нет, он никогда не станет примером для подражания, как Самарский, душой компании, как Игроков, или любимцем профессоров, как Ильин. Но здесь и сейчас в этой пещере он

впервые не чувствовал одиночества. Нет, оно ему не мешало, он привык к нему, как привыкают к колючему толстому свитеру. Но иногда окружающий мир может греть ничуть не хуже теплой одежды.

«Может, у меня просто крыша поехала», – мысленно предположил Грош, опускаясь рядом с телом.

Игрок осмотрел завал и присвистнул.

– Мы тут год работать будем, – луч фонаря скользнул к ботинкам.

– Это действительно поможет? – спросил Женька, вызвавшийся проводить их к противоположному входу в пещеру, тогда как другие остались решать насущную проблему отсутствия у человека крыльев. – Я имею в виду веревку, даже если мы ее достанем?

– Нет, – ответил Игрок. – По стене не подняться, может, и шанс есть, но очень-очень маленький, из разряда невероятного везения. Выбрать самого легкого человека и прощупывать породу...

– Тогда что мы тут делаем?

– Достаем веревку и осматриваем достопримечательности, – Леха пнул ближайший камень.

– Через несколько часов мы созреем даже для самых невероятных и самоубийственных вариантов, – добавил Макс.

Игрок выключил фонарь.

Завал, о котором говорил Ильин, находился на другом

конце прорубленного в горной породе коридора. Он соединял между собой зал с гладким полом, куда спускалась лестница из саркофага, и небольшой узкий грот, наверняка служивший входом в подземелье. Коридор был практически прямой, с тремя ответвлениями по правой стороне. В одном, как пояснил Тихонов, протекал подземный ручей, в другом лежали покойники, чья энергия и привела студентов сюда, третий был очень длинным и ветвистым. Именно там Ярцева укусила змея, и на дальнейшую разведку никто не отважился. Но, как сказал Макс, время идет, приоритеты меняются. Если не получится с веревкой, то кто-нибудь обязательно сунется туда, возможно, даже с такими же последствиями.

Работали на ощупь, иногда задевая тело, а иногда даже наступая на него, про себя прося прощения у Котовой. Минут через сорок Макс, отбросив камень, наткнулся пальцами на плотную ткань рюкзака.

– Свет, – потребовал он.

Игрок тут же включил фонарь и направил на завал, между камнями виднелся пыльный кусок вещмешка.

– Блин, – Тихонов вытер лицо. – Тут копать и копать, пока до тела доберемся.

– Нет, – обернулся к нему Грошев. – Мы не похороны устраивать собрались, – парень склонился над завалом и попросил: – Дай нож.

Макс подцепил и вспорол край ткани. То, что они смогли достать сквозь прореху, опознавалось весьма смутно. Лом-

кое месиво в пакете из фольги, наверняка паек. Неказистый вид блюда не повлиял на аппетит Тихонова, умявшего порцию в считанные секунды. Парни не стали ни останавливать, ни стыдить, предлагая отнести остальным, там и на одного слишком мало, так что нечего будоражить умы и животы понапрасну. Потом были раздавленные тубики, судя по запаху – с косметикой. И, наконец, веревка. Грош потянул за моток, Игрок без особой пользы откатил еще пару камней, свернутый кольцами шнур стал вылезать сантиметр за сантиметром. Сперва белый, а потом тошнотворного кирпичного цвета. Цвета засохшей крови.

– Мы все покойники, – неожиданно заявил Женька, когда Макс передал ему веревку.

– Рано или поздно, – ухмыльнулся Леха, отворачиваясь от завала. – Кстати, о покойниках. Не покажешь, чего вы там нашли?

– Я покажу, – раздался голос из темноты.

Игрок перевел луч фонаря на узкое лицо девушки.

– Настыка, – скривился Леха, – до инфаркта доведешь.

– Я отнесу веревку.

Игроков протянул ему фонарь. Но парень отступил.

– Кажется, мы здесь вечность, не заблужусь, – и, не глядя на девушку, ушел в темноту.

– А вы хорошо потюкали парня по темечку, – сверкнул глазами Игрок, направляясь обратно в каменный коридор.

– Если бы не он с древними мертвяками, – девушка до-

гнала его и пошла рядом.

– Это наша обязанность, не забыла? Докладывать старшему группы о любой пси-активности. Об этом могла сообщить и ты, и Ванька, и сам Ильин, – процедил Леха.

Макс увидел, как девушка дернула плечом, а потом опустила голову.

– Нашел он. Никто не хотел представлять себя на его месте, – девушка свернула в первый коридор. – Осторожно, – она указала на выступ на стене. – Здесь Чуфаровский ногу распорол.

Пещера, начинавшая сразу за поворотом, тоже могла похвастаться гладким полом, но была шире той, где они нашли первую группу. В ней стояло с десятков каменных гробов. Величественные каменные прямоугольники, накрытые плитами. Макс даже попытался сдвинуть одну из них, но не преуспел. На этот раз не бутафория, а настоящий камень.

На массивных надгробиях было выбито одно и то же изображение – равносторонний крест с утолщениями к краям перекладин.

– Вот что мне это напоминало, – удовлетворенно сказал Макс, и мысль, так долго зудевшая в голове, наконец, вышла на свет. – Тот знак на скале.

– Ну, ты даешь, – фыркнул Игрок. – Да этот крест во всех учебника по истории нарисован. Сравнил, блин, каракули разбойников со знаком воинов Керифонта.

Грош посмотрел на ряды саркофагов. Десять гробов и

одиннадцатый в центре, внешне ни чем не выделявшийся из остальных. Но вонь, шедшая от гроба, не дала псионнику ошибиться. Там лежали кости того, кто до сих пор так и не мог умереть.

Парни подошли ближе. От захоронения расходился прелый запах прошлогодней листвы, не очень приятный, но и не очень отталкивающий, напоминающий о костре и о подгоревшем хлебе.

Макс не решился даже дотронуться – до того необычными были ощущения. Не было отвращения, было чувство узнавания, будто этого призрака он знал при жизни. Только жизнь эта проходила много лет назад.

– Невозможно, – прошептал он. – Столько веков прошло. Он давно должен был умереть. Тут даже имени нет. Кто его может помнить? За счет кого он существует?

– За счет всех, – Игрок одернул руки от плиты, словно коснулся чего-то священного. – Кого помнят все? Кого благодарят из поколения в поколение? Кто спас людей от призраков? Не одного человека, а всю расу?

– Прекрати! – вскрикнула Настя.

– Керифонт, – ответил Макс.

– Нет! – Лиса подошла к саркофагу. – Захоронение старое, я не спорю. Но Керифонт лежит в Императорском бункере. Мы же ходили на экскурсию на первом курсе, мы все видели урну с его прахом. Это кто-то другой.

– Кого могут помнить столько времени? – спросил Иг-

рок. – Для меня, что мертвые века, что беспокойные годы¹⁸ – один фиг. Кому люди еще могли дать столько силы?

– Да кому угодно, – вскрикнула девушка. – Мы ничего не знаем! Не знаем, какой бедолага забрел сюда год-два назад и умер! О нем горюют родные и ждут – от этого и фон.

– Забрел, лег в гроб и сам плитой накрылся, – хмыкнул Игрок.

– Вы не ученые, вы всего лишь студенты!

– Мы, – спокойно сказал Макс, и выключил фонарь. – Мы всего лишь студенты. Ты в том числе.

– Ты... ты, – беспомощно повторила она.

Грош почувствовал легкое, словно перышко, прикосновение во тьме.

– Почему это так важно для тебя? Не для истории, а именно для тебя? – Игрок чиркнул спичкой.

Макс увидел перед собой исхудавшее лицо Насти с упрямо сжатыми губами.

– Ты, – повторила она, будто не слыша вопроса Лехи, не замечая его присутствия, – ты.

Прозвучало растерянно. Он не понял, кто сделал первое движение. Она слишком устала, он был зол. Она дернула его за форму, он позволил ей это сделать. Ей и себе. Позволил на миг прижаться к теплым сухим губам, почувствовать ее

¹⁸ Беспокойные годы – период в истории Империи камней с 1730 по 1780 годы, ознаменованный стихийными бедствиями, борьбой за трон и тяжелейшим государственным кризисом. (*История Империи камней. Учебник рекомендован для школьной программы 7 класса Имперским образовательным корпусом*).

дыхание. Даже не поцелуй, а случайное касание, от которого они оба отпрянули, будто коснулись чего-то запретного или недостойного.

– Пойду-ка я займу Самарского умным разговором, – пробормотал Леха, гася спичку и отступая назад.

Макс положил руки на крышку саркофага, до которого еще совсем недавно не решался дотронуться. Фамилия отличника упала между ними и нанесла не меньше вреда, чем сорвавшийся камень.

– Думаю, я должна объяснить, – пробормотала она, когда шаги Игрока стихли.

– Нет.

– Макс, я понимаю, ты расстроен, но хотя бы выслушай, почему я так поступила с тобой.

– Ни к чему. Считай, что я выслушал и понял.

Несколько секунд тишины, очередной шорох совсем рядом.

– Тогда ты должен...

– Что? – он повернулся, как никогда остро чувствуя ее присутствие рядом с собой. – Когда я успел тебе задолжать, Лисицына? Когда ты подставила меня под кражу?

– Макс, я правда могу все объяснить, – узкая ладонь скользнула ему на плечо.

– Самарскому будешь объяснять, – ответил он, сбрасывая руку. – И позаботься, чтобы объяснение было убедительным, иначе он снимет тебя с пьедестала, на который поставил, и

взглянет с высоты своего роста.

Она чуть шевельнулась. И он вдруг представил, как девушка улыбается во тьме, как, отбросив притворство, вдруг рассмеется. Потому что такой Насте он бы поверил, настоящей Насте, а не слезливым оправданиям. Макс сам умел врать и изворачиваться, но если не выходило, то спокойно принимал последствия: гнев, обиду, карцер. Они были (по большей части) ему безразличны. Может, в этом все дело? Ей не безразлично, что он подумает? Девушке из древнего рода псионников не все равно, что подумает безродный студент вроде него? А в сказки вы верите? В фею-крестную?

– Настя! – позвал голос из темноты.

Макс включил фонарь, к ним подбежала Вика Першина. Впервые с того момента, как они спустились в пещеру, он увидел на ее лице улыбку.

– Настя, там твой брат, он нас вытащит!

– Калес? – не поверила девушка, бросаясь обратно в каменный коридор.

Макс провел лучом фонаря от одной могилы к другой. Кто эти воины? Почему призрак одного из них еще жив, если можно так выразиться? Об этом думать было легче, чем о девушке, которая убежала. О двуличной девушке, обманщице. Как тут устоять?

В пещере с обвалившимся потолком царил радостный хаос. Первым, что бросилось в глаза, было то, что дыра стала больше, а часть горной породы осыпалась вниз. В воздухе

стояло плотное облако пыли. Самарский стоял, задрав голову к небу, Игрок помогал подняться Чуфаровскому, на Вику опирался Трифонов, с ног до головы осыпанный камешками. Ильин внимательно осматривал стену, видимо, пытаясь понять, где заканчивается известняк и начинается торф.

– Калес! – закричала Лиса. В дыру тут же заглянул молодой человек, карие глаза нашли Настю и в них проступило явное облегчение.

Он обрушил часть потолка, каким-то образом умудрившись не свалиться внутрь и не пополнить их ряды.

– Сейчас спущу веревку, – крикнул Лисицын и исчез.

Самарский передал пропитанный кровью моток Ильину, и тот деловито убрал его в вещмешок. Макс остановился под проломом и негромко спросил:

– Это брат Лисы?

– Точно, – ответил Артем. – Калес, он в гвардии служит.

– Это он.

– Что?

– Это он был в лесу, он уложил голову, не дав выстрелить.

– Он? – не поверил Самарский. – Ты что, его не узнал?

– Извини, отличник, она нас не знакомила.

Парни посмотрели наверх, в проломе снова появилась голова Настиного брата. Он, несколько раз качнувшись, проверил на прочность породу и рискнул сесть.

– Тогда почему он шел за нами, а не вместе? Зачем пря-

тался? – Самарский оглянулся на Настю. – У него сестра пропала. Ему достаточно было только попросить, я бы все сделал. Почему?

– Сделай одолжение: задай ему эти вопросы после того, как он нас вытащит.

Веревка свернутым в кольцо концом упала на пол, и Вика, не в силах больше сдерживаться, первая бросилась к ней. Ухватилась за шнур, подтянулась. Веревка врезалась в край потолка, на пол упал очередной пласт породы, но потом шнур уперся во что-то твердое. Но девушка, вскрикнув, разжала руки и снова оказалась на земле.

– Так не пойдет, – сказал Калес. – Эй, ты! – позвал он Игрока, – Не ранен? – Леха оглядел себя, оглянулся на стоящую позади Лису, пожал плечами и выставил вперед перевязанную грязной тряпкой ладонь. Об остальных ранах на голове и предплечье он не распространялся. – Не против быть первым? Поможешь мне потом девчонок и увечных вытаскивать?

– Легко, – Игроков ухватился за веревку и споро полез вверх.

Снова посыпался мусор, девчонки вскрикнули, но Алексей не стал останавливаться, взбираясь все выше и выше. Остальные смотрели, Вика снова начала плакать, на этот раз от радости.

Почему же Максу так тревожно, словно вот-вот должно произойти что-то нехорошее.

– Ильин тоже не ранен, – тихо пробормотал он, – как и Трифонов.

Но Пашка услышал и невесело ответил:

– Игрок легче по весу.

Вроде бы логично, но все равно что-то не нравилось Грошеву. Леха достиг края дыры, Калес подал ему руку и помог выбраться. Потолок выдержал.

Через минуту Лисицын выглянул вновь и скомандовал:

– Настя.

И Вика, не сводившая своего взгляда с веревки, сделала шаг назад. Лиса была легче Игрокова, и особой помощи ей не потребовалось, хотя снизу ее страховал отличник. С его рукой только девушек и ловить. Лиса достигла пролома и исчезла из вида. Томительная минута передышки, во время которой никто не решался подойти к веревке.

Настя выглянула из-за края, на грязном лице застыло озабоченное выражение.

– Максим, – она посмотрела на Грошева, – тебя зовет Алексей.

– Что случилось? – спросил Артем.

– Я не знаю, – она посмотрела куда-то в сторону и закусила губу.

– Макс, – раздался напряженный голос Игрокова, – поднимись, нужна твоя помощь.

– Ну, что еще? – простонала Першина.

Грош ухватился за веревку и полез наверх. В метрах трех

над землей трос качнулся, обламывая очередной пласт породы, который едва не угодил в голову Чуфаровскому.

Парень перевалился через край, оказавшийся на удивление твердым и крепким, под слоем торфа кое-где был камень. Он поднял голову и обнаружил, что смотрит прямо в дуло направленного в лоб пистолета.

– Руби веревку, – Калес подтолкнул ему ногой нож.

Чуть дальше стоял Игроков, руки сцеплены в замок над головой. Громоздкий револьвер старого образца в тонких пальцах девушки смотрелся слишком чужеродно.

– Нет, – дернулся Леха. – Вы полные психи. Они же сдохнут там.

– Заткни его, – не оборачиваясь, приказал Лисицын. – Режь!

– Не хочу, – Макс посмотрел мимо парня на Настю, жалея только об одном, что трофейный пистолет так и остался у отличника. – Выстрелишь? Вряд ли, не знаю зачем, но я вам нужен.

– Да. А он – не особо, – он посмотрел на Игрокова. – С проводником проще, но дойдем и так. Настя!

Девушка уперла оружие Лехе в шею, позволив себе один взгляд, в котором Макс разглядел страх. И решимость. Она взвела курок.

– Верность семье, – улыбнулся Калес. – Судя по твоей, ты не знаешь, что это такое. Режь!

– Давай, Грошев, – добавила Настя. – Мы не психи и не

преступники.

– По вам не скажешь, – вставил Игрок.

– Что там? – раздался крик Самарского. – Леха? Макс? Настя?

– Нам надо... – Лисицын предупреждающе поднял руку, и девушка не стала уточнять, – сделать одно дело. Сразу после этого я сообщу спасателям, где наши. Сразу, Макс, обещаю. Пару дней они продержатся.

– Хватит, – потерял терпение Калес. – Режь! Или она отстрелит ему башку. Если и это тебя не вразумит, там, – он указал на дыру, – много мишеней. Как думаешь, на каком по счету трупке ты начнешь слушаться?

Грош поднял нож, выкидное лезвие сверкнуло на солнце. Ему потребовалось всего два движения, чтобы перерезать трос, перерезать путь наверх тем, кто остался внизу. Веревка с едва слышным шуршанием упала. Громко закричала Вика.

Урок тринадцатый – Этикет

Тема: «Правила гостеприимства»

– Берешь Лису, я – гвардейца, – прошептал Макс Игроку, тот обернулся на стоящих неподалеку Лисицыных.

От провала, где остались сокурсники, их отделяли два часа хода под дулом пистолета и с десятков километров.

– Почему не наоборот? – Леха усмехнулся. – Думаешь, дашь слабину, если дотронешься?

– Думаю, не сдержусь и врежу, а меня мама учила, что бить девочек нехорошо.

– Меня тоже, – Игроков смотрел, как Настя, сказав что-то брату, достала из его рюкзака плитку шоколада, откусила и закатила глаза от удовольствия. У него требовательно заурчало в животе. – Заметано, – проговорил он и громко спросил: – Так куда маршируем, господа конвоиры? К черту на куличики или в светлое будущее?

Лисицын дернул щекой, отпил из фляги, забрал у Насти рюкзак, вытащил сложенную вчетверо карту и протянул Игрокову.

– Какая прелесть, – умилился Леха, глядя на фиолетовый штамп с цифрой одиннадцать. – Сестренка сделала копии?

– Два маршрута – две копии, – протянул Макс. – Одну прислали мне. Ты постарался? – парень посмотрел на Калеса, – чтобы подтолкнуть к действиям?

Гвардеец не стал ни отрицать, ни соглашаться. Он промолчал, ожидая, пока Леха развернет карту.

– Все бункеры находятся на одной прямой, – он провел пальцем линию.

– В какой мы идем на экскурсию?

– В Императорский, – сказала Настя, комкая серебристую обертку.

– И дальше что? Придем, поцелуем священную дверь и по домам? – Игрок, хмурясь, рассматривал карту. – Вход по спецпропускам, хотя ваша семейка вполне могла их устроить, но по спецпропускам для пси. Только для псионников! Через накопитель по одному. Это вам не наш склад призраков. Что-то подсказывает мне, что старший братик вряд ли планирует подождать нас снаружи.

Калес подцепил пальцем цепочку и вытащил из-под рубашки пластиковый кристалл, на который у него не было права.

– Кад-арт Соболева, – Макс вспомнил, как Сенька лишился кристалла, и коснулся рукой затылка. – Давно мечтал познакомиться с любителем ударов по головам, – он посмотрел на гвардейца. – Как же я раньше не понял. Ты меня оглушил, а ты, – он повернулся к Насте, – привязала призрака. Семейный подряд?

– Это не твоя забота, – ответила Настя Игроку, проигнорировав Грошева. – Твоя задача – привести нас к бункеру, – и ткнула пальцем в бумагу.

Леха схватил ее за руку и дернул на себя, смятая карту. Девушка вскрикнула, когда парень вывернул ей кисть и поставил подножку, опрокидывая на землю. Макс ударил Калеса по руке, выбивая пистолет, и тут же в грудь, лишая дыхания. Лисицын согнулся, оружие отлетело в траву. Грош, не мешкая, съездил локтем по основанию шеи. Гвардеец должен был упасть, но вместо этого всего лишь припал на одно колено и вдруг рванулся в сторону. Он врезался плечом Грошу в живот и опрокинул обоих на землю.

Закричала Настя, послышался звук удара. Макс упал на спину, Калес навалился сверху. Грош согнул колено, метя Лисицыну в бок. Гвардеец всхрапнул и пропустил второй удар – на этот раз в живот. Но вместо того, чтобы озабочиться дыханием, Калес боднул Макса лбом в челюсть. Зубы клацнули, едва не прикусив язык, удар отдался вибрацией во всем черепе. Грошев выгнулся, пытаясь сбросить с себя гвардейца. Тот зарычал, сжимая руки в кулаки.

Вечернюю тишину гор вспорол выстрел, как острый клинок грубую ткань. Звук эхом разошелся по округе, вспугнув стайку воробьев с деревьев.

Макс замер, просто ничего не мог с собой поделаться. Кто кого? Настя или Игрок? Любой вариант плох.

Калес выпрямился, мгновенно забывая о Грошеве и даже об упавшем оружии. Игрок прижимал Настю к земле, в ее руках был пистолет, из разбитой губы текла кровь. Они тоже замерли друг напротив друга, не решаясь двинуться. Карие

глаза Лисы изумленно смотрели в голубые.

Все пришло в движение как-то разом. Гвардеец схватил Леху за волосы и дернул, стаскивая с сестры. Девушка часто-часто заморгала, когда другой рукой братец выхватил у нее оружие.

– Боги, ты, даже стреляя в упор, умудряешься промахнуться, – пробормотал он, глядя на Настю.

Макс поднялся. Ошарашенный Леха попытался осмотреть себя на предмет лишних дырок, но гвардеец приставил к голове пистолет, не позволив отвлекаться на такие глупости.

– Я думал, обойдемся малой кровью, но нет, с псионниками никогда не бывает просто. Они любят все усложнять.

Грош подался вперед.

– Не советую, – предупредил гвардеец и скомандовал: – Настя!

Девушка встала и, сложив ладони лодочкой, чуть шевельнула кистями. У Макса пересохло во рту, трупный запах ударил в нос, сила описала в воздухе невидимую петлю и вытащила из ниоткуда призрака. У Лисы на осмысленной петле сидел блуждающий.

Зачем она вызвала его? Единственный, кто уязвим для атак, это ее брат, да и то условно. Он не был знаком с призраком при жизни, так что гвардеец вне зоны поражения. Псионники уязвимы лишь для одной модификации...

Грошев встретился глазами с Игроком, и тот все понял. Леха напрягся, Калес вдавил дуло ему в висок.

– Пулю я могу всадить прямо сейчас. Блуждающий – это отсрочка, – Лисицын не сводил взгляда с Макса.

Настя взяла Игрока за руку и провела пальцами по коже в дикой пародии на ласку. Энергия, следуя за ее движением, обернулась вокруг плоти. Девушка отстранилась, и нить, соединяющая блуждающего и Игрокова, налилась вонью ярости мертвого. Она подарила ему контакт, привязала блуждающего к тому, кто чувствителен к пси-энергии. То же самое он проделала с Грошевым в доме художника, но с одним отличием – тот призрак был почти мертв, а разум Макса не пострадал. Этот вернувшийся был на пике активности. Грош был готов держать пари на его личность – пропавший из бункера Лукин.

– Следи, чтобы не перерезал, – скомандовал Калес сестре, не давая Игрокову пошевелиться.

– Вы ходите его убить? – спросил Макс.

– Хочу устранить недопонимание, – ответил гвардеец. – Мне не улыбается драться с вами на каждом привале. Предлагаю сделку.

– Чего тебе надо? – рявкнул Грош. – Скажи, наконец!

– Немного лояльности, – Лисицын улыбнулся. – Твой дружок на поводке. Сколько он выдержит? Десять минут? Час? Два? Как скоро его разум утянет на ту сторону? Если только ты не закроешь вернувшегося в нулевой карман.

Грош почувствовал злость, на этот раз она была даже приятной. Кристально чистая, незамутненная ярость, подобную

которой он испытывал всего раз, когда увидел первый синяк на лице матери.

Нулевой карман – еще одна модификация из линейки осмысленных. Она изолирует призрака из мира, делая его невидимым для всех. Из плюсов – модификация автономна и не жрет энергию, как кокон. Минусы – стандартные для всех осмысленных. Псионник, прибегнувший к ней, не должен больше призывать силу, если не хочет, чтобы его предыдущее творение распалось.

Нестойкое соединение, осложненное тем, что запертый в кармане призрак накопит силу, а его освобождение будет подобно прорыву плотины. Если не закрывать блуждающего, он утянет Леху максимум за пару часов. Если закрывать, модификация может держаться вечно, пока Макс не воспользуется силой, разрушая ее, и тогда скопившаяся энергия сметет Игрока за доли секунды. Ситуация – хуже не придумаешь.

– Спасибо семье, об энергии я знаю больше вас всех, – гвардеец засмеялся.

По телу Игрока прошла дрожь. Призрак начал пить его силы. Это не больно и не ощутимо в физическом плане, но Леха знал, что происходит. Макс стиснул зубы и выставил вперед руку, стягивая энергию, одновременно проводя второй ладонью под ней. Энергия, образовав прямой угол, зацепила блуждающего и, провернувшись, исчезла в пространстве вместе с призраком. Исчезла для всех, кроме Гроша.

Отрезать неощутимого призрака невозможно, сколько не

води клинком энергии там, где кожи касались тонкие девичьи пальцы. В этом мире канала больше не существовало. Его не почувствует никто: ни сам Игрок, ни Арчи, ни даже Марья Курусовна. Никто, кроме двоих: того, кто запер призрака в карман, и того, кто привязал его к псионнику. Вывод прост – отрезать блуждающего сможет только Лиса. Справедливости ради надо сказать, что она его тоже не увидит, но сможет ощущать свою нить.

Настя с облегчением выдохнула, Калес опустил пистолет и оттолкнул от себя Игрока.

– Ты за это заплатишь, – пообещал Макс, глядя в карие глаза девушки.

– Давайте без клятв и кровной мести, – гвардеец наклонился и стал искать в траве пистолет. – Когда дойдем до места, сестренка его освободит, – он выпрямился, сжимая в руке оружие. – Если дойдем.

Игроков перестал разговаривать. Конечно, не совсем: он отвечал Максу, но не реагировал ни на понукания Калеса, ни на шпильки Лисы, словно бы их не слышал. На ночевку встали в небольшом леске, граничащим с коричневыми каменными уступами, по которым предстояло взбираться завтра. Леха выбрал место, никого не спрашивая и игнорируя пистолет Лисицына, чем слегка напугал Грошева.

Пламя потрескивало, танцуя на сухих сучьях, Игрок выкопал несколько запеченных клубней дикого картофеля. Дую

на ладони, перекинул пару Макс. Лиса, сидевшая по другую сторону костра с банкой тушенки в руках, проводила их задумчивым взглядом. Грош был уверен, что в другое время Леха не упустил случая напомнить, что военнопленных полагается кормить. Его молчание было неправильным и тяжелым, словно воздух вдруг обрел вес.

– Зачем ты это сделал? – спросил Игроков, откусывая от клубня и пачкая губы золой.

– Давай без дурацких вопросов, – Грошев посмотрел на Калеса, сидевшего чуть дальше у смолистого ствола.

Пистолет лежал у него на бедре. Пистолет, в котором больше не было необходимости.

– Я всегда считал, что тебе все равно, – Леха отбросил обугленную кожуру. – Ты единственный, кому всегда было все равно.

– Я тоже так считал, – ответил Макс. – Оказалось, я не настолько крут, – он криво улыбнулся. – Оказалось, что у равнодушия много ступеней.

– Ты ведь понимаешь, что нас не отпустят, – Игрок почесал кожу чуть выше запястья. – Все это: брошенные без помощи ребята, привязка призрака к псионнику, я уж не говорю об угрозе оружия, проникновении в бункер, удары по голове и воровство, – он покачал головой. – Даже семья Лисицыных такое не замнет. Нас не отпустят. В твоём героизме нет ни малейшего смысла, лишь оттягивание неизбежного.

– Блин, – высказалась Настя, – вы оба ненормальные. Ес-

ли бы вы помогли нам сразу, если бы не полезли... – она отбросила банку в сторону, руки дрожали.

– А с чего бы нам помогать? – спросил Грошев. – За красивые глаза?

– Тебе везло, как утопленнику, – лениво проговорил гвардеец. – Ты должен был помогать нам сам, так как альтернативой была бы...

– Тюрьма, – догадался Макс, и разрозненный кусочки говоломки встали на место.

– Да, но тебе нереально везло. Ты ушел из дома художника, потом тебя прикрыл Самарский, твой, кстати, рыцарь, – гвардеец посмотрел на сестру.

Та отвела глаза, Грош открыл рот и закрыл его. Да, Самарский помог, поручился перед Нефедычем, замаскировал след от привязки. И сделал это не без помощи Лисы, о чем братец похоже не догадывается. Что происходит в благородном семействе?

– По сценарию, моя благодарность за избавление от решеток не знала бы границ, не так ли? Что есть у меня такого, у безродного студента, что нельзя купить и достать вашей семье?

– Макс... – начала Лиса.

– Нет, – прервал ее брат, – еще рано.

– Я всего лишь хочу объяснить, почему...

– Ты заметил, – Макс повернулся к Игроку, – чем сильнее равнодушие, тем больше желающих тебе что-то объяснить, –

он снова посмотрел на Настю. – Меня не интересуют твои оправдания.

Девушка закусила губу, встала и ушла за пределы отбрасываемого костром колышущегося круга света. Калес посмотрел на парней и, бесшумно поднявшись, последовал за сестрой.

– Можем взять их ночью, только на этот раз наоборот, девица на тебе, братишка на мне, – предложил Леха. – Теперь уже я боюсь не сдержаться.

– Нет. Лиса единственная, кто может тебя освободить.

– Она этого не сделает.

– Значит, придется ее заставить, – Грош посмотрел в темноту. – Умереть всегда успеешь.

Игроков лег на спину, сорвал травинку и сунул в рот. Он всегда так делал, когда думал.

– Я понимаю, что многое пропустил в этой истории, – проговорил он и, видя, что Грош не торопится возражать, вздохнул. – Ладно, это не столь важно. Вы с Самарским вроде неплохо справились, но в том, что я видел и слышал, есть несостыковки.

– Какие? – Макс бросил в огонь ветки.

– Карта, которую прислали тебе, – он перекинул травинку из одного уголка рта в другой. – Пусть Лиса сделала копии, чтобы ее брат следовал за нами. Но кто подсунул ее тебе под дверь? Напомню, Настя в это время сидела в пещере с Ильиным и остальной компанией.

Макс задумчиво посмотрел на друга.

– Значит, есть кто-то еще. Кто-то, помогавший Лисицыну в лагере?

– Именно, – друг отбросил измочаленную травинку и сорвал новую.

Вышли затемно, как резонно заметил Макс Калесу. Чем быстрее начнут, тем быстрее закончат. Похолодало, одежда за ночь успела отсыреть. Настя зевала, они с братом спали по очереди, опасаясь, что желание парней поквитаться пересилит здравый смысл.

Часам к десяти вышли к жилью, которое никак не обозначалось на карте. Поэтому собственно и вышли. Они закончили очередной подъем, прикидывая дорогу до видневшегося чуть вдалеке лесного массива, когда увидели на пологом уступе вытянутый дом под рубероидной крышей, двумя пристройками и бревенчатой баней чуть в стороне. Все потертое с давно облупившейся краской, доски крыльца склонялись в правую сторону, козырек зиял прорехами.

То, что дом обитаем, стало ясно сразу. Когда на тебя наставляют ружье, вопросов о том, кто хозяин положения, не возникает. Калес завел руку за спину, готовясь выхватить из-за пояса пистолет. Седой, коротко стриженный мужчина, стоящий в пяти метрах выше, повел дулом в его сторону.

– Спокойно, – проговорил Игрок, поднимаясь. – Мы студенты-псионники, идем в Императорский бункер, – он оста-

новился. – Хотим есть, если покормите, то в долгу не останемся.

Мужчина подумал и поднял ружье дулом к небу.

– Я Маст, – он посмотрел на их лица, на грязную одежду, царапины, ссадины, засохшую кровь и сбитые костяшки пальцев. – Издалека, видать, идете, – он развернулся и пошел к крыльцу. – Если оружием махать не будете, миску супа найду, как и работу. По специальности.

Гвардеец опустил руку, позволив себе один неуверенный взгляд не сестру, пошел следом.

Внутри дом был не менее обшарпан, чем снаружи. Во всем (в расставленной как попало мебели, в посеревших занавесках, в неубранной с табурета и подоконника посуде) чувствовалось отсутствие женской руки. Да и вообще любой другой. Две прямоугольные комнаты, дверь между которыми заменяла цветастая занавеска. Макс насчитал в первой пять кроватей и два брошенных на пол матраца. Вторая больше походила на столовку: электрическая плитка, раковина, забитая посудой, длинный стол и табуреты разной степени кривоногости.

Маст достал железные, немного помятые с краев миски и стал наполнять их похлебкой, по густоте похожей на нечто среднее между супом и овощным рагу. Запах от блюда шел одуряющий. Грош внезапно понял, насколько проголодался.

– Чей это дом? – Калес, в отличие от студентов, быстро работающих ложками, лишь попробовал и отодвинул тарелку.

– Мой, – мужчина сел за стол напротив, цепочка с кад-артком висела поверх рубашки, кристалл был мутно-дымча-тым. – А что, не похоже?

– Похоже, – кивнул Игрок, – на общежитие.

– Одно другого не исключает, – пожал плечами седой, но еще не старый мужчина и, словно ощутив взгляд Макса, накрыл камень разума ладонью и убрал за воротник. – Тут де-сятая шахта рядом, ребята у меня ночуют.

– Там разве не осужденные работают? – не поняла Настя. – Или их отпускают куда-то?

– Бывает, что и отпускают за хорошее поведение, но нена-долго. У меня в основном вольнонаемные живут, да и не только у меня. Хуторов много. Есть работы, которые каторж-никам не доверишь.

– Кстати о работе, – Макс отставил пустую миску. – Вы говорили, есть дело для нас.

– Говорил, – Маст встал и отошел к окну. – Призрак тут у меня шуткует.

– Хвост? – уточнила Лиса.

– В том то и дело, что нет.

– Кто-нибудь недавно здесь или в округе умирал? – спро-сил Игрок.

– Да, – ответил седовласый с некоторой заминкой. – Око-ло двух недель назад на шахте Привезенцев погиб из воль-ных. Не из моих, а что при шахте живут.

– Как погиб? – Леха тоже отодвинул пустую миску. – Что-

нибудь из его вещей осталось?

– Блуждающий выжег, – Маст стал убирать тарелки.

– И? – не понял Лисицын. – Службу контроля вызвали?

– Все чин чинарем. Приехала бригада, отработала, уехала.

Тело забрали. Вещи в кладовке лежат – все, что осталось.

Вряд ли вам поможет, но если надо...

– Не вам решать, что нам поможет, а что нет, – встал из-за стола гвардеец. Похоже, что он решил примерить на себя не только чужой кад-арт.

– Почему вы так думаете? – спросил Макс седовласого.

– Потому что блуждающий здесь уже года два. А Превезенцев вроде как еще и не вернулся. Никто из его заклятых дружков не заявлял. Пока.

– Где чаще всего шуткует вернувшийся? – Грош тоже встал.

– В лесочке, за туалетом, чуть дальше выгребной ямы, – улыбнулся хозяин. – Бывает пойдешь с утраца до ветру, а тут тебе и сюрприз, как обухом по голове – темно и холодно, – его передернуло.

– Шуткует только там? Больше никуда не лезет? – уточнил Игрок.

– Вроде нет, – задумался Маст. – Хотя, раньше бывало и в бане прихватывало, но давно.

– Памятная вещь, – высказала предположение Настя. – Мы с Максом проверим хм... лесочек, а вы – баню.

Ответили ей молчанием, на которое Лисицына предпочла

не обращать внимания.

Выгребная яма воняла, будка туалета в паре шагов левее ей не уступала. Дощатая дверь скрипела на ветру, редкий лесок позади шумел листьями. Самое то для романтической прогулки с девушкой, которой очень хотелось свернуть шею.

Тягучий аромат разложения с легкостью перекрывал для Грошева все остальное.

– Макс, даю слово, что освобожу Леху, чтобы не случилось, – проговорила ему в спину Лиса. – Никто не собирается вас убивать, молчание даже ваше можно купить, вопрос только в цене, в сумме.

– А остальных? Тоже купите? – парень развернулся. – Ильина, Першину, Чуфаровского? Ярцеву похороны оплатите? Самарскому свадьбу?

– Перестань! Что-нибудь придумаем, я обещаю.

– Так, давай, – он приблизился к Насте, – освободи. И я даю тебе слово, он доведет вас до бункера. Твоему брату даже знать об этом не обязательно, он не поймет и не почувствует.

Она отвела глаза. Другого ответа он и не ждал. Грош усмехнулся, склонился к маленькому ушку, поднял руку и провел пальцами по ключице. Она вздрогнула, но не отстранилась.

– Значит, я должен верить твоему слову, а ты моему – нет, – он сжал руку на шее, девушка вскрикнула. – Ты запла-

тишь, Лиса, заплатишь не за то, что сделала, а за то, что заставила сделать меня.

Она всхлипнула, и впервые Грош увидел в ее глазах зарождающийся страх, почувствовал, как бьющийся под кожей пульс ускоряется. Он едва задел губами ухо. Едва-едва. Она могла бы вырваться, если бы захотела, могла бы заорать, а старший брат со своим большим пистолетом был бы тут через минуту. Настя не сделала ни того, ни другого. Она повернула голову и с какой-то обреченной беспомощностью прижалась к его губам своими.

И Грошев сорвался, обхватил руками исхудавшее лицо и поцеловал ее. Глубоко, сильно, возможно даже больно, так как ему давно хотелось. Дыхание смешалось, сладость, иступление и желание невозможного. Он почувствовал, как она дрожит, как прижимается к нему, понял, что проигрывает, что если так будет продолжаться, она начнет сниться ему, так же, как Самарскому, а, может, и того хуже.

Макс оттолкнул девушку, которая, широко раскрыв глаза, недоуменно посмотрела на него. Недоуменно и обиженно. Вот только плевать он хотел на ее обиды.

Парень развернулся и пошел дальше. Настя не произнесла ни слова, не возмутилась и не расплакалась, просто пошла следом. Вонь вела его за собой, словно охотничьего пса. Деревья, кусты, заросли крапивы и темные прогалины земли. Сила сознательно блокировалась им же самим, но чувствительность никуда не делась.

След блуждающего привел их к старой березе с дуплом на высоте около двух метров.

– Лучшего места для тайника не сыскать, – саркастически сказал Грошев. – Все в лучших традициях, только вывески не хватает, – он подпрыгнул, ухватился за ветку и подтянулся. – Следи, чтобы хозяин не объявился.

Девушка ничего не ответила, продолжая стоять с задранной головой и смотреть. Он уперся ногами в ствол, вытянулся и запустил руку в черное нутро ствола. Макс вытащил на свет небольшой тканевый мешочек.

Его кольнуло нехорошее предчувствие. Неужели снова кристаллы? На ощупь содержимое мешочка было несколько мельче и сыпучее.

Парень спрыгнул, они с Лисой одновременно повернули головы направо. Там, на границе чувствительности, появился сгусток энергии. Призрак обозначил свое присутствие, но пока предпочитал держаться от псионников подальше.

Значимый предмет – это не то же самое, что захоронение или узилище. Символическую для умершего вещь можно сравнить с «незаконченным делом». Что-то было спрятано и не найдено: клад, тайник, новогодний подарок, спрятанный от прожорливых родственников. Что-то было начато и не завершено: книга, картина, бухгалтерский отчет. От прикосновения к такой вещи живого призрак не сойдет с ума, пусть и будет держаться поблизости.

Заскорузлые тесемки развязались не с первого раза, на ла-

донь высыпались и заискрились желтоватым светом песчаные крупинки.

– Золото? – Настя подняла брови. – Так просто? Они нашли золото, и кто-то из рабочих спрятал его, но забрать не успел.

– А ты чего хотела? Имперского заговора или Вселенского зла? Это скорее по твоей части, – он ссыпал крупинки обратно в мешочек и убрал в карман.

– Обираешь мертвых, – фыркнула девушка, обида уступила месту обычной, чуть снисходительной улыбке.

– Почему нет, – он отвернулся. – Я никогда не старался казаться лучше, чем есть на самом деле.

Подходя к дому, Грош увидел выходящего из бани Игрока. Тот улыбался, наверное, впервые за прошедшие сутки.

– Где Калес? – нахмурилась Лиса.

– Там, – он мотнул головой. – Расследует, – и снова улыбнулся.

Настя пошла к постройке сначала неторопливо, потом с каждым шагом все быстрее и быстрее, пока не побежала, а толстая дверь не захлопнулась за ее спиной.

– Ну и где он? – спросил Макс.

– В бане.

– Жив?

– Да, – с сожалением ответил Леха, – и даже цел. Почти. Чему их там учат в гвардии? Красиво маршировать перед дворцом? Или это нам такой нерадивый попался? Ничего не

стоит без палки или этого, – он достал из-за пояса оружие Калеса и протянул Грошу, – Возьми от греха подальше. Я пока ему рыло чистил, так и представлял, как приставляю к башке и закончу все это.

– У них есть еще один, не забыл?

– Что, не прощупал девчонку? – парень вздохнул. – Именно поэтому я не стал ставить чертова гвардейца перед сестренкой и требовать освобождения, пристрелит еще обоих с перепугу.

Макс взял оружие. Единственное, о чем он нашел в себе силы пожалеть в этот момент, что его не было рядом с Лехой в бане и не его кулаки прошли по физиономии Лисицына.

Казалось, с тех пор, как он вышел с парнями из лагеря, прошла целая вечность. События слились в одну монотонную ленту, в вечность, которая все никак не хочет заканчиваться. Грошу хотелось, чтобы металлическая тяжесть исчезла из его руки, хотел закрыть глаза, а открыть уже в спальне Академии. Сила собственного желания поразила Макса, если учесть, как он всегда относился к учебе.

– Смотри, – привлек его внимание Игрок, указывая на одну из пристроек.

Грошев не сразу понял, на что именно надо смотреть. На обычной двускатной крыше с рваным рубероидом был установлен тонкий железный штырь, чуть покачивающийся на ветру.

– Антенна, – проговорил Макс. – Рация! Но вышки в

Некропольском больше нет, связи с равниной тоже.

– А нам и не надо с равниной, надо с лагерем, – Леха бросился к пристройке.

Дверь открылась за секунду до того, как он схватился за ручку.

– Уже все? – Маст посмотрел на парня.

– Почти, – не стал вдаваться в подробности сокурсник. – Можете связаться с ЛП-7?

– Наверное, – мужчина отступил внутрь. – Зачем?

– Затем, – Игрок зашел следом.

Внутри пристройка больше походила на склад старых, новых, сломанных и целых вещей. Коробки, железные трубки, зеленые ящики, похожие на гробы с большой цифрой «1» на боковине, ворох старых спецовок. Посередине комнаты, на исцарапанной поверхности стола, стояла новая и странно чистая для такого места рация. Стояла и шуршала помехами.

– Свяжитесь, – Леха схватил со стола огрызок карандаша, тетрадный лист в клеточку, с одного конца заляпанный жирными пятнами и стал торопливо записывать. – Группу псионников с семнадцатого маршрута завалило в пещере в квадрате 46-ВА на два градуса к востоку от центра, под торфяной линзой, они не могут выбраться.

– Почему сразу не сказали, идиоты, – Маст схватился за микрофон, и рация взвизгнула. – Мне придется переключиться на их частоту, а военные этого не любят, – он стал щелкать рычагом. – От кого сообщение?

– От Грошева и Игрокова, – ответил вместо замолчавшего Лехи Макс.

– ЛП-7, ответьте Мاستу, прием.

Рация щелкнула раз, второй, зашуршала помехами, подчиняясь неизвестному ритму.

– Сообщение для ЛП-7: группа студентов... – начал зачитывать с листка седовласый.

Стоя на крыльце, Макс обернулся. Дверь бани открылась, из нее вывалился Калес. Он отмахнулся от пытавшейся его поддержать Лисы, ладони парня были перемазаны в капающей из носа крови.

– Сообщение от Грошева и Игрокова, – закончил передавать мужчина.

Ответа по-прежнему не было. Если не считать за таковой шум помех. Маст несколько раз нажал на кнопку и задумался.

– Лагерь на другой стороне склона, горная порода глушит сигнал, – проговорил он, – но я могу связаться с пятой шахтой, они восточнее на пятнадцать градусов, получается в аккурат между нами и лагерем психов, они примут сообщение и передадут...

– Делайте, – Макс спрыгнул с крыльца навстречу девушке с пистолетом.

– Шах-5, Шах-5, ответьте Мاستу, прием, – снова стал вызывать мужчину.

Настя подняла пистолет, гвардеец тряс головой, следуя за

сестрой.

– С дороги, – рывкнула Лисицына.

– А то что? – спросил Грош. – Сэкономь нам обоим слова, стреляй сразу.

– Он... этот чертов шутник...

– Что? Набил морду братишке? А ты думала, что он сдался? Смирился с поводком?

– Не слушай его, – зарычал Калес. – Он тебе зубы заговаривает. Рация! – гвардеец указал на антенну.

– Поздно, – сказал, выходя из пристройки, Леха. Девушка повела пистолетом, но Грош не дал ей поменять цель, ухватив оружие за дуло. – Сообщение передано и услышано.

– В этом, девушка, можете не сомневаться, – раздался хриплый голос у Макса за спиной.

Краем глаза он уловил движение сбоку, появившийся будто из ниоткуда боец в камуфляже ударил Лису прикладом, и она беззвучно осела на землю. Пальцы девушки рефлекторно сжались. Но вместо выстрела послышался сухой щелчок. Грошев даже не успел удивиться подарку судьбы, тело начало действовать еще до того, как он осознал это.

Пистолет гвардейца оказался в руках в долю секунды, и, развернувшись, Макс наставил его на того, кто стоял за спиной.

– Привет, Малой, – улыбнулся Тилиф.

– Босс? – позвал мужчина, ударивший Настю, снова поднимая винтовку, но на этот раз не для удара.

– Нет, Хоро. Я сам, присмотри за остальными.

Игрок выругался, гвардеец молчал.

Макс ничего не видел, кроме кривого улыбающегося лица.

– Надо же, – сказал Шрам. – Помню, после своего первого выстрела, первого попадания, я поклялся больше не прикасаться к оружию. Но, конечно, не сдержал слово, – Раимов посмотрел на Гроша. – А ты продолжаешь меня радовать! Ни сомнений, ни колебаний. И даже руки не дрожат.

По насыпи продолжали взбираться все новые и новые бойцы. Они, не обращая внимания на студентов, расходились по округе, занимая позиции. Из пристройки выглянул Маст, оглядел компанию и поздоровался:

– Добрый день, Тилиф Аресович.

Рука Макса дрогнула.

Урок четырнадцатый – Философия

Тема: «Идентификация личности»

– Садись, Малой, – Тилиф положил на стол, где еще недавно стояли миски, пистолет гвардейца и громоздкий револьвер Лисы.

Макс потер запястье, никак не отреагировав на приглашение. Когда тебя окружают люди с оружием, геройствовать как-то не хочется. Но он все равно попытался. Из чистого упрямства. С предсказуемым результатом.

Маст стал торопливо протирать столешницу. Двое с автоматами замерли чуть в стороне.

– Упрямец, – Раимов разрядил пистолет и покачал головой.

– Что дальше? – спросил Грош. – Опять заставите стрелять?

– Нет, – Шрам взялся за оружие Лисы. – У тебя был шанс, Малой, второго я никому не даю, – мужчина заглянул в барабан, хмыкнул и демонстративно перевернул. Оттуда не вывалилось ни одного патрона.

– Тогда зачем я здесь?

– А ты куда-то торопишься?

Грош бросил взгляд в окно, где-то там остались Игрок, Настя и чертов гвардеец. В любой момент могли раздаться выстрелы. Он не знал, что сделает в этом случае. Он даже не

знал, что почувствует.

Маст передал Тилифу исписанный Игроком листок. Пробежав глазами, мужчина отложил бумагу в сторону, никак не прокомментировав.

– Не очень хорошо уходить, не выполнив обязательств, – сказал с укором Раимов. – Вы взялись выполнить для Маста работу? – он повернулся к хозяину дома, и тот закивал.

– Мы выполнили. Если у призрака нет здесь других привязанностей, то он больше не появится, – Грош сунул руку в карман, но, вспомнив, что его уже успели обыскать, убрал ладони за спину.

Повинуясь жесту Шрама, один из охранников вышел вперед и передал ему мешочек с золотом. Переливающиеся мягким светом крупинки оставили Тилифа совершенно равнодушным. Так же безучастно он мог бы смотреть на песок под ногами. Он ссыпал золото обратно и протянул Грошеву.

– Узнали, кто он?

– Нет. Да и смысла нет, – парень взял мешочек.

– Ошибаешься, – процедил, глядя на Маста, Тилиф. – Никому из нас не надо, чтобы здесь шастали спецы из службы контроля.

– Я потому и попросил пацанов, – пояснил тот.

– Найдите призрака и уберите его, – приказал Шрам Грошеву.

– Почему мы должны это сделать? Будете уверять, что отпустите? Да еще и золотом, – он потряс мешочком, – награ-

дите?

– Не буду, – Шрам вышел из-за стола. – Вы сделаете это. Пока вы полезны – вы живы. Как только отпадет надобность в ваших услугах и в вас... – он, не договорив, отвернулся. – Спрошу снова: ты куда-то торопишься, Малой?

– Значит, призрак появился два года назад? – Макс повернулся к Масту.

– Правильный выбор. Считай, что у тебя карт-бланш, Малой, до известного предела, – Тилиф обернулся к автоматчикам. – А ребята помогут.

«Ребята» продолжали стоять с бесстрастными лицами. Грош встретился взглядом со спокойными серыми глазами одного из солдат и вспомнил, что уже смотрел в них. Целую, казавшуюся бесконечной, секунду до того, как Калес огрел его по голове. Второй, слава богам, был совершенно не знаком. Раимов криво улыбнулся и вышел из комнаты.

– Эээ... да, примерно два года, – с уходом Шрама хозяин хутора заметно расслабился и даже оставил тряпку в покое.

– Кто-то умирал или пропадал без вести в это же время? – Грошев выдвинул стул и сел.

Мыслей в голове было с миллион, но ни одной дельной. По идее, он мог растянуть поиски до бесконечности. Это легко, когда ищешь нечто невидимое. Но Шрам не дурак, и его удастся водить за нос лишь, как он сам сказал, «до известного предела».

– Сложно вспомнить, – седовласый задумчиво открыл и

закрыл кастрюлю, а потом, слово спохватившись, убрал со стола разряженное оружие. Пусть Грош не сделал ни одного движения, чтобы схватить его. – Вроде никто.

– Пустите! – закричали снаружи.

Макс вскочил. Мужской голос что-то ответил.

– Да пошли вы! – рявкнул Игрок, послышался звук удара, и Грош бросился к двери как раз в тот момент, когда в комнату вошел Леха, которого тут же взял на прицел автоматчик.

– Ты в норме? – спросил друг.

Из-за его спины выглянула Лиса, правый висок которой опух от удара прикладом, глаз заплыл, делая скульптурные черты лица одутловатыми. Колеса толкнули вперед, и Макс увидел поднимающегося по ступенькам солдата.

– Они твои, Тир, – сказал он и, дождавшись кивка автоматчика, вышел наружу.

– Я в порядке, – Грош, снова повернулся к Масту. – Так вроде? Или никто?

– Кардыш исчез, – вспомнил хозяин, косясь на студентов, – но Арос видел его спустя месяц в Учueвом¹⁹, в тамошней общаге, считай борделе, и тот не выглядел мертвым, скорее наоборот.

– Все?

¹⁹ Учueво – административное сельское образование Инатарского края с населением 3500 человек (Большой справочник организаций поселковых образований северных округов Империи Камней).

– Ну, еще Сторыч Привезенцев тогда внезапно уехал, даже вещи не собрал. Мировой мужик! Раньше мне генератор вправлял, я потому и запомнил, что в очередной раз насос забарахлил, а обратиться не к кому. Но он потом вернулся, правда, ко мне больше не захаживал, да я не в обиде. Жаль его, совсем недавно схоронили, – Маст развел руками. – Я, кажется, про него уже рассказывал.

– Это которого призрак сжег? – спросил Игрок. – Макс, мы что-то пропустили?

– Они шахтеры? Оба? – спросил Грош, делая Лехе знак подождать.

– Да. Тут других не бывает.

– Тогда нам нужно в шахту.

– Уверен? – спросил Игроков. – Если что, нас там и оставят, – он вздохнул. – И вряд ли когда-нибудь найдут.

– Поверь, шахта – это всего лишь декорация. Нас не найдут в любом случае, – ответил Грошев, чувствуя, как Настя сверлит его взглядом.

Вход в десятую шахту больше походил на домик, который по капризу сумасшедшего архитектора построили прямо в скале. Вырубили прямоугольный тоннель, поставили стены, настелили полы, вставили окна, навесили на ржавые скрипящие петли двери. И на этом успокоились.

Внутри оказалось не лучше, чем снаружи. Остановка напомнила Максиму пропускную на заводе, где работал отец. Де-

ревянный стол, за которым сидел грузный охранник, уходящий вглубь скалы коридор, и табло терминала, так не вязавшегося с убожеством обстановки.

Когда-то давно в детстве Максим не мог дождаться, когда большие ноги в тяжелых и пыльных ботинках пересекут белую линию проходной, когда мозолистые руки, пахнущие соляркой, подхватят его и подбросят в воздух. Как давно это было, словно во сне, в котором он был всего лишь зрителем.

Тот, кого называли Тиром, что-то сказал охраннику, и лысеющий мужчина сделал вид, что в упор не замечает четверку молодых людей, миновавших светящееся табло терминала, не приложив к нему кад-артов.

Коридор был укреплен дощатыми щитами и толстыми (толщиной в две ладони) балками. Каменный пол глушил звуки. Несколько дверей в самом начале коридора создавали ложное впечатление обычной конторы. Две из них были открыты. В одной на столах стояли мониторы, вторую (стоило только парню повернуть голову) тут же закрыли, но он успел заметить гротескный, опущенный книзу уголок изуродованного глаза Тилифа и нескольких бойцов в камуфляже.

Настя вскрикнула, Грош обернулся. С пола неловко поднимался Лисицын, рядом стоял автоматчик, тот самый, чей затылок уже успел познакомиться с силой его удара.

– Не смейте, – закричала Лиса, солдат повернул голову и демонстративно пнул гвардейца в бок, тот промолчал, несмотря на злость, полыхнувшую в карих глазах.

– Хватит! – скомандовал второй. – Сначала дело, потом развлечения, – Тир пошел дальше, указывая дорогу.

Они шли молча, даже Настя, уцепившаяся дрожащими пальцами за его руку, не отважилась проронить ни слова. Воздух вокруг казался спертым и чуть-чуть вибрирующим. Макс постарался не поддаваться иррациональной тревоге и осознанию того факта, что они снова шли под землю.

Минут через пять прорубленный в скале коридор вывел их в овальный зал, где разом стояла, сидела, ходила и говорила сотня человек. Ближайший детина в серой рубашке, оглядев их черную форму, презрительно сплюнул на пол, едва не попав на ботинок Игроку. На серых рубашках большинства были нашиты полоски с шестизначными номерами, поверх которых качались висевшие на простых тесемках кадарты. Здесь не принято было прятать камни. Людям, запертым здесь, уже нечего было скрывать.

– Найди Стока, – Тир остановил проходившего мимо мужчину с алюминиевой кружкой в руке, но тот, вместо того, чтобы выполнить поручение, уставился на Настю и не мог двинуться с места. – Живо! – рывкнул автоматчик, чем только привлек к группе дополнительное внимание.

Гул стих, но тут же стал нарастать, словно волна, которая отхлынула от берега только для того, чтобы обрушиться на него вновь.

– А ну, заткнулись! – вперед вышел высокий худой мужчина, одетый (в отличие от остальных) в темно-синие джин-

сы и спецовку. Прикрепленная к поясу рация едва слышно потрескивала. – Спятил, Тир? Девочек сюда приводить? Бунта нам только и не хватает.

– Претензии Шраму выскажешь, – хмыкнул автоматчик. – Проводить?

– Обойдусь. Зачем искал? – под взглядом высокого один из заключенных сделал шаг назад, правда, не забыв смачно харкнуть в сторону.

Тир толкнул Макса в плечо и скомандовал:

– Спрашивай, это бригадир.

– Два года назад пропал некий Кардыш, – Грош посмотрел на прислушивающихся заключенных. – Говорят, его потом Арос в Учueвом видел?

– И? – не понял высокий.

– Я хочу с ним поговорить.

– С кем? На кой черт? Ты кого мне привел? – последний вопрос адресовался Тиру.

– Почему бы вам просто не ответить? – раздраженно и немного гнусаво сказал Калес, подбородок и часть рубашки были залиты подсыхающей кровью.

Высокий смерил его взглядом, пошевелил губами и спросил:

– Так кого вам надо: Ароса или Кардыша?

– Кого угодно, кто может подтвердить, что Кардыш жив.

– Мы ищем его призрак, – пояснил Игрок.

Потянувшийся за рацией Сток опустил руку и зычно

крикнул в толпу:

– Кард, подойди! Студенты тут твой призрак ищут.

– Да вроде рановато еще, – от серой толпы отделился мужчина с морковно-рыжими вьющимися волосами. – Я Кардыш. А что, ходить по борделям теперь запрещено законом?

– Так, – скорее самому себе, чем кому-либо другому проворчал Грошев, и наудачу спросил: – Других претендентов нет? У нас неидентифицированный призрак.

– Сколько угодно, – развел руками бригадир. – Два года назад? Может, Микорский?

– Кто? – переспросил Макс, фамилия показалась ему смутно знакомой.

– Осужденный свалился в отвал, – пожал плечами Сток, – но никаких хлопот от него никогда не было, ребята не жаловались, а уж он бы заглянул на огонек, склочный дед, а уж как выпьет...

– А Привезенцев? – спросил Леха, почесывая руку.

– А что с ним? Умер две недели назад. И пока даже не вернулся.

– Два года назад, когда этот, – кивок на рыжего, – зависал в борделе, Привезенцев исчез с хутора без объяснений, – продолжил Леха.

– Может и так, он мне не докладывал, – Сток остался равнодушен.

– Мы можем поговорить с его бригадиром? С тем, с кем он работал тогда?

Рыжий посмотрел на Стока, а потом они вместе устались на Тира.

– Шестой сектор, – пожал плечами высокий.

Один из автоматчиков шел первым, Тир замыкал. В касках с фонарями они смотрелись добрыми работягами, если бы не оружие в руках. Студентам касок не предложили: то ли они были в дефиците, то ли о сохранности их голов думать уже не приходилось.

– Зачем нам бригадир Привезенцева? – вполголоса спросил Грош.

– А что, есть другие идеи? – ответил Леха. – Я правильно понял: нас убьют, как только – так сразу?

– Более-менее.

– Но так не бывает, – Настя вклинилась между парнями, оставив задумчивого Калеса топтать позади. – Они нас отпустят, они не решатся... просто... просто, – она оглянулась на автоматчика.

– Неприятное ощущение, правда? – хмыкнул Игрок. – Добро пожаловать на вечеринку, красотка! – улыбка у парня вышла несколько болезненной.

– Хватит ее пугать, – процедил сквозь зубы Калес. – Хотите отыграться? Валяйте, но на мне.

– Топайте, – прервал разговор Тир, – не хочу с вами весь день возиться.

Коридор потихоньку стал спускаться ниже, несколько раз

он пересекался с другими, узкими и широким, темными и освещенными, качающимися на проводах лампами без плафонов. Несколько раз Макс видел узкие, блестящие в темноте рельсы и слышал механический стук колес. Попадавшиеся навстречу заключенные либо делали вид, что не замечали студентов, либо зазывно улыбались Лисицыной щербатыми улыбками, но чаще всего плевались.

Игрок стал отставать, сперва совсем незаметно, а потом все сильнее и сильнее, пока не остановился, согнувшись будто от боли. Но прежде, чем Тир успел догнать и отвесить пинка, парень выпрямился и едва заметно покачнул головой в ответ на невысказанный вопрос Грошева.

Шестой сектор мало чем отличался от того, что они видели раньше. Уходящая вниз кишка коридора изогнулась, в лицо дохнула влажным воздухом, на уши обрушился гул, словно где-то впереди включили огромный генератор. Первый автоматчик свернул за угол, и Макс увидел зал с низким потолком, пол которого был изъеден дырами, словно дуршлаг. Над каждым пробитым в толщу скалы отверстием возвышались конструкции из металлических трубок, деревянных балок и тросов. У стены покачивалась вагонетки, мужчины в серой одежде закидывали в них лопатами каменную крошку. Другие двигали по полу зеленые ящики, маркированные жирными единицами на крышках. Лица рабочих, вылезавших из крайнего штрека, были покрыты коричневой пылью, делавшей их похожих друг на друга, словно братья-близне-

цы.

Игрок приглушенно рыкнул и, остановившись, уперся рукой о стену.

– Что с ним? – спросила Лиса у Макса.

– А ты не догадываешься, Лисицына, – Леха сглотнул. –

Это все твоя метка, здесь есть захоронения.

– Я ничего не чувствую, – Макс нахмурился.

– Есть, – выдохнул Игроков. – Я тоже не чувствую, но он, – парень покачал рукой, – он знает, где они лежат.

– Ого, – буркнула Лиса.

– Я пока не одержим, красотка. Но когда меня перетянет, надеюсь, первой, кого я загрызу, будешь ты. Надеюсь, ты окажешься сладкой, – Леха улыбнулся абсолютно сумасшедшей и бесшабашной улыбкой.

– Вряд ли, – Лисицын перехватил руку сестры. Пусть он не чувствовал энергию на кончиках ее пальцев, но видел характерные жесты псионников не раз. – Начнешь с меня, но я вряд ли окажусь в твоём вкусе.

– Эй, – окликнул их Тир, – Варкон, – он указал на мужчину, снявшего каску и поливавшего голову водой. – Бывший бригадир Привезенцева.

– До того, как перевестись к Третьякову, Старыч работал с нами, – согласился мужчина, выпрямляясь. Ростом он оказался не выше Лисицыной, от того спецовка смотрелась на нем, словно одежда с чужого плеча.

Макс молчал, судорожно пытаясь придумать вопрос, ко-

торый надо задать. Он должен что-то сделать, как-то имитировать поиски, а иначе... Мысль, пронзившая его в этот момент, была подобна откровению. Он даже не особо удивился собственной глупости.

Кем никогда не был Тилиф? Он не был дураком, который вручает свое будущее компании подростков разной степени побитости. Для Шрама, как и для Нефедыча, Арчи, Марьи Курусовны он были детьми. Грош зажмурился, он мог думать, что угодно, но мнение других, на которое ему всегда было плевать, от этого не изменится.

Боги, да разве сложно подчистить все на пару дней и вызвать спецов, которые локализуют и уберут призрак? Заключение уж точно болтать не будут, они хорошо знают, с какой стороны хлеб намазан маслом.

Тогда что они делают здесь с расплывчатыми сведениями? Что ищут? Или играют детскую игру в «горячо-холодно»?

Неожиданно правильная мысль оставила в голове гулкую пустоту. Грош почувствовал, как чья-то рука касается его плеча и обернулся. В глазах Лисы была надежда. И вера. В него. Она не имела на это права. Как она смеет смотреть на него так же, как на Самарского? Он не герой. И не собирается им становиться.

– Почему он ушел? – внезапно спросил Игрок, Калес обернулся. – Почему Привезенцев сменил бригаду? Почему пропал, а потом вернулся?

Варкон посмотрел на коричневые с черными вкраплени-

ями стены и нехотя ответил:

– Микорский погиб.

– На его глазах свалился, – стоящий неподалеку мужчина в каске с заляпанным номером на груди, прислушиваясь к разговору, повернулся к студентам, и добавил: – Хоть и не подарок был, пасынка упокоил, но все же человек. Мы все здесь человеки.

– Привезенцев над четырнадцатой бригадой стоял, – сказал Варкон. – Они восточный седьмой штрек разрабатывали. Старикан свалился. Старыч просто сбежал, наверняка запил и зарекся. Но потом вернулся. Правда, уже не к нам. В тринадцатый пошел. Все знают, что нет хуже площадки, чем тринадцатая, будь она не ладна, – невысокий бригадир покачал головой. – Мировой мужик, если бы спросили, кто имеет шанс нарваться на блуждающего и сдохнуть, я бы назвал пару сотен знакомцев, прежде чем добрался до Сторыча, но, видать, судьба...

Услышав звук падения, Грошев обернулся. Игрок сидел на земле и очумело тряс головой, правая рука неестественно вывернулась назад, почти касаясь каменной стены. Но испугало Макса не это в выражении лица Лехи, беспомощное и одновременно решительное. Как нельзя подходящее под фразу: «помирать – так с музыкой».

– Ты в норме? – спросил Грош протягивая руку.

– В ней самой, – Леха с усилием опустил вывернутую руку. – Чертов мертвец, – он ухватился за ладонь и поднялся. –

Я его не чувствую, – Макс заметил, что лоб друга покрылся испариной, – но он чувствует все. Здесь покойники, Грош, и немало, а призраки не могут...

– Пересекать границы чужих захоронений, – закончила Настя.

– Это все вопросы, которые вы хотели задать? – спросил второй автоматчик и посмотрел на Калеса пустыми, ничего не выражающими глазами. Макс узнал эту равнодушную пустоту, слишком долго она была его постоянно спутницей. Гвардеец не отвел взгляда.

– Тело Микорского подняли? – спросил Макс.

– Нет, – ответил Варкон. – Не стали возиться.

– Но как же так? Призрак! – воскликнула Настя.

– Не было призрака. А если и был, нам не показывался, – сказал заключенный.

– Надо на него посмотреть, – сказал Макс Тиру. – Пусть там мало что осталось, но надо.

Они спускались в штрек, темнота чередовалась со светом. Деревянные перекладки подрагивали под их шагами. Макс механически переставлял ноги, пытаясь избавиться от предчувствия, что назад они уже больше не поднимутся. Конечно, можно было еще там, в домике Маста, упереться рогом и никуда не ходить. Не принимать навязанные правила, что с высокой вероятностью закончилось бы пулей в голову. А так... Это отсрочка. Еще одна. Жизнь превратилась во взя-

тое взаёмы время. А он еще жаловался на монотонность учебы в Академии.

Грошев пытался представить, что бы он сделал на месте Раимова? Фантазия сбоила. Дальше кресла, каменного глобуса и девушки, подозрительно похожей на Лису, в кружевном наряде на коленях, дело не пошло. Ох, на фига такие мысли сейчас.

Спускавшаяся следом Настя едва не наступила ему на руку, и он стал двигаться быстрее. Первый вопрос: почему их не убили сразу? Грош посмотрел вниз на автоматчика, вспоминая, как появился Раимов, пока они выясняли отношения после сеанса связи с пятой шахтой. Имена прозвучали в эфире и были услышаны. Сколько вопросов вызовет их бесследное исчезновение с хутора? Много. Но если свидетели дружно расскажут, как они поперлись в десятую шахту в поисках призрака? Студенты- псионники всегда подрабатывают: кто-то из-за денег, кто-то, чтобы ощутить значимость силы, подвластной не всем. Они ушли туда сами. Автоматчиков запросто можно переименовать в охранников и... что? Что должно произойти?

Лестница кончилась, Грош спрыгнул с нижней ступени и едва не задел макушкой низкий потолок. Невысокий Варкон и Лиса могли стоять в полный рост, остальным пришлось согнуться.

– Куда? – спросила девушка.

Бригадир включил фонарь. Вперед, насколько хватало лу-

ча света, уходил технический штрек, по полу были проложены рельсы. Вдалеке все так же равномерно гудел невидимый генератор. Метров через сто пятьдесят коридор закончился выступающим над пропастью каменным языком, на котором рельсы описывали петлю. На краю стояло приспособление, больше всего напоминавшее Максу колодезный журавль, только вот воду здесь не доставали, скорее наоборот, скидывали отработанную породу вниз.

– Старый отвал, – пояснил Варкон. – Жила ушла в сторону, и мы вместе с ней, – он указал на приспособление. – Микорский в тот день на разгрузке стоял, – мужчина подошел к краю и направил луч фонаря на каске вниз.

То, что осталось от тела, разглядеть можно было с большим трудом, и то, применив толику воображения.

Грошев вспомнил слова Маста о темноте и холоде, о смерти, что показал ему призрак, о ее проекции в головы живых, пусть и бессмертной. Видение вписывалось в картину. Убивший пасынка Микорский свалился в отвал, но умереть мог не сразу. Внизу темно и холодно. Лиса ухватилась за руку брата и заглянула за край.

– Тот покойник? – спросил Тир. – Или ищем другого?

– Сейчас проверим, – Макс подобрал с пола каменный осколок породы и спросил у Игрока: – Ты как?

Друг неопределенно махнул рукой.

– А так?

Грошев размахнулся и запустил камень. Снаряд приглу-

шенно ударился в то, что осталось от тела, и скатился вниз. Лиса, Макс и Леха одновременно повернули головы влево. Стоило чему-то постороннему коснуться захоронения, как там за толщей земли и камня начала собираться энергия. Если потребуется, блуждающий будет защищать свои останки.

Грошев достал из кармана мешочек с золотом и качнул памятной вещью в воздухе, чувствуя, как энергия вернувшегося двигается вместе с ним.

– Леха?

– Что? Ничего не изменилось. Труп далеко, так что пока могу стоять и глядеть на камни.

– Это наш призрак, – сказал Макс, – но это не Микорский.

– С ума сошли? – возмутился Варкон. – Тир, если они такую бодягу кому из офицеров сольют, то с нас головы снимут. Микорский отбывал срок за убийство!

– Чей призрак ты утащила из бункера и привязала к Лехе? – спросил Макс у Насти.

– Сам знаешь, Лукин Ерофеиван, двадцать пять лет.

– А это, – он указал на гору тряпья, – по версии работников кайла и молотка, его убийца. Но призрак никак на него не реагирует.

– Связь убийца-жертва, – ответил Калес. – Призраки не люди и драку не устроят, но и находиться рядом не смогут. А если мы не оставим им выбора, то у нас от столкновения энергий волосы заискрятся. Это не Микорский.

– Тогда кто это? – охрипнув, спросил бригадир.

– Вы нашли здесь золото, – он показал мешочек, мужчина скривился и отвел глаза, но отрицать не стал. – Ты выпустила Лукина, и он две недели назад сжег человека, Привезенцева.

– Так нечестно, – девушка топнула ногой. – Мы не знали, понял? У него не было здесь раздражителей! Не было! Хватит меня обвинять! Мы специально выбрали того, чей убийца был уже мертв, – она перевела взгляд на кучу тряпья, которая не была Микорским, и вдруг зажала себе рот ладонью.

Макс смотрел на ее лицо, на заплывший глаз, не испытывая жалости. Сама затеяла, сама пусть и отвечает. Пусть не путает Гроша с Самарским.

– Для нападения призрака на Привезенцева не было ни одной объективной причины. Кроме одной, – он повернулся к Варкону. – Вы нашли золото, но один из ваших бригадиров исчезает, а когда возвращается добровольно, отказывается от хлебного места и переходит на тринадцатую площадку. У которой нет достоинств, кроме одного – дурной славы. Он уверен, что никто из вас по доброй воле туда работать не пойдет.

– Не опознает Привезенцева в лицо, – проговорил Игровов. – Он не вернулся ни на хутор, ни сюда. За прошедшие два года «мирового мужика» не видел никто из знакомых. Потому что он здесь, – студент указал на отвал. – Его призрак появлялся на хуторе, там он спрятал золото, а забрать не успел. Микорский, ставший Привезенцевым, этого не знал.

– Почему же он не уехал?

– С чужими документами, – Лисицын выразительно посмотрел на рубиново-красный кристалл на шее у бригадира, – далеко не убежишь. А вот жить там, где надсмотрщики мало чем отличаются от заключенных, вполне. Да и деньги лишними не бывают.

– И все было хорошо, пока мы не выпустили Лукина, – убито проговорила Настя.

– Очень познавательно, – подошел Тир. – Считайте экзамен на профессиональную пригодность вы сдали. Раз мертвяк найден, пора что-то с ним делать.

– Легко, – ответил Леха и, подойдя к краю обрыва, стал махать руками.

На вкус Макса, чересчур театрально. Вот и автоматчику тоже не понравилось. Молчаливый мужчина ударил его прикладом в бок, и парень упал на четвереньки, каким-то чудом не нырнув в обрыв.

– Три месяца назад, – проговорил автоматчик, – на могиле Пруста в Ворошках устанавливали привязку. После того, как он к бывшей жене зачастил, – мужчина посмотрел на Тира. – Я там таких фокусов не наблюдал, – и он еще раз ударил Игрока, на этот раз носком ботинка в скулу.

Грошев бросился на него, зная, что это бесполезно, что Игроков вытерпит удар, как выдерживал десятки до этого, но есть моменты, когда не думаешь, а просто делаешь. Этот был из таких. Макса ударили в спину, и он тоже оказался на земле, сдирая ладони о каменный пол.

– Как же вы меня достали, парни.

Грош поднял голову, над ним стоял Тир. Игрок уткнулся головой в пол, зажав лицо руками и безбожно матерясь.

– Вы не понимаете, чтобы привязать блуждающего нужно несколько пси-специалистов, – стала торопливо объяснять Настя.

– Четыре, если быть точным, – сказал тот, что пинал Игрокова.

– Слушайте, – Варкон попятился. – Я в ваши дела не лезу. Лежал покойник два года, пусть еще полежит, мы люди с пониманием, беспокоить не будет, – с каждым словом мужчина делал шаг назад, пока не оказался в штреке, пока не развернулся. И уже молча и, не придумывая никаких объяснений, побежал обратно.

Охранники не обратили на его уход никакого внимания, лучи фонарей на их шлемах скрестились на девушке.

– Четверо – это минимум, – пробормотала она, беспомощно оглядываясь на брата, который не был тем, за кого его принимали. Макс временно был лишен доступа к силе. Они даже не могли попытаться.

Привязать мертвого к живому легко. Человек – тоже источник энергии, который (хоть и бессознательно) будет питать связь. Но закрепить контакт хоть на камне, хоть на стуле, хоть на унитазе сложно. Вещь не знает, что должна удерживать невидимый поводок, по большей части это ей безразлично. Да и привязки бывают разными: одно дело – посадить

призрака на цепь, ограничив его передвижения радиусом вокруг предмета, и другое – запереть в пределах захоронения, будь это могила или куб узилища с пеплом. Это как разница между описанной и вписанной окружностями. Разные модификации, различные усилия. Но что-то подсказывало Максу, что читать лекцию по псионнике автоматчикам – не самая лучшая идея.

– Мы не можем, – констатировала Лиса и даже попыталась оправдаться, – это программа старших курсов.

Макс выругался сквозь зубы. Неправильный ответ, Лисицына.

Мужчина, стоявший над Лехой, развернулся и ударил девушку в живот. Гвардеец зарычал, но его порыв быстро угас под прицелом автомата.

– Господа студенты, объясняю один раз. Вы делаете свою работу или, – он в качестве иллюстрации ударил самого уязвимого из них.

Вернее, самую. Очередной пинок армейским ботинком, и Лиса с приглушенным криком упала.

– Шрам не принимает отказов, мальчики и девочки.

Еще один удар – и девушка попыталась отползти в сторону. Тир продолжал целиться в Калеса, второй автоматчик опять поднял ногу. В его глазах не отражалось ничего: ни удовольствия, ни злорадства, как и тогда в лесу, когда он целился в Грошева. Он выполнял свою работу и не более.

Макс был зол на Настю, и эта злость продолжала тлеть

внутри, так и не находя выхода. Обманщица, лгунья, воровка, лицемерка и притворщица из высокого рода. Видят боги, он подпишется под каждым словом, несмотря на ее оправдания. Слова никогда не могут затмить поступки. Но что он не чувствовал бы, он не смог бы стоять вот так и пинать девушку. Не настолько он «крут». Или испорчен. Говорят, щепетильность с возрастом проходит, может быть, так и будет, но не сейчас.

Он поймал полный боли и обиды взгляд Насти. Она не сталкивалась ни с чем серьезней родительской выволочки. Вряд ли на нее поднимали руку. Она еще не перешагнула порог детства. Они все не перешагнули.

– Режь! – прошептал он, глядя в карие глаза. – Хоть раз послушай меня. Режь контакт! – закричал он.

За секунду до того, как мысок ботинка ударил ее под ребра, девушка провела двумя пальцами горизонтальную линию. Не видимую никому, но так ярко пахнущую гвоздикой.

– Нет, – с разочарованием простонал Калес.

Мужчина пнул, девушка упала, всхлипывая. А солдат закатил глаза, автомат выпал из рук и повис на ремне, ударяясь о бедро. По телу прошла конвульсивная дрожь. Мужчина захрипел, будто в горле у него что-то застряло, что-то, мешающее сделать вдох. Глаза быстро наполнялись кровью, заливая зрачок, пока он не лопнул, пока алая жидкость не перелилась через нижние веки и не закапала на щеки.

Мужчина не мог даже закричать. Они все не могли. Все, в

чей разум проникала чужая смерть. Автоматчик вздрогнул раз, второй, под ударами невидимого врубающегося в плоть топора его повело в сторону. Так погиб Лукин, так теперь погибают его враги.

Макс оттолкнулся от земли и врезался корпусом в Тира. Автоматная очередь, пройдя в сантиметре от головы гвардейца, вспорола грудь того, чей разум был по сути уже мертв.

Грошев развернулся, ударом ноги подсекая охранника. Мужчина упал, рефлекторно посылая очередь в потолок. Пули выбили из камня мелкую крошку. Калес подскочил к мужчине и, вырвав автомат, наотмашь съездил прикладом по лицу, отправляя солдата в нокаут.

Призрак схлынул, энергия атаки, истончаясь, уносила с собой запах гнилья. Блуждающий получил свободу и ушел. Призрак, не терпящий на своем пути только одного – мужчин, поднимающих руку на женщин.

Игроков сел, скула кровоточила. Настя продолжала всхлипывать на полу.

– У меня такое чувство, что кишки поменялись местами с сердцем и легкими, – проговорил Леха. – Каждый встречный так и норовит ударить, – он встал на колено и стащил с мертвого солдата автомат, залитый кровью ремень цеплялся за шею.

Калес помог сестре встать, слезы текли из карих глаз, размывая коричневую грязь.

– И что теперь? – спросил, поднимаясь, Леха, дуло авто-

мата как бы невзначай нацелилось на Лисицына.

– Предлагай, – ответил гвардеец, сжимая автомат.

Ничего не изменилось. У них снова было два автоматчика.

– Лучше я, – Макс посмотрел на парней. – Предлагаю выбираться, а потом уж дискутировать.

– Дураков нет, – Лисицын демонстративно закинул оружие за спину. – Разборки потом.

– Главное – в рукопашную не ввязывайся. Ты в ней не силен, – не удержался от издевки Леха.

– Я это запомню, – кивнул Лисицын.

– Молодцы, – Макс сдернул каску с фонарем с бессознательного Тира. – А теперь советую поторопиться. У меня такое чувство, что времени остается все меньше и меньше.

Грошев карабкался по лестнице, мысленно отсчитывая горизонтальные шахты. Первая, вторая, третья.

– Мы куда-то бежим? – спросил поднимающийся следом Леха. – Или от кого-то?

Четвертая, пятая.

Макс промолчал. Ответа у него не было. Внятного, обоснованного на фактах ответа, только предчувствие, холодом разливающееся по телу, ощущение на грани возможного. Время не просто шло, оно несло, сломя голову. Так бывает, когда бежишь и знаешь, что безнадежно опаздываешь.

Шестая, седьмая. Пустые и темные коридоры.

– Где рабочие? – спросил Грош, невольно останавливаясь. – Где бригадиры? Охранники? Шахтеры?

– И генератор стих, – раздался голос Насти. – Вы заметили, гула больше не слышно?

По глазам скользнул направленный снизу луч фонаря. Лиса, не испытывая брезгливости, присвоила каску покойника.

– Леха, в каких случаях отключают генератор? – спросил Грош и заслонился света.

– Ты меня с шахтером не путай. Откуда мне знать, какие тут порядки?

– А у вас в поселке? – Макс полез дальше, ускоряя и ускоряя темп.

– По-разному. Когда газ кончается, когда уезжаем, когда планируют сход лавины, когда ведут взрывные работы. Эй!

Макс так неожиданно остановился, что Игроков врезался головой ему в ботинки.

– Взрывчатка, – пробормотал он. – Маркировка «единица» на ящиках и здесь, и в лагере, и у Маста. Это не номер! Это класс опасности!

– Взрывчатые вещества первого класса, – проговорил снизу Калес. – Если нет подкласса, следует исходить из максимальной опасности взрыва массой и радиуса разбрасывания.

– Если случится обвал, несколько любопытных студентов вполне могут согнуться в штреке, – Грош возобновил движение. – Особенно, если взрыв запланирован, а студенты проникли в шахту в обход правил.

– А как же Тир с напарником? – спросил Игроков. – Они вроде как не торопились возвращаться?

– Их могли и не ставить с известность, – ответил Лисицын. – Когда на кону не только деньги, но жизнь, сопутствующий ущерб в расчет не идет. Надо уметь расставлять приоритеты. Ради большего жертвуют меньшим.

– «Сопутствующий ущерб», – с отвращением пробормотал Игроков. – Тебе виднее. Тебе и твоей семейке. Нам бы о чем попроще подумать. Как не свернуть шею, например.

Десятая, одиннадцатая, двенадцатая. Грошев миновал очередной горизонтальный уровень и ударился каской о преграду. Фонарь замигал. От неожиданности Макс присел и, подняв руку, коснулся преграды. Колодец спуска перекрыли пластиной, металл неприятно охлаждал пальцы.

– Закрыто, – Грошев уперся в преграду, стараясь оттолкнуть, но тяжелый щит, скорее всего, чем-то зафиксировали. – Назад.

– Ищем другой путь, – сосредоточенное лицо Игрокова попало в круг света, и он спрыгнул в предыдущий горизонтальный коридор.

Подгонять никого не пришлось, нервозность и чувство опасности передалось от Макса остальным, они почти бежали по каменной кишке коридора. На вторую лестницу следующего вертикального штрека они наткнулись метров через пятьсот.

Им остался один уровень. Всего один – и они окажутся

на одной линии с выходом. Тишину нарушали лишь удары ботинок по перекладинам и шумное дыхание.

– Черт, – Леха притормозил.

– Что? – спросила Настя.

– Выхода нет. Блин, – парень продолжил движение. – Придется подниматься выше.

Подъем закончился через пять метров, и Грош оказался в широком коридоре.

– Где мы? – спросил Калес.

– Без понятия, – ответил Игроков. – Порода здесь светлее, значит близко к поверхности.

– Тогда ищем выход, – Грошев пошел первым.

– А если не найдем? – Настя догнала его и схватила за руку.

– Значит, не найдем, – не стал успокаивать ее Макс.

– Тихо! – прошептал Игроков, поднимая руку. – Слышите?

Поначалу Грош не понял, о чем тот говорит, он слышал только свое дыхание и едва уловимый шорох одежды, когда Лиса переминалась с ноги на ногу. Он уже был готов отрыть рот и спросить, в чем дело, когда слуха коснулось какое-то бормотание или ворчание. Отзвуки далекого разговора.

Леха сделал знак погасить фонари. Через сотню шагов тьма превратилась в серый полумрак, а потом преобразовалась в мигающие тени. Широкий коридор пересекался с более узким, под потолком которого горели лампы аварийного

освещения. И не просто горели, а мигали с равной пугающей монотонностью.

– Сколько осталось? – спросил хриплый голос, и Макс остановился.

– Семь минут, Шрам.

Грош нахмурился, он не знал ни одного человека, который мог так обращаться к Раимову.

– Семь минут. Я успею.

Леха выглянул в освещенный коридор и спустя минуту подал гвардейцу знак. Калес одним прыжком пересек перекресток и присел с другой стороны, приподнимая автомат. Послышались шаги, мигающий красноватый свет ложился на лица, делая их похожими на маски. Тилиф шел, не оглядываясь, джинсы и толстовку сменила камуфляжная форма и армейские ботинки. На поясе чернела кобура с оружием.

Как только мужчина миновал перекресток, Игрок зашел ему за спину и упер ствол автомата между лопаток.

– Где выход?

Шрам даже не вздрогнул.

– Там, – он поднял руку, указав туда, где продолжали мигать лампы. – И вам лучше поторопиться.

Грохнул выстрел. Именно грохнул так, что заложило уши. Гвардеец вскинул автомат и послал очередь в ту сторону, откуда пришел Раимов. Но появившаяся там фигура в пятнистом камуфляже уже скрылась за поворотом.

– Что ж друг такой неосторожный. Мог бы вас задеть, –

проговорил Калес.

– Но не задел же, – в голосе Тилифа слышалась ленивая насмешка.

– На выход, – Игрок толкнул Шрама в спину, и тот пошел вперед, за ним – Настя и постоянно оглядывающийся Макс.

Гвардеец отступал, спиной держа коридор под прицелом. Штрек изогнулся, и они пошли быстрее. Почти побежали. Грошев почувствовал на лице дуновение прохладного ветра, хотя вокруг все так же был камень.

Грохот, пришедший откуда-то сверху, прокатился по пустым тоннелям. Задрожал пол, потолок, стены. Шрам выругался, Настя закричала, Лисицын отбросил за спину автомат и побежал. Все они побежали. Настя, Тилиф, Игрок и Макс. Бок о бок, забыв обо всем, словно животные, спасающиеся от стихийного бедствия. Сейчас не имело значения, у кого оружие, кто хозяин, а кто пленный.

Пол подпрыгнул, и Грош, споткнувшись, кувырком полетел на землю, уже не понимая, где верх, где низ. Камень размером с кулак упал рядом с ладонью и раскололся на несколько частей. Макс отстраненно удивился тому, что все случилось так быстро. Он же слышал, что у них еще было семь минут. Целых семь. А прошло едва ли три.

Последним, что он увидел, были это убегающие под градом камней силуэты. Все, кроме одного, пятнистого, который, вопреки логике, бросился в противоположную сторону. Но это уже могло быть частью бреда.

Мир дрожал так, словно кто-то взял планету в руки и потряс, словно погремушкой, а потом засветил Максиму в лоб.

Урок пятнадцатый – Физика

Тема: «Оптические иллюзии»

В голове гудело. Волнами накатывала гнилая вонь блуждающего. Макс отстраненно подумал, что сейчас вернутся звуки, и он услышит тягучее: «Убииилии!». На мгновение ему показалось, что он все еще там, в доме художника, а все, что случилось после, всего лишь является частью кошмарного сна. И ему еще только предстоит встать, найти выход и бежать от преследователей через весь Некропольский.

Он поднял руку, пальцы наткнулись на холодный пластик каски, что несколько выбивалось из представленной картинки. Разбитое стекло налобного фонаря треснуло и оцарапало кожу. Грош разом все вспомнил и тут же об этом пожалел.

– Если б я знал, сколько будет проблем, никогда не подошел бы на улице к тощему пацану, почувствовавшему моих призраков, – раздался ленивый голос, – и не сдерживал бы сейчас желание отправить тебя с ними на свидание.

– И что остановило? – без особых эмоций спросил Грошев, приподнимая голову. От неудобного положения затекла шея.

– Не люблю бессмысленные поступки.

Парень щелкнул выключателем, но фонарь не отреагировал, значит, разбито не только стекло, но и лампа. Сидящий напротив Шрам шевельнулся. Часы на запястье мужчины

мягко светились нанесенным на стрелки и ободок фосфорным покрытием. Начало шестого.

– Ты прекрасно умрешь и без моей помощи.

Макс приподнялся. Скотившись с одежды, по полу мягко застучали камешки. В левом колене поселилась тюкающая боль, но руки и ноги двигались – уже хорошо. Вот только голова продолжала трещать, словно с похмелья.

– Леха! Настя! – позвал он, садясь.

– Здесь никого кроме нас, Малой, – ответил Тилиф.

– Они выскочили?

Глаза начали привыкать к темноте, и он уловил, как сидящий напротив мужчина пожал плечами. Вопрос был действительно глупый. Так это или иначе? Ни он, ни Шрам знать не могли. Макс попытался встать. Расколотая каска чиркнула по нависающему камню, от удара боль сместилась от затылка к вискам.

– Нам оставили не очень много места, – Шрам чуть шевельнулся.

– Оставили? Кто?

– Горы. Они не любят тех, кто лезет в их нутро.

– Ого, философия? Или бред?

– Хрен знает, Малой.

Макс коснулся пальцами стены, неровного потолка. Пульсация переползла от висков к глазам, думать о чем-либо не хотелось.

– Давай правее, но голову не поднимай, ага, вот так. На

девять часов от тебя у самого пола есть лаз. Или дыра. Узкая, но можешь попытаться счастья.

Грошев вытянул руки и демонстративно повернулся в другую сторону.

– Упрямец, – Раимов рассмеялся.

Парень задел ботинком его ноги, и смех прервался. Полость, которая спасла им жизнь, оказалось размером не больше его комнаты в лагере, но сильно ниже по высоте. Камень был местами иззубрен, иногда сглажен, стены смыкались над головой, превращая каменный мешок в ловушку. Макс дошел до лаза и, присев, пробежался пальцами, очерчивая контур.

– Почему сами не попробовали?

– Боюсь, все мои пробы позади, Малой. Сломанная нога не располагает к экспериментам.

– Я должен посочувствовать?

– Достаточно просто помолчать.

– Обычно меня просят о противоположном.

Камни упали неравномерно, образовав чуть уходящий под углом лаз. Он и в самом деле был узкий. Макс склонился к самому полу, в лицо дохнуло старой вонью давно немытого тела. Знакомой вонью.

– К вам компания, – пробормотал он.

– Мешает? – спросил Раимов.

– Отвлекает.

– Она и при жизни была такой «отвлекающей», – фыркнул

Шрам.

Макс сунул руку в лаз, который в любой момент из хода в неизвестность мог превратиться в костедробилку. Окружающая темнота давила сильнее, чем стены. Парень на пробу толкнул камни завала и быстро вытащил руку. Крайний кругляш величиной с кулак откатился в сторону, но и только.

Грош прислонился лбом к прохладной стене, на минуточку показалось, что тюканье прекратилось. Во рту ощущался вкус тухлых яиц. Он облизал пересохшие губы. Он мог или просто сидеть вот так, или поболтать со Шрамом. Сколько они выдержат? Час? Сутки? Двое? Как это будет? Они просто заснут и не проснутся? Или перегрызут друг другу глотки?

Пожалуй, он не хотел это знать. Лаз узкий, как крысиная нора, но другого выхода отсюда не было. Что лучше? Умереть от обезвоживания? Или быть раздавленным толщей породы? Вариант со спасателями он даже не рассматривал, чтобы откопать их потребуется время, если они вообще будут что-то откапывать. А может проще сразу разбить голову о камни?

Куда-то не туда его занесло. Можно сделать все гораздо проще, у Шрама должен быть пистолет.

Он открыл глаза и встряхнулся, как мокрый пес. Это все головная боль и усталость. Не только физическая. Знал бы, чем все обернется, сидел бы в лагере, а еще лучше – в Заславле в главном корпусе Академии. В следующий раз он ни

за что не пойдет на сделку.

Перед глазами промелькнуло воспоминание... Низкорослый Галунов, переминающийся с ноги на ногу на пороге его спальни. Он вспомнил просьбу, подкрепленную небольшой взяткой. От него всего-то и требовалось завалить один зачет и сдать другой. На общий балл это никак не повлияло, лишь на специфику распределения. Галунов остался, а Грошев уехал. Это такие как Лисицына и Самарский имели право выбора, а такие как Глазунов и Грошев, идущие в списке друг под другом, вынуждены придумывать. Раньше Максиму было все равно. Да и ему и сейчас все равно. Дело не в распределении, дело в событиях, последовавших за ним, дело в людях и в поступках.

Грошев оттолкнулся от стены и стал застегивать манжеты, ткань хоть как-то защитит руки от порезов.

– Никак решил попробовать себя в качестве лазоходца?

Не отвечая, Макс стянул ремень, чтобы не цеплять лишний раз камни.

Трудно принять решение, но стоит оставить выбор позади, как становится легче. Человеку нужна цель. Все просто: либо он умрет, пытаясь, либо умрет, не пытаясь.

– Зачем все это? – спросил он, заглядывая в дыру. – Вы взорвали шахту для того чтобы угробить четверку студентов? Боги, это было бы смешно, пусть так. Но вы сами попались! Вы! Ваш дружок инициировал взрыв раньше времени. Ведь это он? Больше некому. Завалило всех. Что за клуб са-

моубийц?

– Ого! Сколько слов, сколько вопросов, – слышался шорох. Раимов осторожно передвинул раненую ногу. – Пожалуй, промолчу. Это только в фильмах злодеи любят поболтать на прощание.

– Ну и оставайтесь тут с вашим секретом, – Грошев лег на землю и под смех Раимова стал протискиваться в лаз.

Макс цеплялся пальцами за выступы и подтягивал тело вперед. Парень представлял себя в виде червяка, изгибающегося в темной норе. Камни скребли по плечам, раздирая одежду. Он влез по грудь, потом по ягодицы, бедра, колени и, наконец, ботинки.

На Грошева накатило острое чувство клаустрофобии. Он остановился, пытаясь унять участившееся дыхание. Только не паниковать, хотя это единственное, чего ему по-настоящему хотелось. Орать и дергаться, делать хоть что-нибудь.

– Ты там умер или решил поспать? – спросил Шрам. Его голос прозвучал ближе, словно он заглянул в дыру.

– Я буду звать вас Шрамом. Тебя, – неожиданно для самого себя сказал Макс и, пошевелив ступнями, возобновил движение.

– Продолжай в том же духе, и я пристрелю тебя прямо сейчас, Малой, благо промахнуться невозможно.

– Именно так и буду.

Грош пополз дальше, не собираясь признаваться даже себе, что голос Раимова, заданный с издевкой вопрос погасил

вцепившуюся в него панику. Так действует стакан воды в летний зной. Воспоминание о воде побудило жажду, в горле пересохло, в то время как на лбу выступила испарина.

– Если я для тебя Малой, ты для меня – Шрам.

– Молодежь совсем оборзела.

– Откуда он у вас? Шрам?

Макс сделал очередной рывок, и руки вдруг по локоть провалились в пустоту. Пол, казавшийся парню едва ли не монолитным, распался на мелкие камушки. Макс никогда еще не слышал ничего оглушительнее этого шороха в темноте, этого монотонного перестука, звука падения в неизвестность.

Пол под грудью исчез, секунду он еще пытался за что-то зацепиться. А потом упал с отчаянным тонким криком.

В животе словно образовалась дыра страха. Бесконечный миг падения и удар. Он упал в воду плашмя. В ледяную, по жесткости не уступающую каменной плите. Крик как отрезало, воздух вышел из легких. Сердце просто остановилось. Замерло не в состоянии ударить вновь. Он даже успел подумать, что это все... И самым удивительным было то, что мысль не принесла ни неприятия, ни отторжения – только облегчение.

Ноги коснулись дна. И сердце забилось вновь. Первый удар неровный и какой-то отчаянный, второй – судорожный и рваный, а остальные – быстрые и ритмичные, наскакивающие друг на друга. Макс хлебнул воды, закашлялся, рванул-

ся вверх, отталкиваясь от дна, и... обнаружил, что вполне может стоять. Ледяное море, как ему показалось с перепуга, плескалось на уровне груди.

Он выдохнул, и его тут же вырвало. Одно хорошо, что жажда его больше не беспокоила. Он уцепился рукой за стену и на миг отрешился от происходящего. От головокружения, боли в теле и обжигающего нутро дыхания – от всего.

– Что, совсем плохой, чернорубашечник?

Макс дернулся, будто его ударили. Парня окатил такой холод, по сравнению с которым ледяная вода вокруг показалась парным молоком. Он медленно, словно у него одеревенела шея, повернул голову.

Он стоял там, у противоположной стены, именно такой, каким его запомнил Грошев. Высокий, но с годами приобретший грузность, с лысой головой (так похожей на яйцо) и выпуклым рядом складок на лбу. Темные, почти черные глаза смотрели как всегда с пренебрежением.

– Не ждал? Думал, убьешь и больше не увидишь? – в правой руке мужчины был зажат фонарь, который без всяких проблем горел под водой, посылая качающийся и расплывчатый луч света сквозь водяную муть.

– Я не убивал тебя, – хрипло ответил парень и едва слышным шепотом добавил, – отец.

Одетый в коричневую рубашку мужчина улыбнулся, демонстрируя щель между зубами.

Послышался нарастающий шум, так похожий на шорох

шин по асфальту, и под матерный аккомпанемент в воду рухнул Раимов. Макса окатило с головы до ног, а когда он проморгался, то отца на прежнем месте уже не было.

– Вы же... ты же не хотел лезть в узкий ход? – спросил Грош, глядя, как Тилиф отплеивается, кособоко прислонившись к стене и снимая вес с раненой ноги.

– Скажем так... кха-кха, – он встряхнул головой. – Пяти минут в одиночестве хватило, чтобы понять, что подышать в одиночестве у меня нет ни малейшего желания. Предпочитаю компанию. Тем более, что ты так предусмотрительно расширил ход, – он сплюнул и улыбнулся.

На Макса снова накатила застарелая вонь, хвост Шрама держался неподалеку.

– На что мы променяли нашу маленькую сухую пещерку. Н-да, не Импер-отель. И выхода по сложившейся традиции не предусмотрено? – он качнулся, и по лицу Шрама пробежала судорога боли.

– Нога? – спросил Грош, осматривая стены.

– Перелом без смещения. Был. Теперь я, кажется, заработал бонус, – Тилиф едва не упал, начав двигаться тяжелыми и рваными прыжками.

– Я спросил про шрам? – после минутного и сосредоточенного изучения темнеющего от плескающей влаги камня сказал Грошев.

Молчание действовало угнетающе. Порода здесь была более гладкой, чем в верхней пещере, пока он не видел ни тре-

щин, ни выбоин, ни дыр. Сюда бы Игрока, он бы сразу пояснил, чем им грозит такое изменение плотности. Макс был бы бесконечно рад видеть рядом друга и вместе с тем отчаянно надеялся, что тот выбрался.

– А я не ответил, Малой. Раньше ты не был столь толстокожим, – Раимов, осматривая противоположную часть пещеры, отдалился от Гроша.

– Он не в курсе, что ты туповат? – спросил Грошев-старший, поднимая фонарь.

Луч света ударил Максую по глазам, и парень заслонил рукой глаза. Вларон рассмеялся.

– Малой? – в голоса Шрама слышалась тревога, не озабоченность и беспокойство, а опасение. Так разговаривают с опасным психом.

– Призрак, – нашел в себе силы ответить парень, хотя каждая мышца, каждая связка, казалось, оледенела. – Просто очередной мертвец.

Чужой луч света скользнул по его лицу Тилифа, тот даже не моргнул. И это было неправильно. Мертвые могли брать и пользоваться предметами, могли касаться любой неживой материи, но при одном условии. Только после того, как они истратили энергию на материализацию и обзавелись условным телом. Но тогда Тилиф увидел бы мертвого. Его увидел бы любой. Тело есть тело, будь оно условным, как у призраков, или настоящим, как у людей. А фонарь? Ни разу Макс не слышал о том, что блуждающий сделал предмет невиди-

МЫМ.

Раимов отвернулся, продолжая, покачиваясь, двигаться вдоль стены.

– Я думал, блуждающие избегают псионников, – проговорил Шрам.

– Этот решил быть оригинальным, – Макс продолжил исследование стены.

– Вот оно как, – хмыкнул «призрак». – Уже не по чину с отцом поговорить, – вода обтекала Грошева-старшего, как реального человека. С пальцев срывались капли и с мягким «плим» падали вниз, полы рубашки намокли и колыхались.

– Опа, – Тилиф вдруг присел, погружаясь в воду с головой, но не успел парень решить, чего ему больше хочется: помочь или постоять в сторонке, как мужчина, покачиваясь, как человек, старающийся удержать равновесие на одной ноге, поднялся. – Уровень сложности повышается, Малой. Я нашел ход под водой.

– Слышишь, чернорубашечник, пора топиться! – призрак поаплодировал.

Макс с усилием оторвал взгляд от отца и посмотрел на Тилифа.

– Ход, – повторил тот, – неизвестной длины, неизвестно куда ведущий, но на этот раз широкий, если это тебя утешит.

– И как всегда выбора нет, – сказал парень.

– Что такое, Малой, неужели я слышу в твоём голосе страх?

– Еще бы, – хмыкнул Грошев-старший. – Кому хочется сдохнуть в подводной крысиной норе? И, вечно плавая, биться о камни.

Макс отвернулся.

– Понимаю, Малой, – с той же снисходительной интонацией сказал Шрам, – выбор у нас не очень богат.

Парень пошел вперед, разбрызгивая воду. Иллюзорный луч фонаря снова скользнул по его лицу.

– Давай, сынок! Покажи ему, кто здесь мужик! Покажи, как показал мне! Ну...

– Я тебя не убивал! – не выдержав, закричал Макс, на ходу разворачиваясь.

– Малой?

Тот, кто больше не существовал, начал смеяться.

– Что, Шрам? – парень закрыл глаза.

Грошев-старший хмыкал, хлопая себя по ляжкам, издавая резкие горловые звуки, так похожие на крики грачей. Это было скрежетание, лай, дребезжание, словно там (в горле) у него что-то отвалилось и теперь вибрировало, дрожало, не в силах издать нужный звук. Словно там было что-то сломано или перерезано.

– Что? – уже тише повторил парень.

– Да ничего. Ты выбрал не лучшее время, чтобы слететь с катушек, – изуродованное лицо Тилифа вдруг расплылось, теряя четкость, а потом «собралось» обратно.

– А что, для этого существует подходящее? – Макс, по

примеру Раимова, набрал в грудь воздуха и присел.

Да, там была дыра. Ее очертания были неразличимы в темноте, парень обвел ее контуры руками. Диаметр – около полутора метров.

– Встретимся на той стороне, чернорубашечник, – проговорил Грошев-старший, стоило ему вынырнуть. – Встретимся и выпьем, – луч фонаря метался по потолку.

– Сколько мы протянем здесь? – парень сморгнул влагу с глаз.

– Теперь, когда у нас есть вода? – Шрам изогнул бровь. – Несколько часов. Потом – переохлаждение. Не самая худшая смерть.

– Значит, часом раньше, часом позже, – кивнул Макс.

– Надумал сплавать в неизвестность?

– Ты повторяешься.

– Точно, но на этот раз уровень сложности возрастает. Слишком много неизвестных: длина хода, конечная точка. На сколько хватит дыхания? На минуту? Две? Три? Это как прыжок в пропасть, Малой.

– Предпочитаю не гадать, а пробовать, пока мои руки и ноги еще сгибаются. Можешь остаться здесь.

– Идем по второму кругу. С предсказуемым результатом, – Раимов посмотрел на дыру, которая был где-то там, под водой. – Я буду сразу за тобой, Малой.

– И я, чернорубашечник, – Вларон оборвал смех. – Как и положено отцу. Я отучу тебя бояться темноты, я отучу...

Макс набрал в легкие воздуха и ринулся во тьму. Она была предпочтительнее мертвого голоса, предпочтительнее воспоминаний, которые он пробуждал к жизни.

Этот тоннель, в отличие от предыдущего, не был сложен из рухнувших друг на друга камней, не был частью завала. Он образовался в породе давно. Вода и время успели сгладить края. Грош ничего не видел, даже очертаний. Один гребок в крошечной тьме следовал за другим. Было тихо, словно в бутылке, наполненной водой, бутылке, у которой нет дна. В какой-то момент он заметил, что его движения начинают ускоряться, в груди медленно нарастала боль. А тоннель все продолжался и продолжался.

«Встретимся на той стороне», – вспомнились Максуслова отца... или не совсем отца. Где она, «та» сторона?

Еще один сильный гребок. Боль превратилась в жжение. Макс ускорился. Все, что угодно, за один глоток воздуха, за малую толику. Движения парня стали напоминать судорожные беспорядочные рывки. Нога задела камень и икру светло судорогой. Он крутанулся, стараясь достать пальцами до горевшей огнем мышцы. И в этот момент почувствовал, что всплывает. Понял, что потолка больше нет, а тьма над головой превратилась в серую муть.

Макс отчаянным усилием, не обращая внимания, что голень превратилась в объятый пламенем обрубок, рванулся вверх. Усилие на грани возможного, несколько ударов сердца, когда ему казалось, что он стоит на месте. Парень не вы-

нырнул, а вырвался в показавшийся еще более ледяным, чем вода, воздух. Первый вдох стал первым криком.

– Будь оно все проклято! – рывкнул он, а когда смог вдохнуть второй раз, простонал: – Боги.

Парень взобрался на плоский, выступающий из воды камень и вцепился пальцами в перекрученную мышцу, изо всех сил натягивая носок на себя. Судорога стала медленно отступать, оставляя после себя тупую боль. Макс положил голову на камень. Очертания неровного потолка на секунду потеряли четкость. Грош заморгал – картинка вернулась. Как и темнота. Раньше он не думал что у мрака столько оттенков: от черно-пепельного до непроницаемо-агатowego, казавшегося дырами в пространстве.

Послышались всплеск и утробный (почти звериный) рык. Рядом, окатив парня брызгами, лег Раимов вместе с тянущейся за ним потусторонней вонью. Несколько минут в темноте раздавалось лишь хриплое дыхание.

– Мы живы, – констатировал Тилиф и тут же поинтересовался: – Где мы?

Макс приподнялся, в первый момент из-за головокружения не смог ничего разобрать. Перед ними был поднимающийся чуть под углом квадратный коридор, и это никак не могло быть творением природы, к нему явно приложил руку человек.

– На этот раз нам повезло больше, – Макс поднялся. – Во всяком случае, очень надеюсь.

– Зря, – припечатал стоящий у стены отец, поднимая фонарь и освещая себе нижнюю часть лица.

Макс, слегка пошатываясь, встал. Тилиф, матерясь, стараясь не опираться на сломанную ногу, захромал следом. Грошев не предлагал помощь, Раимов не просил ее. Через сотню метров они оказались в полностью сухом штреке, по толку которого шла линия ламп, таких же мертвых, как и все вокруг.

Макс шел первым, как и несколько часов назад, только в другой компании. И тогда картинка перед глазами не рябила, иногда расплываясь, словно изображение в старом телевизоре со сломанной антенной. Горечь подступала к горлу.

– Держи правее, Малой. Если я не ошибаюсь, тут должна быть... да, точно.

Грошев первым свернул за угол и наткнулся на приоткрытую дверь, слишком неуместную для каменных стен. Но удивление парня было каким-то вялым и безэмоциональным. Он ухватился за ручку, мир вокруг снова смазался. Макс согнулся, и его вырвало.

– У тебя сотрясение, Малой, – проинформировал его спутник. – Дальше будет только хуже.

– Спасибо, доктор Шрам, – Макс вытер рукавом рот.

– Обращайся, – Раимов двигался рваными прыжками, держась рукой за стену, в темноте его лицо походило на серую маску.

Мужчина скрылся в комнате, и через секунду уже насто-

ящий луч света ударил выпрямившегося парня по глазам.

– Караулка для охранников. Мы в секторе десять-четыре-надцать, – круг света уперся в стену, на которой желтела облупившаяся надпись из четырех цифр.

– И где сами охранники? Рабочие? Бригадиры? – Грош зашел в комнату, глаза слезились от показавшегося нестерпимым света.

– Площадки с десятой по четырнадцатую выработаны, – Тилиф передал парню фонарь на длинной ручке. – Взрыв должен был расчистить новое поле для деятельности.

– И засыпать старое?

– Может, лишь отчасти. Скорее всего, никого не интересовало, что с ним будет.

– Да? Отчего же не все вынесли? – он потряс фонарем и направил его на стол и пару стульев.

– Не путай меня со здешним завхозом.

Шрам поднял один из стульев и со всего маха ударил об обшитую деревом стену. Сиденье отлетело, в руках у мужчины осталась спинка, соединенная с парой ножек. Раимов поставил конструкцию и оперся. Своеобразный костыль был мелковат, но лучше, чем ничего.

– Лучше порадуйся, Малой, – усмехнулся мужчина.

– Я рад.

– Сейчас твоя радость возрастет многократно. Я лично знаю ход на поверхность из этого сектора. С тринадцатой площадки.

– Пожарный выход?

– Скорее, черный, – Шрам дернулся и спросил. – Ты слышал?

– Что?

– Звук удара. Вот, сейчас снова.

– Я не слышал, а ты? – раздался голос из угла, и два луча фонаря (настоящий и иллюзорный) встретились посередине.

Грошев-старший в потемневшей от влаги одежде стоял у стены, чуть ссутулившись, его широкая бычья шея отливала краснотой, словно он уже успел принять на грудь.

Тилиф прохромал к двери, используя спинку стула в качестве подпорки. Прислонившись плечом к косяку, он приказал:

– Посвети, – и достал из-за пояса пистолет.

Макс поднял фонарь, в каменном коридоре никого не было. Шрам выругался и убрал оружие обратно, нахождение под водой не пошло ему на пользу. Парень потянулся туда всеми чувствами. Картина запахов смазалась, но блуждающего он узнал. Раздался хлопок, который слышат лишь такие, как он. Энергия скакнула, перейдя на новый уровень, блуждающий появился в мире людей, обретая временное тело. Странно, но с отцом он такого не чувствовал.

Раимов выругался снова, но на этот раз его голос был глух, и в нем было все, что угодно, кроме злости. Парень выглянул из караулки. Девушка в белом платье перебирала босым ногами в коридоре.

– Смотри, какая лялька, – присвистнул Грошев-старший.

– Она не атакует, – проговорил Макс, к горлу снов подступила тошнота, и он громко сглотнул. – Она знает, что ее вид причиняет тебе большую боль, чем атака. Хвост старый, но ты не отрезаешь его, как остальные. Почему?

– Ты наблюдателен, Малой. Иногда даже себе во вред. Ты, кажется, спрашивал про шрам?

– Его девка так приласкала? – процедил Вларон, он бы точно не позволил бабе поднять на себя руку.

– Это она вас пометила? – перефразировал вопрос Макс.

– Спятил? Это я в детстве у бабки в деревне на цапку налетел.

– Но все думали...

– Все думали то, что я им позволял. Драка с корпусом звучит весомее, чем садовая тяпка.

– А девушка?

– Девушка мертва, как ты, наверное, заметил, – призрак посмотрел прямо на Гроша и отступил назад во тьму, мужчина подхватил изувеченный стул и вышел в коридор. – Идем, надо искать выход.

Макса вырвало. Тилиф счел это положительным ответом.

До тринадцатой площадки дошли минут за пятнадцать, если судить по светящимся стрелкам на часах Шрама. Пятнадцать минут головокружения, размытых контуров стен, лучей фонаря и мерного перестука самодельного костыля.

Несчастливая тринадцатая шахта на вид ничем не отличалась от шестой. Вытянутый зал с вырубленными, уходящими вниз колодцами на этот раз без оборудования. Обычные дыры, в которые так просто провалиться в темноте.

– Крайняя правая выработка, – указал рукой Тилиф. – Один уровень вниз, ход уходит влево, но почти сразу раздваивается. Нужен правый, по нему около тысячи метров до решетки слива, и... – мужчина нахмурился и повернулся вправо.

Макс машинально направил туда фонарь. В круг света попала все та же (успевшая надоесть) коричневая порода.

– Крысиная нора для крыс, – раздался голос Вларона за спиной.

– Да пошла ты! – рявкнул Шрам, продолжая смотреть на стену.

И все бы ничего, но Макс ощущал хвост Раимова чуть позади. Призрак все еще был в квадратном туннеле, не рискуя приближаться.

– Полезли, сынок, – Вларон хлопнул парня по плечу. – Сдохнем вместе! Надо только мать твою захватить, ну ничего я потом за ней схожу.

Грош развернулся, даже не задумываясь о том, что делает, едва осознавая, как сила собирается на кончиках пальцев, оставляя после себя резкий запах озона.

Модификация «игла» чрезвычайно опасна для всех блуждающих. При помощи нее уничтожают призраков, энергия

проникает к сути вернувшихся, к тому, что осталось от их личности, и разрушает ее. Стереть призрака в одиночку можно, но это сравнимо с толканием цистерны. С места, может, и сдвинешь, но надорвешься от усилия. Всем псионникам, совершившим такое, пришлось отлеживаться в больнице с истощением. Призраков уничтожают целой командой стира-телей, палачей мертвых душ.

Но сейчас Макса это не заботило. Картинка в очередной раз потеряла четкость и накренилась. Псионник ударил иглой энергии. Раздался сдавленный женский крик. Сила прошла сквозь призрака, не причинив ни малейшего вреда, и рассеялась в пространстве. Следующим, что увидел парень, был выщербленный каменный пол. Грош упал под аккомпанемент веселого смеха отца и ударился коленями.

– Заткнись! – прохрипел Раимов.

Парень с усилием приподнял голову. Тилиф целился из бесполезного пистолета в стену.

– Думаешь, я поверю в эту чушь? – процедил Шрам.

Макс стал подниматься. Призрак девушки сидел на полу в противоположном конце выработки и с ненавистью смотрел на него. Не на Тилифа. Все правильно: он псионник, только что применивший смертельную для блуждающих модификацию. Пусть ему все равно не хватило бы силы для полноценного стирания, но вернувшуюся волновал сам факт. Если угрожаешь кому-то ножом, мало кто из жертв возьмется измерять длину лезвия.

Шрам нажал на курок. Пистолет впустую щелкнул бойком. Грошев-старший продолжал смеяться. И смотрящий в этот момент на мертвую девушку Макс понял, что не только Раимов, но и она не видят отца. Так же как и он не видит того, в кого стрелял мужчина.

Грош оттолкнулся от земли и встал, высокий парень который казалось не в силах совладать с конечностями. Он собрал очередную порцию силы и швырнул в отца, даже не стараясь придать ей хоть какую-то форму. Просто кусок энергии. В данном случае полностью бесполезный.

– Тварь!

Макс обернулся, Тилиф сжимал руками невидимую шею, пистолет валялся на полу рядом, как и спинка стула. Вларон все еще смеялся. Девушка все еще сидела на камнях, а они с Раимовым все еще разыгрывали идиотов по борьбе с невидимыми сущностями.

– Тилиф, – позвал парень, но получился едва слышный сип. – Шрам, – повторил он громче: – Их нет.

– Не сейчас, Малой.

– Их нет, – повторил Макс. – Ни моего отца, ни того, кого ты пытаешься задушить. Это не призраки.

– А кто? – рявкнул Шрам, не опуская рук.

– Глюк.

– Глюк? Чей?

– Наш, – Грош поднял руку и резко опустил.

Пальцы прошли сквозь переставшего смеяться отца. С

призраком такое бы не прошло, материализуясь, блуждающий обретает временное тело, и оно отнюдь не эфемерно. Не говоря уже о том, что при столкновении живых и мертвых всегда следует взрыв, так что придушить того, кто брызнул бы во все стороны слезью, крайне проблематично.

– Здесь никого нет. Только ты и я. И эта призрачная девочка, которую в кои-то веки умудрились напугать люди. Все у нас здесь, – оно поднес палец к виску.

Раимову потребовалось несколько секунд, чтобы понять. Он не стал спорить, задавать лишние вопросы или совершать ненужные телодвижения. Мужчина опустил сжимающие воздух руки.

– Черт, – он обернулся. – Это газ, Малой. Отравление.

– Газ?

– Где-то в забое нарушена вентиляция. Газ поступает в штрек. И утечка не очень сильная, раз мы живы.

– Уверены?

– Нет. Но в это поверить проще, чем в заразное сумасшествие, – Шрам опустил на пол, не спуская глаз со своего видения.

Грошев посмотрел на Вларона, тот, набычившись, стоял напротив. Вся его поза, весь его вид был отражением его собственного представления об отце. Того, что сохранила память. Возможно, эти воспоминания были справедливы, но все рано однобоки. Ведь было же в нем что-то хорошее. Очень давно он учил Макса ездить на велике. Или когда они

проводили выходные в гараже, лежа под автомобилем. Тогда мир грязных механизмов, инструментов и терпеливых пояснений отца казался парню заворачивающим. Сейчас все это вспоминалось как сон или бред.

– Откуда идет газ?

– Хрен знает, Малой. Откуда-то снизу.

– А нам надо спуститься?

– Верно.

– Есть шанс, что на самом деле мы лежим сейчас где-то в воде и пускаем пузыри? – Макс снова качнулся, но удержал равновесие.

– И очень большой, – ответил Раимов. – Что ты видишь, Максим? – впервые со дня знакомства мужчина назвал его по имени, это ли не признак прогрессирующего бреда.

– Отца. А ты?

– Мать, – мужчина рассмеялся. – Интересный выверт, если учесть, что она сбежала с каким-то придурком в столицу, сбросив меня на руки бабке сразу после рождения. А вернуться запоматовала, – он посмотрел на парня. – Скучаешь по отцу?

Грош едва не спросил по которому: по тому, что учил его вырезать фигурки из дерева и подарил первый перочинный нож, или по тому, что выпивал за ужином пару рюмок, а потом манил его пальцем и хватал за ухо, называя чернорубашечником, хотя до того, как он первые наденет форму, пройдет еще немало лет.

Это все газ, он провоцирует образы и видения, он воскрешает не только мертвецов, но и чувства. Парень потряс головой и тут же склонился, картинка расплылась, его начали сотрясать спазмы, но выходить давно уже было нечему.

– Держи, – Тилиф дождался, пока парень смог восстановить дыхание, и протянул ему сложенный вчетверо листок бумаги. Макс протянул руку и промахнулся на добрый десяток сантиметров. – Фоторобот одного из тех, кто убил твоего бату. Я долго размышлял: отдавать или нет.

– Одного из?

– Ты не в курсе? По версии корпуса Траворота, преступников в черных рубашках было двое, – парень снова протянул руку, но на этот раз Шрам, словно в насмешку, убрал листок сам. – Дай слово, что согласишься, когда выберемся. Если выберемся.

– Даю, – быстро сказал Грош, хватывая бумагу и тут же разворачивая ее и направляя на черно-белый рисунок фонарь.

– Ну, Малой, – скривился Тилиф.

Макс посмотрел на стилизованное, лишенное индивидуальности изображение.

– Вот оно как, – проговорил заглядывающий через плечо отец.

Парень смял листок и отбросил. Лицо было вполне узнаваемо. «Один из». О личности второго Грошев уже начал догадываться.

– Твое лицо тоже печатали на таких, – неожиданно произнесла мертвая девушка.

Многие думают, что блуждающие не способны ни на что, кроме ненависти. И они правы. Но если уж их материя может сформировать руку, чтобы взять в нее нож, то почему бы не сотворить подобие гортани, чтобы издавать звуки. Другое дело, что обычно им нечего сказать. Во что бы не перерождались души после смерти, в них оставалось слишком мало от человека. Разве что память.

– Было дело, – Тилиф повернулся к девушке.

– Ты сидел? – удивился Грош, он почему-то считал Раимова неуловимым для корпуса.

– Нет. Она забрала заявление, – он прикрыл глаза. – До сих пор не знаю причины.

– Что ты сделал?

– А ты догадайся, – лицо Тилифа застыло. – Ты же умный парень, Малой, что мог сделать двадцатилетний бугай, мнящий себя пупом Вселенной, с задавакой, давшей ему от ворот поворот? С красивой задавакой.

Макс скрипнул зубами.

– Заткнись, – вяло огрызнулся Шрам на стену. – Я, может, урод еще тот, но ее не убивал. Она умерла спустя пару лет.

– Умерла? От болезни? – спросил Макс.

– От веревки на шее, – мужчина дернул плечом и снова рывкнул в пустоту: – Хватит! – и, отвернувшись, добавил: – С призраками проще, их можно обуздать, а это... – он махнул

рукой. – Чтобы избавиться от глюков, надо отпилить голову.

– Хорошая идея, – вставил Грошев-старший.

Впервые парень был с ним согласен.

– Ладно, – Шрам неловко поднялся, сдавлено застонал, когда пришлось опереться на раненую ногу. – Хватит жевать сопли. Я иду на выход. Все остальные могут либо следовать, либо идти к черту со своей моралью, – он поднял сломанный стул и захромал к крайней правой выработке.

– Концентрация газа там может быть выше, – парень встал и осветил темное отверстие.

– Тогда начинай дышать через раз.

Вбитые прямо в стену металлические скобы заменяли лестницу. Тилиф спускался долго. Шипел сквозь стиснутые зубы, иногда вполголоса ругался, пока, наконец, не повис на руках и не разжал их, упав на камень. Приземлился он плохо, издав отрывистый крик, и замер на месте, стиснув кулаки от боли.

Макс поймал в круг света его белое постное лицо и не нашел в себе сил для сочувствия.

До развилки они добрались минут через двадцать. И если концентрация газа и была здесь выше, то они этого не заметили. Призраки и видения остались выше. Или же надежно спрятались в их головах. Максимум казалось, что он плывет в тумане. Если раньше картина расплывалась редко, теперь же она лишь иногда становилась четкой.

На решетку слива, о которой говорил Шрам, парень просто наткнулся, когда уже успел потерять счет времени. Она была похожа на гигантский дорожный люк, перегораживающий круглый ход, но не отлитый из металла, а сваренный из толстых четырехгранных прутьев. Дужка, предназначенная для замка, была пуста.

– Раздолбайство, – подошедший Тилиф отставил сломанный стул и взялся за решетку. – Почему никто не додумался сбежать? Помогай, Малой, хватит нос воротить.

– Бежать? – прохрипел Макс, тоже хватаясь за прутья. – Знаешь, что делают, когда сбегает убийца? – он напряг мышцы. – Отпускают смертельный хвост, дают призраку его жертвы полную свободу, – железо заскрежетало, парень покачнулся. – Хвост найдет убийцу лучше и быстрее своры охотничьих собак. Он не отступит, не передумает и не простит. Он последует за обидчиком на край света и дальше. Каждый убийца имеет право на такую же смерть, как и его жертва. Это право гарантировано мертвым лично Императором.

– В каком замечательном мире мы живем, Малой, – петли взвизгнули, и Шрам последним усилием сдвинул круглую решетку, преграждающую бугристый, будто проеденный гигантским червем, коридор.

В лицо парню дохнуло терпким прохладным воздухом. Макс от неожиданности заморгал. Всего десяток шагов – и темнота камня сменилась мглой вечернего неба. Живого,

наполненного ветром, шорохом листьев и запахами летнего остывающего дня. Кусты чуть качали ветвями, приоткрывая уходящий вниз склон. Они выбрались.

Раздался шорох, и жесткая рука обхватила парня за шею, фиксируя голову. Грош почувствовал, как теряет ориентацию. Небо с только что зажегшимися звездами завертелось, словно в калейдоскопе.

– Шрам, – на выдохе позвал он, ощущая в ногах противную слабость.

– Не угадал, студент, – раздался у самого уха незнакомый голос.

Парень качнулся, и в бок тут же вошла боль. Острая, жгучая, горячая. Макс закричал. На краткий миг боль вернула четкость сознанию. Мир собрался став кристально ясным и пульсирующим. Биение сердца переместилось куда-то в низ живота.

– Прости, Малой, – донесся до него разочарованный шепот, и он почувствовал, как боль хлестнула снова, когда что-то острое вытащили из его тела.

Хватка на шее исчезла, и Макс развернулся, желая посмотреть на того, кто загнал ему в бок несколько сантиметров стали.

Мужчина в камуфляже стоял позади и держал в руке покрытый кровью нож. Его кровью. Лицо оставалось совершенно спокойным. Грош никогда раньше не встречался с ним, но лицо он знал, как и несколько миллионов других жи-

телей Империи. Не раз видел этого человека на экране телевизора, когда все каналы воспевали героя, спасшего из-под завала детей. Совсем недавно это же лицо смотрело на него с черного камня аллеи славы в Ворошках. С памятника на могиле Кирилова Антониана, с чьим призраком он сражался.

– Мне жаль, Максим, – повторил стоящий чуть поодаль Раимов.

Грош хотел что-то сказать, вернее, послать Шрама с его жалостью блуждающему в зад. Но в этот момент мир снова скрылся за размытой пеленой, и парень понял, что падает. Летит спиной вперед на склон. Удар и боль багровыми искрами вспыхнула перед глазами. Кувырок – и снова удар, треск веток. Макс кричал, должен был кричать, но почему-то не слышал ни звука. Еще два переворота – тело замерло. Каждый вдох отдавался мучительной пульсацией. Перед глазами снова оказалось ночное небо.

Покачивающееся сознание стало ускользать, боль медленно отдаляться. Сколько времени прошло в этом мутном покачивании? Он не знал. Но когда снова открыл налившиеся тяжестью веки, то понял, что глюки последовали за ним и сюда. Перед ним на коленях стояла Настя и плакала, то и дело склоняясь к его лицу и покрывая поцелуями. Он почти не ощущал касаний ее губ. Он хотел спросить, какого черта она делает, но понял, что не может ни открыть рот, ни поднять руку. Везение, отпущенное ему в этой жизни, закончилось. Как всегда на самом интересном месте.

Урок шестнадцатый

– Искусствоведение

Тема: «Реставрация»

Первым чувством, вернувшись к нему, было не зрение и не слух, а ощущение чистоты. Он осязал ее каждым сантиметром тела, которого касалось хрусткое постельное белье. Ему подумалось, что оно обязательно окажется белым. Макс никогда не был чистюлей, трясущимся над каждым пятном на одежде, но события последних дней, их кровь, боль, грязь... Видят боги, он был рад почувствовать хоть что-то хорошее, пусть даже такую мелочь, как чистое постельное белье.

Макс открыл глаза. Картинка расплылась, он напрягся, бессознательно пытаясь подняться. Бок тут же дернуло разрывающей внутренности болью.

– Тихо-тихо, – раздался голос, ему на лоб легла прохладная рука. – Уже все.

Над Грошем склонилось светлое пятно, в котором с трудом можно было опознать человека.

– Вот так.

Рука пропала, предплечье едва заметно кольнуло, и все снова стало неважным: и боль, и чистота, и светлые пятна.

Второй раз он очнулся спустя несколько часов или дней.

Время потеряло для него размеренную четкость. На этот раз мутная пелена перед глазами истончилась, и сквозь нее проступили предметы, отделанные кафелем стены, светлый потолок, прямоугольные лампы. «И ни одного окна», – машинально отметил Макс. Сбоку слышался тихий и какой-то шуршащий писк, созвучный ударам сердца. Лицо опоясывала пластиковая трубка, подающая в нос кислород, к сгибу локтя пластырем крепилась игла капельницы. Грудь опутывали провода и датчики. Тугая повязка чуть выше пояса мешала дышать.

– С возвращением, – раздался голос.

Макс повернул голову и встретился взглядом с молодым (всего лет на пять старше) мужчиной в белом халате. Врач скупно улыбнулся, но внимательные голубые глаза остались серьезными. Он посмотрел на монитор, а потом, склонившись к самому лицу парня, четко проговорил:

– Вы в амбулаторном блоке Императорского бункера. Я Маркелов Грант, дежурный хирург. Вы меня слышите? Понимаете?

– Да, – ответил парень. Вопреки ожиданиям, голос прозвучал громко, хоть и надтреснуто, будто после простуды.

– Хорошо, – врач снял с шеи стетоскоп и приложил холодную трубку к груди. – Назовите ваши имя, возраст, пол.

– Грошев Максим, восемнадцать лет, пол мужской... был. Надеюсь, вы меня не прооперировали.

– Оперировал, – не смутился Грант, убирая стетоскоп. –

Но чуть выше. Помимо сотрясения и отравления газом, у вас проникающее ранение правого подреберья. На сантиметр в сторону – и попрощались бы с печеночной веной. И с жизнью.

Макс вспомнил, как у него в очередной раз подкосились колени, как он пытался совладать со слабостью и выпрямиться, вырваться из хватки Кирилова. И видимо ему это удалось – всего на сантиметр за миг до удара. Наверное, на его лице что-то отразилось, потому что врач, нахмурившись, спросил:

– Больно? Сейчас, – он указал парню на маленький терминал в изголовье кровати и нажал кнопку вызова.

– Нет, – Макс мотнул головой.

Дверь открылась, и в комнату вошла полная женщина с накрытым белой салфеткой лотком.

– Больно, но это терпит. Где остальные? Где Леха?

Получив от врача молчаливый приказ, она ловко перетянула жгутом его вторую руку.

– Где Шрам? Как я здесь оказал...?

На этот раз укол вышел почти безболезненным. Он заснул, не успев договорить вопрос.

Кажется, он открывал глаза еще несколько раз, но воспоминания об этом остались смазанными. Ответы Макс получил в третье осознанное пробуждение. Верхний свет погасили, оставив лампу в изголовье. На стуле, частично попадая в круг света, сидела Лиса. Отек лица почти спал, внимательные карие глаза следили за каждым движением.

– Давно я здесь? – он приподнялся, затекшие мышцы колело иголками.

– Пять дней, – Настя тут же встала и поправила подушку. Жест, полный заботы.

– Игрок?

– Тоже здесь. И Калес, если ты собирался о нем спросить, – она закусила губу. – Мы думали, что не донесем тебя. Думали, что не успеем. Или в стационаре не окажется хирурга, а на дежурство выйдет какой-нибудь ухо-горло-нос.

– Императорский бункер. Почему-то я не удивлен, – он увидел стоящий на столике графин с водой и сглотнул.

– Да. Это был твой единственный шанс. Я так боялась, что нас не пустят, – девушка налила воды и терпеливо ждала, пока он напьется, громко клацая зубами о стакан.

– Уверен, у вас был план.

– Был. И он сработал, – тихо звякнула цепочка, и Настя положила на край стола муляж кад-арта. Макс узнал камень Соболева.

– И что вы сказали?

– Правду.

– Неужели? Не верю.

– Ну и пожалуйста, – она дернула плечиком. – Мы студенты-псионники. Семнадцатый маршрут, обвал. Когда группа пропала, брат бросился в горы на поиски. Вы тоже, – она заметила, как он скривился, и с вызовом добавила. – Вас мой жених уговорил. И где здесь ложь?

– Ложь будет дальше. Или ты рассказала об оружии твоего брата, об угрозах и о том, как привязала призрака к соратнику?

Она замолчала, на минуту опустив голову, а когда подняла, в карих глазах не было и следа беспокойства, только вызов. И упрямство.

– Брось. Ничего подобного не было.

– Неужели? – Максим почувствовал, как в боку постепенно зарождается болезненная пульсация.

– Точно. Да, нам угрожали и заставили перерубить веревку, бросить друзей.

– И кто же?

– Твой дружок. Тилиф, – она склонилась к его лицу. – Контрабандист, если не ошибаюсь, а может и еще что похуже. Вы вроде из одного города, и факт знакомства наверняка легко подтвердить.

Грошев не сводил взгляда с лица, которое было так близко, и впервые видел в ее глазах что-то новое. Может быть правду, а может что-то очень похожее на нее.

– Все просто, Макс. Бандиты, угрожая оружием, заставили нас перерубить веревку, увели к шахте, вынудили искать призрака. Незнакомые боевики. Ни тебе, ни мне. Не так ли? Что мы могли против оружия? Ничего. Мы искали призрака по шахтам, от усталости мало что соображая, и ошиблись, привязав мертвого к Лехе. Слава богам – быстро исправились. Потом обвал, тебя ранило. Преступники погибли под

завалом. Справедливость восстановлена.

– Ты кто? – неожиданно для них обоих спросил Грош. – И где Настя Лисицына?

– Я здесь. И я единственная Настя Лисицына, – сказала девушка. – Я просто устала от всего. От брата и его идей. Больше я в этом не участвую. Не играю, – он покачал головой, и она торопливо добавила. – Не веришь? Что ж, я заслужила. Все, чего я хочу, так это выпутаться и забыть.

– А как же остальные? Они тоже забудут? Самарский? Чуфаровский? Першина?

– Ты же не знаешь, – она отстранилась и стала медленно обходить кровать, скользя рукой по металлической спинке. – Связь уже восстановили. Их спасли, Макс, тем же вечером. Даже Ярцева, он плох, но врачи будут бороться. Вы с Игроком передали сообщение и стали героями.

– А Леха?

– Леха молчит, ждет твоего пробуждения. Или смерти. Не очень по-геройски, не находишь?

– Ты действительно думаешь, что это сработает? А если Шрам жив? Если Маст даст показания? Если...

– Маст не дурак признавать соучастие в контрабанде. Жить хотят все. А твой Шрам, – пальцы девушки скользнули по подушке и задели волосы, – мертв.

– Не выдавай желаемое за действительное.

– Так ты мне поможешь?

– Нет. И ты знаешь об этом.

– Упрямый осел! Ты не представляешь...

– Представляю. Лисицына, чего тебе надо? Я что, похож на святого?

Дверь открылась, и в палату вошел врач. Настя закрыла лицо руками, плечи задрожали, и она, не глядя ни на кого, бросилась вон.

– Обидел девчонку, – попенял Грант.

– Вы ничего не знаете.

– Куда уж мне, – он включил верхний свет. – Чего тут знать, когда она ночей не спала, под дверью дежурила, ждала, пока очнешься.

– Охотно верю, – Макс пошевелился. – Говорят, связь восстановили?

– Точно, – мужчина снял несколько датчиков с груди парня.

– Я должен поговорить с кем-нибудь из корпуса. Это возможно?

– Мы в Императорском бункере. Тут можно почти все: и осаду выдержать, и армией командовать. Зачем тебе?

– Контрабанда камней, Тилиф Раимов, Лисицыны...

– Да-да. В детали я не вдавался, но ваши друзья рассказали.

– Я должен сообщить, – Грошев попытался приподняться, врач мягко толкнул его обратно. – Раимов жив. Так же, как и Антониан Кирилов, – врач отвел глаза, – они оба живы.

– Успокойтесь, Грошев, иначе у вас разойдутся швы, и вся

моя работа насмарку. Следите за пальцем, – он приблизил указательный палец к носу, а потом обратно. – Голова не кружится?

– Нет. Вы не слушаете, это важно.

– Я слушаю, – врач присел на стул, где недавно сидела Настя, и, выдвинув верхний ящик, достал и вскрыл упаковку со шприцом. – Когда вас принесли, вы бредили. И когда выходили из наркоза тоже. Вы разговаривали с неким Шрамом и с отцом, – мужчина внимательно посмотрел на Грошева. – Ваш отец мертв?

– Меня пырнули в бок ножом, – Макс почувствовал, как при воспоминании об этом внутри начинает подниматься ярость. – И это сделал не призрак.

– Вы упали со склона и напоролись на что-то. Мозг сыграл с вами злую шутку, Грошев. Потребуется время, чтобы отделить ложные воспоминания от настоящих, – мужчина набрал в шприц прозрачную жидкость. – Я бы рекомендовал обратиться к невропатологу и даже психиатру, – парень смотрел, как игла входит в вену, поршень сперва чуть отходит, препарат смешивается с кровью, а потом, подчиняясь движению чужих пальцев, вливается в вену. – Кстати, девушка готова вызвать сюда любого специалиста.

– Надо думать, – Макс перевел взгляд на дверь и расхохотался, – Лисицына.

Врач встал, лампы в комнате снова погасли.

Через три дня ему разрешили вставать, а через пять он уже всю бродил по коридорам бункера в зеленой больничной пижаме и шлепанцах на босу ногу, а новая форма с чужого склада заняла место в шкафу.

Хранилище Императорской семьи отличалось от учебного, как небо и земля. У лагеря был просто склад с парой лабораторий, здесь – целый подземный центр, вмещавший в себя не только кубы с высокородными мертвецами и реликвии династии, о которых принято говорить трагическим шепотом и называть не иначе как «сокровищами». Тут жили и работали больше ста человек. Исследователи, псионники, студенты, практиканты, охранники, повара, врачи и еще император знает кто. Хотя именно он, возможно, и знает. Бункер был в любой момент принять членов правящей семьи и их приближенных. Маркелов не соврал – отсюда можно было руководить страной. Конечно, к командному пункту и в крыло для правящей династии его никто на экскурсии водить не собирался.

Грошев бродил по залам с экспонатами, где и застал Игрока. Минуты две наблюдал, как тот увлеченно моет полы.

– Ну, и как оно? – лениво спросил Макс и друг медленно выпрямился. – Жить в Императорской сокровищнице?

– Не фонтан, – Леха оперся о швабру. – Как-то карьера уборщика меня не прельщает, а здесь тем, кто родился дальше острова Императора²⁰, рассчитывать не на что. Как сам?

²⁰ Остров Императора – искусственный остров на озере Тиррен, сравнимом по

– Жив.

Они замолчали. Один ждал, второй никак не мог найти слова.

– Ну, давай, – Игрок отвернулся и снова стал возить шваброй по полу, больше размазывая грязь, чем отмывая, – спрашивай.

– Почему ты промолчал? Почему позволил Лисицыным скормить всем сказку про большого злого дядю?

Игроков ответил не сразу, лишь по дерганым движениям Грош мог судить, как другу не хочется отвечать. И, возможно, дело даже не в Максе. Леха не хотел отвечать себе.

– Ты был одной ногой по ту сторону, а в одиночку против семьи Лисицыных... – с отвращением сказал Игрок. – Я не в той весовой категории.

– И ты решил дождаться исхода? Разумно, – Макс скользнул взглядом по старым каменным фрескам, делающим зал похожим на музей, с расставленными на постаментах экспонатами: деревяшками, железками, камнями и даже какими-то горшками (несомненно из высоких опочивален).

– Разумно, – передразнил Леха с отвращением. – Мне эта разумность уже в печенках сидит. А ты? – спросил он, не оборачиваясь. – Почему промолчал ты?

Грошев рассмеялся и бессознательно схватился за бок.

площади с небольшим морем. Империя в империи: дворец, парки, сады, фонтаны, частная посадочная полоса – все на этом клочке суши приспособлено для жизни и комфорта правящей семьи, а также для их защиты.

– Потому что она ждала этого, – Грош коснулся пальцами ближайшего обломка, кованного щита времен мертвых веков. Здесь, в отличие от музея, древнюю рухлядь не закрывали стеклянными колпаками, да и пыль протирали не часто, – она уговаривала молчать, даже угрожала выявить мою связь с Раимовым, но, – Грош повернулся к другу, – одновременно и подначивала. Я не люблю угрозы, я люблю деньги, но она их не предлагала, даже не пыталась. Она провоцировала. Я должен был с пеной у рта обвинять их с братом.

– Не понял, – остановился Игрок. – Она хотела, чтобы ты обвинил их?

– Да. И уже подготовила почву.

– Какую?

– Оплаченный психиатр. Наверняка самый лучший. У меня сотрясение, отравление, глюки и бред. Я ведь бредил?

– Еще как. Болтал, уговаривал то отца, то этого Шрама.

– Вот-вот. Самое смешное, я и сам не уверен, где заканчивается сон и начинается реальность. Любой мозгоправ вытянет из меня это. И чем громче я буду кричать, тем ласковей они будут успокаивать.

– Значит, они выкрутились? – со злостью спросил Игроков, отбрасывая швабру. – Выкрутились из-за меня!

Макс не стал ничего говорить – не имел обыкновения оспаривать правду. Одно попустительство, одно молчание и невмешательство. Зло происходит, только если мы позволяем ему произойти. И чем больше проходит времени, тем

труднее сказать правду. Даже сейчас уже сложно объяснить, почему он молчал все это время.

– Они одуреют от безнаказанности. Слышал бы ты, как смеется гвардеец, когда стоит на посту, ржет с такими же ду-болломами.

– Да пусть ржет, – вопреки собственным словам, парень ухмыльнулся. – Когда нас смущал чужой смех.

– То есть?

– Предлагаю поменять правила, не поставив их в известность.

– Я правильно тебя понял?

– Думаю, да. Я же злопамятный сукин сын, как сказал Арчи. И если они забыли об этом, самое время напомнить.

– Кстати, Арчи велел передать, что по возвращении нас ждет карцер, и у нас будет время не только отдраить его от пола до потолка, но и отремонтировать, – сказал друг, поднимая швабру.

– А Самарский будет снабжать нас материалами?

– Что-то вроде того.

– Надолго мы здесь? – Макс повернулся к выходу.

– Официально – до того, как тебя можно будет с помпой транспортировать в лагерь.

– Уже можно.

– Ага, – Леша пошел рядом, волочившаяся следом швабра оставляла влажный след, – только никто не будет гонять вертушки ради трех студентов. Лиса могла бы настоять, но

она молчит, словно ее все устраивает, – Грош хмыкнул, – а наши уже получают распределения на специализацию, – с тоской протянул друг.

– Мы тоже получим.

И он не ошибся. Они получили. Через три дня, когда Макс уже перевели из медблока в обычную комнату по соседству с Игроковым и еще двумя студентами, которые, в отличие от них, проходили здесь настоящую практику, собираясь стать пси-историками.

Транспорт за ними должен был прибыть через десять дней. Десять дней ожидания. Настю он видел от силы раз пять, и каждый раз она предпочитала делать вид, что они не знакомы. Она разговаривала с Вороновым, которого Грош окрестил студентом номер один, шумным и увлекающимся толстяком, улыбалась Сухареву, студент номер два, отчаянно краснеющий при встрече с ней глазами. Иногда Лиса даже обращалась к Игрокову. Но не к Максусу. И не к Калесу.

Когда принесли письма, они сидели в красном зале (так здесь называли комнату со стенами цвета крови и дюжиной постаментов вдоль них). Диван для отдыха в центре, на котором устроился Игрок с книгой по истории. Воронов и Сухарев за широкими рабочими столами рассматривали сквозь гигантские лупы осколки прошлых эпох. Парни то и дело записывали в толстые тетради в клеточку кривобокие значки,

отдаленно похожие на буквы.

Их научный руководитель, профессор Дорогов, снимал со стены обломок фрески, шириной сантиметров двадцать шириной и чуть более пятидесяти длиной. Калес, только что притащивший студентам коробку с реактивами и поставивший звякнувший содержимым ящик, скалил зубу Грошеву.

На Макса многие смотрели. Его спутники успели хоть немного влиться в коллектив, тогда как парень оставался чужаком, не врагом, а скорее вызывающим любопытство незнакомцем.

Фреска качнулась в руках профессора и едва не ударилась о стол. Макс сделал шаг и придержал край каменного изображения.

– Спасибо, – поблагодарил он и положил экспонат перед толстяком.

– Что это? – спросил Грошев, рассматривая грубые изображения людей.

– В нашем полку прибыло, Иван Аверович, – рассмеялся сидевший за соседним столом Сухарев.

– Это то, над чем мы работаем, – ответил профессор, нестарый начавший лысеть мужчина в растянутом свитере с заплатами на локтях.

– Над чем там работать? – оторвался от книги Леха. – Без обид, проф, но какая польза от того, что вы узнаете, в какой горшок мочился по утрам Керифонт Первый.

– Ну, хотя бы такая, что не пить из этого горшочка чай.

– Разве что, – буркнул Леха.

Профессор смахнул тонкий слой пыли и указал Максу на ближайшее изображение. Человеческая фигурка стояла, вытянув руки с развернутыми ладонями, будто останавливая что-то невидимое. Рядом стоял еще один человек, но его вытянутые руки сменили положение, теперь они простирались ладонями вверх, словно он подставлял их подо что-то.

– Попробуйте сделать то же самое, – предложил Иван Аверович.

– Что? – не понял Макс.

– Это не смертельно.

Грош оглянулся, справедливо полагая, что его разыгрывают. Леха смотрел поверх страниц. Гвардеец остановился в дверях, Воронов и Сухарев делали вид, что ничего особенного не происходит.

– Смелее. Нет ничего страшного в том, чтобы вытянуть руки, – поторопил Дорогов.

Макс пожал плечами и поднял ладони, готовясь оттолкнуть нечто невидимое. Толстяк, оказавшийся напротив, возмутился:

– Эй, не на меня!

Грошев отвернулся, теперь он смотрел прямо на Клеса, которого упражнения псионников не впечатлили.

– А теперь разверни ладони во вторую позицию, – скомандовал Дорогов.

Грош подчинился. Несколько секунд стояла тишина, а по-

том толстяк засмеялся, книга в руках Игрокова подозрительно подрагивала.

– Все то же самое, но с энергией. Точка приложения – нижний центр, направление – смещающийся по дуге вектор от большого пальца к мизинцу. Силы насколько хватит, не жалея, вряд ли...

Мужчина не договорил, потому что Макс сделал то, что от него требовали, вывернул ладони, одновременно собирая силу и посылая по дуге. Он наслаждался каждой секундой, легкостью, с которой энергия потекла по пальцам. Чистая, терпкая, по-прежнему ощущаемая как тягучий запах озона, вызывающий сухость во рту, как перед грозой. Но на этот раз в нем не было ничего неприятного.

Подчиняясь движению ладони, сила закрутилась. С рук сорвалась воронка. Именно так он ощущал ее – быстрое завихрение, оттолкнувшееся от ладоней. Дверь открылась, не видевший и не чувствовавший ничего особенного Калес отошел в сторону, пропуская в зал высокого седого мужчину. Вошедший на секунду замер и сделал инстинктивный шаг назад. Воронка, провернувшись с десятков раз, рассыпалась. Дорогов покачал головой.

– Илья, будь на вашем месте блуждающий, его притянуло бы к ладоням, как магнитом.

– И зачем это нужно? – спросил Игрок. – На практике?

– Это-то мы и выясняем, – ответил Сухарев. – Вихревые модификации – новое слово...

– Скорее уж старое, – перебил вошедший. – Иван, ты снова вербуешь сторонников, – мужчина поднял руку и провел по коротким седым волосам. Макс знал это движение. После того, как подстригся сам, долго не мог отвыкнуть от такого же бессознательного жеста.

– Разве это плохо? Псионники к нам не рвутся, все больше в спасатели или опера, – профессор подал седовласому руку и представил его Максу. – Цаплин Илья Веденович, аудитор, присланный из Центра для инвентаризации.

– Всего лишь бухгалтер, а не псионник, так что со мной можешь не стараться, – рассмеялся седовласый.

Черты лица мужчины были словно немного опущенными книзу, уголки век и губ, острый подбородок, чуть более светлая полоска кожи под носом, наверняка он недавно сбрил усы – все это придавало его лицу печально выражение, так что улыбка выходила не очень веселой, несмотря на собирающиеся вокруг глаз лучики.

– Ничего подобного. Мне нужны все, – парировал Дорогов.

Грошев посмотрел на следующего увековеченного в камне человечка. У того было четыре руки и воткнутый в голову штырь, который вылезал в паху. Псионника прошлого накололи на гигантскую булавку, словно насекомое. Все четыре руки были подняты на уровень груди, ладони сложены одна на второй. В соседнем изображении наколотый на штырь развел руки на уровень плеч, да так и замер. Третьей картин-

ки не было, только неровный край скола.

Парень поймал себя на том, что бессознательно пытается скопировать движения, все так же по дуге подавая силу в ладони. Энергия лентой облетела вокруг него и исчезла.

– Тайн у нас больше, чем желающих их разгадывать, – с грустью сказал профессор и указал на часть расколотого щита. – Максим, – попросил он, – бросьте сюда силой. Любой модификацией на ваш выбор, вы же знаете, пси-энергия не влияет на предметы, так что не стесняйтесь.

Макс не стал тратить время на создание чего-то сложного, а снова выпустил подвижную, будто бы живую, модификацию воронки, щедро зачерпнув силы.

Обломок щита дрогнул, подставка заскользила по постаменту, металлический обломок с большими кованными заклепками вдруг влетел в воздух. Кто-то закричал, и тяжелое железо врезалось ему в запястье, едва не опрокинув Грошева навзничь. Он моментально почувствовал слабость. Энергия иссякла, и кусок старого железа, громыхая, покотился по полу.

– Не влияет? – вскочил Леха. – Что это за шутка?

– Интересный эффект, – задумался профессор.

– Невозможный, – добавил Макс.

– Минуту, – Дорогов поднял осколок щита, подставку, установил их обратно на постамент и скомандовал. – Кирилл.

Толстяк швырнул в щит сгусток энергии, хаотичный, рва-

ный, без вектора. Чужая сила воняла перегаром и дешевым одеколоном. Бросок угодил в центр тусклой поверхности и отскочил в сторону, пролетев между вздрогнувшими гвардейцем и аудитором.

– Вот что должно было произойти, – удовлетворенно сказал профессор. – Этот щит отталкивает пси-энергию.

– Невозможно, – повторил Грошев.

– Вы сами были свидетелями. Мы не знаем, кто и зачем сделал щит, но он отталкивает нашу силу. А теперь оказалось, что и притягивается в определенной модификации, – сказал Дорогов, – а вы говорите не агитировать. Парень со стороны дал нам пищу для целого исследования.

– Рад за тебя, – ответил Цаплин, – но, боюсь, их уже поздно вербовать, – он полез в карман и достал три конверта их плотной бумаги. – Ваше направление на специализацию, ребята.

Послышалось ругательство, и, хлопнув дверью, из зала вышел Калес.

– Боги, – пробормотал Леха, забирая белый прямоугольник, – бумажные письма, давно таких не получал.

Макс взял второй конверт, третий... аудитор обернулся, но Лисы в комнате не было.

– Официальный документ, – пояснил Дорогов, – с печатью и подписью, потому и на бумаге.

Игрок вскрыл конверт. Сухарев отложил лупу, профессор прислонился к столу, из-за его плеча выглянул толстяк. Под

их любопытными взглядами Леха развернул листок, и, судя по кривой улыбке, новости оказались не очень радостными.

– Неужели кафедра пси-истории? К нам? – попытался пошутить профессор.

– Почти, – хмыкнул игрок. – Кафедра теоретической материализации. Экспертиза или, – он закрыл глаза, – боги, спасибо за выбор! Кафедра пси-розыска.

– Я же говорю, очередной опер, – констатировал Дорогов.

– Расследования, погони, перестрелки, романтика, – добавил аудитор. Они рассмеялись и повернулись к Грошеву.

Макс разорвал конверт, белая бумага захрустела под пальцами. Один листок, несколько сухих строчек и темно-фиолетовый оттиск печати. Парень пробежал глазами первые строки. Его самообладания хватило, чтобы удержать лицо. Руки дрогнули, он заставил их разжаться и не смять чертову бумажку в кулаке.

«Допрыгался, сына», – раздался в голове усталый голос матери, и в нем не было удивления.

– Куда тебя? – спросил Игроков.

«Настоящим письмом уведомляем Грошева Максима Влароновича, что его обучение в пси-Академии имени Керифонта Первого закончено. Вам присвоена степень бакалавра теоретической псионники. Вы направляетесь в третий спецотряд стирателей Вороховского корпуса службы контроля».

Дата. Подпись. Печать.

Без выбора, без вариантов.

По сути, произошло то, чего он так долго добивался. Его отчисляют. Вернее, считают закончившим обучение. И отправляют к чистильщикам. Тем, кто до конца дней стирает мертвецов, лишние знания не нужны. Зачем тратить деньги на обучение того, кто скоро умрет.

«Допрыгался, сына», – повторил голос в голове.

Мечта осуществилась – его выгнали.

– Макс? – повторил Леха.

– Следственный факультет или архивное дело, – непослушными губами проговорил Грошев.

– Очередной следователь, – Илья пошел к выходу. – Что Империя будет делать с таким количеством героев?

– Архивариус или следак? – удивился Дорогов. – Какой интересный разброс.

– Простите, мне надо подумать, – ровно проговорил Макс.

– О чем? – не понял Игроков.

– Обо всем, – Грош пошел к выходу вслед за Цаплиным.

Дверь открылась до того, как аудитор успел взяться за ручку. В зал вошла Лиса, по обыкновению избегавшая даже смотреть на него.

– О чем тут думать? – не понял Леха.

Но Макс даже не обернулся, обогнул остановившегося аудитора и вышел первым, спиной чувствуя их удивленные взгляды. Он шел и шел по широкому коридору, монолитность стен сменилась рядом одинаковых дверей.

Он никогда раньше не слышал, что студентов отправляли

в стиратели. Слишком ценный ресурс пси-специалисты чтобы им разбрасываться. Обычно это наказание, отряд штрафников, место для оступившихся псионников, да не просто оступившихся, а безнадежно упавших. На пути ко дну много ступеней и остановок. Видимо, кто-то решил, что он уже достаточно спотыкался. И ему придали ускорение пинком.

На первом же перекрестке Грошев свернул направо и толкнул первую же двойную дверь. Не очень большая квадратная комната мало походила на библиотеку, но именно ей и являлась. Книг было немного, всего два шкафа из старомодного темного дерева, закрытые стеклянными дверцами. Основной доступ к информации был через компьютер. Через три машины, стоящие в разных углах.

Макс бросил письмо на стол и сел за первый. Пальцы пробежали по клавиатуре, вбивая слова в строку поиска. Комп затребовал код доступа. Да, они не в лагере, они в Императорском бункере. Грош снял с шеи муляж кад-арта и вставил в порт, машина пискнула, и он получил ученический допуск.

«Отряд стирателей». Найдено двадцать семь тысяч результатов.

Как назло, первыми выскочили фотографии, от которых Грошев уже не смог оторваться. Палец, как заведенный, кликал картинку за картинкой. Изображения того, во что превращаются люди, часто применяющие модификацию «игла».

Стирая чужую душу, псионник растрчивает собственную. Из отряда стирателей редко кто выходят на пенсию, его

солдаты к тридцати годам выглядят на семьдесят. Стереть призрака – значит вливать в него силу, пока оболочка не лопнет. Делая это, пси-специалист опустошает себя. Сколько он выдержит на пределе возможностей?

– Ох, – послышался тихий вздох. Парень обернулся.

Макс погрузился в мир фотографий, снимков энергии и некрологов, в мир грядущего будущего. Причем так сильно, что не услышал, как вошла Лиса. Как она встала за спиной и взяла в руки письмо, на котором остались его потные отпечатки.

– Убирайся, – сказал он.

– Максим...

– Чего непонятного в слове «убирайся»?

– Я могу помочь.

– Я не просил о помощи.

– Послушай...

– Уходи! Или я выкину тебя отсюда!

Настя была упорной, иногда безрассудно упрямой, но она не была дурочкой. Она знала, когда можно настаивать, а когда – нет. Не тогда, когда его голос звенел от бешенства.

– Когда будешь готов говорить, просто позови, – тихо сказала девушка, закрывая за собой дверь.

Грош вернулся к экрану, с которого на него смотрели люди с потухшими глазами. Люди в инвалидных колясках, многие – с кислородными баллонами и скрюченными шишковатыми пальцами.

Картинки преследовали его всю ночь, не помог даже укол, смесь обезболивающего с успокоительным. Он забылся сном, в котором бежал по заваленным штрекам шахты, спасался от оглушающего камнепада, преследующего его по пятам. И вдруг оказывался сидящим в инвалидной коляске. Дрожание пальцы не в силах были ухватить обод колеса и двинуться дальше, в мышцах не было силы, а дряхлеющее тело ломилось от усилий, дыхание отдавало кислятиной. Звук раздавался все ближе и ближе. Каменные глыбы катились по коридору, словно мячи в кегельбане. Еще секунда и... он до последнего пытался сдвинуть с места застрявшую на неровном полу коляску. Пока его не завалило. Пока он не проснулся.

Грош до утра пялился в потолок, как никогда осознавая, что до отъезда из бункера осталось семь дней.

– Ты как? – спросил Леха.

– Думаешь, если ты спросишь в третий раз, а я в третий раз отвечу «нормально», то что-нибудь изменится?

– Блин, ну почему ты такой, – Игрок отставил кружку.

Они сидели в столовой. За соседним столом о чем-то спорили толстяк и Сухарев, через проход заканчивала обед сменившаяся с поста охраны пятерка солдат, Калес присоединился к ним спустя минуту. В дальнем конце зала, где столики были заняты через один, он увидел Маркелова и встретился взглядами с незнакомыми мужчинами и женщинами.

Здесь мало кому было дело до временного жильца, раз знал свое место и не совался, куда не надо. Лисицына заняла столик в углу и сверлила его взглядом.

– Потому что, – ответил Грошев, поднимая ложку и совершенно не ощущая вкуса того, что ел.

– Тогда я знаю, что тебя развеселит, – Леха посмотрел на Гроша. – Ну или хотя бы отвлечет, – он встал и скомандовал: – Идем.

Игрок привел его в один из залов, где Максу бывать еще не доводилось. В первый момент парень даже подумал, что друг ошибся и их сейчас вежливо или не очень вежливо выставят за дверь. Помещение больше всего напоминало тронный зал, хотя как он мог судить, если видел нечто подобное пару раз по телевизору.

Зал был большой, просто огромный.

– Не дрейфь, – его толкнули в спину, и засмеявшийся Воронов вошел в зал.

Следом появились Сухарев и скупно улыбающаяся Лиса.

– Мы знаем, что ты тут никогда не был, – сказал Игрок. – Мы уговорили профа открыть зал для церемоний.

– Не совсем так, молодой человек. У нас инвентаризация, – раздался голос, и Грош увидел Дорогова и Цаплина с ноутбуком, стоящих чуть дальше, – но когда мы узнали, что вы не проходили посвящение, то решили заняться залом немного раньше, чем планировали.

– Посвящение?

– Точно, – толстяк остановился рядом с профессором.

Высокие потолки, отполированный до блеска пол, резные каменные колонны, которые не по силам обхватить руками одному человеку. Картины, портьеры. Постаменты и статуи. Слишком торжественно, слишком помпезно. Только трона с императором не хватает.

– Ты тогда сбежал из Академии, – тихо сказала Настя.

– Опять, – оглянулся Леха. – И пропустил посвящение в псионники.

– Почему-то меня это только радует.

– Да ладно, было весело, – отмахнулся Игрок. – Великий герцог даже речь толкнул.

– Он был пьян и сильно шатался, – вставила Настя.

– Потом мы поклялись служить и защищать, – Леха указал на постамент, где стояла каменная плита с высеченными словами.

Первая присяга воинов Керифонту. Макс почувствовал, как на него накатывает раздражение, ему было не дела ни до слов, ни до мертвецов, что их произносили.

– Першину вырвало на ботинки распорядителя, – вспомнила Лисицына.

– И веселье пошло по нарастающей, – буркнул Грош. – Где купель, в которой полагалось топиться? И каким узилищем перекрещивали?

– Что-то ты сегодня мрачнее обычного, – Леха остановился напротив постамента с помпезным кубком, увенчанным

гербом Империи. Такой очень хорошо бы смотрелся в руках у капитана спортивной команды под вспышками фотокамер.

– Кстати об узилищах, – друг указал на кубок. – Угадай, кто это?

Макс промолчал, не ощущая даже малейшего всплеска любопытства. Ему вдруг нестерпимо захотелось оказаться подальше отсюда. От ничего не значащих слов и улыбок.

– Керифонт, – сказала девушка. – Этот, а не тот каменный истукан в пещере, подтверждено экспертами.

– Экспертами по пеплу? – уточнил Макс.

– Какой каменный истукан? – одновременно с ним спросил Воронов. Цаплин отрывался от ноутбука.

– Эээ, проф, ребята там на пещерку наткнулись, – замялся Игроков. – Давайте я потом расскажу.

Макс обошел кубок, не почувствовав никаких остатков энергии. Совсем. Не зная наверняка, что там закрыт пепел, он бы и не обернулся, сочтя кубок пустым.

– Раз исторический пепел не произвел впечатления, а что скажешь об этом, – друг указал на черную бархатную подушку, на которой лежал прозрачным минерал величиной с апельсин, только далеко не такой ровный.

– Камень Керифонта, – сказал Сухарев.

Настя улыбнулась, и тот покраснел. Воронов достал из кармана батончик и со вкусом откусил.

– Тот самый, – пояснил Игрок, будто существовал какой-то не тот.

Макс посмотрел на кристалл. Обычный мутный булыжник с трещиной посередине. Леха протянул поддрагивающие пальцы и, прежде чем Грош понял, что тот намеревается сделать, положил их на камень. Сквозь тело парня прошла дрожь, глаза закатились, из горла вырвался хрип.

Цаплин со вздохом закрыл ноутбук, профессор покачал головой. Но прежде, чем Макс бросился к Игроку, тот рассмеялся и открыл глаза.

– Идиот, – констатировала Лиса.

Леха без всякого пиетета подхватил минерал и бросил его Грошеву. Макс машинально поймал. Камень был тяжелым и холодным. Но и только. Он мог подобрать такой где угодно и выдать за реликвию. Грош поднял кристалл и посмотрел на свет, трещина, идущая от края к центру, казалась слегка розовой. Еще одно разочарование. Такое же недоразумение, как и легенда.

– Молодые люди, – укоризненно сказал Воронов, – верните реликвию Императорского дома на место, она здесь не для вашего развлечения.

– И у нее есть инвентарный номер, – добавил Цаплин.

Парень уронил кристалл на черный бархат.

– А еще тут есть... – начал Леха, но Грош уже шел обратно. – Макс! – закричал друг.

Грош взмахнул рукой, открыл дверь и вышел. Он просто не мог находиться там, смотреть, как они дурачатся и смеются. Физически не мог. Все, что ему хотелось, – это завывать в

голос и сломать, разбить первое, что попадет под руку. Он знал, что скоро сорвется. После такого его точно бы закрыли в психушке. Поэтому он просто поспешил прочь.

Бойтесь своих желаний – они могут осуществиться. Только сейчас он понял истинный смысл высказывания. И мир встал с ног на голову. Когда-то он мечтал избавиться от силы, в скором времени ее из него вытянут без остатка. Но загвоздка в том, что он больше не хотел отказываться от дара. Только не так.

Макс осознал, что стоит в своей комнате, вцепившись руками в металлическую спину кровати, пальцы побелели от напряжения, из горла рвался полурык, полукрик. Грош захрипел, чувствуя, как спазм проходит по телу, отдаваясь болью в боку.

Парень отпустил кровать. И, схватив стул, с криком бросил его в стену, толкнул стол, квадратный ночник покачнулся и, тихо звякнув, упал на пол. Лампочка, неуверенно мигнув, погасла, погружая комнату во тьму. Макс смахнул со стола стакан с водой, развернулся, схватил подушку, бросил и ее, потом одеяло, матрац. Он в исступлении швырял все, что попадалось под руки. Он рычал, чувствуя, как к глазам подступает что-то горячее.

Он хотел разрушить, сломать все, до чего дотянется, все, что его окружает. Так, как скоро сломают и его.

Макса остановил прямоугольник света, упавший из раскрытой двери. Он замер на месте, словно дикий зверь, почу-

явший опасность. Он знал, кто мог пойти за ним, но радости от этого знания не испытывал.

– Я не звал тебя.

– Я знаю, – ответила Лиса, закрывая дверь.

Свет исчез, оставив вокруг них тьму.

– Я не в настроении разговаривать.

– Я тоже.

Грошев повернулся. Она стояла у дверей. Стройный силуэт, короткие вьющиеся волосы, руки, опущенные вдоль тела.

– Не нарывайся, Лиса, – он сделал первый шаг. – Уходи.

Сейчас.

– Или что? – спросила она с вызовом.

– Или мы оба об этом пожалеем, – он говорил одно, а делал совсем другое.

Еще шаг – и он уперся ладонями в дверь по обе стороны от ее головы.

– Я ни о чем жалеть не собираюсь, – проговорила девушка. – И тебе не дам.

Привстав на цыпочки, Настя прижалась к его губам своими. Все, что оставалось в нем разумного и осторожного, все, что сдерживало его, исчезло в этом касании. Он дал ей шанс уйти. Она им не воспользовалась.

Макс толкнул Настю к двери. Действие, граничившее с грубостью, но она даже не пискнула. Долгий, почти осязаемый взгляд в темноте. И шум дыхания. Макс провел пальцем по скуле. Руки девушки коснулись его груди и, поднявшись

выше, сомкнулись на его шее.

От такого простого и такого приглашающего жеста у него по позвоночнику побежали мурашки. Он наклонился, их поцелуй был полон обреченной решимости. Настя не протестовала ни его вторжению, ни напору. Он провел руками по спине и сжал ягодицы, она тут же, обхватила ногами его талию. В голове послышалось низкое гудение, словно кто-то тронул гитарную струну. Макс невнятно зарычал, подхватил девушку, развернулся. Настя коснулась губами шеи, и он, сделав пару шагов, едва не споткнулся о валяющийся на полу матрац, не сразу вспомнив, что сам же все и поскидывал буквально минуту назад. Впрочем, какая разница, она же не в Императорский отель пришла.

Он опустился на колени, Лисицына засмеялась, и этот звук бархатом коснулся кожи и растекся по телу тягучим предвкушением. Лиса разжала руки и соскользнула на матрац со сбившимся бельем. Макс провел ладонями по стройным бедрам, поднялся выше, пальцы наткнулись на ряд пуговиц, и он дернул ткань в стороны. Раздался треск, и он смог наконец ощутить ее по-настоящему. Почувствовать прикосновение к коже, теплой, гладкой, вздрагивающей от каждого касания.

На секунду он оторвался от ее тела, в нетерпении стащил и отбросил рубашку, растянул ремень. Лиса засмеялась снова, он услышал шорох ткани, когда она избавлялась от одежды.

Это было время смеха, быстро перешедшего в стоны, время прикосновений, переходящих в обжигающие поцелуи, когда он снова склонился над ней, когда между ними не осталось преград. Время движения и время покоя. Они не думали, они действовали. Парень и девушка, давно тянувшиеся друг к другу, в этот миг стали чем-то целым, чем-то значимым друг для друга.

Настя тоненько вскрикнула, отзываясь на его движение, на малейшее изменение ритма, на каждый задержанный вдох. Все было так стремительно, что ему казалось, будто он не в состоянии прочувствовать каждую секунду, каждый миг, который хочется задержать, продлить чувство, похожее на исступление. Но это, наверное, было невозможно. Не сейчас. В самый первый, самый сладкий раз.

Ногти впились ему в спину, и удовольствие, зародившееся в ее теле, ударило по нему и прокатилось от макушки до пяток, стирая мысли, оставляя лишь чистое ощущение пустоты и покоя.

Лиса сдержала обещание, жалеть ему не пришлось. Ни сейчас, ни потом, когда белье вернулось на узкую односпальную кровать, когда упавшая, но не разбившаяся лампа снова заняла место на столе, отбрасывая тусклый свет на часть комнаты. Настя в черной рубашке сидела на скомканном одеяле и водила пальцем по его спине. Легкое, как перышко, касание вдоль одного рубца к другому. Пальцы задели край казавшейся грубой повязки. Злость, клокотавшая в нем, ис-

чезла, и пришло понимание. Его никто не собирался казнить, пусть исход выглядел неотвратимым. Никто не придет и не заставит отдать силу. Он должен будет сделать это сам. У него есть время, не так много, но есть. Он выпутается, должен. Во всяком случае, попытается.

Он рассмеялся, представляя, сколько псионников до него рассуждали так же и закончили свои дни под капельницей, не узнавая ни родных, ни друзей, ни себя.

– Что смешного? – спросила Настя.

– Ничего, – он перевернулся на спину и взял ее лицо в ладони, – ничего, о чем стоило бы говорить.

– Почему? – она улыбнулась. – Я хочу поговорить. Расскажешь, откуда у тебя эти шрамы?

– Легко, – он притянул ее к себе и поцеловал. – Откровенность за откровенность: замысел Лисицыных в обмен на историю шрамов. Годится?

Девушка чуть напряглась, отстраняясь.

– Максим, – она закусила губу. – Я не могу. Я вышла из игры, но Калес – моя семья. А семью не предают.

Он смотрел в умоляющие карие глаза, чувствуя, как где-то в груди зарождается холод. Он вспомнил, где слышал это слова раньше.

Урок семнадцатый – Информационные технологии

Тема: «Сбор, обработка и хранение информации»

– Не понимаю, что ты хочешь найти? – Игроков оторвался от монитора. – Все утро тут сидишь, ни с кем не разговариваешь.

– Я и сам не уверен, – Макс щелкнул мышкой, открывая очередную газетную вырезку, на которой перемазанный грязью Кирилов Антониан держал на руках маленькую девчужку лет четырех в заляпанном кровью платье. – Я хочу понять, что мне привиделось в той пещере, а что – нет.

– И как в этом поможетдохлый народный герой?

– Я должен узнать, жив Кирилов или нет. Если есть хоть малейшее сомнение... – Грошев вывел на экран следующую статью. На зернистой фотографии не очень высокого качества каменный завал разбирали спасатели.

– То есть ты хочешь обойти десяток экспертов корпуса, да еще и по интернету, да еще и спустя два года, когда все уже похоронено в буквальном смысле. Я бесконечно верю в твой интеллект, но это перебор.

Фотографии разной пафосности и трагизма сменило видео, Макс отключил звук, наблюдая, как репортер с микрофоном открывал и закрывал рот. Люди за его спиной продол-

жали двигаться, словно статисты в пьесе. Они ходили, стояли, лежали, беззвучно кричали и плакали, покрытые пылью и кровью, одетые в форму спасателей и в рваные лохмотья.

Тот самый обвал, что стащил за собой автобус с детьми. Мужчина с микрофоном в очередной раз взмахнул рукой, и Грош замер. Схватил индикатор записи и перетащил обратно, просматривая эпизод повторно. Репортер взмахнул рукой, камера чуть отъехала, в поле зрения попал мужчина в гражданском, помогающий спасателю тащить носилки. Макс нажал на паузу.

– Леха, смотри, – позвал он.

Друг развернулся на стуле и заглянул в его монитор.

– Черт, – отреагировал Игрок.

Мужчиной, помогавшим спасателям, был Шрам.

– Нужна карта, – сказал Грош. Игрок вернулся за свой компьютер, в два щелчка вывел на экран изображение местности и очертил курсором область. – Здесь нашли автобус с детьми.

Макс встал за его спиной и ткнул пальцем в монитор чуть выше погребенной дороги.

– А здесь – десятая шахта и хутор Маста.

– Ты связываешь одно с другим, потому что хочешь связать, – сказал Леха.

– Логичное предположение: очередной взрыв спровоцировал обвал. Вот поэтому-то Кирилов оказался на месте и спас детей. Он нашел автобус, потому что...

– Знал где и что искать, – друг тряхнул горловой. – Не верю. Нет, Макс, все это вилами по воде.

– Слишком, да? – кивнул Грошев. – Но они оба были там – это факт. А другой обвал? Вспомни, что спровоцировало сель, из-под которого ты нас вывел.

– Мы были в Солнечном, – задумался Игрок, – земля задрожала. Думаешь, тоже взрыв?

Макс вернулся за компьютер и стал быстро вбивать слова в поисковую строку. Экран мигнул красным. «В доступе отказано».

– Еще бы, – увидев, какую информацию запросил друг, хмыкнул сокурсник, – это же имперская разработка месторождения. Если горные работы спровоцировали обвал и человеческие жертвы, неважно по чьей вине: инженеров, техников или злого умысла заключенных, думаешь, информацию так просто обнаружат, выложат в сеть график подрывов, чтобы умники вроде нас с тобой делали выводы? Оптимист.

– Я чувствую, что прав, – упрямо сказал Макс.

– Само собой, – поднял руки Леха. – Пусть все так. Скажи только, как замалчивание причин трагедии поможет тебе разобраться в себе?

– Не знаю.

– Класс!

– Если Кирилов жив...

– Хорошее слово «если», – сказал Игрок.

– Я был на его могиле, сражался с призраком, – Грош снова запустил поиск и пробежал глазами первую заметку. – Или с чьим-то другим, блуждающие не имеют обыкновения таскать с собой документы, а без материализации опознание невозможно.

Кирилов Антониан погиб при пожаре в доме некоего Новикова Аката под Шоромой. Причина возгорания – взрыв газового баллона. До того, как дом рухнул, Антониан и его команда вытащили из огня жену и дочь Новикова. Спасатели видели, как на товарища рухнуло перекрытие, Кирилова раздавило, у него не было шансов выбраться. Опознавать было практически нечего, тело обгорело до неузнаваемости. Личность покойника определили по табличке на шее. И по кадарту, по розовому лавендрину, прозванному в народе «чешуйчатый камень», кристалл, притягивающий успех и славу, камень художников и музыкантов, ну в какой-то степени кад-арт справился со своей задачей – народного героя знали все.

Самое слабое место в умозаключениях Макса, самое противоречивое, если Кирилов не погиб, то без камня, без защиты разума, он жить не сможет.

Опять эта табличка. Грош поморщился и, схватив первый попавшийся листок, стал записывать, несколько раз зачеркивал и начинал писать снова, шевеля губами, с трудом прорезываясь сквозь воспоминания. Два ряда цифр, которые он сфотографировал для Тилифа.

– Так, а если... – парень снова застучал по клавиатуре. – Есть. Новиков с тех пор в розыске.

– Если учесть, что именно его и подозревали в поджоге, так как жена требовала развода и половину дома, то ничего удивительного, – Игроков крутанулся на стуле и задумчиво добавил: – Знаешь, когда хочешь найти – найдешь, истолкуешь совпадения в свою пользу. Но повторю вопрос: чем эти фантазии помогут тебе?

– Он назвал Тилифа Шрам, а этим могут похвастаться немногие. Я сам пытался, я помню, – Грошев заложил руки за голову и взъерошил волосы. – Если Антониан жив, если он мне не привиделся, Значит, не привиделось и все остальное.

– Спорное утверждение. Если не секрет, что ты видел?

– Отца. И Шрама в компании призрака, а тот утверждал, что видит матушку. Ну и на закуску спасатель, который попробовал на прочность мою печень.

– Покойники что, родительский день устроили? – рассмеялся Леха.

– Тилиф показал мне фоторобот, я практически забыл об этом. До вчерашней ночи.

– Вот мы и подобрались к главному, – согласился друг, подумал и положил ноги на стол рядом с монитором, – Ради этого ты сидишь здесь несколько часов? Отделяешь правду от вымысла? Чей фоторобот?

– Одного из убийц моего отца, – Грошев вернулся к компьютеру и снова стал печатать, нажал ввод, чертыхнулся и

изменил параметры поиска. – Убийство старого алкоголика в Травороте – не тема для первых полос.

– То есть тебе показали фоторобот убийцы, и ты его узнал, а теперь сидишь, копаешься в прошлом и гадаешь, не плод ли это воображения? Далековато закопался. Ух, – друг картинно смахнул пот со лба. – Но легче, чем искать мертвого Кирилова и раскрывать заговоры подрывников.

– По показаниям свидетелей, убийца был в черной форме, – Макс снова выругался. – В сети ничего.

– Не там смотришь, – Игроков снял ноги со стола. – Если фоторобот существует, то ищи его на сайте правопорядка. Ну, знаешь, «их разыскивает корпус», «всех, кто видел, просьба позвонить по телефону горячей линии», – Грошев вернулся к компьютеру, – но я склоняюсь к глюкам. Он засветил форму. Если бы в Академию пришли с фотороботом, убийца был бы уже в наручниках.

– Думаешь? – усмехнулся Макс, поворачивая монитор. – Смотри. Его не нашли потому, что он не из Академии, хоть и обзавелся формой. Мне ничего не привиделось.

Игроков посмотрел на экран. С черно-белого схематичного рисунка на них смотрел Калес.

– Там, когда мы оставили наших под землей, Лисицын говорил о верности. И Настя повторила его слова о семье. Гвардеец сказал: «Судя по моей, я не знаю, что это такое». Мы знакомы три года, но много ли ты знаешь о моей семье?

Леха оторвал взгляд от монитора, его насмешливость ис-

чезла.

– Я только недавно узнал, что она у тебя есть.

– Точно, а парень, которого я видел впервые в жизни, знал, – Макс стал листать однотипные рисунки дальше. – Убийц было двое, но, судя по всему, второй оказался умнее и везучее. И не засветил личико. Другие находящиеся в розыске граждане Империи были ему абсолютно незнакомы.

– Ты хочешь сказать, что ему кто-то помогал? Кто?

Именно в это момент дверь открылась, и в библиотеку вошла Лиса.

– Привет, ребята, – жизнерадостно поздоровалась девушка.

Грошев протянул руку, их пальцы переплелись, и он, дернув девушку на себя, усадил на колени.

– Ой, – засмеялась она. – Вижу, соскучился. Чем вы тут заняты? Обед пропустили. Ты обещал профу помочь, – она посмотрела на Игрокова.

– Эээ, – Леха перевел взгляд с лица девушки на Макса. Обычное красноречие отказало другу.

– Ты ему рассказал? – по-своему истолковала замешательство Лиса. – Может, хоть друг мозги вправит.

– Макс? – переспросил Игроков.

– Он не возвращается в Академию, разве что за вещами, – Настя прислонилась лбом к лицу Грошева. – Его отправляют в стиратели.

Она рассмеялась, только вот смех вышел совсем не весе-

лым.

– Это правда? – напряженно спросил Леха и тут же сам ответил – Правда. И ты молчал?

– Я проговорила, – ненатурально испугалась Настя и поцеловала Грошева.

Легкое касание, которое так хотелось продлить, но она выскользнула у него из рук.

– Просто хотела узнать, как ты, – Настя повернулась к Игрокову. – Может, объяснишь ему, что работа на семью Лисицыных лучше смерти, – и, мягко скользнув рукой по плечу Грошева, вышла, оставив после себя тишину.

– Она права, – в конце концов, сказал Игрок. – Стиратель? Я последний, кто встанет на сторону Лисы, но Макс... стиратель?

Грошев откинулся на спинку и закрыл глаза, не желая отвечать.

– Это неправильно, – друг встал, оттолкнул кресло на колесиках к стене. – Надо поговорить с Арчи.

– Он всего лишь воспитатель, – не открывая глаз, ответил Грош.

– Тогда к Нефедычу. Вернем погоны, посыплем голову пеплом.

– Да я бы с радостью, но что-то подсказывает мне, что он меня не слушает. Я не слушал его три года, – Макс провел рукой по лицу.

– Не верю, что ты сдался, – Леха остановился напротив. –

Сидишь тут и ищешь всякую фигню. Черт, – он поморщился, – тебе готовят посвящение.

– Что? – Грош открыл глаза.

– Это сюрприз. Сухарев уговорил Дорогова устроить тебе посвящение в псионники до отъезда.

– Звучит так, будто меня пригласили на собственные поминки, – ответил Макс.

– Что Лиса тебе предложила? – друг плюхнулся обратно на стул.

– Ничего определенного, обошлась намеками.

– Как бы не угодить из одной ловушки в другую. Ты же ей не веришь? – спросил Игрок.

– Она сказала, что с играми покончено.

– Я спросил не об этом, – Грошев промолчал, и сокурсник покачал головой. – Она настолько хороша?

– Сладка, как шампанское. Или наркота, – ответил Макс.

– Раз ты стал поэтом, все плохо. То есть в голову дает моментально, и после первой дозы сразу думаешь о второй.

Грош поймал себя на том, что улыбается. И ничего не может с собой поделать...

Кто из них проговорился? Для Макса не имело значения, но к вечеру казалось, что весь бункер провожал его полными жалости взглядами. И даже Маркелов, осматривая рану и меняя тугую повязку на широкую полосу пластыря, хмурился, пока, наконец, не выдержал:

– Что ты натворил?

– Ничего существенного.

– За несущественное не отправляют в стиратели. Кого-то убил? Хотя, о чем это я, тогда ты не проходил бы здесь практику.

Он думал о том, что совершил за эти годы. Он не был образцовым студентом, теперь предстояло за это расплатиться. Врач взял стетоскоп, и Грошев принялся усердно дышать. Парень бессознательно рассматривал витую серебряную цепочку на груди Гранта. Сегодня халат был расстегнут, Макс видел край пластикового кад-арта. Парень нахмурился и, не задумываясь о том, как можно истолковать его жест, поддел цепочку пальцем и вытащил хранителя разума. Вернее, его пластиковую подделку.

– Хм, – Грант поднял бровь, Макс разжал пальцы и кристалл упал на белый халат.

Парень поднял глаза. На ладони, как на самом первом практикуме по псионнике, разливалась, скользя по коже, сила. Каждый волосок на руке встал дыбом, будто от холода. Маркелов улыбнулся, и в лицо парню дохнуло острой кислотой. Так пахло содержание банки с грибами. Одна такая у бабушки в подполе упала с пола, и, разбившись, пролежала на полу пару дней.

– Вы псионник? – сказал Грошев, едва замечая, что повышает голос.

– Да, – ответил Грант, убирая стетоскоп.

– Но вы врач?

– Опять верно.

– Так не бывает.

– Почему? – пожал плечами мужчина. – Конечно, специализация редкая, – он встал и знаком велел парню одеваться. – Сначала на биологическую экспертизу пошел, потом с жертвами нападения блуждающих пришлось поработать, подал рапорт о переводе в медслужбу, потом универ, военная кафедра, практика. А ты кем мечтал стать?

– Бегуном на длинные дистанции, – Грош накинул рубашку.

– Тогда иди в службу поиска, набегаешься так, что ноги болеть будут, – врач посмотрел на парня. – Дело не в психике, – он снял халат, – дело в тебе, всегда в тебе.

– У меня нет выбора, – буркнул Макс, вставая.

– Выбор есть всегда, – врач открыл дверь. – Могу за тебя словечко в медслужбе замолвить, если грязной работы не боишься. Ничего не обещаю, но если кто-то отправит персональный запрос на конкретного студента, возможно, там, – он указал наверх, – передумают.

– Спасибо, не надо, – Грошев вышел в коридор.

– Ну, смотри сам.

На него смотрели и в столовой, и в залах с образцами, и в коридорах. Везде. Он больше не был незнакомцем, он стал кандидатом в покойники, а смерть, пусть и отсроченная, все-

гда вызывает в людях нездоровое любопытство. Знакомые и незнакомые, мужчины и женщины и даже Игроков. Эти взгляды были сродни чесотки на коже. Только один человек был другим, только один смотрел по-другому.

Он знал, что она придет, еще до того, как открылась дверь. Теплые ладони обхватили его лицо, а губы прижались к губам. Наверное, так и надо целовать будущих мертвецов. Жадно и требовательно. Она словно не могла насытиться, чувствуя, что отведенное им время истекает. А, может, все это бред, все эти предчувствия и заморочки. Они просто тянулись друг к другу и не видели причин сдерживаться.

Надобность в словах отпала. Они пришли после. Когда она лежала, прижавшись щекой к груди, и он кожей чувствовал ее улыбку.

– Что Ирыч делал у дома художника? – спросил он. – Как вы его туда заманили? Как рассчитали момент, когда напал призрак? Как...

Он почувствовал, как она окаменела, как из теплой нежащейся девушки превратилась в статую и вдруг приподнялась, собираясь выбраться из его рук, из его постели, из его комнаты и, возможно, из его жизни. Он не мог ей этого позволить. Настя вскрикнула, когда он схватил ее. Макс перевернулся, прижимая девушку к постели собственным весом, и заглянул в карие глаза.

– Я получу ответы на вопросы. Но если ты будешь так реагировать на каждый, – он чуть сдвинулся, чувствуя под со-

бой ее тело, – мне придется применить силу. И тебе это понравится, – Грош скользнул ладонью вдоль стройного бедра.

Она распахнула глаза.

– Итак? Ирыч...?

Девушка охнула.

– Неправильный ответ, – он поднял пальцы выше к груди.

– Ммм, – сказала Лиса.

– Уже лучше. Как вы его туда заманили?

– Макс, – он снова двинулся вдавливая бедрами ее тело в кровать, – мы не заманивали, – быстро проговорила она севшим голосом, не делая ни малейшей попытки вырваться. – Назначили встречу, он сам пришел. Прибежаа-а-ал, – парень не слушая, поцеловал шею, и она выгнулась.

– Что ему понадобилось?

– Псионник ему понадобился, – она выдохнула, и Макс завладел губами девушки.

– Значит, он знал о хвосте, – через минуту проговорил он, – и пытался что-то сделать.

Мысль (такая четкая) вдруг стала отдаляться, когда Настя подалась ему навстречу. Похоже, он переоценил свои выдержку и желание знать правду.

– Как вы узнали, что блуждающий нападет? Почему именно дом художника? – успел сказать он и, не в силах справиться с желанием, снова стал целовать Лису, не давая ответить.

– Мы и... ох, не знали. Макс! – его имя на выдохе, словно стон, сладость которого сложно передать. – Либо прекрати,

либо не прекращай.

Он засмеялся, прекрасно понимая, что она имеет в виду.

– Дом художника, – напомнил он, возвращая руки на ее бедра. – Почему там?

– А где? Отец купил его давно, только все никак, – она приподнялась, подаваясь вперед, и Макс забыл, что спросил, и забыл, какой ответ намеревался услышать, – не отремонтирует.

Это был последний членораздельный звук, который она смогла произнести. Больше вопросов он не задавал, потому что они вдруг стали не важны. Эта девушка с легкостью ставила все с ног на голову. И ему это нравилось. Жаль, что ледяной комок в груди оставался на месте, придавая горький привкус удовольствию.

– Интересный метод ведения допроса, – сказала Настя, отодвигаясь к стене. – Продолжим?

– Непременно. Я только отдышусь, – Макс откинулся на подушку. – Может, так ответишь?

– Может, – стала серьезной девушка. – Не скажу, что мне не понравилось, но, – она коснулась пальцами его плеча, – иногда ты смотришь так, словно ненавидишь.

– Не ненавижу. Злюсь, – он снова ощутил ледяной дискомфорт в груди. – Ты врешь на каждом шагу, а я получаю по голове.

– Станет легче, если я извинюсь?

– Нет.

– Извини за тот удар, – упрямо сказала Настя. – Калес меня не послушал. Да, подставную кражу придумала я, – девушка избегала смотреть ему в глаза, – но там... все случилось так неожиданно. Прибежал этот придурок Ирыч, стал орать, что заплатит, только бы я отрезала хвост. Уговаривал что-то еще сделать, не помню. Я должна была встретиться с братом. Тут призрак и сжег мужика. Я ничего не успела сделать.

– Не захотела.

– И это тоже. Потом ты решил не проходить мимо, а влезть. Брат сказал: «Обвинением больше, обвинением меньше». Ты сам пришел к нам.

– Тогда почему ты помогла мне потом, со следом от привязки мертвого на руке? – он поднял руку. – Все старания братца насмарку.

– Артем попросил, – просто ответила Настя.

Имя камнем упало между ними, возводя почти осязаемую стену тишины.

– Здорово, – протянул Грош.

– Макс, перестань, – Лиса коснулась его, но он оттолкнул тонкие пальцы, чувствуя, как лед запустил разрастающиеся щупальца глубже в грудь. Дело не только в нем или в Насте, есть еще и Самарский, Калес и их поступки.

– Макс, – теперь уже девушка приподнялась, нависая над ним, – я не могу изменить прошлое. Только будущее.

Он нехотя повернулся, Лиса наклонилась, касаясь его об-

наженной грудью, и это было намного приятнее всяких разговоров.

– Я снова могу помочь. Тебе.

– На Лисицыных я работать не буду.

– Но почему? Это глупо.

Грошев вздохнул и, ухватив за подбородок, заставил девушку смотреть себе в глаза.

– Скажи, что вы задумали, – попросил он. – Просто скажи, и если это не столь плохо, как быть стирателем, я соглашусь, – она вырвалась. – Иначе никак, Настя.

Когда он назвал ее по имени, она вздрогнула. Воздух в комнате остыл, словно все, что происходило здесь несколько минут назад, было всего лишь видением или ложью. И даже прикосновение ее обнаженной кожи не убеждало в обратном.

– Говори. Или уходи и не возвращайся.

– Ну и пожалуйста, – она, вырываясь из его рук, вскочила босыми ногами на пол и стала лихорадочно собирать одежду.

Макс молча наблюдал. Она порывисто хватала тряпки, напяливала на себя, застегивала рубашку. Он ждал. Перед дверью Лиса замерла, вся ее показная решимость испарилась. Он знал, чего она ждет. Грош и сам хотел этого, хотел встать, подойти, положить руки на плечи и прижать к себе. Махнуть на всю эту говорилку рукой и насладиться моментом. Макс знал, что пожалеет об этом в любом случае, и если остановит, вернет в постель, и если разрешит уйти. Именно поэто-

му не двинулся с места. Плечи девушки задрожали, на пороге Настя повернулась, лицо исказилось от боли.

Это оказалось неожиданно больно. Видеть Лису такой. Он выдохнул и, послав все к черту, стал подниматься. Но она не стала ждать. Или в очередной многоходовке он должен был побегать голышом по коридору? Девушка всхлипнула и, выскочив, громко хлопнула дверью.

Вот и все, – мысленно сказал себе Макс, поднимая брюки. Но думал он отнюдь не об уходе девушки, он думал о ее молчании. Было хорошо. И хорошо, что было. Грош для Лисицыной ни умом, ни рожей не вышел. Мысль отдавала горечью.

Он сел за стол и достал из ящика пачку бумаги. В Императорском бункере электронную почту просто так не отправишь. Все подлежит модерации службой безопасности. А он не мог позволить посторонним прочесть, то, что собирался написать. Пока не мог. Макс едва не расхохотался. Когда-то, еще совсем недавно, все было наоборот. Он не доверял бумаге. Одно лето – и все изменилось. Если бы сейчас кто-то взялся озвучить перед группой письмо, в котором матушка интересуется, есть ли у него чистые носки и трусы, он поблагодарил бы доброхота. Наверное.

Когда Грошев писал в последний раз? Очень давно. Можно сказать, что никогда. Те краткие отписки матери сложно назвать письмами. Он водил ручкой по бумаге, зачеркивал и снова писал, потом чуть не бросил эту затею, сменяя оче-

редной лист. Он походил по комнате, порылся в ящике стола, нашел среди ручек, карандашей и клочков бумаги пару конвертов с золотистыми оттисками Имперского герба. То, что осталось от прежнего жильца. Макс решил, что это знак, и снова взялся за ручку.

К часу ночи перед ним лежали два исписанных острым почерком листа. Текст был почти полностью идентичен. Убирая их в конверты, Грош подавил детское желание пририсовать императорскому ястребу рожки и куриные ноги. В одно из писем он опустил кад-арт Соболева и написал имя адресата. Он надеялся, что чувство мести не затмит Сеньке разум. Хреновые дела, если это все, на что он может рассчитывать.

Второе письмо Макс запечатал еще быстрее и написал домашний адрес в Травороте. Вряд ли мать могла в чем-нибудь помочь, да он и не рассчитывал, но передать письмо следователю корпуса, который занимался расследованием убийства отца, ей вполне по силам.

Утро шестнадцатого дня в бункере выдалось сумбурным и каким-то бестолковым. Привыкший вставать по будильнику Грошев неожиданно проспал и пропустил завтрак. Потом его в коридоре остановила какая-то тетка и потащила на склад получать ботинки. Лиса словно исчезла, впрочем, Макс не особо жаждал встречи. Он попробовал найти Игрока и не преуспел, того не было ни в комнате, ни в коридорах, по которым он бестолково слонялся, пока не наткнулся в це-

ремониальном зале на профессора.

– На кафедре археологии и перезахоронений не откажутся от еще одного студента, – Дорогов рукой подозвал Грошева.

– Спасибо, но... – Макс замялся, не зная, как сказать, как описать, что на самом деле чувствовал. Он никогда раньше не сталкивался с желанием что-то объяснить. Но в одном был уверен: кафедры археологии ему не видать, как своих ушей.

– Сам разберешься, – правильно понял мужчина.

– Да, – и, повинувшись наитию, парень протянул конверт с кад-артом Соболева, – можете отправить побыстрее, а то ребята распределение получают, а сокурсник без документов.

– Конечно. Отправлю завтра со своей почтой, – пообещал Дорогов.

Макс полез в карман за вторым конвертом, когда раздался голос Сухарева:

– Иван Аверович, – обогнув ближайшую колонну, подошел к ним парень, кивком поздоровался с Максом и посмотрел на профессора, – мы вчера говорили... ну, вы помните? Вы обещали помочь.

– Да-да, бери, Сергей, – мужчина отмахнулся от ученика и вернулся к разговору с Грошевым. – Я понимаю, у нас не самая интересная специализация.

– Дело не в вас и не в специализации, – парень вытащил руку из кармана, сам толком не понимая, почему вдруг передумал и оставил второе письмо на месте.

– А в чем? – Дорогов проводил взглядом уходящего Суха-

рева, который на ходу убирал в сумку мутный крупный минерал с розовой трещиной. – Может, в девушке?

– Это сложно.

– Девушки всегда все усложняют, – профессор улыбнулся и тут же спросил: – Ты ведь знаешь, что тебе готовят сюрприз.

– Знаю. Посвящение? Знать бы, кто надоумил, – Макс сцел зубы. – Чего хоть от меня ждут, не подскажите?

– Красивый ритуал, по сути, повторение того, что совершил Керифонт. Положишь руки на камень, скажешь несколько громких и пафосных фраз. Сходи повеселись. Ребята с утра бегают, сосиски на кухне выпрашивают.

– Что-то мне не до веселья, – он взъерошил волосы. – Что вы сказали? Надо куда-то идти? А разве не здесь... – он оглядел зал с колоннами.

– Обычно да, – правильно понял замешательство парня Дорогов, – но после того, как все узнали о распределении, – он вздохнул, – они решили перенести все в место силы.

– Куда?

– В километре отсюда, где по легенде нашли Керифонта. Прогуляешься. Там очень красиво, кстати, когда еще выдастся возможность.

– Да ради Императора, – слова вышли излишне резкими.

– Они ничем не могут тебе помочь, а это позволяет им чувствовать себя не совсем беспомощными. Они даже первый камень выпросили, под подпись, представляешь?

– Камень Керифонта? И вы отдали? – не поверил Грошев. – Реликвию Императорского дома?

Профессор закрыл глаза и тихонько засмеялся.

– Нет, конечно. Это копия. Очень хорошая, между прочим. Неужели ты думаешь, что династия разрешит трогать реликвию каждому студенту. Первый кристалл в хранилище, там и останется. Идите спокойно, развлекайтесь, а вечером поговорим о кафедре археологии.

Третьим, кто предложил ему помощь, оказался Цаплин. Мужчина, стоящий напротив двери в капсулу перехода, одетый в джинсы, тонкий свитер и высокие ботинки, явно собрался уйти из бункера.

– Вряд ли пси-специалиста переведут в бухгалтерию, но мы можем притвориться, что нас преследует призрак и нам очень необходим именно ты, но, – он широко улыбнулся, – любой пси почувствует, что мы врем, так?

– Да, причем сразу. Так что не рискуйте.

– Уговорил, – не расстроился отказом Илья. – Не будем.

Он вставил кад-арт в панель, и белые лампочки сменились зелеными.

– Илья Веденович, – позвал Макс, – письмо не захватите? Матери написал, что все в порядке. Отсюда почту только завтра заберут, а вы уже сегодня в городе будете.

– Конечно, – мужчина забросил конверт в сумку и пожал парню руку сказал: – Увидимся. Я вернусь через пару дней, ты ведь еще будешь здесь?

– А куда я денусь, – развел руками Грошев.

– Тогда точно увидимся.

Дверь, чмокнув, открылась, Цаплин вошел в капсулу.

Макс пошел обратно, то и дело оглядываясь, испытывая смешанные чувства. Эти незнакомые люди беспокоились о нем куда сильнее знакомых. Куда сильнее его самого. И это было неправильно, это доставляло дискомфорт, с которым он не знал, что делать.

А может, дело с самого начала было в нем? Ему не за что ненавидеть этих людей, скорее он должен благодарить за спасенную жизнь. В то время как стоило увидеть Нефедыча, и злость вспыхивал, подобно факелу. Чистая простая ярость ребенка, оторванного от дома. Они не понимали, что он не мог оставить мать одну с тем, во что превращался отец, или им было все равно, ведь со стороны они оставались обычной семьей. Так уж получилось, что именно Куратор Инатара привез его в Академию, а Арчи возвращал назад после каждого побега. И это уже не изменить.

Обитатели Императорского бункера были попутчиками в малом эпизоде жизни, не успеешь оглянуться, как они пойдут свой дорогой. Но все-таки иногда он подумывал о том, чтобы лишить толстяка части его шоколадного запаса. Так что да, дело было в нем. Хорошо, что до отъезда осталось меньше недели, а то может случиться так, что они с Игроковым от безделья вынесут из Императорской сокровищницы особо ценный горшок. И ему торжественно присвоят звание

вредителя, а не псионника.

Игроков нашел его сам спустя час и, показав упаковку алюминиевых банок с газировкой и посетовав на отсутствие пива, велел зашнуровывать ботинки, так как сегодня он, наконец, станет псионником версии три-ноль-ноль.

Проф не соврал, место было красивым. Плоская вершина высокого холма, усыпанная камнями в окружении светлых березовых стволов, а над головой голубое небо, казавшееся безграничным. В первый момент Макс просто стоял и дышал. Проведя столько времени под землей, в шахте, в бункере, он даже не осознавал, как сильно на него давили эти широкие коридоры узкого безоконного мира. За час пути они с Лехой выпили две банки лимонада, обсудили политику Императора и возможность очередного побега Грошева. Он даже не особо устал, подъем был пологим. Плюс две остановки и несколько опасных взглядов друга, словно он мог рассыпаться на части в любой момент, особенно, если Макс хватался за бок.

– Привет! – поприветствовал их нестройный хор голосов.

Парень оглядел торжественный комитет по встрече и старательно растянул рот в улыбке. Почему все так хотят чувствовать себя нужными за чужой счет? Что ему здесь делать? Чего они ждут?

Два парня из охраны, которых он мельком видел на вахте, чуть в стороне соревновались, кто кого переплюнет. Ря-

дом стоял гвардеец, единственный, кто не повернул голову в сторону пришедших. Сухарев сиял как новенький чайник, за его спиной возвышалась сложенная горкой пирамида из камней, очень напоминающая Грошу курган Темных веков. Лиса сидела на бревне, специально притащенном сюда кем-то и поставленном на два плоских красных кирпича. За ним черное кострище, так называемое «место силы», которое не раз использовали для пикников. И сейчас рядом с бревном расстелили скатерть, на которой стояла стопка одноразовой посуды, колбаса, сыр, хлеб, помидоры огурцы, может еще что, выпрошенное на кухне. Игрок присел рядом и стал выставлять на импровизированный стол банки.

Вот все участники церемонии – не самое популярное видное зрелище, раз жизнерадостный толстяк решил отсидеться в бункере. Дурацкая идея, если честно, даже переминающийся с ногу на ногу Сухарев начал это понимать.

Леха подхватил со скатерти бутерброд, откусил и приглашающе указал Грошу на каменную пирамиду, на вершину которой историк уже водружал мутный минерал.

– Давай быстрее посвящайтесь, а потом будем есть, – пробормотал друг с набитым ртом.

Грошев подошел к пирамиде и выжидательно посмотрел на Сухарева.

– Ну, ты должен положить руки на кристалл и произнести клятву, – смущался историк.

Кто-то из охранников засмеялся. Пронзительный издева-

тельский звук, от которого Сергей вжал голову в плечи.

Макс положил руки на холодный минерал.

– Клятва, – Сухарев суетливо достал листок, расправил и попросил: – Повторяй.

Чужие гортанные слова вылетали из его рта, ломкими звуками оседая в чистом теплом воздухе летнего дня. Они ломали язык и скребли по горлу, словно что-то чужеродное. Некоторые были совсем непонятны, смысл других улавливался и без перевода с древнеимперского, те, что мало изменились и дошли до наших дней.

«...добле зати быть брежной защитой первой окропленной кровити служа», – оптимистично закончил Макс клятву.

На миг установилась тишина, налетевший ветер зашуршал пышными ветками кустов. Грош повернулся и увидел Лису. Девушка стояла в метре от него и смотрела на камень. Неправильно смотрела. Испуганно и жадно, словно сама хотела быть на его месте, хотела и до жути этого боялась. Она подняла на него глаза, и в них он увидел замешательство.

– Держите, – разбил тишину Леха и подал им с Серегой по банке лимонада. – Ну, как, Макс, чувствуешь прилив сверхъестественных сил?

– Вполне, – он снял руки с камня и взял жестянку. – Ну, распорядитель, а где речь? – рассмеялся Грош.

– Да расслабься ты уже, – хлопнул Сухарева по плечу Игрок. – Дело сделано.

– Ох, нет! Чуть не забыл, – студент неловко перехватил банку и достал из кармана металлическую цепочку, на которой покачивалась прямоугольная табличка. В первый момент Макс похолодел, пока не понял, что она чистая. Гладкий и ровный четырехугольник.

– Получишь номер – выбьешь, – Сухарев протянул Грошу подарок.

Лисицына взяла кристалл и поднесла к лицу, будто собиралась его понюхать. Один из охранников взял со скатерти банку с газировкой и перекинул товарищу. Свистнул, привлекая внимание Калеса, собираясь кинуть следующую, но тот не сводил взгляд с сестры.

– С посвящением, Макс, – Игрок поднял банку.

– С посвящением, – эхом откликнулся Грош.

– С посвящением, – неуверенно повторил Сергей и наконец-то заулыбался.

Они все улыбались. Сделали дело и расслабились. Грошев и запомнил этот миг таким, глупая идея, обернувшаяся неловкостью, осталась позади. Уже можно не думать ни о чем, просто стоять здесь на головокружительной высоте, вдыхать теплый пахнувший листвою воздух, пить приторно сладкий лимонад, есть бутерброды.

Калес продолжал смотреть на Лису, а та не сводила глаз с брата.

Банки соприкоснулись глухим, каким-то плоским звуком. Ту, что держал Леха, взорвалась, окатив всех пенящимся на-

питком. В воздухе повис запах газировки. На груди парня из охраны, который стоял рядом со скатертью, расцвел красный цветок. И пока мозг Макса переваривал увиденное, лихорадочно пытаясь понять, сопоставить картинку и определение, третий выстрел развернул и опрокинул навзничь Калеса.

Тонко и пронзительно закричала Настя. Пули летели, мягко кляца. Игрок среагировал первым, возможно, потому что банку выбило именно у него из рук. Леха опрокинул на землю Сухарева, Грош бросился к Насте. Последний оставшийся на ногах охранник упал за лавку, закрывая голову руками. Несколько пуль зарылись в дерево, выбивая щепу, несколько рикошетом отскочили от каменной пирамиды.

Голос, пришедший словно из ниоткуда, механической интонацией ввинтился в уши:

«Всем оставаться на своих местах, идет спецоперация Имперского корпуса».

Лиса все еще кричала, когда он повалил ее на землю. Огонь вели слева, там, где кустарник переходил в редкий березняк. Грошев был почти уверен, что смог разглядеть двигающиеся в листве фигуры в камуфляже.

– Макс, – заорал Леха и указал рукой на скопление камней на краю плоской вершины. Штук пять больших в человеческий рост валунов, облокотившихся друг на друга. Беда в том, что до них было метров двести свободного пространства.

Из-за лавки выглянул светловолосый охранник и кивнул

Игрокову. Настя дергалась, стремясь сбросить с себя парня и кинуться к уткнувшемуся лицом в мелкие камушки брату. Макс прижал ее к земле, не давая подняться, руку царапнуло что-то твердое. Кристалл Керифонта, вернее, его копия. Грош схватил минерал и, оставляя на поверхности кровавый след, сунул в карман. Ткань тут же оттопырилась, твердые грани впились в бедро.

«Идет спецоперация Имперского корпуса», – повторял механический голос.

– Давай! – рявкнул Игрок на смотрящего дикими глазами Сухарева. – Пошел, зигзагом. Быстро!

Пусть историк и был... историком, первые три года он провел в Академии на общем потоке, а там учат выполнять приказы на уровне рефлексов, во всяком случае, стараются.

Сергей побежал, петляя, как заяц. Леха следом. Макс рывком поднял Лису, но она снова рванулась к брату. Этот рывок спас ему жизнь, пуля прошла в том месте, где секунду назад была голова. Грош больше не церемонился, схватил ее и, перекинув через плечо, побежал, слыша за спиной шорох шагов светловолосого охранника.

Всем, что прикрывало их от неизвестных стрелков, были невысокие кусты да пирамида камней. Настя брыкалась, он бежал, стараясь сохранять равновесие. Это была лотерея, рулетка: повезет – не повезет.

Им повезло, они добежали, пусть и не все. Охранник, молодой парень, с которым они так и не успели познакомиться-

ся, не просто добежал до укрытия, он свалился за крайний камень, зажимая руками бедро, из которого толчками выходила кровь.

– Аааа, – хрипло заорал он, и Леха, оставив съездившегося Сухарева на земле, кинулся к парню.

Макс снял с плеча Лисицыну, не успевая удивиться тому, что не заметил, в какой момент девушка перестала вырваться. Парень почувствовал, как прикасается рукой к чему-то влажному, и замер, словно его окунули головой в прорубь. Все потеряло значение по сравнению с тем, что он мог увидеть. Их ссора, ее тайны, их семьи, вранье – все показалось таким мелким и несущественным.

Вдох – и он бережно, придерживая за шею, снял девушку с плеча.

Лиса дышала, смотря широко-раскрытыми глазами куда-то в пространство над его плечом. На боку расплзлось темное пятно. Макс усадил Настю на землю и дрогнувшими руками разорвал ткань. Кровь, заляпавшая рубашку, потихоньку сочилась из глубокой, оставленной пулей борозды. Грош, не удержавшись, с облегчением прижался к ее губам, почувствовав их вялую неподвижность и сладкий вкус лимонада. Всего лишь вырванный кусок кожи.

– Макс, ты не можешь с этим подождать? – спросил Игрок, перетягивая ремнем бедро парня.

«Идет спецоперация Имперского корпуса», – ретранслятор словно бы приблизился. – «Сохраняйте спокойствие,

поднимите руки, выходите по одному и никто не пострадает».

– Да неужели, – зло умилился Леха, – а то я не вижу.

«... спецоперация корпуса... выходите по одному...».

У Сухарева не выдержали нервы. Он, как и Лисицына, впал в какое-то подобие шока. Он не думал о том, что делает. Он выполнял приказы. Он был студентом Академии, полувоенной структуры, и не понимал, как эта самая структура может обернуться против него. Он же был ее частью. Правая рука не бьет левую. А может, он не думал, когда вставал, когда поднимал руки, когда делал шаг из-за камня.

Макс хотел запомнить парня другим, чуть смущенным, улыбающимся и неловко поднимающим вместе с ним банку с шипучкой. Обычный парень старше его на год.

Механический голос продолжал говорить, в то время как пуля, посланная невидимой рукой, разворотила ему переносицу и вышла сзади вместе с частью затылка. Сухарев упал прямо так, на спину с нелепо поднятыми руками.

– Иииии, – заскулила на высокой ноте Лисицына.

– Бьют на поражение, – прохрипел Леха.

«Идет спецоперация Имперского корпуса...».

Урок восемнадцатый – ОБЖ

Тема: «Как научиться выявлять и предвидеть опасность»

– Надо уходить. Немедленно, – Макс на полусогнутых подобрался к противоположной стороне укрытия и заглянул за край.

За валуном начинался спуск с холма, не очень крутой, поросший травой и голубыми цветами. Справа возвышалась каменная скала, похожая на коричневый кекс, или печенье, лежавшее среди холмов. У подножия журчал широкий ручей, Грош понял, что слышит его, потому что голос из ретранслятора затих, как и выстрелы. Он обернулся. Настя сидела на земле, руки, которыми она обхватывала себя за плечи, дрожали. Девушка не могла оторвать взгляда от лишившегося лица Сухарева, который еще недавно так легко краснел в ее присутствии.

– Согласен, – ответил Игрок, его ладони были красны от крови светловолосого парня, охранник шумно дышал, но вроде умирать не собирался. – Лиса, – рявкнул он, девушка вздрогнула. – Пойдешь первой.

– Я... я не...

– Никаких «не». Мы потащим... – он посмотрел на светловолосого.

– Йан, – представился тот.

– Мы потащим Йана и потащим быстро.

– Если успеем добраться до скалы, – указал рукой Грошев. – Пули нас не достанут.

– А если не успеем? – спросила Настя.

Ответом ей стал очередное извещение: «... спецоперация корпуса... выходите по одному...».

Макс вернулся к камням и подставил плечо Йану.

– Раз, два, три, взяли! Настя, не спать! – рявкнул Игрок. – Живо, пошли-пошли!

Парни подхватили охранника и потащили вниз по склону.

Голос за их спинами продолжал жизнерадостно вещать о том, что никто не пострадает. Лиса бежала, постоянно оглядываясь. Макс себе такую роскошь позволить не мог, хотя его так и подмывало бросить взгляд назад.

Высокая трава цеплялась за ступни, Йан тяжело дышал. Игрок в полголоса чертыхался. Макс каждой клеточкой тела чувствовал собственную незащищенность. Страшное тревожное ощущение, словно он был голым и ничего не мог с этим поделать, только бежать.

Краснокирпичный край скалы медленно приближался. Слишком медленно. Коричневое каменное образование напоминало лежащее овсяное печенье, которое кто-то разломил и бросил на стол в пролитый чай. Ручей, который Грош слышал все четче и четче, протекал точно в извилистой, шириной метров пять, трещине.

Настя спрыгнула в воду первой, глубина была по колено,

и девушка, поднимая тучу брызг, вбежала в тень стен, пересекла невидимую черту. Камень перекрыл линию огня.

Парни были куда как медленнее. Но Грошев успел мысленно представить себя там, когда воздух исчез, а потом обрушился на них. Земля встала на дыбы. Уши пронзила резкая боль. Вскрикнул Йан. Ну, именно так подумал Макс, когда увидел, что охранник открывает рот и падает, увлекая парней за собой. Грош скатился вниз и упал в ручей. Его обсыпало землей с головы до ног.

Слух вернулся со стоном Игрока. Воздух снова стал просто воздухом. Вновь затрещали автоматы, пули прошлись по глади воды. Если бы взрыв не опрокинул их в воду, это сделала бы очередь, но уже насовсем и с гарантией.

«Всем оставаться на своих местах, идет спецоперация Имперского корпуса».

Макс поднял голову, Леха стоял на коленях в ручье и тряс головой. Охранник единственный, кто остался на берегу, пытался сесть, приминая высокую траву. Парни, не сговариваясь, схватили Йана за руки и стащили в воду. Не давая подняться и попасть под обстрел. Пули зарылись в мягкую землю. Пока стреляли вслепую, но стоит солдатам выйти на дистанцию видимости – и они покойники.

«Идет спецоперация Имперского корпуса...» – голос походил на скрежет.

Второй взрыв раздался с противоположной стороны, словно граната на этот раз перелетела.

Йан с головой ушел под воду, вынырнул, откашлялся и чуть не повалился снова. Парни дернули его вверх, поднимая и подставляя плечи.

– Давай! – крикнул Макс, подгоняя и парней, и себя. – Идем!

Все слишком быстро, слишком стремительно, а они – словно мухи, залипшие в сиропе, мухи, которые пытаются обогнать пули.

Они втащили охранника под покрытие каменных отвесов как раз в тот момент, когда ретранслятор решил выплюнуть очередную порцию бессмысленных слов. Взрывы пошли один за другим, как и автоматные очереди. Но парни были еще целы и все еще бежали по колено в воде.

Ручей то ускорялся, то замедлялся, каменистое дно скрывалось под поднятой со дна мутью. Отвесные стены скалы словно создавали желоб, направляющий поток. То тут, то там из воды выступали глиняные остовы, похожие на шлепки сырого теста. Кто-то пытался укрепить высокие, поднимающиеся в три человеческих роста, берега, сколоченными из досок щитами.

Шум боя остался за спиной. Парни опустили Йана на глиняную кочку. Макс уперся руками в ее мягкую пружинистую поверхность и попытался отдышаться.

– Мы здесь, как в бутылке, – пробормотал охранник. – Нас перестреляют, как уток.

– Тогда зачем мы сюда сунулись? – с надрывом сказала

Настя. – Зачем побежали?

– А что, были варианты? – поднял голову Грош. – Хочешь остаться? Так вперед, беги назад, принцесса, там тебя ждет Сухарев, беги и ложись рядом.

– А если там тупик? – она развернулась, в голосе прорезались истеричные нотки.

– Нет там тупика, – Леха сел рядом. – Если уж вода нашла выход на поверхность, обратно не загонишь.

– Я ничего не понимаю, – Лиса посмотрела на Макса, – не понимаю, – повторила девушка и вдруг сорвалась с места, подскочила к нему и ударила в бок, едва не опрокинув в воду. – Все из-за тебя! Из-за тебя! – второй удар. – Вечно тебе на месте не сидится, вечно, – она снова замахнулась, Грош схватил ее за плечи и оттолкнул.

Лисицына взвизгнула и отвесила парню пощечину. Замахнулась снова, но он перехватил ее руку. Лиса завывала странным нечеловеческим голосом:

– Из-за тебя погиб Калес!

Мир перед глазами Макс словно подернулся темной дымкой, в которой бледным пятном выделялось искаженное лицо девушки. Что-то в нем изменилось, лопнуло с глухим, не слышимым никому звуком. Грош дернул Лису на себя, схватил за волосы, ногой проводя подсечку. Она ожидала чего угодно, но только не этого, и повалилась на колени, а парень, чувствуя удовлетворение, окунул ее с головой в воду. Девушка забилась, словно пойманная рыба, и на секунду вынырнула.

ла, хватая воздух. Но парень окунул ее опять. Она махала руками, окатывая его водой с головы до ног.

– Макс! – закричал Игрок, бросаясь к другу. – Перестань! Что ты творишь?

Грош разжал руки и, тяжело дыша, отступил. Настя упала на задницу, отплевываясь, вода стекала с мокрых облепивших голову волос.

– Да что с тобой? – Игрок встал между ними. – У нее всего лишь истерика. Обычная бабская истерика!

Макс обошел друга и склонился к лицу девушки. Та судорожно дышала.

– Из-за меня?

– Макс, – друг схватил его за плечи. – Перестань.

– Мне перестать? – рассмеялся Грошев. – Посмотрим, как ты заговоришь, когда узнаешь, что она придумала.

В лицо дохнуло гнилью. И все трое: Макс, Алексей и по-прежнему сидящая по грудь в воде Лиса – повернулись в сторону светловолосого охранника.

– У тебя хвост? – первым отреагировал Игроков.

– Есть такое, – прохрипел Йан. – Довел я пару раз домашнюю училку до слез.

– Пару раз?

– После третьего она уволилась, а потом вроде под машину попала.

За их спинами раздавались приглушенные расстоянием взрывы. Голос из ретранслятора вдруг прервался на полусло-

ве, в последний раз отдавшись механическим эхом, затих, словно что-то большое схватило его и скомкало.

– Да с кем они там воюют? – затравленно оглянулся Йан.

– Будем выяснять или поспешим? – Игроков подставил плечо охраннику.

– Или, – с другой стороны встал Макс и повернулся к Ли-сицыной. – Вставай, русалка, утопиться всегда успеешь.

Вода прибывала, через сотню другую метров ручей уже был им по бедра, а заключенному в коричневые стены потоку все не было видно конца. Горная порода, грубые деревянные щиты, защищающие грунт от размывания, глиняные кочки, камни под ногами и отдаляющиеся звуки боя.

– Что происходит? – спросил Йан, когда после очередного рывка они чуть замедлили шаги. – Империя вступила в войну?

– Здесь на Инатаре? – фыркнул Игрок. – С кем? Разве что с нами.

– Точно. Это мы там говорилку сломали, – вставил Грошев, – и гранатами жонглируем тоже мы, а уж сколько у нас стволов... – голос парня стал мечтательным.

Лиса развернулась и, глядя куда угодно, только не на Макса, спросила:

– Так они там с кем-то воюют?

– Конечно, – ответил Игрок. – Не в молоко же они столько времени лупят. Уж давно уже должны были понять, что мы смылись.

– Так, может, они не за нами и приходили? – предположила девушка.

– За нами, – припечатал Грошев. – И не строй святую. Девушка отвернулась.

– Так, а теперь для дураков, – попросил друг и, нервно дернув щекой, оглянулся туда, где они все чувствовали следующий за ними хвост охранника.

– Леха, – рассмеялся Грош, – ты до сих пор не понял, в чем состоял великий план Лисицыных?

– Ага, я же говорю, для дураков.

– Брось, все очевидно: перенесли посвящение в место силы, полное повторение ритуала Керифонта. А что тот сделал? Ну, начинай уже соображать!

Игроков потрянул головой и иронично ответил:

– Меня часто били по голове, что-то не получается.

– А я думал, что во мне такого особенного, – Макс задумчиво посмотрел на Настю. – Что такого в нищем студенте?

– Ты один такой, – прошептала Лиса и отвернулась. – Ты один никогда не цеплялся за силу, единственный, кто готов от нее отказаться, – с каждым словом голос девушки становился все тише и тише.

– Так почему ты не попросила? Там, лежа в моей постели, просто не попросила?

– И ты бы согласился?

– Да, – просто сказал Макс.

– То есть вы хотите сказать... – не поверил Игроков.

– Ага. Они повторяли ритуал, надеясь лишить меня силы. Ни с кем другим такое бы не прокатило, потому что он должен хотеть отдать силу, как когда-то Керифонт.

– Только воля человека, никакого принуждения, – Настя пнула воду.

– Это же... это же... – не смог сформулировать мысль Ле-ха.

– Глупость, – выразил всеобщее мнение Йан. – Красивая легенда.

– Ты это не мне, ты это ей скажи, – фыркнул Грошев.

– Да что вы понимаете, – девушка развернулась. – Сказки? Как же. Это история. В моей семье хранятся исторические документы темных веков...

– Куда уж нам до Лисицыных, – процедил Макс. – Скажи, кто после меня должен был коснуться камня? Хотя нет, молчи. Сам угадаю – Калес. Твой братец. Ради этого вы все затеяли?

– Заткнись! Заткнись! Заткнись! – девушка сжала кулаки. – Тебе не нужна сила. Так что же в этом такого? Что? Мой брат родился человеком! Ты не представляешь, что это такое!

– Совсем не представляем, – вставил Йан. – Калес помешанный, я всегда это знал.

– Он мечтает о черной форме, – Грош почувствовал, как в груди снова разрастается холод.

– Жаль тебя разочаровывать, но этот камень перетрогала

куча псионников, – Игрок остановился, охранник снял руку с плеча и оперся о скалу.

– Камень – подделка, – Макс тоже остановился, выпрямляясь. – Профессор хранит настоящий в хранилище.

– У меня для тебя новость, Грошев, – зло сказала Настя. – Профессор Дорогов – мой дядя. Тетя Лиита вышла замуж за псионника. Такая уж у нас семья, мы связываем жизнь с пси-специалистами, – она фыркнула. – Камень настоящий.

– Погодите-погодите, мы что, украли реликвию Императорского дома только потому, что девчонка перечитала на ночь сказок? – не поверил Йан.

– Да идите вы, – заплакала Настя. – Если бы сила передавалась... брат... это его мечта. Была, – она закрыла лицо руками.

– И за свои мечты вы решили расплатиться чужими жизнями, – констатировал Грош.

– Да что же это такое, – закричал Игроков и, развернувшись, швырнул силой в стену. Нервное движение, полное злости. Призрак, не приближаясь, вильнул в сторону.

Энергия скользнула за ближайший деревянный щит и вдруг вернулась обратно, словно кто-то там отбил ее ракеткой как при игре в теннис. Все, кроме охранника, присели, избегая удара. Сработали рефлексy, они сильнее знания, что пси-сила не может причинить им вреда.

– Что за...

Макс присмотрелся к щиту и, преодолев расстояние до

скалы, ухватился за доски и дернул. Дерево намертво пристало к глине. Мышцы на руках у парня вздулись, он рыкнул и выдернул щит, за которым была все та же красноватая порода или глина, а, может, и смесь и того, и другого.

Грошев отступил, бросая доски в воду, встряхнул руками и закрутил силу. Энергия, подчиняясь повороту ладони, закрутилась в вихрь. Все было как в тот раз. Там было что-то, оттолкнувшее силу. Совсем как древний щит. И так же, как щит, оно должно было не только отталкивать энергию, но и притягиваться к ладоням, испускавшим ее. И оно притянулось. Вылезло из пористой породы и влетело в руки Грошева. Остов грудной клетки, лишившейся нескольких ребер.

– Ого, – Игрок шагнул вперед, а Лиса наоборот назад.

Йан опустился на кочку и невпопад спросил:

– Не знаете, насколько можно накладывать жгут? Я ноги не чувствую.

– В теплое время года на два часа, – ответил Макс, наблюдая, как кости падают в воду и чуть поворачиваются в мутной толще.

– Что это? – прошептала Настя.

– Костяк, – Леха подцепил пальцем грудную клетку и поднял.

Грош посмотрел на дыру, во влажной глубине которой белели обломки других костей. На его глазах в воду упал кусок глины.

– Я его даже не чувствую. Ни фона, ни остаточных явле-

ний. Ничего.

– А кого мы не чувствуем после смерти? – повернулся к другу Грош.

– Псионников, – прошептала Лиса.

– Именно. Из чего же сделан тот древний щит?

– Или чем покрыт? – качнулся Леха.

– Пожалуй, я не хочу этого знать, – сказала Настя.

– Но я бил по призраку, а попал... – он обернулся к Яану. – Ты уверен, что там твоя училка круги вокруг нас наворачивает? Кстати, училка? Домашняя? Серьезно? Ты что из этих? – он посмотрела на Лису.

– Ну... – парень растер немеющую ногу. – Виновен, – он развел руками. – Я не в курсе, училка или не училка, это по вашей части. Я не узнаю, кто это, пока мертвый не материализуется. Я его даже не чувствую.

– Н-да, – сказал Игрок, и они синхронно повернули головы вправо, туда, где чувствовали преследующего их призрака, парень бросил кости в воду. – Как отличить одного призрака от другого?

– По методу смерти, – ответила Лиса. – Он индивидуален, как и отпечатки пальцев.

– Мы ведь не об экспертизе говорим? Не о тесте ДНК? – Леха выпрямился.

– О проекции в мозг...

Лиса говорила что-то еще, но Макс уже не слушал. Предыдущие слова разорвались в голове подобно петардам, кото-

рые они запускали с пацанами на пустыре за домом. Слова клятвы, камень и сказки Лисы (а сказки, ли?) – все выглядело чересчур нелепо, чтобы хоть кто-то принял их всерьез, поверил в ритуал с изъятием силы. Никто и не поверит.

Он застонал, теперь они будут умолять, чтобы их взяли в стиратели. И если у него и Игрокова есть шанс выкрутиться, пусть очень и очень призрачный, то у Лисицыной его нет вообще. Она перехитрила сама себя. Или это сделал кто-то другой. Как-то уж очень удачно она нашла хроники темных веков. Он бы не удивился, если однажды утром они просто появились в туалете под рулоном бумаги.

Послышался нарастающий шум, похожий на стрекот лопастей вертолета.

– Боги, – Настя зажала себе рот руками.

Парни вскочили и, словно опомнившись, подхватили Йа-на и побежали.

– Боги, боги, – в такт каждому шагу повторяла Настя.

– Добазарились, они вызвали вертушки, – процедил Леха.

Макс едва не споткнулся. В их бегстве не было ни малейшего смысла, вряд ли они доживут до вечера. Не имело значения, где они находятся, их найдут на краю света и дальше. Но они все равно бежали, не в силах остановиться.

Был один шанс спасти их: Игрока, Настю и даже этого Йа-на, который окажется под ударом из-за происхождения. Умереть – вот все, что для этого требуется.

Над головой с треском пролетел вертолет.

– Но ведь те, с кем-то сражались, – проговорила, задыхаясь, Лиса, – и другие необязательно захотят нас убить.

– Враг моего врага – мой друг? – сыронизировал Йан.

– Мы всего лишь студенты! – выкрикнула она.

Глубина ручья уменьшилась, отвесные берега закончились округлыми скальными образованиями. Они выростали из земли оплывшими сталагмитами перед расколовшим скалу ручьем подобно двум часовым. Поток воды вырывался из жесткого каркаса стен, поворачивал налево, огибая густую рощу, которая подступала к скале почти вплотную.

Они бросились под зеленые кроны. Вломились, треща сучьями и ругаясь сквозь зубы. Вертолет пошел на второй круг. Гроша хлестали ветки, которые задевала бегущая впереди Лиса. Где-то впереди взревел, заводясь, мотор.

Настя взвизгнула и бросилась в сторону. Они не знали, кто или что ждет их на этой стороне, но смерть – эффективный учитель, и она быстро учит осторожности.

Бегство завершилось криком Йана. Охранник запнулся, вскрикнул, нога, которую он почти не чувствовал, подломилась. Он стал заваливаться вперед, обрушивая парням на плечи тяжесть тела и увлекая их за собой. Макс врезался в землю плечом. Собирая листву, хвою, ветки и вырывая папоротники с корнем.

То, что все кончено, Грошев понял сразу. По позе Лисицыной, по ее поднятым дрожащим рукам, по тихим, но казавшимся такими оглушительными, всхлипам.

Следующие несколько секунд были для него длинными. Они вместили в себя так много. Макс, поднимаясь, оттолкнулся от земли и рывком бросился к девушке. Перед ней стоял солдат в камуфляже. Дуло автомата направлено Лисе в грудь. Мгновение растерянности и удивления – это все, что у них было.

Грошев оттолкнул Настю с линии огня, поднырнул под автомат, схватил рукой, задирая ствол к небу, и нанес резкий удар в грудь. Солдат захрипел, парень вырвал оружие и, тут же развернув, ударил прикладом в челюсть, отправляя в нокаут. Тот даже не нажал на курок, и в роще все еще стояла тишина.

Он и сам был удивлен, как легко у него это вышло, как просто оказалось ударить незнакомого парня. И как быстро. Но это их не спасет, их обнаружат в ближайшие минуты. Они вернулись к тому, с чего начинали полчаса назад, только ретранслятора не хватало.

Затрещали кусты, послышалась переключка, уйти они не успевали. Игрок только начал подниматься, Йан даже не пытался.

– Надеюсь, ты это запомнишь, – проговорил Макс и, схватив Настю за шею, притянул к себе и поцеловал. Получилось неловко. Они ударились зубами, парень почувствовал во рту вкус крови. Совсем не так он представлял себе их последний поцелуй.

Он оттолкнул девушку за секунду до того, как из-за кустов

вышел второй солдат, а за ним и третий. Парень перехватил автомат.

– С дороги, идиот, – рывкнул он, нарочито грубо сбивая с ног Игрока.

Грошев бросился бежать, каждую секунду ожидая выстрела в спину или, что еще хуже, несколько коротких очередей, ставящих точку на его попытке спасти остальных.

«А еще говорил, что не герой», – с горечью подумал он. – «И был прав. Не герой, а дурак. Влюбленный дурак. Теперь бы еще как остаться живым дураком».

– Не двигаться! Руки держать на виду! – раздались отрывистые приказы. – Киран, давай за ним!

Солдаты предпочли взять сокурсников живыми. Может, потому что они лежали на земле и не тянули на противников, а может... может, эти действительно были другими и не успели получить приказ «бить на поражение». Это уже больше того, что они ожидали полчаса назад и на что могли надеяться. Грош дал им другую цель, его бегство можно было рассматривать только как признание вины, особенно если учесть, что мутный минерал оттопыривал его карман.

Ветки, листья, стволы – все сливалось перед глазами. За спиной трещали сучья, его преследовало, как минимум, пять человек. Он потерял чувство времени и направления, сосредоточился на цели, которой сам не видел.

Парень преодолел километр, прежде чем ранение дало о себе знать тупой болью в боку. Макс бежал, зная, что долго

в таком темпе не выдержит. Он начал уставать. Надо было придумать что-то прямо сейчас, пока он может думать. Солдаты отставали метров на пятьдесят, и он принял решение, граничившее с безумием. Просто взять и остановиться. Зайти за широкий ствол, прислониться спиной и сесть под покрытие куста. И помолиться, чтобы никто из пробежавших вперед спустя минуту солдат не обернулся. Собак у них не было, оставалось надеяться, что не будет и следопыта.

Преследователи быстро пробежали вперед и скрылись, оставив после себя лишь качающиеся ветви. В пылу погони они еще не поняли, что преследовать уже некого. Но это ненадолго.

Макс выдохнул, выждал с десятков секунд и как можно тише пошел назад, стараясь не бежать, не паниковать, не поддаваться голосу, кричащему в голове о том, что он совершает ошибку. Фатальную.

Они не настолько психи, чтобы искать парня у себя в тылу. Главное – не перехитрить самого себя.

Прежде, чем Грош увидел сквозь листву знакомую красноватую стену, он успел сделать пару кругов по казавшимся однообразным лесу и трижды проклясть собственную идею. Он услышал голоса и журчание ручья, где-то рядом тарахтел мотор. Макс перемещался по опушке, то замирая, то возобновляя движение. Надо сказать, солдат оказалось гораздо меньше, чем он ожидал. Два небольших отряда уходили на север вдоль скалы, которая сейчас оказалась развернута

к нему не расколотой стороной, а боком. Вертолет стрекотал где-то южнее, но сколько парень не выворачивал голову, не смог ничего рассмотреть. Правее стояла машина с открытым верхом, в которой седовласый мужчина в камуфляже в раздражении тряс рацию. Он пока не понял, что здесь, на Инатаре, связаться с кем-то зачастую очень сложно.

– ЛП7, ответьте! ЛП7!

Макс услышал голос, совсем недавно предлагавший ему помощь. Парень посмотрел вслед уходящему отряду. Решение выйти на открытое пространство далось ему нелегко, но альтернативы не было.

– ЛП7...

Дуло автомата уперлось мужчине в затылок, и тот замолчал, продолжая сжимать рацию, вторая рука потянулась к кобуре на поясе.

– Даже не думай, – предупредил его Грош. – Я выстрелю быстрее.

– Не сомневаюсь, Максим. Обойдемся без глупостей. Убери игрушку. Уверен, ты можешь все объяснить, – Цаплин повернул голову.

Макс сел на заднее сиденье.

– Могу. Но вы и так все знаете. Письмо читали?

– Читал, Максим. Знаешь, эпистолярный жанр – это не твое, переходи на фантастику.

– Спасибо за совет. Поехали, – парень чуть шевельнул оружием. – Я понял, что меня смущало в вас.

– И что это?

– Ширина плеч. Форма идет вам больше костюма клерка.

– Я должен радоваться, что парни начали обращать внимание на мои плечи? – Илья нажал на газ, и большеколесная машина поехала вдоль скалы.

– Кто вы? – Макс оглядел форму, не имевшую знаков различий. – Корпус? Гвардия? Разведка?

– Пусть будет разведка, – машина подпрыгнула на камне, дуло автомата ударило о стриженный затылок, металл скользил во вспотевших руках. – Что дальше?

– Я думаю.

– Не буду мешать, – автомобиль взобрался на пригорок и чуть замедлил ход. – Ты понимаешь, что тебе не уйти.

– Понимаю, тормози, – Макс огляделся: справа скала, слева лес, впереди оплывшая куча песка, за ней спуск неровный, будто изрытый чем-то овраг, перегородженный упавшим стволом.

– Максим, отдай камень.

– Отдам, вылезай, – скомандовал парень.

– Тебе что-то нужно взамен?

– Деньги? – получилось вопросительно, и Грош, прочистив горло, твердо добавил. – Деньги.

– Сколько? В какой валюте? Цифра или нал?

– Цифра, – Макс представил, как тащит на хребте мешок с монетами. – Счет в иностранном банке Аурии²¹, с клю-

²¹ Аурия – островное государство, имеющее с Империей Камней на юге вод-

чом-картой на предъявителя.

– Почему там?

– У них нет с Империей договора о выдаче преступников.

Миллиона, думаю, хватит.

– Чего не миллиарда?

– А потянете?

– Без понятия. Я же не бухгалтер, – Цаплин шевельнул плечами. – Когда и где совершим обмен?

– Через два дня. В нашем лагере, и если там будут снайперы...

– А они будут, – вставил Илья.

– Тогда им придется застрелить меня на глазах у всего курса.

– Я передам им твоё пожелание. Значит, через два дня, считая с сегодня...

Глухой удар прервал его на полуслове. Макс опустил автомат, посмотрел на тело мужчины у своих ног и вернулся к машине, заглушил мотор и выкинул ключи.

Через полчаса Грошев вернулся к трещине. Он спрыгнул в ручей и побрел обратно. Миновал округлые наросты, вода стала подниматься, омывая глиняные кочки. Впереди показались покачивающийся на воде щит и дыра, из которой вылез остов грудной клетки.

ную границу, территория – 1 817 540 км², является крупнейшей страной-поставщиком продуктов рыболовецкой промышленности. Столица – Джурта. Государственный язык – аурский. (Атлас Мира, издание девятое, дополнение и исправленное, Триворот 19.. г).

Расходовать силы не стал. Остановился и запустил туда ладони, вытаскивая холодную землю вперемешку с камнями. Комки падали в воду, делая ее мутной. Руки ушли по локоть, прежде чем он нашел то, что искал. Макс ухватил шершавую кость, с усилием вытащил и окунул в воду, смывая грязь. Макс посмотрел в пустые глазницы черепа и сказал:

– Пойдешь со мной.

Некропольский освещался из рук вон плохо. Перед каждым крыльцом висел фонарь, но его свет часто не дотягивался даже до забора. Свет чередовался с тенью, и потому улицы походили на полосатые леденцы. Случались и темные переулки, в которых Макс позволил себе передохнуть, и наоборот – залитые светом участки, куда парень избегал соваться. Поселок выглядел мирно. Почти.

Грош засек три военных патруля, пока добирался до нужного дома. Из-за последнего пришлось просидеть под забором, пока два идиота с повязками решат, кого они больше хотят затащить в постель: Лельку или Каську. Так и не придя к единому мнению, Макс уже подумывал выйти и кинуть монетку, когда они наконец-то пошли дальше.

Грошев пересек улицу. Усталый парень в грязной форме с черепом наперевес. Сутки с небольшим потребовалось ему, чтобы спуститься в поселок. Парень с черепом наперевес. К собственному удивлению, Макс не упал и не заблудился.

Дверь открылась после короткого стука. Тетка Маша

оглядела его с головы до ног, отдельно остановившись на черепе, и молча посторонилась, пропуская студента внутрь.

– Телефон, – сразу потребовал парень, – библиотекарьша достала из кармана халата трубку. – Второй телефон, – она скупно улыбнулась, достала из другого еще один аппарат.

Парень сгреб телефоны, небрежно бросил их в раковину, включил воду. Посмотрел, как струя разбивается о черный пластик, и сунул под кран голову, смывая грязь и пот.

– Никаких денег не напасешься, – вздохнула бабка.

– Не волнуйтесь, я скоро получу миллион и куплю вам новый.

– Пулю в башку ты получишь.

– Накормите? – он вытер лицо полотенцем.

– Желание умирающего – закон, – она пошла в комнату. –

Кстати, мой жилец временно снял комнату в госпитале, так что можешь одолжить у него портки, – женщина загремела посудой.

Макс прошел через широкую гостиную и заглянул в следуюшую комнату. Там царил образцово показательный бардак. Кровать без белья, распахнутый шкаф, зияющий пустотой, и гора всякого хлама на полу. В большинстве своем – одежда. На некоторых вещах виднелись отпечатки ботинок. Тряпки, книги, флакон пены для бритья, что-то еще.

Парень присел и вытащил из кучи китель с лейтенантскими нашивками. Императорская гвардия.

– Это его друзья приходили, вещи в больницу собирали, –

сказала тетка Маша, и он вздрогнул, совсем забыв, что эта старушка, если захочет, может двигаться совершенно бесшумно. – После первых двух визитов я еще прибралась, после третьего махнула рукой, было бы ради чего стараться. Он мне за последнюю неделю так и не заплатил.

– А он – это не Калес Лисицын?

– Умный, – без улыбки констатировала библиотекарьша. – а дурак дураком. И он идиот, раз в такое вляпался.

Грошев поднял валявшуюся рядом пару джинс.

– Значит, жив гвардеец.

– Это ненадолго, – успокоила его бабка, возвращаясь к тарелкам.

Короткие штанины он подвернул, превратив брюки в бриджи, широкий пояс был стянут ремнем. Черную рубашку сменила футболка, череп отправился в рюкзак, как и скомканное байковое одеяло в синюю клеточку.

– Садись, – позвала бабка. Его желудок требовательно заурчал.

Она с молчаливой жалостью смотрела, как он ест. Беззвучно работал телевизор. На пузатом устаревшем экране красивая девушка насыпала в голубые миски пшеничные хлопья. Ей улыбались мужчина и два кудрявых малыша. Слишком широко. Грошев в жизни не встречал настолько идиотски счастливых людей. Теперь он точно эти хлопья в рот не возьмет.

А Макс смотрел прямо перед собой, механически подни-

мая и опуская ложку. Он пытался поймать вертевшуюся в голове мысль, которая показалась ему очень важной, когда он вытаскивал из кучи на полу гвардейский китель. От усталости голова работала плохо, а от горячей еды начало клонить в сон.

– Можно спросить, – парень отодвинул пустую тарелку.

– Можно. Хуже тебе уже не будет.

– Когда я в прошлый раз ел за этим столом, вы жаловались на постояльца, что он уехал, – начал он издалека.

– И?

– Он уезжал один? Когда вернулся?

– Вернулся через день. Один. Но вернулся и ездил – разные вещи, он мог команду болельщиц по дороге подобрать, а мне не доложить, – она встала и пошла за чайником. – Чем тебя мой жилец заинтересовал?

– Тем, что вместе со своей красивой сестренкой смотался в Траворот и перерезал горло моему папаше.

Чайник с грохотом опустился на плиту.

– Перерезал горло?

– От уха до уха, – Макс улыбнулся.

– Вон оно как, – библиотекарь взяла кружки и поставила на стол, – Тебе, конечно, виднее, но...

– Что? – предчувствие острой иглой кольнуло живот.

– Куда ездил и чем занимался мальчишка – не знаю, но Настенька, – слушать из чужих уст уменьшительно ласкательное имя девушки оказалось болезненно, – была в лагере.

Тем вечером она помогала мне книги расставлять.

– Уверены?

– Не веришь? Спроси у Вишневской, – кипяток разлился по кружкам, согревая фарфор. Макс выдохнул, лед, который, казалось, поселился в груди навечно, стал таять. Каждый вдох давался легче предыдущего. Все-таки она не убийца. Не Лиса перерезала горло старому алкоголику. Хотя, видят боги, тот заслужил порез на горле. И не один раз. Макс сам не мог бы объяснить, почему это так важно для него, но чувство облегчения было слишком большим, чтобы проигнорировать.

Беззвучную рекламу сменило черно-бело изображение. Вполне узнаваемое, кстати. Собственное лицо на листовках «их разыскивает корпус правопорядка» даже не особо удивляло. Теперь у них с Калесом есть что-то общее.

– Каждый час крутят, – известила библиотекаряша. – Вооружен и очень опасен.

Картинка сменилась, и диктор в костюме о чем-то сурово информировал зрителей.

– В чем обвиняют?

– Убийство студента-историка, покушение на гвардейцев его Императорского величества, кража ценностей Императорского дома, изнасилование, – Макс поднял брови. – С последним у них что-то не срастается. В бункере нашли те, кто с радостью поведал, как Лисицына у тебя на коленях вертелась и по ночам в комнату юркала, да и сама девчонка не

спешит писать заявление в трех экземплярах.

– Богато. А вы не боитесь, что я и вас... – он поднял кружку.

– Изнасилуешь?

Горячий чай выплеснулся на чужие джинсы.

– Убью, – Грош поставил чай обратно.

– Убивец из тебя так себе, – фыркнула бабка. – У тебя и оружия то нет.

– Спрятал. Автомат привлекал лишнее внимание.

– Тебе нужна помощь? – старушка стала убирать со стола.

– Нет, – Макс встал.

– Самоуверенный мальчишка. Нефедов хоть и в опале, но не безродный, вроде нас с тобой.

– Нет.

– Тогда поговори с Вишневецкой, она не из тяжеловесов, но может хотя бы попытается.

– Не надо, Марья Курусовна.

– Могу попробовать выцепить Лисицына старшего, он должен завтра приехать, деток отмазывать, – не сдавалась старушка.

– Ха-ха, – скривился парень.

– Максим! – она повысила голос.

– На самом деле хотите помочь? – бабка отвесила ему подзатыльник, что он расценил как согласие. – Мне нужен Самарский.

– Ты помнишь, кого обвиняют в изнасиловании его де-

вушки?

– Помню. Он должен любым способом оказаться завтра на дежурстве в бункере. Я сам его найду. Сможете передать?

– Смогу, – отрезала библиотекарша, провожая его до порога. – Ради Императора, Максим, не дай себя убить!

В темноте дом художника, сложенный из красного кирпича, отливал чернотой. Парень обошел здание по кругу. Окно, через которое он выбрался, так и не удосужились заменить. Спуститься в подвал оказалось намного легче, чем выбраться. Было темно, но после мрака подземных шахт Макса такие мелочи не смущали. Он не стал бродить по комнатам и жалеть загубленную жизнь. Он расстелил одеяло на более или менее чистом участке пола, лег и закрыл глаза. Скоро все закончится.

Урок девятнадцатый – Химия

Тема: «Катализаторы»

Пальцы дрожали от напряжения, выступавший на коже пот моментально высыхал на утреннем ветру. Макс уцепился за деревянную балку, закинул на нее ноги и, прижавшись к шершавой поверхности, позволил себе несколько минут передышки. Доски над головой чуть скрипнули. Грош не пошевелился.

Проникнуть в лагерь оказалось не так просто. Ежедневному раздолбайству и привычно пустому КПП должны были положить конец, но почему-то все оставалось так же, как и в любой другой день. Только он был готов спорить на всю пси-силу, что за входом очень внимательно наблюдают. Через оптический прицел.

На второй вариант – просто перелезть через забор – парень тоже наложил вето. Неприятное предчувствие холодило затылок, стоило лишь приблизиться к стене. Будь он на месте Цаплина, то разместил бы по периметру бойцов или датчики движения, а лучше – и то, и другое.

Других способов попасть в лагерь, исключая десантирование с воздуха, не существовало. Так думали все, кроме Игрока и того мелкого прыщавого парня, с которым Леха поспорил в их первое лето на Инатаре. Тот просто не знал, с кем связывается. Игроков на спор взобрался по камен-

ному склону на смотровую площадку за два часа и тридцать семь минут без всякого снаряжения. Прыщавый пытался протестовать, мотивируя отказ платить тем, что рожденный в горах Леха должен был научиться лазать раньше, чем ходить. На что Макс, до этого безучастно наблюдавший за спором, предложил в следующий раз полюбоваться, как спорщик взбирается на небоскреб. Это-то он должен уметь лучше остальных, раз живет в городе. Заодно и вернет потерянное.

Прыщавый отдал деньги без вопросов и об отыгрыше не заикался. С этого и началась странная дружба первого вредителя и первого клоуна курса. Леха показал ему тропу. Именно так он называл уступы на скале, по которым вполне можно было пройти, если дружить с чувством равновесия. Если не смотреть вниз, если не думать о том, чем обернутся неправильно распределенный вес и соскользнувшая стопа.

Единственное, о чем думал Грош, поднимаясь, было то, насколько неудобен автомат, постоянно ударяющийся о камень. Сидя на опорной балке под скрипящим настилом смотровой площадки, Макс думал, что друг тогда сильно продешевил. Мышцы ныли, ветер бил со всех сторон. Он едва чувствовал пальцы ног и рук.

Скрип над головой затих, Макс выждал пять минут, вытянулся и заглянул за край. Площадка была пуста, она не пользовалась популярностью у студентов, так как располагалась рядом с прачечной, запаха которой не способствовали

романтизму и возвышенному лицемерию прекрасного. Парень взялся за столбики перил, подтянулся и влез на согретье солнцем доски.

В обычный день, чтобы добраться с этого края лагеря до входа в бункер, Максу потребовалось бы минут десять-пятнадцать от силы. Сегодня дорога заняла все сорок, большую часть которых ему пришлось отсиживаться в кустах, за лавочками, а один раз даже юркнуть в корпус, чтобы избежать встречи со студентами. Местный дресс-код делал его слишком заметным.

И все-таки один раз Грош прокололся. Завернул за угол и встретился взглядом с зелеными глазами стоящей метрах в пяти выше старосты. Она вздрогнула, и огненно-рыжий хвост взметнулся и упал на плечо. Макс тут же юркнул за ближайшее знание, оббежал по периметру и выглянул с другой стороны. Девушки на месте уже не было. Справа приближалась шумная компания второкурсников, и ему снова пришлось ждать. Снова бежать и опять прятаться.

Он устроился за каменной насыпью напротив бункера и несколько минут сверлил железную дверь взглядом. Та осталась равнодушной. Когда Грош прокручивал план в голове, все казалось несколько проще. Он подходит, нажимает кнопку вызова, Самарский открывает. Дальше возможны варианты, но до этого момента все шло гладко. Теперь его одолевали сомнения. А Артем ли там? А откроет? Или вызовет патруль?

Десять минут прошли в раздумьях, а еще через пять Макс едва не закрипел зубами от злости, потому что на площадке появилась рыжая староста. Тревогу Ленка не подняла, вместо этого решила на свою голову проследить за разыскиваемым преступником. И, надо сказать, ей это почти удалось.

Девушка недоуменно оглядывалась, переминаясь с ноги на ногу, словно не зная, что делать дальше, а потом решительно шагнула к двери бункера, вставила кад-арт и нажала кнопку вызова.

Умница! Макс подхватил автомат и рюкзак и бросился вперед. Он подскочил к рыжей ровно в тот момент, когда дверь открылась. Грош толкнул девушку в спину и скользнул за ней в капсулу перехода, стараясь не думать о том, что, возможно, идет в ловушку. Внутри у него есть шанс остаться в живых, внутри скалы не будет снайперов и оптических прицелов.

Ленка пискнула, развернулась и зажала рот руками. Он улыбнулся, наверное, получилось не очень, потому что девушка невразумительно замотала головой и отступила назад, упираясь в стену. Это будут не скучные карантинные две минуты.

– Скажи, что ты этого не делал, – опустив руки, попросила она. – Пожалуйста, скажи?

– А если не скажу?

– Тогда... тогда, – девушка растерялась.

– Как определишься, дай знать, – он прислонил автомат

к стене.

– Я не верю, – пробормотала она.

– Так не верь.

Она выдохнула. Он невольно посмотрел, как черная ткань натянулась на груди. Самое оно для сегодняшнего дня – пляться на рыжую. Впрочем, какая разница? Никакой. Лисе он на фиг не нужен, а потому может смотреть на все, что угодно. Девушка отвела глаза. Он ошибся, это были очень долгие две минуты и наполненные отнюдь не эмоциями, а скорее общей неловкостью.

Механизм двери тихо загудел, и Макс скользнул в бок, прижимаясь к стене. В проеме показался пистолет, Ленка охнула. Парень ударил снизу вверх, выбивая оружие, и тут же обхватив чужое запястье, рванул на себя, выныривая из-за стены в караулку. Пистолет проехался по зеленоватому линолеуму и замер. Грош планировал лишить противника равновесия и перекинуть через себя. Но в итоге получил коленом в бок.

Макс хватанул воздуха и поднял голову. Над ним стоял Самарский. Щетина сбрита, форма выстирана, рука на перевязи. А в глазах... нет, не ярость, не вопрос, не удивление. Там была одна боль. Они не произнесли ни слова, не было надобности. Грошев бросился к отличнику с одним намерением – сломать вторую руку, услышать треск костей и крик. И может быть тогда видение того, как чужие ладони касаются светлой кожи Лисицыной, исчезнет из его головы.

Артем не имел ничего против, только в его понимании корчиться от боли должен был Макс.

Грошев врезался в сокурсника. Артем влетел спиной в стеллаж с посудой, полки качнулись, одна из кружек упала на пол и разлетелась на осколки. Ленка закричала, кто-то рядом выругался. С кем бы ни поменялся дежурствами Самарский, на смену он вышел не один. Но и это было не важно. Макс пропустил удар под дых и нанес свой в живот. Отличник рыкнул и оттолкнул Гроша. Теперь уже Макс, едва сохранив равновесие, ударился спиной о стену.

– Прекратите! – закричала Афанасьева.

Артем подскочил к Грошеву, впечатывая кулак в ребра. Макс, не обращая внимания на боль, выпрямился и заблокировал единственную рабочую руку отличника, одновременно ударяя головой в подбородок. Раздался хруст, Самарский вскрикнул, по лицу потекла кровь.

– Пусть прекратят! – снова закричала староста.

Отличник отмахнулся от парня другой, сломанной рукой. Скорее инстинктивный, чем намеренный жест. Гипс прошелся по скуле, сдирая кожу и разрывая губы. Грошев упал на колено.

– Артем, прекрати! Макс ничего не сделал!

Грош поднялся и тут же получил коленом в бедро, развернулся и съездил локтем отличнику в шею. Самарский качнулся. Макс сцепил руки замком и добавил, роняя противника на пол. На этом можно было бы остановиться, но парень

не сдержался, пнул соперника в бок. Вернее, попытался, потому что тот, схватив за ступню, возвратным движением оттолкнул от себя Макса. И тот, не удержавшись, полетел на пол, опрокинув по дороге стул и больно ударившись висевшим за спиной рюкзаком, вернее, его содержимым. Череп оказался твердым.

– Хватит!

Между ними кто-то встал.

– Надо его хотя бы выслушать, – попросила Ленка.

Грошев отвел взгляд от искаженного лица Артема. Между ними стояла Корсакова.

– А ты думаешь, это из-за того, что натворил или не натворил наш герой? – усмехнулась Светка. – Дело в Настьке. Хоть бы ее спросили, прежде чем морды бить.

Макс медленно поднялся.

– Будете продолжать? – спросила Коса. – Или займемся чем-нибудь поинтереснее?

Самарский не стал даже вытирать капающую из носа кровь, его взгляд скользнул к пистолету у стены. Они сорвались с места одновременно. Макс и Артем. Первый был быстрее, второй умнее. Грошев схватил рукоять, отличник нажал кнопку на панели. Самарский предпочел применить другое оружие. Лишь один сигнал принимается системой сразу же – сигнал тревоги.

Лампы мигнули и зажглись, панель засветилась, как новогодняя елка. Замок загудел и натужно щелкнул. Тревога пер-

вого уровня, угроза освобождения блуждающего. А поскольку «освободить» мертвого могли только люди, двери немедленно блокировались. Теперь открыть внешнюю мог только Старший Куратор, а внутреннюю – старший смены. И только в таком порядке: одну следом за другой. Кад-арт Куратора, кад-арт дежурного. Капсула герметична, и оказавшийся там рискует задохнуться, если одна из сторон вдруг передумает.

– Прекрасно, – заметила Светка. – Теперь весь лагерь в курсе, что у нас тут вечеринка.

Макс поставил пистолет на предохранитель и убрал за пояс.

– Я не заставлял ее, – сказал он, глядя на Самарского.

– Если бы я хоть на минуту допустил мысль, что ты... – из горла отличника вырвался клекот. Слово, которое он хотел произнести, застряло, – ты был бы уже покойником.

– Ну, хоть разговаривают, – Светка подняла опрокинутый стул и села.

– Артем, – Афанасьева беспомощно посмотрела на Самарского, – зачем?

– А затем, – ответил Макс, – что по-другому он не может. Он же отличник, – парень коснулся губы.

Афанасьева оглянулась, сняла с полки металлическую кружку и протянула ему. Грош приложил холодный металл к лицу.

– А ты думал, я буду помогать? – в нос проговорил Артем. – Передашь сообщение, и я прибегу? Мы стали таким

друзьями?

– Но ты прибежал. Зачем? Посмотреть на героя вечерних новостей? – парень опустил кружку. – Помощь нужна не мне, отличник, помощь нужна Лисе.

– Учебный бункер, ответьте, – раздался голос из коммутатора на стене, дежурный по лагерю активировал частоту экстренной связи. Такое на памяти Грошева случалось второй раз. Первый произошел год назад, когда у одного из дежуривших ночью воспалился аппендицит.

Артем демонстративно отступил назад. Макс нажал кнопку, после секундного раздумья произнес:

– На связи.

– От вас поступил сигнал. Вы подтверждаете тревогу первого уровня?

Грошев улыбнулся несводившей с него глаз старосте. Рот дернуло болью, и он почувствовал, как по подбородку снова потекла кровь.

– Подтверждаю.

Светка фыркнула.

– Требуется идентификация старшего смены. Вставьте кад-арт.

– Да без проблем, – Артем нахмурился, поднимая руку к висящему на шее кристаллу, но Макс вытащил из-под майки свой и вставил в паз.

Перемигивание огоньков на панели сменилось тревожной краснотой.

– Э-э-э, – ответил дежурный, – вы... вы...

– Я, – ответил парень и отключил связь.

– Советую сразу сдать, – сказал Самарский.

Грошев пожал плечами, подошел к приоткрытому сейфу, разрядил пистолет и, убрав, закрыл дверцу.

– И что теперь? – спросила Афанасьева.

– Присоединяюсь к вопросу, – Корсакова закинула ногу на ногу.

– Подождем, – Грош указал на вход в хранилище и спросил: – Откроете?

Девушки посмотрели на Самарского.

– Да пошел ты, – емко ответил Артем, поправляя повязку.

– Черт, – Макс, словно только что вспомнив, взъерошил волосы. – Автомат в капсуле оставил. Вот как теперь с тобой разговаривать.

– Никак.

– Я Насте так и передам.

– Не смей, – Артем зарычал.

– Почему? Я, в отличие от тебя, пытаюсь ей помочь.

– Тем, что воруешь? Или бегаешь от правосудия? – Самарский достал платок и приложил к носу.

– Точно. Она ведь в тюрьме? – Грош повернулся к девушкам.

– В карцере, – ответила Коса. – И Игрок, и Лиса. Гвардейцы в госпитале под охраной. Ни к тем, ни к другим не пускают, допросы идут уже вторые сутки.

– Она ни в чем не виновата, – рявкнул отличник.

– Опять ты за свое, – Макс сложил руки на груди. – Ладно, кто я такой, чтобы рушить чужие идеалы. Раз так, помоги доказать это.

– Учебный бункер, ответьте, – захрипела панель другим голосом, низким и суровым, со знакомыми командными интонациями.

– На связи, – Грошев нажал кнопку.

– Максим Вла...хм, – говоривший споткнулся, произнося непривычные слова, – Вларонович?

– О, какие перемены, Старший Куратор. Стоит украсть, убить, изнасиловать – и тебя начинают называть по имени и отчеству. Знал – раньше бы озаботился.

– Чего ты хочешь? – отрывисто спросил Нефедыч.

– А что вы можете предложить? У меня тут три заложника, автомат, граната и мутный камешек. Что вас интересует? Переговорное устройство издало отрывистый визг.

– Камень цел? – спросил Куратор.

– Как раз на него смотрю, – Макс поднял пустую ладонь. – Занятная у реликвии сердцевина.

– Закрой рот, гаденыш.

– Ну вот, а так хорошо начали. Моей ранимой психике нанесена травма, – Грошев отключился и проговорил в сторону. – Стекляшка интересует их больше ваших жизней.

– Если они возьмут тебя с камнем, – проговорил Самарский, – то отпустят Настю?

– Почти.

– Не юли.

– Безродному Грошеву этот особо ценный камушек принесет солидный тюремный срок, а вот высокородной Лисицыной – смертную казнь.

– И безродный Грошев может это предотвратить? – не скрывал иронии отличник.

– Попробую. С вашей помощью, – он посмотрел на девчонок. Светка отвернулась, поджав губы.

– Что нужно делать? – Афанасьева неловко переступила с ноги на ногу.

– Изображать заложников, посидеть тихонько в туалете, пока я поговорю с большими дядями. Справитесь?

– А нам потом по шапке не дадут? – спросила Коса. – Не хочу в карцер.

– Никаких карцеров, – Макс повернулся к отличнику и спросил: – Мне нужна лаборатория. Откроешь хранилище или драться будем?

В комнате с белыми стенами все было по-прежнему. Последняя скамья с кубами, инструменты, два шкафа со стеклянными дверцами, хромированные и матово поблескивающие в свете ярких ламп столы.

– Что дальше? – отличник остался на пороге, Макс стал раскладывать на столе инструменты. – Будем работать с камнем?

– Нет, – Грош сбросил с плеч рюкзак, вытащил белесый череп, щелкнул по округлой кости и, положив на шкаф, проговорил: – Будешь наблюдать.

– Ты спятил? – вопрос был задан будничным тоном, словно сокурник интересовался погодой.

– Это имеет значение? – Грошев снова полез в рюкзак, достал мутный беловатый кристалл и бросил на стол без всякого почтения.

– Нет, – Артем промолчал и добавил, – я не отдам Настю ни тебе, ни кому другому.

– Ты забыл прибавить, что так для всех будет лучше, что ее семья никогда меня не примет. И так далее, и тому подобное.

– Зачем? Раз ты сам все знаешь.

– Открою тебе секрет, отличник, – Макс осмотрел стол, на котором в художественном беспорядке были разложены инструменты, создавая впечатление, будто недавно здесь кто-то работал, – я не собираюсь на ней жениться.

Артем шагнул вперед, сжимая кулак. Грошев поднял небольшой молоток и с силой ударил по камню, осколки брызнули во все стороны.

– Ты что!

– Спокойно, отличник, это слюда, подобрал по дороге.

– Все-таки спятил.

Макс подошел к шкафу, открыл прозрачную дверцу, достал пробирку и посмотрел на свет.

– За уничтожение реликвии огребешь в два раза больше, чем за кражу. Даже за подложное уничтожение.

– У вас тут вторая серия боевика начинается, – сказала Светка, заглядывая в лабораторию. – Эй, террорист, тебя там вызывают, уже нервничать начали.

– Иду, – кивнул парень, и девушка нехотя вышла. – Кстати, о семье. Не знаешь, кому может быть выгодно падение Лисицыных?

– В каком смысле? – Самарский отвернулся.

– В прямом, – Грошев посмотрелся в стеклянную дверцу – видок еще тот. Он и в лучшие дни не тянул на красавца, а тут уж совсем... Хоть на роль зомби пробуйся. Парень взял со стола осколок и прижал к разорванной губе, мутный минерал окрасился розовым. – Кому выгодна дискредитация семьи в глазах Императора?

Ответили ему из коридора.

– Вахрушевы, – в лабораторию опять заглянула Коса.

Самарский не стал ни отрицать, ни соглашаться.

– Вахрушевы? Не слышал.

– Правда? – удивилась Корсакова. – А вот он о тебе слышал. И даже видел. Имя Йаннифер Вахрушев тебе ни о чем не говорит?

Макс повернулся. Светка гортанно рассмеялась.

– Сегодня Вахрушев старший приехал, чтобы сына отмазывать. Как и Лисицын, – довольная произведенным эффектом девушка исчезла в коридоре.

Макс бросил осколок в пробирку, закрыл пробкой и убрал в карман.

– Что происходит? – серьезно спросил Артем. – Камень украл... украли вы, не Вахрушев.

– Мы. Не забивай голову, отличник. Лучше просто злись, – Грошев одернул футболку и, не глядя на Самарского, вышел из лаборатории.

– Учебный бункер, ответьте.

Макс вошел в караулку и щелкнул переключателем.

– Слушаю.

– Ваши условия выполнены, – без эмоций сказал Куратор. – Требуемая сумма переведена на анонимный счет в национальном банке Аурии. Вы готовы обменять камень на ключ карту?

– Готов, – Грошев отвернулся и пробормотал: – О заложниках по-прежнему ни слова.

– Тогда мы высылаем посредника Арчитинова...

– Нет, – снова вернулся к коммутатору парень. – Он меня не устраивает.

– А кто тебе нужен, Максим? Хочешь, приду сам?

– Благодарю, но я не успел соскучиться.

Светка захихикала, зажимая рот руками, Афанасьева испуганно обхватила себя за плечи, староста явно не видела поводов для веселья.

– Говорят в лагере гости? Например, старший Вахрушев?

– Зачем он тебе? Вы даже не знакомы.

– Именно поэтому. Пусть придет тот, кто не считает меня гаденышем. Или он не сможет?

Коммутатор выплюнул серию непонятных хриплых звуков, прежде чем ответить:

– Он придет.

– И еще, – подумав, добавил Макс, – мне нужен список всех отсутствовавших в лагере в ночь на пятнадцатое июля.

– Зачем?

– В качестве бонуса, Куратор. И без вранья. Заложники разговорчивые попались и все уже рассказали, осталось только сверить их болтовню с вашей.

– Не нарывайся, гаде...

Панель взвизгнула, и совсем другой голос закончил:

– Все будет через десять минут, Максим Вларонович.

– Даже не сомневаюсь, – проговорил Грош, отходя от панели.

Десять минут до развязки.

Парень включил свет в санузле и сделал приглашающий жест.

– У тебя даже оружия нет, – рядом встала Корсакова. – Как мы объясним, что безоружный маньяк загнал нас в туалет? Да если мы разом навалимся, сами тебя там запрем.

– Ты что ли наваливаться будешь? – Грошев поднял руки. – Начинай, мне уже интересно.

– У него есть граната, – сказала вдруг староста, первой

заходя в санузел – Он сам сказал.

– Нет у него ничего, – сказал Самарский, – но они этого не знают.

Отличник собрался войти следом, но Макс перегородил ему дорогу рукой и потребовал:

– Кад-арт и код.

Самарский не пошевелился.

– Значит, посредник задохнется, – Грош убрал руку.

Артем сорвал цепочку, протянул Максу.

– Двадцать один-десять, – отличник переступил порог.

Семь минут. И все закончится.

– Максим, – Корсакова замялась, – а зачем тебе список? – парень не ответил. – Я к тому, что... меня не было. У сестры день рождения пятнадцатого, мы за покупками в Шорому ездили, а потом, – Грошев остановил ее жестом, но она упрямо продолжила, – я на проходной с Тимирязевым столкнулась. И с пропавшим Колькой Макаровым, но не знаю...

Макс легонько толкнул ее внутрь и закрыл дверь, отсекая поток слов. Щеколда со следами краски была порядком разболтанной, но рабочей. Конечно, Самарский даже с одной рукой выбьет меньше чем за минуту, но вряд ли об этом кто-то будет задумываться.

Пять минут.

Макс бросил взгляд вглубь уходящего в бункер коридора. Это была авантюра. Сродни той, что устроила Лиса. Он прошелся по караулке, внутри все подрагивало. Не от страха, а

от нетерпения.

Три минуты.

Коммутатор скрипнул:

– Учебный бункер.

– На связи.

– Валес Вахрушев прибыл, – верхний ряд кнопок сменил цвет с красного на зеленый. – Открываю внешнюю дверь.

Грошев помедлил, рассматривая кристалл отличника. Обычная, ничем не примечательная пластмасса, такая же, как и у него, такая же, как и у остальных. Кад-арт скользнул в порт. Внутренний замок загудел, начались самые короткие и самые длинные карантинные две минуты.

Дверь открылась. В капсуле стоял мужчина лет сорока. С волосами неопределенного цвета и такими же как у Йана голубыми глазами. Серый костюм, в ладони белел сложенный листок бумаги, поднятые в жесте мира руки. И это несмотря на прислоненный к стенке капсулы автомат.

– Ваш? – низким голосом спросил Вахрушев.

– Мой. Не подадите?

– Уволь. Давай сам.

Макс, не сводя взгляда с мужчины, наклонился и, подхватив автомат, закинул ремень на плечо.

– Почему не воспользовались?

– Оружие еще никогда не помогало мне в переговорах, – посредник вышел вслед за Грошевым из капсулы.

– Пиджак снимите, – потребовал парень.

– Не веришь? – Вахрушев стал спокойно раздеваться. – Правильно делаешь, но я не врал.

Пиджак упал на пол.

– Все? Или еще что-то снять?

– Не надо, у меня богатое воображение.

– Список, – протянул ему бумагу мужчина, – и ключ-карта.

– Положите на стол.

Вахрушев без слов выполнил, словно ничего не имел против того, что смешной долговязый мальчишка приказывает ему.

– Камень, – так и не дождавшись от парня действий, спросил мужчина.

– В лаборатории.

На скулах мужчины заходили желваки. Известие ему не понравилось.

По коридору шли в молчании. Высокий, как Макс, но более массивный Вахрушев заставлял себя сдерживать шаг, подстраиваясь под неторопливые движения Грошева.

– Как скоро бункер вскроют резаками и начнется штурм?

– Сразу же, как я заберу камень, – не стал врать мужчина.

– Меня должны убить при задержании?

Вахрушев споткнулся и посмотрел на парня с удивлением, да так, что Макс поверил. Почти.

В лабораторию мужчина вошел первым и, конечно, увидел то, что для него приготовили. Замер, дернул ставший

вдруг тесным воротник рубашки, коснулся пальцами рассы-
пи тусклых обломков.

– Случайно разбил, – Макс скорчил рожу. – Неловкий я,
когда голодный.

– Глупый мальчишка!

Грош поднял на уровень лица пробирку. Мужчина шумно
выдохнул.

– Беда с этими современными инструментами, исследова-
ниями, тестами. Никогда не знаешь, что найдешь.

– А, черт, – Вахрушев дернул рубашку, отрывая пуговицы
с мясом, и, отодрав приклеенный к телу диктофон, с разма-
ху опустил на стол. Пластик треснул. – Есть слова, которые
нельзя произносить, Грошев.

На груди мужчины сверкнул стеклянным блеском черный
кристалл. Таких не так много в саду камней, скорей всего
это содалит – «помогающий видеть суть вещей». Его носи-
тель должен быть проницательным человеком, другие, как
известно, при Императоре не задерживаются.

– Какие, например? Может эти: «Керифонт положил ру-
ки на нагретый солнцем камень. И он из золотого стал крас-
ным»? А может, тест ДНК? Может, все это не красивая ме-
тафора? Керифонт порезался о первый камень? В трещине
его кровь, а наука...

– Чертова наука, – пробормотал мужчина, делая осторож-
ный шаг к Грошеву. – Раньше никто об этом и не думал, ни-
кто не позволял себе и тени сомнений.

– В том, что на троне сидят не потомки Керифонта? – устало спросил Грош. – Особенно, если учесть фон одной старой могилы. Если там все же первый защитник, то кто же тогда в бункере? Кто сел на трон? А вы совсем не удивлены.

– Чему я должен удивляться? У меня нет сомнений в правде династии. А если ты о камушке, так один такой уже пытался лет пятнадцать назад произвести «законный» переворот, но даже он так далеко, – мужчина посмотрел на пробирку, делая еще шаг, – не зашел.

– И кого хотели посадить на трон? Лисицына? Вахрушева? Травина? Нефедова? Дорогова? Марию Курусовну?

– Осторожнее, мальчишка. Меня в это не впутывай. Я пришел забрать камень, – еще шаг, Макс чуть отступил в коридор. – Ты сам меня позвал.

– Так потому и позвал, – Макс перехватил пробирку и так, чтобы видел Вахрушев, положил вторую руку на приклад. – Ищи, кому выгодно. Так заманчиво сделать дело чужими руками. Девчонка украла камень, а вы вроде бы не при чем. Лисицыну и ее особо разговорчивых друзей уберут во время захвата.

– И что дальше? Императору наплевать на нашу возню, он даже вникать не станет, а просто подпишет приказ. Полетят головы. И чем больше, тем лучше. Ты, я, Лисицын.

– Ваш сын.

– Именно. Подставить его под удар – очень умно с моей стороны. Император разбираться не будет, на плаху пойдем

вместе, парень. Если только...

– Что?

– Отдай образец, и отыграем все назад. Ты недалекий дурачок, который решил заработать на реликвии, не зная ее ценности, – говоря с обманчивой неторопливостью, мужчина вдруг выбросил руку, выхватывая пробирку.

Раздался треск, хрупнуло стекло, осколки разлетелись по полу. Что-то низко загудело и упало, от удара завибрировал пол. Послышались четкие отрывистые команды.

– Отлично проделано, – сказал Макс. – Я почти поверил.

Парень бросился в сторону. Мужчина ухватил его за ремень автомата, лямка врезалась в плечо.

– Не дури.

Грошев не ответил, а сделал то, чего от него никак не ожидали. Он не стал драться за оружие. Сбросил ремень и побежал, в нелепой попытке исчезнуть из замкнутого пространства бункера. За спиной раздавался многочисленный стук тяжелых ботинок. Вахрушев все сделал правильно. Он соврал. Штурм начался сразу же, как за посредником закрылась дверь. Внутреннюю дверь вскрыли в рекордные сроки.

Первый коридор, развилка, второй. Полки, узилища. И по оголенным нервам наждаком прошлось ощущение опасности. Первый выстрел, рикошет, каменная крошка летит в лицо. Горечь дыхания на языке. Стук сердца в ушах.

Он знал, чем все закончится. Думал, с ним будут играть по правилам? Он действительно глупый мальчишка.

– Не стрелять! – раздался далекий приказ.

Словно в насмешку над плечом Макса взвизгнула пуля. Ближайшее узилище сдвинулось, ударяясь о стенку. Опять эта двойственность: одни стреляли на поражение, в то время как кто-то пытался сохранить жизнь.

Грошев свернул и снова оказался в центральном коридоре, кинулся в правое ответвление в тот момент, когда в противоположном конце показался первый боец группы захвата.

Макс бежал на пределе сил, но, конечно же, не успел. Знал, что не успеет. Еще до того, как его повалили на пол, до того, как чье-то колено впечаталось в скулу, прижимая голову к полу. До того, как кто-то до боли заломил назад руки, почти выворачивая их из суставов. В висок уперлось дуло.

– Не стрелять, – повторил тот же голос.

Ближайший боец, которого Макс видел лишь краем глаза, стащил с лица черную маску. Грош увидел знакомый злой прищур. Оружие впечаталось в кожу сильнее.

– Сбежать хотел, гаденыш, – услышал привычное обращение Макс. Старший Куратор лично участвовал в задержании, – и ведь почти удалось.

Все повернулись к стене, где так и не потрудились заделать дыру, оставленную росوماхой. С этими кражами, селями и прочей чехардой никто так и не подал рапорт о произошедшем три недели назад. Боги, казалось, прошли года. Лаз все еще был тут. Слишком узкий для человека, но проверять

не будут, для всех достаточно одной возможности.

– Я знал, что ты плохо кончишь. Но не знал, что так скоро, – Нефедыч с явным сожалением убрал пистолет в кобуру.

Урок двадцатый – Социология

Тема: «Семья, этапы ее формирования»

– Макс, – донесся до парня едва слышный шепот.

Он открыл глаза, вокруг была казавшаяся серой темнота карцера.

– Мааакс, – неизвестный произносил имя, чуть растягивая гласную, словно кто-то пел. Или плакал.

Парень встал с узкой койки и приблизился к двери.

– Мааакс, пожаалуйста.

Грош, совсем как в школе, перед тем как войти в класс в середине урока, припал к двери и заглянул в замочную скважину. Коридор был освещен и абсолютно пуст. Лишь напротив его камеры была точно такая же дверь.

– Мааа... – тонкий голос захлебнулся.

Лиса, отделенная от него светлым коридором, плакала. Макс отвернулся от замка и сел на пол, прислонившись затылком к железу.

– Не реви, – парень повысил голос. – Калес жив, он в госпитале.

– Что... почему... зачем?

Он слышал выкрики, обрывки вопросов, на которые не мог ответить. Настя тут уже двое суток, нервы должны были сдать еще вчера. В коридоре послышался звук приближающихся шагов, всхлипывания тут же затихли, парень снова

прильнул к замку.

Их было трое: двое в камуфляже и один в грязной черной форме. Охранники и заключенный. Остановившись перед следующей дверью, один из сопровождающих загремел ключами.

Карцер учебного лагеря был не велик: десять комнат без окон. И еще ни разу, на памяти парня, он не был заполнен полностью. Нельзя сказать, что студенты вели себя образцово-показательно. Скорее, попадались нечасто.

– Давай, пошел.

– А поласшковой нельща? – заключенный чуть покачнулся, на пол упали две красные капли, ровными кругами распластавшись по затертому линолеуму. – Хошу, я поха сам.

– Давай, болтун, – судя по всему, пленника толкнули. – Много хорошего наговорил, раз можешь.

Взвизгнули несмазанные петли, замок два раза мягко щелкнул на каждый поворот ключа.

– Кто вы? Я требую... Вы не смеете... – Лиса повысила голос.

Вместо ответа один из конвоиров в камуфляже, походя, стукнул по двери ее карцера.

– Леха! – позвал, выждав минуту, Грошев: – Что они хотели?

– Макш, твою мать... што ты... орил... што... ою... ать!

Смысл фразы Макс уловил, но ответить на это ему было нечего. Он предпринял еще две попытки поговорить с дру-

гом, но с тем же успехом. Лиса снова разревелась, раньше она не была плаксой, но, видимо, предел прочности есть у каждого.

Времени в карцере не существовало. Оно шло для тех, кто остался снаружи. Для тех, кто ходил, стоял, ел,пил, смеялся. В любой другой день Грош бы лег спать, ни о чем не думая, но сегодня не смог. Он ворочался на узкой койке, мысли текли лениво, как густой кисель. Он что-то упускал и знал это.

Стук тяжелых ботинок, раздавшихся спустя вечность, он воспринял почти с радостью. Бездействие и неопределенность угнетали.

Шаги затихли перед дверью карцера, теперь его очередь отвечать на вопросы, теряя зубы. Или Насти, которую заперли напротив.

Загремел замок, Макс выдохнул. Его, слава Императору, или кто там вместо него на троне. Дверь открылась, охранник, стоящий за спиной у визитера, щелкнул выключателем в коридоре, узкую камеру залил свет единственной лампы, забранной решетчатым железным плафоном.

– Подожди снаружи, – приказал охраннику лысый мужчина.

Когда он говорил, на его лбу собирались жирные складки. Макс не мог с ходу понять, сколько посетителю лет. На первый взгляд – чуть больше сорока. Лучики-морщинки, смуглая кожа, внимательные карие глаза, подтянутая фигура. Но потом на его лице появилось нечто такое, что заставило мыс-

ленно прибавить еще полтора-два десятка.

Дверь закрылась, мужчина остался стоять. Повинуясь наитию, Грош выпустил силу с ладони.

– Со всеми так здороваешься? – не обманул ожиданий незнакомый псионник.

Голос у него оказался неподходящим, слишком высоким и молодым, как у подростка, едва переступившего порог созревания.

Молчание затягивалось, и человеку это не понравилось. Вряд ли его вопросы часто игнорируют, во всяком случае, не такие, как Грошев.

– Знаешь, кто я?

– Нет. А что, уже пора падать ниц? – Макс приподнялся на койке.

– Дерзок, – констатировал визитер. – Я пришел сказать спасибо.

– Спасибо, – парень посмаковал слово, словно оно имело вкус. – Впервые слышу. Приятно.

– Не хочешь спросить, за что?

– Не хочу портить впечатление.

Еще одно минутное молчание.

– Я – Николай Лисицын.

Макс отвернулся, почему-то именно в этот момент ему вспомнились светлая кожа и вздохи, едва слышные, но такие оглушающие. Трудно смотреть в глаза человеку, чья внучка провела под тобой пару ночей. Словно он мог залезть в го-

лову и увидеть эти воспоминания.

– Спасибо за внуков.

– Не благодарите, я мало что смог.

– Ты оттянул их внимание на себя, дал нового подозреваемого, дал право на сомнение. Именно поэтому Калес и Настя еще живы.

– Как гвардеец?

– Без сознания.

– Надеюсь, он очнется, – Грош выпрямился и посмотрел на Лисицына.

– Благодар...

– И надеюсь, что сам сверну ему шею.

Николай вглядывался в лицо Грошева. Он не стал протестовать, ругаться, не стал угрожать. Просто смотрел.

– Что он сделал? Смертельно оскорбил? Плюнул в душу? Обманул?

– Убил моего отца.

Карие глаза сузились.

– Доказательства?

– Спросите его. А еще лучше – следователя Траворота.

– Мы не повышали ему кад-арт, – проговорил мужчина в сторону, – но теперь, видимо, придется.

– Вы не особо удивлены, – сидя на койке, Макс прислонился к стене, – но с этим можно не торопиться, отец не вернулся.

– К Насте претензии будут?

Парень сцепил зубы.

– Что, ни одной?

Дверь открылась, Лисицын повернулся, увидел Старшего Куратора, и морщины на лбу разгладились.

– Что скажешь, Вячеслав?

– Много чего. И все нецензурное, – ответил Нефедыч. –

Почему в это дерьмо снова макнули меня?

– Ну, не совсем тебя. И даже не твою семью.

– Студентов. За них отвечаю я, как ни крути.

Грошев, не удержавшись, хмыкнул.

– А я за тебя, – не обращая внимания на парня, Лисицын встал. – Обещал твоему отцу, если помнишь. И сдержу слово. Идем.

Куратор вышел из камеры первым.

– Кто такой Цаплин? – спросил уходящего Николая Максим.

– А сам как думаешь?

– Служба безопасности Императора?

– Нет. Или не совсем, – Лисицын задумался. – Шутка в том, что никто толком не знает. Но приказ на уничтожение отдал не он. Это СБ как раз ратовали за полную зачистку и посмертное расследование. А Цаплин остановил, полномочия у него закачаешься, – мужчина остановился на пороге и, обернувшись, добавил. – Про него с уверенностью могу сказать только одно: пару лет назад он носил другую фамилию.

Свет погас, в замке повернулся ключ. Грош снова остался

один, зато гости нанесли визит в карцер напротив. Он слышал, как говорила Лиса, как отвечал ей дед, как непривычно мягким голосом Старший Куратор что-то объяснял им обоим. Слышал, но не мог разобрать ни слова.

Через пару часов Макс понял, что-то не так. Это иррациональное чувство пришло в один момент, и он целую минуту сидел неподвижно, пытаясь понять, что его вызвало. Звук? Запах? Ощущение? Нет, что-то другое.

Парень встал. Узкий пенал комнаты, тишина и темнота. Вот оно! Снова. Кусочек света, заглядывающий в камеру через замочную скважину, погас и зажегся.

Грош, стараясь двигаться как можно тише, сместился к двери и заглянул в щель. Никого не было, свет горел так же ярко, не мигая. Макс ждал, пока не затекли колени. Прислушивался. Пока ему не стало казаться, что он на самом деле что-то слышит. Далекий шум, близкий шорох, стук собственного сердца. Воображение или реальность? Парень закрыл глаза и досчитал до десяти. Звуки исчезли. Он встал, и в этот момент, словно ожидая, пока он сдастся, свет снова исчез. В замочной скважине щелкнул ключ.

Желать скорой развязки – это одно, дожидаться на деле – другое. В девяти из десяти случаях ты оказываешься не готов к финалу. Макс повернулся, разглядывая посетителя без всякого удивления. Мужчина, шагнув в комнату, без слов ударил парня в грудь.

– Что вы делаете? – услышал он крик Лисы, которая на-

верняка, как и он ранее, приникла к двери.

Парень согнулся, ухватился рукой за железную койку, хватая ртом воздух. Ему тут же накинули на голову какую-то тряпку, едва не перекрыв кислород полностью. Пакет? Мешок? Наволочка?

Он вскочил, стараясь стряхнуть ткань, но руки жестко зафиксировали. Дернувшись, он ударился коленом о койку. Сначала первого, а потом второго запястья коснулся металл наручников.

Он запнулся ногой за ногу, влетев плечом в косяк, но упасть ему не дали, пусть такая забота отдавала грубостью.

– Куда вы его тащите?

– Макш! Што тахое?

Грошев слышал удаляющиеся голоса друзей, чувствуя, как его толкают все дальше и дальше во тьму, пахнущую пылью. Кожу на ладонях обдало прохладным ветром, и парень понял, что они вышли на улицу.

Шагов через пятьдесят Макс снова споткнулся, конвоир выругался и ударил парня в плечо. Грош полетел на землю. Ударился коленом и обжог руки о крапиву или еще какую зеленую пакость. Его ударили снова, на этот раз в живот, и потом пнули, и он откатился на спину.

– Что вам надо? – не выдержал парень.

Молчаливое избиение было неправильным. Макс не мог подобрать другого слова. Побой можно вытерпеть – кому знать, как не ему. Можно защищаться, можно уклоняться,

отползать. Плача и умоляя остановиться. Но нельзя все это делать в тряпочной темноте, не видя, чьи руки наносят удары, не понимая, куда будет нанесен следующий.

Макс чувствовал влажное дыхание. Его окружали пахнущая пылью тряпка и боль, оставляемая невидимыми руками и ногами.

– Что вам... – очередной удар заставил его проглотить вопрос.

Парень упал, не пытаясь подняться. Если хотят – пусть запинывают. Тряпку с лица сдернули, и темнота сменилась ослепительным светом. Перед глазами все расплылось, брызнули слезы. Не от пинков и ударов, от рези этого чистого дня.

– Где он? – Гроша схватили за волосы, заставляя поднять голову. – Где камень?

Парень заморгал, темное пятно обрело четкие очертания. Свет поблек, он увидел того, кто пришел в карцер и вытащил его из камеры. Того, кто не отвечал на вопросы, а задавал свои. Старший Куратор выглядел совсем не таким, как еще недавно в обществе Лисицына. Нефедов был в ярости. Безумная ледяная злость мужчины могла довести до истерики любого студента.

Но Макс смотрел не в глаза, не на кривящиеся выплевывающие слова губы, он смотрел ниже, на то, что выглядывало из-под ворота рубашки. На цепочке, рядом с покачивающимся муляжом кад-арта, висела железная табличка. Ничего странного, ничего необычного. Куратор – военный. Толь-

ко вот вместо полагающегося всем солдатам единственной строчки пятизначного номера, там было целых две. Координаты старой метрической системы контрабандистов.

– Где? Камень? Керифонта? – Нефедов сопровождал каждое слово ударом в лицо, под ребра, в плечо.

– Я его разбил.

– Нет, гаденыш, эту сказку вы с Самарским СБ расскажете, если вас захотят слушать. Говори! Или я выбью это из тебя вместе с внутренностями, – мужчина отпустил волосы парня.

– Вячеслав? – позвал кто-то.

Парень поднял голову и встретился взглядом со светло-карими удивленными глазами Вишни. Макс сплюнул кровь на примятую траву. Руки стали зелеными от сока стеблей.

– Что делается, – протянула стоящая рядом с Вишневской библиотекаря и покачала головой.

Увлеченные друг другом, они не заметили, как появились женщины.

– Что он опять натворил? – преподша сжала узкие губы. – Сдай его Императорской службе безопасности, пусть там разбираются.

Грошев понял, что булькающие звуки, которые все слышат, вылетают из его горла. Он понял, что смеется, пытается собрать руки и ноги, чтобы подняться.

– Не сдаст, – парень привстал на одно колено и улыбнулся,

прекрасно осознавая, что зубы у него красные от крови.

– Вячеслав, это не твое дело. Больше не твое.

– Его, его, – Макс хихикнул. – Пятнадцать лет назад уже шла охота за этим камушком. С тех пор, как я появилась в лагере, все смотрят с сочувствием. Не на меня, на вас, Куратор, как на тяжело больного. Вы так хотели участвовать в моем задержании, почему?

– Личная причина, – вздохнула библиотекарша. – Личная заинтересованность.

– Закрой рот, старуха!

– Кто из Нефедовых извалялся в грязи пятнадцать лет назад? Дед? Отец? Мать?

– Брат, – ответила Грошу Марья Курусовна. – А отец...

– А отец расплатился за это головой, – закончил Куратор, снова замахиваясь.

– Стой! – крикнула Вишня. – Не пачкай руки, – она не смотрела на Макса, только на Нефедова. – Твоей вины в том, что случилось, нет ни на онн.

– Поэтому он и в ссылке. Здесь, на Инатаре, а не на плахе, – добавила бабка.

– Я не потерплю...

Что именно не потерпит Вишневецкая – никто не узнал, потому что Нефедов выхватил из кобуры пистолет, который недавно прижимал к голове Грошева. Поднял и нажал на курок, обрывая отповедь. Красная дырка размером с игральную фишку появилось с левой стороны носа, и преподша

упала с застывшим выражением удивления на вытянутом лице. Громоздкие ботинки, так не подходившие женщине, глухо стукнули друг об друга.

Это было настолько нереально и неожиданно, что Макс замер, не в силах сбросить оцепенение. Он видел смерть. Старую, в виде изломанных костей, и молодую, с брызгами крови и криками. Но никогда она не станет для него привычным, не вызывающим ничего, кроме равнодушия, зрелищем. Он надеялся, что не станет. Настолько «крутым» он быть не хотел.

– Боюсь, Янка переоценила свое значение для тебя, – сказала бабка, пистолетное дуло повернулось в ее сторону.

– Стойте! – Макс встал. – Не стреляйте! Камень в бункере.

– Кто бы мог подумать, – мужчина презрительно усмехнулся, – что гаденыш, которому плевать даже на себя, пожалует старуху, выдающую книжки, – он поднял дуло к небу и потребовал: – Конкретнее?

– Я покажу.

– Нет, ты скажешь. И только я буду решать, сможешь ты после этого не только показывать, но и ходить. Где?

– Запаял в куб.

– Не испытывай терпение. В какой?

– В третий справа.

Куратор стиснул зубы и ударил Макса в ухо, опрокидывая обратно на траву. Даже не в полную силу, а так, для оснастки. И тут же ухватил за шиворот и поставил на ноги. С десяти-

леткой такое прокатило бы, с Максом, который был на полголовы выше Нефедова, получилось нечто вроде издевательства, причем именно над Куратором, неловко задравшим руку.

– Веди, вредитель. Но если рыпнешься, – прицел снова сместился на библиотекаря.

В бункере уже успели поставить новую дверь. Пара техников возилась с настройкой панели.

– Потом закончите, – рявкнул на них Нефедов.

– Но, – попытался возразить один из мужчин с эмблемой технической службы на форме, – у нас приказ, – мужчина выразительно посмотрел на пистолет в руках Старшего Куратора и на наручники Гроша.

– Мой приказ. Вон или получите взыскание.

– Есть выйти вон, – вытянулся мужчина.

Они сложили панели с проводами в сумки и исчезли, вполголоса обсуждая, осталось ли еще пиво в кафешке у Лемми. Такой обыденный простой разговор. Макс тоже не отказался бы очутиться сейчас за стойкой бара с бутылкой пива в руке.

Марья Курусовна остановилась посреди караулки, дыхание было тяжелым и шумным.

– Не стоит медлить, Грошев, – Куратор взмахнул оружием. – Я долго ждал.

– Пятнадцать лет, – улынулся парень, – я помню. Лиси-

цын знает, кто подбросил его внучке идею повторить ритуал с камнем? Знает, что его предал друг, а не враг?

– И не жалко тебе детей, Вячеслав? – выпрямилась бабка.

Пуля, выпущенная Куратором, прошла рядом с ее виском, качнув седую, выбившуюся из пучка прядь, и зарылась в стеллаж, расколов кружку. За прошедшие сутки они изрядно проредили запас посуды в бункере.

– Закончили дискуссию, – мужчина шевельнул пистолетом.

Макс подошел к открытой двери хранилища, слыша за спиной сиплое дыхание библиотекариши и тяжелые шаги Старшего Куратора.

– А что потом? – Грош шел по центральному коридору бункера. – Нас найдут мертвыми? Мы покончим с собой? Я, осознав всю глубину своего аморального поступка, а Марья Курусовна?

– А я неловко упаду, – сказала бабка, – и сверну шею.

– Тогда какой смысл мне туда вас вести? – Макс притормозил – Раз конец все равно один.

– Затем, Грошев. Что пуля в лоб сейчас или потом – это две большие разницы.

Парень вытер лицо скованными впереди руками и свернул в боковое ответвление. С рядов полок на странную процессию безучастно смотрели кубы. Призракам, заключенным в них, было давно уже наплевать на дела живых. Макс остановился на пороге лаборатории. Под ботинками хрупало стек-

ло, он опустил голову, силясь рассмотреть один конкретный осколок.

– Здесь? – Нефедов вошел первым.

Мужчина обернулся и, поймав взгляд парня, брошенный на опущенное к полу оружие, перехватил пальцы на рукояти. Язык жестов, простой и понятный. Язык, для которого излишни слова. Куратор знал, о чем думает парень, а Макс знал, что тот знает. Нефедов поднял руку и упер дуло студенту в переносицу.

– Я вышибу из твоей башки все дурные мысли разом. Где камень?

– Там, – парень не глядя указал на последнюю скамью.

Пистолет не шевельнулся, мужчина посмотрел на тройку узилищ, ожидающих вскрытия.

– Которое?

Макс чуть не ответил «любое».

– Крайнее правое.

Куратор опустил пистолет и, схватив парня за майку, втащил в комнату.

– Баб Маш, бегите, – крикнул Грошев, когда Нефедов толкнул его к скамье.

Грош налетел на лавку. Металлические кубы чуть звякнули, ударившись друг о друга. Но Макс ничего не почувствовал: ни воня, ни напряжения от скопления энергий. Нечего было чувствовать. Блуждающие умерли во второй раз.

– Да куда ж я побегу, мальчик, – бабка заглянула в комна-

ту. – Не по возрасту, да и не успею. Захочет – догонит, только бедро растревожу.

Куратор даже не повернул головы в ее сторону, подхватил узилище и, отступив, бросил его на матовую поверхность стола, как совсем еще недавно Грош – кусок слюды. Он не замечал, что наступает на зеленый рюкзак, который так и валялся тут с тех пор, как Грошева взяли. Открытый и почти вывернутый на изнанку. Пустой.

Пистолет лег на край стола.

– Доказывать, что я стреляю быстрее, чем ты бегаешь, надо?

– Обойдусь, – Макс приподнялся и сел на последнюю скамью рядом с кубами.

Куратор повертел узилище, вставил его в тиски и зафиксировал. Кнопка ручной шлиф машины ушла в рукоять, и сверкающий диск закрутился. Лабораторию наполнило низкое гудение.

– И какова цель? Сесть на трон? – спросила библиотекарьша. – Тогда ты глупее мальчишки.

– Плевал я на трон. Я хочу лишь отомстить тому ублюдку, что на нем сидит. Тому, кто лишил меня семьи и сослал в эту дыру.

Вращающийся диск соприкоснулся с металлом, на стол брызнули искры. Макс смотрел на то, как они зажигаются и гаснут. От низкочастотного звука заныли пломбы в зубах. За сколько Куратор вскрыет узилище? Минута? Меньше?

Пистолет все еще лежал рядом с рукой Нефедова. Ему потребуется два выстрела: один – парню, второй – старухе. А потом он может вложить оружие в ладонь Максу и уйти, насвистывая веселый мотивчик. Он Старший Куратор, он хотел поговорить с подопечным, а морально неустойчивый студент, завладев оружием, застрелил Марию Курусовну, самого старого псионника лагеря. Зачем? Кто ж знает, что на уме у психа, который потом застрелился сам.

Грань вскрытого куба звякнула. Парень изо всех сил ударил ребристой подошвой ботинка по ножке стола. Пила, взвизгнув, скользнула по столешнице. От резкого движения пистолет, лежавший на краю стола, упал на пол и отлетел куда-то к стене.

Может, Нефедов успел заглянуть в пустое нутро куба, а может, понял все так. Он никогда не был тугодумом.

– Максим!

– Гаденьш!

Они с библиотекаршей закричали одновременно, только (в отличие) от бабки Куратор не просто кричал, он действовал. Пила в его руке закрутилась снова.

Грош пнул мужчину по колену, тот зарычал, качнулся, но вместо того, чтобы упасть, навалился на студента, взмахнув гудевшей машинкой. Грош откатился в сторону, упав на пол. Вращающийся диск зарылся в пластик скамьи, в стороны брызнули серые обломки.

Макс приподнялся и ударил Куратора в бок сцепленны-

ми руками. Но тот даже не пошатнулся и с разворота заехал парню локтем в шею. Грош всхрипнул и повалился обратно. Нефедов упал сверху, одной рукой прижимая студента к полу, а второй приближая вращающийся диск к лицу. Парень дернулся, выгибаясь, но мужчина навалился сильнее, не давая сбросить себя.

Весь мир для Грошева сосредоточился на вращающемся узком лезвии и руках, которыми он сдерживал приближение блестящей кромки. Куратор – это не сокурсник, которому приспичило набить морду. На стороне Нефедова были сила и опыт, на стороне парня – только эффект неожиданности.

Макс не питал иллюзий: одно касание, даже легкое, взрежет его кожу, мышцы, ткани до кости. Он знал, что проиграет в этом противостоянии. Будет больно. И грязно. Совсем как с отцом. Наверное, он первый сын, унаследовавший не только цвет глаз или волос, но и разрез на горле.

Один случайный взгляд за сверкающее лезвие, просто, чтобы не видеть бешеного вращения. Там, с высоты шкафа со стеклянной дверцей, на него смотрел белесый череп.

Лезвие преодолело еще сантиметр. Сдерживая неизбежное, руки Макса дрожали. Куратор поднял глаза, отвлекаясь на что-то за головой Гроша. Парень в отчаянии закричал и дернул чужое запястье в бок, сместив направление приложенной силы. Это стоило ему еще одного проигранного сантиметра, и диск пилы врезался в плитку рядом с ухом парня. Один из осколков рассерженной осой впился в кожу.

Позади раздался шум, но времени анализировать не было. Один выдох, одна секунда. Макс вытянул скованные руки над плечом Куратора и, чуть повернув запястья, направил силу по дуге. Совсем как тогда в зале Императорского бункера.

Вращающееся лезвие, хрупнув плиткой, начало обратное движение. Череп шевельнулся. Грош подумал, что ему не хватит силы протащить тяжелую ношу через лабораторию. И в отчаянии бухнул в посыл все, что удалось почерпнуть, все, до чего смог дотянуться. Это было похоже на волшебство – единственное видимое проявление пси-силы. Единственное, о котором ему известно, и единственное, чему до сих пор не нашли применения. Или благополучно забыли.

Череп безымянного псионника скользнул по воздуху прямо в ладони, будто кто-то дернул за невидимую нитку.

Макс согнул руки, и кость соприкоснулась с костью, череп с черепом. Снаряд впечатался в затылок Куратора. И тот, странно крякнув, с размаху опустил голову парню на лицо. Пила снова заскребла по плитке.

Больно было адски, из носа хлынула горячая кровь. Череп, ударившись об пол, откатился под скамью. Чересчур громко стукнулся (как для пустой костяшки).

Нефедов поднял голову, из горла вырвался сиплый крик. И в этот момент на его лбу, почти у самой линии волос, появился третий глаз, только почему-то красного цвета. Диск еще несколько раз провернулся и затих. Рука, давившая на

кнопку, разжалась.

Куратор открыл рот и снова повалился на Макса. Парень оттолкнул тяжелое тело, одновременно перекатываясь на живот, чтобы увидеть то же, что и Нефедов в свой последний миг. И надеялся, что не обзаведется от этого лишней дыркой в башке.

В дверях лаборатории стоял Самарский, правая рука в гипсе, в левой пистолет, на лице ни кровинки.

– Отлично, отличник, – Грошев тяжело поднялся.

– Макс, – из-за спины сокурсника выскочила Настя, ее лицо еще хранило красноватые следы слез.

За ней вошел Игрок. Или кто-то, на него очень похожий. Опухшее лицо, заплывшие глаза, рассеченный в двух местах лоб. Его руку крепко сжимала Натка. В дверь заглядывали Светка Корсакова, рыжая староста и Сенька Соболев.

– Ничего себе вы тут... – парень не договорил, лишь очумело потряс головой.

– Ага. Мы, – согласился Грошев. – А вы здесь откуда? Не то, чтобы я жаловался, но все-таки.

– Письмо твое получили, – ответила староста.

– Я получил, между прочим, с камешком моим, – Сенька посмотрел на Макса.

– Восхищен вашим доверием, – парень демонстративно прижал подрагивающие руки к груди.

– Точно, я так поверил, что отнес письмо Темычу, – Сенька отвернулся.

– А я велел идти к Куратору, – глухо сказал Самарский.

Наташка вдруг шагнула вперед и с размаху пнула мертвого Нефедыча в бок. Артем вздрогнул, рука с оружием медленно опустилась.

– Да, – подтвердил Соболев. – Мы отнесли твоё сочинение на вольную тему Нефедычу. Если бы он посмеялся и сказал, что Грошев – в своём репертуаре, я бы сейчас гонял мяч на стадионе.

– Но он не сказал? – спросил Макс.

– Нет, – ответил Артем. – Он велел убираться и молчать о письме, забыть раз и навсегда, словно мы даже читать не умеем, – Самарский шумно выдохнул. – А это неправильно. Мы давали присягу. И он тоже давал. И ты, – парень указал пистолетом на Гроша, – и она, – на Настю, – и я.

– Дай сюда, – библиотекаря выхватила оружие.

– Не надо, я сам. Куратор хотел убить студента. Сам отвечаю, пусть занесут в личное дело, сам...

– Дай сюда, самец, не спорь со старой женщиной, – её руки, оказавшиеся неожиданно сильными, выхватили оружие. – Моему личному делу уже ничто не повредит. Как эти, – она указала на Леху и Настю, – сбежали из карцера, и кто им помог – не моё дело. Пусть охрана отдувается, – она задумалась и осторожно спросила: – Жива охрана-то?

– Жива, – выкрикнула староста, – что вы, Марья Курусовна. Мы ждали, пока все уйдут, потом с ключами возились, их не только взять надо было, но и вернуть. А потом все время

обязательно кто-нибудь придет, в камеры заглянет, поболтать, – она нервно хихикнула. – Потому и так долго.

– Пистолет у кого конфисковали?

– У сейфа, – продолжала отвечать, как прилежная ученица, Ленка. – Там, в караулке. Артем достал.

– Молодцы, – непонятно какое действие одобрила бабка. – А теперь запоминайте, вас здесь вообще не было: никого, кроме меня и Максима. Поняли? Не слышу?

Староста закивала, Натка с Косой ответили: «Да» одновременно. Игрок издал невнятный звук, который можно было толковать как угодно. Соболев фыркнул. Самарский все еще смотрел в остановившиеся глаза Старшего Куратора.

– Тогда убирайтесь!

Макс склонился к телу Нефедова и стал обшаривать карманы, ключ от наручников обнаружился в левом нагрудном. Браслеты тихо клацнули, и он бросил их на пол, подавляя детское желание поддеть ногой и запнуть под шкаф. Вместо этого парень наклонился, поднял череп.

Из караулки послышались отдаленные голоса.

– Поздно, – бабка покачала головой. – Объясняйся теперь, – она задумалась. – Тогда так...

– Нет, мы уйдем, – Лиса посмотрела на Макса. – Уйдем через лаз.

– Через тот, где его взяли? – не скрывала скептицизма Коса. – Он слишком узкий, я слышала, как ребята из боевой группы смеялись. Пусть он и тощий, но не дистрофик.

– Нет, не дистрофик, – Настя не сводила с Гроша глаз. – И лаз не тот, другой, по которому на самом деле ходила ро-сомаха.

– Их два? – спросил Артем странным деревянным голо-сом. – Ты не говорила.

– Да, – в тон ему ответил Макс, – их два.

Он склонился к телу Нефедыча, загораживая его от взгля-да отличника. Подцепив пальцами цепочку, дернул, срывая с шеи железную табличку с двойным рядом номера. Голо-ва Куратора приподнялась и со стуком упала. Самарский от-вернулся.

– Обираешь мертвых? – скривился Сенька.

– Именно. Желаеть помочь?

– Потом силушкой померяетесь, – остановила перепалку библиотекаря. – Пошли вон, пока не поздно.

Корсакова выскочила первой, Настя второй, потом старос-та, Натка, непривычно молчаливый Игрок, Соболев, Самар-ский.

– Мальчик, ты же понимаешь, – она посмотрела на череп в его руках, на покачивающуюся в воздухе табличку, – этот камень никто толком не видел. Они думают, что он был у тебя. Но думать и знать – это разные глаголы, – парень опу-стил голову, подхватил с пола зеленый рюкзак, на котором остались отпечатки ног Куратора, и убрал чужие останки. – Ходят слухи, что он пропал из хранилища, но официально-го подтверждения не было. А слухи, – она махнула морщи-

нистой рукой, – ходят всегда. Не о тебе, так обо мне. Пока пропажу не конфисковали из твоих рук, никто не может с уверенностью сказать, что ты таскаешь за пазухой: реликвию или кусок слюды. Понимаешь, Максим?

– Понимаю, – он взялся за майку и, подняв, вытер тканью нижнюю часть лица, стирая успевшую потемнеть кровь. – Если камень вернуть, будет трудно доказать, что он пропал. Любой охранник предпочтет признаться в раздолбайстве, нежели пойти по статье о хищении из сокровищницы Империи.

– Умный мальчик. А теперь исчезни отсюда.

И он исчез. Догнал остальных у самой дыры, края которой изрядно обвалились. Лаз стал еще шире. Как только он появился, в Настиных глазах отразилось облегчение. Парень забросил рюкзак за спину и стал протискиваться в дыру следом за девушкой, снова оказываясь в каменных внутренностях скалы. В какой раз? Он уже сбился со счета.

Этот ход не был похож на лабиринт, в котором застряла группа Ильина, он не был похож на штреки старой шахты. Его будто оплавленные стены напоминали след, оставленный горячим прутом в толще сугроба. Изломанного прута. Неровная, грязная, широкая полость. Как говорил Леха, горы иногда шевелились, раскрывая на своем теле одни раны, оставленные людьми или природой, и смыкая другие. Ина-тар был изрыт старыми захоронениями и выработками кам-

ней, он был полон тайн и ходов, которыми по легенде раньше соединялись все существующий бункера. Раньше много чего было.

Лисицына оглянулась, на него, как оглядывалась за последние десять минут раз пять. Игрок обнял Наташку за талию. Коса достала телефон и пыталась осветить им путь.

– Рошوماха? – спросил Леха, и по тому, как старательно он проговаривал слова, другу больно даже просто открывать рот. – Все, считай плопал бункел, так и будет шастать.

– Далеко до выхода? – нервно спросил Сенька.

– Не шнаю, – ответил Игроков. – Макш, не отштавай.

Грошев кивнул, не имея ни малейшего представления о том, видит его друг или нет. Он думал о словах библиотечарши, о той почти нереальной надежде, что они дарили. Если вернуть камень на место так, будто он и не пропадал, купится ли на это СБ? Цаплин? Император? Сам Грошев бы не купился, но много ли он потеряет, если не попробует.

– Настя, – позвал парень.

Тени, шедшие впереди, зашевелились, девушка замедлила шаг. Пропуская вперед Леху с Наткой и Афанасьеву, которая недоуменно обернулась, несколько минут они шли в темноте. И в молчании.

– Как вы связывались с Дороговым?

Лисицына споткнулась, наверное, ждала от него чего-то другого. Девчонки вечно ждут какой-нибудь чепухи, вроде признаний в любви и клятв в верности.

– Откуда... почему ты решил, что мы связывались? – едва слышно проговорила она.

– Все еще считаешь меня идиотом?

– Нет, я, – впереди кто-то хихикнул, и она замолчала, выдохнула и заговорила снова, на этот раз в полный голос: – Это Калес. Он договаривался, а я должна была...

– Подготовить меня, – констатировал Макс. – Разделение труда.

– Макс, – она повернулась к нему в темноте. Прохладная рука легла на запястье, где еще недавно были наручники, тонкие подрагивающие пальцы иногда могут сдерживать не хуже кандалов.

– Перестань, – он сбросил ее ладонь. – У тебя был шанс все рассказать, ты им не воспользовалась. Конец печальной истории.

– Кому-то дали отставку, – прокомментировала идущая впереди Коса. – Неужели нашей принцессе?

– Прекратите, – твердо сказал отличник. – Не время и не место.

– Значит, мне нужен Калес, – не обращая внимания на перепалку, Макс ускорил шаги, обгоняя старосту, Игрока, на секунду ровнясь с Артемом. Впереди остались только Светка, чья белая кожа в свете экрана телефона казалась голубой, и Сенька.

– Он в госпитале! – крикнула Коса. – В медицинской коме, понял? Так что найди себе другого собеседника.

– Значит, ему придется из нее выйти, – он обогнал Корсакову, с удивлением отмечая, что темнота вокруг посерела, а пещеру перечеркивала далекая вертикальная трещина.

Отсюда она казалась узким кошачьим зрачком, но Макс знал, если подойти ближе, то оно расширится до размеров въездных ворот лагеря. Очередной излом в горной породе, даже не очень большой. Но для них эта трещина станет выходом. Парень ощутил что-то очень похожее на разочарование. На этот раз подземной «одиссеи» не будет.

– Мне нужно с ним поговорить.

– Нет, – услышал он крик за спиной, в его локоть кто-то вцепился. – Кас может умереть! Если попробуешь его тронуть, я натравлю на тебя службу безопасности, я...

– Кас? – парень развернулся. – Даже сестра не зовет его так.

Испуганная собственным порывом Корсакова отступила.

– Ты тоже, белобрысая, на святую не тянешь, – теперь уже за спиной испуганной Светки смеялась Настя. – Думаешь, братец оценит?

– Лисицыны всегда женятся на псионниках, – повторил чужие слова Грошев. – И Калес – не исключение, так ведь? Было нетрудно найти в лагере помощницу, намекнув на кольцо с бриллиантом и громкую фамилию. Совместить приятное с полезным. Кто-то помогал гвардейцу, – пальцы на его локте разжались, – кто-то, подкинувший мне карту. Не отличнику, не спасателям, а мне!

Светка отступила еще на шаг, потом еще и еще, пока не коснулась спиной каменного выступа. Грош навис над ней, стараясь переосмыслить произошедшие события. Мысли цеплялись друг за друга, будто канцелярские скрепки.

– Ты сказала, что уехала с сестрой из лагеря в тот день. Сама сказала, хоть я и не спрашивал, – он стоял уже вплотную к девушке.

– У нее нет сестры, – сказала Лиса.

– Правда? – испуганно переспросила Ленка.

– Уж поверь.

– Вы убили моего отца! – парень почти шептал, но этот шепот был громче крика. – Ты и гвардеец!

Он схватил Светку за горло, чувствуя, как под пальцами ускоряется пульс, как она судорожно сглатывает.

– Это была самозащита, – пикнула Корсакова. – Мы приехали поговорить, это было приключение, а не...

– Вы и поговорили, результатом потом следователи любовались, – он понял, что сжимает пальцы на чужом горле.

– Макш! – выкрикнул Игрок.

Кто-то схватил его за плечи.

– Ты перерезала ему горло! – закричал он.

Голос отскочил от стен и покатился по каменному ходу, постепенно истончаясь.

– Мы не хотели. Но он был пьян, увидел черную форму и взбесился, ничего не хотел слышать. Стал избивать Калеса. Он убил бы нас. Я схватила со стола нож, – девушка замота-

ла головой, – он пах рыбой. Думала, старик испугается и отпустит Каса. Приставила к горлу и потребовала прекратить, но твой отец обезумел, он даже не замечал лезвия. Клянусь богами, я хотела лишь напугать. Он сам дернулся, сам напоролся. Я не хотела, я не могла... – слова прорывались сквозь всхлипы рваными выкриками. – Я не хотела!

Макс понял, что его оттаскивают от девушки, которая почти хрипит.

– Макш, – повторил друг.

– Отпусти ее, идиот, – Соболев вцепился в предплечье.

– Самосуда не будет, – Артем держал его с другой стороны. – Все будет по правилам. Пусть хоть раз в этой истории.

Грошев заставил себя опустить руки. Встряхнулся, вырываясь из рук парней, отошел к противоположной стене и там, не сдержавшись, ударил по камню кулаком.

– Это была самозащита, – проскулила Светка.

Макс вспомнил свой сон в больнице. Он видел избивающего его отца. Не в первый раз. Самый первый был давно, когда ему было семь. Вларон решил, что будущему псионнику «западло» бояться темноты. И решил опробовать на сыне самую передовую методику всех времен и народов. Способ «лодки». Это когда не умеющего плавать выбрасывают посередине реки и ждут, пока проснуться рефлексy. Отец поступил так же: запер Макса в подвале, в каморке дворника. Среди лопат, облезлых метелок и ведер.

Грош помнил, как бросался на дверь, как кричал и звал на

помощь. И отец пришел. Хотя сейчас парень думал, что тот и не уходил. Просто минуты, проведенные в темноте, показались мальчишке часами.

Вларон был разочарован, и свое разочарование он выразил самым действенным методом. Парень плохо помнил, что случилось дальше. Кажется, отец вытащил гибкий прут из ближайшей метлы и замахнулся. Но почему-то вместо боли от ударов он запомнил звук. Тихий и узкий. «Вжжжик» – так прут рассекал воздух каждый раз, когда отец поднимал руку. Еще он помнил, что неделю спал на животе, да и рубашку смог надеть дня через два, потому что даже обычная ткань казалась ему наждаком.

Так от чего Макс злился сейчас? Его отец умер для него в тот день, отец, учивший его ловить рыбу и объяснявший, чем гаечный ключ отличается от газового. Его место занял чужак, по которому он не будет плакать. Так от чего же? Не от того ли, что ему и самому хотелось это сделать? Приставить нож к дряблой в красных прожилках шее и провести?

Грош ударил по камню снова, чувствуя, как боль отдается в руке.

– Не надо, – кто-то едва-едва коснулся его сжатого кулака.

Он почему-то думал, что это будет Настя, но когда повернул голову, увидел испуганные зеленые глаза Афанасьевой.

– Пожалуйста, не надо, – попросила рыжая, и он понял, что не может отказать в этой простой просьбе, продиктованной страхом за него.

– Кто-нибудь еще желает признаться? – спросил он, оглядывая спрятанные в сером сумраке лица. – Что, никто не работает на Южные пустоши? Или на чертей? Или на младшего сына третьей кухарки Императора, к которой он как-то ночью забрел по пьяни?

Игрок засмеялся и тут же застонал. Самарский тихо выругался. Лисицына молчала.

– Ты бы завязывал с подобными предположениями, – посоветовал Сенька.

Макс разжал кулаки и повторил вопрос. Тот, ответ на который был для него по-настоящему важен.

– Как Лисицын связывался с Дороговым? – он посмотрел на Корсакову.

– По «мылу», – Светка протянула ему телефон. – С моего адреса.

Грошев взял аппарат, вывел на экран список исходящих писем.

«Племянники скоро будут».

«Готовьте подарок».

«Непредвиденные обстоятельства, нарушена целостность основного компонента», – это, надо полагать, о его ранении.

Конспираторы! Он поднял глаза на стоявших вокруг сокурсников.

– Што пишут? – спросил Игрок.

– Идиотизм. Я еще думал, что Цаплин делал там под видом аудитора? Чего ждал? Вот этого, – он потряс телефо-

ном. – Императорский бункер, все письма которого проходят модерацию. А тут даже шифровальщиком быть не обязательно, – он подбросил аппарат, поймал, убрал в карман и улыбнулся, – но именно этот идиотизм и спасет всех нас.

Урок двадцать первый – Философия

Тема: «Проблема бытия»

На траве стояли ящики, вытянутые, сколоченные из грубого дерева, покрашенные в зеленый цвет. Такие чуть ли не каждый день выгружали с вертолетов. Разница была в маркировке – на этих ее не было. Парень подошел ближе, коснулся грубого дерева. Оно оказалось ледяным. И это к концу дня, когда солнце прогрело воздух настолько, что хочется сменить джинсы на шорты.

На грунтовой дорожке, ведущей к жилым корпусам, не было ни одного человека. Ни болтающегося без дела студента или отчитывающего его преподавателя. Лекции и практические уже закончились, но для ужина было еще слишком рано. Неприятное предчувствие острой иглой впилося под лопатку.

Кто и зачем бросил ящики? Увидит Нефедыч, опять разорется и раздаст пяток дежурств подвернувшимся под руку.

Макс на секунду забыл, что Куратор мертв. Парень отмахнулся от беспокойства и пошел вперед. В последнее время жизнь – одно сплошное беспокойство. И стояние на месте ничего не изменит.

– Макс, подожди!

Парень оглянулся, его догоняла Лиса, за ней, стараясь на отставать, бежала Натка, на ходу спорившая с Игроковым. Соболев уже минут пятнадцать без особого успеха успокаивал Корсакову. Самарский стоял, задумчиво разглядывая небо, староста сидела на земле.

Из трещины они выбрались на западном склоне. Почти на краю лагеря, в десятке метров от бело-серой стены. Излом был завален сушняком. Старый дуб, умерший во времена, когда Грош еще не родился, повалился в трещину, да там и иссох.

Раньше он всегда проходил мимо нагромождения веток, ни разу не проявив любопытства и не слазив под него. Темные ямы не интересовали Макса, как и сухие стволы. В этой части лагеря не было ничего интересного. Но горы в очередной раз преподнесли сюрприз, раскрыв проход в свое нутро, словно голодную пасть, в которой застряли выбеленные солнцем деревянные кости некогда гигантского дуба.

– Ты что, вот так уйдешь? – спросила Настя.

– Хочешь белым платочком помахать? – он перешагнул через первый ящик.

– Значит, все, да? – ее голос сорвался.

Он заставил себя посмотреть на девушку. Она была измучена, но все равно красива, своей странной и неброской красотой.

– Надо сказать это вслух? Легко. Все, Лиса.

– Ты... – по лицу Насти потекли слезы, – сам сказал, что

с тобой я могу быть собой. Могу не притворяться! Могу не врать! А теперь...

Макс посмотрел на далекие корпуса, столовую, прачечную, на угол смотровой площадки. Что же его так беспокоило во всем этом?

– Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

Он повернулся к девушке. Она плакала злыми некрасивыми слезами.

– Ты меня опять с кем-то перепутала, Лисицына. Я не святой. Можешь врать всем и каждому, обманывать, притворяться и воровать у любого. Кроме меня. Я просил правды. Ты же поставила меня вровень с остальными. Так что не удивляйся, когда я сделаю то же самое.

– Как ты смеешь? Ты? – она ударила его в грудь. – Ну и убирайся. Ты мне не нужен, слышишь.

– Слышу. Разрешите выполнять?

Она закрыла лицо руками. Макс знал, что может сейчас подойти, обнять, позволив Насте уткнуться ему в грудь. Она поднимет лицо, к которому он склонится, коснувшись губами кожи и ощущая соленую влагу слез. Это точно понравится им обоим.

– Да где же все? – зло спросил он, отгоняя видение.

Ничего не будет. Потому что он никогда не забудет, что она сделала, и никогда не позволит забыть ей. Так что пошло оно все в... даль.

– Ори громче, и скоро тут будет половина лагеря. Причем

именно та, что носит оружие, – от прачечной к ним быстрым шагом приближался Арчи.

– Ой, Андрей Валентинович, – вскочила староста.

– Не буду спрашивать, что вы делаете за пределами карцера, спрошу другое, – он посмотрел на Макса, Игрока, Лисицыну. Серьезный широкоскулый мужчина, псионник без родословной, по сути, обычный человек. – Какого черта вы еще здесь? Грошев, Игроков, немедленно убирайтесь из лагеря! За вас, в отличие от нее, – он указал на Лису, – никто заступаться не будет. Неужели не понимаете, им нужен не обвиняемый, всех устроит покойник, на которого все свалят.

– Такой уже есть, – сказал подошедший Самарский.

– Старший Куратор мертв, – голос Светки, которую держал за руку Соболев, дрожал.

– Что?

– Убит, – зло сказала Лиса.

Корсакова громко разрыдалась, скорей всего, от жалости к себе. Послышались далекие выкрики, фонари стали зажигаться один за другим. Макс задрал голову. У дверей бункера тревожно мигал алый фонарь. Сигнал тревоги. Значит, тело Нефедова официально обнаружили.

Арчи побледнел.

– Убирайтесь отсюда. Грошев и Игроков, как можно дальше! И даже мне не говорите куда. Лиса, тебе советов не даю. Остальные – брысь по комнатам, и ни звука, – он стал быстро подниматься к хранилищу.

– Предлагаю последовать совету умного человека, – сказал Игрок, Натка сложила руки на груди.

Макс перешагнул через второй ящик и пошел к прачечной.

– Штой, – догнал его Леха.

– Не надо, – не останавливаясь, сказал Грошев. – На этот раз я иду один.

– Я тах и подумал.

– Ты не идешь один, – сказал Самарский, принаравливаясь к широкому шагу, за ним уже спешили староста и Лиса. Коса и Соболев шли не торопясь. Но все равно шли.

Черт, почетный эскорт Максу не нужен.

– Уйду. Потому что с одной рукой спуск ты не осилишь.

– Спусх? – Игрок улыбнулся и тут же застонал. – У меня для тебя новость, ты тоше не осилишь. Бес меня.

– Леха.

– Макш.

Обычное красноречие изменило другу, вернее, в его планы снова вмешалась боль. Макс видел широкую щель в верхней челюсти, в которой не хватало как минимум трех зубов. Под ботинками заскрипели доски смотровой площадки, той самой, не очень удачно расположенной.

– Подъем не спусх. Без меня слетишь.

Макс схватился за перила, перегнулся и посмотрел вниз, прикидывая, где лучше перелезть. За его спиной друзья что-то говорили. Натка доказывала Лехе, что в ее комнате ни

один следопыт с собаками его не найдет.

Грошев никак не мог понять, что же его смущает, почему он чувствует, что время уходит. Нет, не так. Он знал, что оно уже ушло. С того самого момента, как они выбрались из трещины.

Завизжала Корсакова. Макс обернулся. Несколько бойцов стояли на площадке, Светку уже положили лицом вниз, как и Сеньку. Настя успела врезать тому, кто приблизился к ней, но ей заломили руку за спину, вынуждая опуститься на колени. Афанасьева подняла ладони и легла сама, не дожидаясь приказа.

– Ната!

Игрок бросился к девушке, но его остановил автоматный ствол. Миниатюрная девушка отступила, и под прицелом медленно опустилась на землю. Раздался глухой звук удара, вскрик – и Самарский упал, со светлых волос потекла кровь. Стоящий над ним солдат вытер приклад о траву и снова взял автомат на изготовку.

В мыслях Макса вдруг что-то переключилось, словно канал с погодой сменился биржевыми котировками. Он понял, что было не так. В любой другой день отсутствие людей можно было бы объяснить, но не сегодня. Как сказал в лаборатории Соболев, если бы не письмо, он гонял бы мяч. Стадион как раз на пустыре за столовой, но до них не доносилось ни звука, ни криков ликования, ни разочарованных стонов трибун. По дорожке не бегают девчонки с лимонадом, не спе-

шат парни с пивом и носилками для пострадавших или излишне ярых болельщиков. Сегодня суббота, и курсы играют друг против друга, третий против четвертого. Полуфинал, а это не пропустил бы ни один студент. Значит, их заставили пропустить, значит, они знали...

– Што...

– Замолчи, – скомандовал Грош.

– Умный совет, – на площадку вышел Цаплин.

– Так и знал, что это вы.

– Плохо, – серьезно ответил Илья. – Я стал предсказуем, старею, наверное.

– Ваши ребята, в отличие от СБ, не стреляют сразу. После того, как убили Сухарева и ранили гвардейцев, это вы перекрыли дорогу передовому отряду службы безопасности там, у бункера. Не отрицайте. Мы зачем-то нужны вам живыми, а им – мертвыми.

– Обыскать, – отдал приказ Цаплин, и ближайшая пара солдат двинулась вперед.

Макс отступил и уперся спиной в перила.

– Потише, – Игрока тоже оттеснили к краю. Солдат деловито охлопывал его карманы.

Грош подумал о рюкзаке, о содержимом и о словах Марьи Курусовны. Цаплин возьмет его с поличным. Что, если желание сохранить подозреваемому жизнь – всего лишь стремление поставить хоть кого-нибудь на плаху пред светлы императорские очи?

Грубые руки прошлись по джинсам до щиколоток спереди, потом сзади. Солдат не приказал Максу развернуться и положить руки на голову, он сделал это прямо так, стоя лицом к лицу. Грошев знал, что сегодня может произойти все, что угодно, но это выходило за рамки любой фантазии. Незнакомый солдат мял его задницу на смотровой площадке. Так и хотелось сказать гадость, но терять зубы из-за несдержанности глупо. Боец закончил с одной ногой и вернулся к талии. Макс услышал щелчок и дернулся, слишком он был похож на звук затвора.

– Понрафилось? – спросил Игрок и тут же и получил в бок.

Солдат кивнул Илье. Парень нахмурился, потому что бойцов не интересовал рюкзак, но вместо облегчения мысль принесла тревогу. Цаплин подошел ближе. Черты лица мужчины затвердели, став резче, уголки губ опустились, придав ему сходство со старым псом. Имперским псом.

– Не разочаруй меня, парень, – прошептал он и отступил в сторону.

Макс поднял глаза, чувствуя, как ледяная рука страха касается позвоночника. Напротив стояли двое с винтовками. Мысли разом исчезли, ни одна не задержалась. Затвор клацнул уже по-настоящему.

Первый выстрел – и первая алая роза расцвела на груди Игрока. Вторая – на его собственной. Грош услышал хрип, а потом звуки перестали иметь значение. Ощущение было

такое, словно его лягнула лошадь. Парень понятия не имел, каково это, но представлял удар копытом именно так. Следующая вошла под ребра. Странно, но он думал, будет больнее. А это вполне можно было терпеть. Правда, наверное, недолго.

Кто-то закричал. Он едва узнал голос Лисы в этом тягучем беспомощном вое. Грошев ощутил третий удар, чуть ниже ключицы, и удивился, что все еще может чувствовать. Он подался назад и понял, что падает. Переваливается через перила и летит.

Упругий ветер ударил в лицо. Макс рухнул в бездну, у которой, казалось, нет дна. Но полет прекратился намного раньше, чем он мог надеяться. Многим последние минуты кажутся бесконечными, они даже успевают вспомнить прошлое и переосмыслить его. То ли жизнь у Гроша была короткая, то ли переосмысления не требовала, но все закончилось быстро.

Рывок – и парень заорал от боли. Ему показалось, что кто-то вытащил из спины позвоночник. Парня потащило в сторону и ударило обо что-то. Макс понял, что, зажмурившись, продолжает орать, и закрыл рот, стараясь просто дышать, сосредоточившись на простом и повседневном действии. Вдох-выдох.

– ... ать... да нах... шоб вам!

Он открыл глаза. Мертвые так не матерятся. Или Леха будет первым. Перед лицом подрагивала деревянная балка.

Несколько секунд ему потребовалось, чтобы понять, дергается не темное дерево, а он сам. Парень болтался под настилом площадки, как елочная игрушка на веревочке. Грошев обхватил бревно руками и огляделся. Игрок держался за соседнюю опору. К его ремню со спины был прикреплен страховочный трос. Другой конец был перекинут через балку над их головами.

Грош заставил себя коснуться влажного пятна на груди, ожидая взрыва боли, который отправит его в небытие. Но ничего не произошло. Да, боль была, примерно как от свежего синяка. Он поднес к глазам пальцы, понюхал, мотнул головой и вытер руку о майку.

Игрок повторил его действия и уже открыл рот, чтобы прошепелявить очередную глупость. Макс уловил краем глаза движение и встретился взглядом с мужчиной в серой форме. Солдат прижал палец к губам, а потом указал вниз. Там, на далеком склоне, лежали два тела: одно – в черной форме, другое – в джинсах и футболке. Боец шевельнулся, и Грошев услышал знакомое клацанье, он держался на таких же страховочных тросах, что и студенты. Макс понял, что сделали ребята Цаплина, закрепляя карабин на его ремне. Убили его, не убивая.

Кровь, которой заляпали их одежду, была лишь видимостью, имитацией с резким химическим запахом.

Над головой продолжали раздаваться крики. Плакала не только Настя, тонкий, полный отчаяния писк, который уно-

сил ветер, принадлежал Наташке. Игрок вздрогнул, и солдат снова прижал палец к губам, подкрепляя приказ пистолетом, направленным в их сторону.

«Не подведи меня, парень», – сказал Цаплин. Чертов Цаплин.

Леха отпустил балку, качнувшись на тросе, зацепился за следующую. Солдат нахмурился, качнув дулом. Игрок показал ему неприличный жест и, снова оттолкнувшись, припал к неровной каменной стене склона. Секундой позже пустой карабин глухо стукнулся об опорную балку, на которой была закреплена веревка.

Вопросы были излишни. Макс заставил руки разжаться и, отпрянув от бревна, последовал за другом. Краткий миг полета над пропастью, ветер снизу вверх, боль в спине. В животе собрался комок пустоты, а через миг он тоже уцепился за камень.

– Штреляй, если хочешь, – одними губами прошептал Игроков.

Солдат проводит взглядом второй ставший бесполезным карабин. Трос Макса повис в пустоте.

Больше Грош не оборачивался. Если их на самом деле хотели убить, сделали бы это куда проще. И внизу лежали бы настоящие тела.

Спуск был долгим. Пальцы заледенели, кожа на руках лопнула. Макс еще не раз пожалел, что не остался под скрипучей площадкой в компании солдата. Да, они оба пожалели.

Ночью пошел дождь. Он тихо шуршал по шиферной крыше. Сон не шел – словно за ночь, проведенную в доме художника, Макс выспался на несколько дней вперед. Вокруг старой керосиновой лампы, найденной Игроком в сарае, порхала невесть как залетевшая в дом бабочка.

Хутор Иша все еще стоял пустым. Даже если на бумаге хозяйство успело обзавестись новым хозяином, сюда тот пока не добрался. Леха тасовал колоду засаленных карт. Картонные прямоугольники то и дело выскакивали из сбитых пальцев и разлетались по полосатому матрацу. Не имея ни малейшего желания занимать спальню хозяина, они вытащили из кладовки пару тюфяков и бросили на пол. Зажгли керосинку, но заснуть не смогли.

За окнами шевелилась темнота, барабанная дробь дождя, скрип стен и иллюзия, будто остального мира не существует.

Грошев положил перед собой телефон Корсаковой и табличку мертвого Куратора. Он взял аппарат, вбил фамилию и запустил поиск. Шкала приема показывала одно неуверенное деление. Всего одно. Индикатор загрузки оббежал круг, потом второй, пятый, тринадцатый.

– Што ищешь? – спросил Игрок.

– Цаплина.

– Думаешь, о нем пишут сочинение в школе?

– Что-то вроде того, – Макс сбросил поиск и уронил телефон обратно на матрац. – Слишком все сложно, слишком

неправильно. Контрабандисты перевозят камни через границу, – он взял в руки табличку, – и это длится годами, если не десятилетиями. Следаки из Шоромы разгадали шифр. Да что там, его даже Марья Курусовна разгадала, – парень провёл пальцем по выбитому номеру. – И каков итог?

– И какоф?

– Никакого. Тишина. Ни арестов, ни статей в газетах, ни орденов генералам, ни разжалований солдатом. Ничего. И даже эти из Шоромы куда-то пропали со своей картой. Вопрос: кто за этим стоит? Кто может быть настолько влиятелен, что не ходит даже слухов?

– Нефедыч?

– Вряд ли такое проворачивали под носом у Куратора Инатара без его ведома. Но думаю, что за этим стоит кто-то покрупнее. Слишком все гладко, слишком усердно все делают вид, что ничего не происходит.

– Шаплин?

– Или кто-то еще ближе к острову Имератора.

– И слышать об этом не хочу. – Карты в очередной раз посыпались из его пальцев.

Друг взял стоящую на полу бутылку воды, достал из кармана блестящий блистер, найденный в аптечке бывшего хозяина хутора, и швырнул в рот две белые таблетки.

– Не переусердствуй.

– Аха, теперь хоть говорить моху. Пошты.

– Сильно болит?

– Не, – Леха коснулся скулы, – уше нет. Нащисто выби-
ли, с осхолками я бы выл на луну, – он отставил бутылку и
спросил: – Камень у тебя?

Вместо ответа Макс достал из рюкзака череп и торже-
ственно поставил рядом с лампой. Друг хмыкнул:

– Выдумщик! Што теперь? Несем в бункер?

– Да.

– А нас пустят?

– Нет.

– Я потерял нить рассуштений, – Игрок задрал голову,
словно прислушиваясь к громкому шепоту дождя.

– Отдадим Дорогову. Сам вынес, сам и вернет.

– Если захочет.

– У него не будет выбора, – Грош сжал в кулаке табличку.

– Верю. Отправь сообщение и назнащ встречу, – Леха
указал на телефон.

– А ты начал соображать.

– Это от таблеток. Куда вызываем профа?

– Сможешь перевести координаты? – Макс разжал руку.

– Да.

Игроков встал и вышел за пределы колышущегося круга
света. Бабочка, улучив момент, села на горячее стекло и тут
же взлетела вновь. Грошев слышал, как тот шуршит чем-то
в темноте. Выдвигая ящики и чертыхаясь, когда что-то па-
дало. Леха вернулся, держа в руках сложенную в несколько
раз карту. Настоящую карту, а не то убожество, что висело

в библиотеке.

Некогда яркая и глянцевая бумага истрепалась по краям, разворачивая, Игрок надорвал лист посередине квадрата В-17. Выругался и стал действовать бережнее.

Макс положил табличку поверх бумаги. Леха бросил взгляд на цифры и неразборчиво зашептал:

– Радиус перефодим, дуга уходит в параллель...

Здесь и сейчас он показался Максиму похожим на древнего шамана, вызывающего духов гор. Смуглая кожа, светлые глаза, сосредоточенность в лице, незнакомые отрывистые слова.

– Штеть, – его палец замер на карте, друг нахмурился. – Вращающийся?

– Что-то знакомое?

– Прошлая прахтика, – пояснил Игрок, дверь скрипнула, и они повернулись на звук.

Шло время, но в комнате установилась тишина, второй скрип через минуту вместо того, чтобы насторожить, успокоил. Старые дома всегда живут своей жизнью.

– Историк с ехо идеями. Двадцатый маршрут, группу вел Дан.

– Ее вел ты.

– Не суть. Мы дошли до Вращающегося, насобирали камешков, вспомнил?

– Эти развалины все на одно лицо, – Макс взял телефон и вызвал на экран иконку создания письма.

– Стой, – друг положил руку поверх экрана. – Как это сфя-

зано? Камень и координаты?

– Без понятия. Но хочу выяснить.

– А если никак?

– Значит никак, – Грош дернул телефоном.

Игрок не шевельнулся.

– Тот мушик Тилиф, другие бандиты, у них были таблички. И все они покойники.

– Мы тоже. И что?

Несколько минут друг смотрел на него, а потом сдался. Вместо того, чтобы убрать ладонь, выхватил телефон и стал набирать сообщение.

«Студенты четвертого курса кафедры археологии Инатарского пединститута приглашают профессора Дорогова принять участие в раскопках города Вращающегося. Нужна ваша консультация по истории окаменелостей. Оплата по договоренности».

– Остальное скажет адрес отправителя, – кивнул Грошев.

Аппарат «задумался», а потом пискнул отправленным сообщением.

– Он придет?

– Давай спать, – предложил вместо ответа Макс.

– Не хочу, – Игрок снова взялся за колоду и, щелкнув череп по лбу, предложил: – Партию?

Дорогов пришел. Растерянный и одновременно решительный, он бродил среди руин. А они ждали.

Город был старше, чем Солнечный. Или просто хуже сохранившийся. Стоило Максу ступить на светлые растрескавшиеся дорожки, и он вспомнил, как был здесь. Город построили в форме гигантской спирали. Дома, заборы, мощеные дуги улиц, каждая постройка или то, что от нее осталось, словно заворачивалась к центру, к белесому столбу-обелиску, выпирающему из самой середины. Вращающийся город. Давно застывший и умерший.

Стены без дверей, крыш и окон. Кусты и деревья, выросшие прямо посреди комнат. Влага, осевшая на листьях после ночного ливня. Они так и не легли спать, дождались, когда дождь стих, и вышли. Одежда отсырела, Макс то и дело ловил себя на том, что зевает.

Профессор в очередной раз оглянулся, осмотрел развалины и пошел дальше.

– Долго будем за ним ходить? – спросил Игрок, его шепелявость почти исчезла, может, помогли таблетки, а может, он приноровился произносить звуки без отсутствующих зубов.

– Пока не поймем, что он на самом деле один, – Грошев провел пальцами по каменному на знаку на ближайшем отгрызке стены. Почему он раньше не обращал внимания на эти кресты. На стенах Вращающегося не было каракуль углем или краской, лишь белый камень и выпуклый рисунок, точно такой же, как на старых гробницах.

– Он мошет уйти в любой момент.

– Нет, – Грош повернулся к другу, – раз не ушел еще пол-

часа назад, не уйдет и сейчас.

Они посмотрели на сутулую фигуру. Дорогов походил на призрака, бродившего среди стен, больше похожих на надгробные камни.

– Я тут подумал, – Игрок нагнулся и, оставаясь под прикрытием стены, последовал за профессором. – Вернем камень, а дальше что?

Макс пожал плечами и перебрался за следующий камень. Ответов на все вопросы у него не было, но он соврал бы, сказав, что сам не думал об этом.

– Эй, – профессор резко обернулся. – Я знаю, что вы здесь. Выходите! Слышите?

– Слышим, – Грошев выпрямился.

Дорогов втянул воздух и затравлено огляделся, словно ожидая, что из-за каждого камня появится еще кто-нибудь. Мужчина суетливо пригладил волосы и убрал руки в карманы. Покрасневшие глаза говорили о том, что не только Макс провел бессонную ночь.

– А где...? – профессор не договорил, но они поняли, кого на самом деле ждал историк.

Игрок ухватился за край огрызка стены, больше напоминавшей изгородь, подтянулся и сел сверху.

– Меня ищите? – спросил он и улыбнулся, демонстрируя отсутствие зубов.

– Нет, я...

– Лисицыны в лагере. Калес в госпитале, Лиса в карцере

или где-то рядом, – Макс подошел к профессору.

– Тогда зачем вы меня вызвали? Как? – он был чуть-чуть растерян и сильно разочарован.

– Затем, что у вас кое-что пропало их хранилища? Я не ошибаюсь?

– Хватит паясничать! Убили моего студента! Украли историческую реликвию.

– Кто паясничает? Хотите, назову имя того, кто вынес реликвию из хранилища? – парень снял со спину рюкзак.

– Вы для этого вызвали меня? Чтобы обвинить? Сколько на вас микрофонов?

– Ни одного, – Грошев расстегнул молнию. – А на вас? Дорогов что-то пробормотал.

– Вы подписали официальный протокол о краже?

– Да.

Игрок выругался.

– Но он все еще лежит на моем столе.

– А вдруг вы ошиблись? – Макс достал череп. – Если окажется, что камень Керифонта все еще в хранилище и закатился в ночной горшок Тувара пятого? Если вы, посмеиваясь над идеями племянницы, выдали ей очередную копию и отправили развлекаться?

– Но служба безопасности...

– Их вызвали вы?

– Нет, но...

– Тогда это их проблемы. Они начали кричать «волки»

и даже стрелять.

Профессор вытер влажные ладони о штаны и оглянулся, на этот раз с беспокойством, словно ждал и боялся, что этот разговор услышат. Макс тоже посмотрел вперед на серые камни, на закругляющуюся дорожку, на очередной памятный крест на овальном валуне.

– Беспольный разговор, – вздохнул профессор. – Камня нет. И взяться ему неоткуда.

Грошев перевернул череп. Он давно уже не был пустым, там, где у живых обычно находятся мозги, лежал обернутый в целлофан кристалл.

– Но даже если бы я, – мужчина облизнул губы, – случайно нашел его на тропинке, то вряд ли пронес через охрану.

– А кто говорит, что вы понесете камень? Он ведь в хранилище, помните, – Макс улыбнулся. – Вы на раскопках, – он протянул профессору череп, – вы принесете в бункер очередной экспонат, – мужчина помедлил, но все-таки взял останки. – А если «экспонат» прилипнет к рукам охраны, то найдется способ его забрать.

Макс шевельнул ладонями, и закрутившаяся сила притянула находку обратно.

– Но как? – шпионник смотрел на череп широко раскрытыми глазами. – Как такое возможно?

– Вот и выясните.

– Почему вы это делаете? Почему помогаете мне?

– Не вам.

– И не вашим племянникам, – вставил Игрок.

– Вернее, не столько вам, сколько себе. И ему, – кивок на Леху. – Вам нужна еще причина? Помните мое письмо? Вы отправили его, – парень снова передал мужчине череп. – Уверен, вы прочитали и все равно отправили.

– Не было выбора. Ты вручил мне его в зале под запись камер.

– Нет, вы могли отправить только кад-арт, а бумагу сжечь. Но вы отправили. И оно спасло мне жизнь, – парень отбросил пустой рюкзак на землю. – То, что я отправил матери, не дошло.

Дорогов нахмурился, но уточнять ничего не стал.

– Если камень не пропал, значит, СБ, убившее Сухарева, действовало, исходя из непроверенных данных, и ошиблось.

– Полетят головы.

– Но не наши, это ли не главное?

– Наверное, – профессор прижал череп к боку.

– Можно пару вопросов? – Грошев посмотрел в покрасневшие глаза. – Как вы дали им себя уговорить? Калесу и Насте? Как вы повелись на идею с ритуалом?

Дорогов отвернулся, не желая отвечать.

– Если только у них нет чего-то на вас. Чего-то не предназначенного для чужих ушей и умов, – профессор молчал, и парень продолжил. – Что ж, я рад, что вы не спятили. Они не отпустят вас, вы понимаете? Это не первая их просьба и

не последняя.

– Понимаю. Но в семье мы разберемся сами.

– Как знаете, – Грош шагнул в сторону, освобождая профессору дорогу.

Дорогов выпрямился, словно сбросил с плеч груз, крепче обхватил камень и ссутулился обратно. Одну ношу сбросил, другую взвалил – суть любой жизни, любого человека.

– А второй вопрос? – сделавший шаг мужчина обернулся.

– Что вы знаете про эти крестики?

– Ну и место ты выбрал, чтобы послушать лекцию, – профессор впервые за время встречи улыбнулся. – Это знак воинов Керифонта.

– Знаю, их рисовали на щитах и гробницах, но не понимаю, зачем на стенах?

– Есть несколько версий. Например, по ним воины опознавали дома друг друга и могли попросить о крове. Или находили путь к Керифонту. Легенда гласит, что в конце пути, указанного крестами, ищущего всегда ждало испытание. И прошедший его становился воином.

– Я думал псионниками рошдаются? – спросил Игрок.

– Это было до того, как Керифонт отдал силу камню, когда они еще были людьми, – профессор перехватил камень и вдруг сказал: – Мое предложение о кафедре пси-истории все еще в силе.

– Боюсь, мне сейчас не до специализации, – Грошев отвернулся.

– Жаль, – Дорогов пошел по загибающейся к центру дорожке.

Они смотрели, как он уходит. Старейший мужчина в вязаной кофте и черепом в руках. Несмотря ни на что, Максу было его жалко. Когда-нибудь Лисицыны доиграются и утянут его за собой. Но не в этот раз. Парни сидели на развалинах еще с полчаса, но никто так и не появился, лишь налетевший ветер трепал отросшие волосы Гроша.

– И что дальше? – спросил Леха.

– Предлагай.

– Мы, – друг спрыгнул с каменной ограды, – вернули камень, теперь все сделают вид, что кражи не было. Вопрос: кто вернет нас? У бабки сердце слабое, я и дед – вся ее семья. Отец с матерью давно похибли. Если ей сообщат, что я тоше... черт, – Игрок отвернулся, а когда заговорил, голос звучал глухо.: – Никто не собирается нас возвращать, так?

– Так. Поэтому я и хотел идти один.

Макс спрыгнул следом, посмотрел на равносторонний крест, выбитый на ближайшей стене, нашел глазами следующий и двинулся в его сторону.

– Эй, ты куда? – выкрикнул Леха. – Говорю серьезно, я не собираюсь оставаться мертвым.

– Угу, – Грош дошел до второго креста. Коснулся местами еще влажного камня и стал оглядываться в поисках третьего.

– Хочешь пройти по знакам до конца и стать воином Керифонта?

– Точно, раз повторить подвиг первого псионника не получилось, надо стать хотя бы сподвижником, понижение в должности, конечно...

– Конечно, давай займемся фигней, – друг что-то пнул. – Мы пришли сюда из-за таблички, из-за координат, в прошлый раз в таком месте был мешок камней и труп, – он задумался. – Я понял. Мы найдем тайник контрабандистов, сдадим камни в службу контроля, и нам выдадут справку о нахождении в живых.

Грошев улыбнулся, а друг, вытянув руку, указал направо.

– Там следующий.

Леха догнал Грошева и пошел рядом:

– Макс, я серьезно.

– Я понял, – они остановились почти около стены, крест на которой был наполовину срезан, и завертели головами. – Вон, – первым нашел искомое Грош.

Четвертый выпуклый крестик украшал центральный столб Вращающегося. Длинный, смотрящий в небо камень на центральной площади, там, где сходились улицы, там, где начинался и заканчивался каменный водоворот.

Они обошли столб три раза. Осмотрели развалины, даже слазали в ближайшие дома. Больше знаков не было. Никого испытания тоже. Мертвый город и ветер. Макс сел на землю.

– Теперь точно все, – сказал он Игроку.

– Черт! Черт! Черт! – рявкнул Игрок, останавливаясь напротив светло-серой стелы и задрав голову заорал. – Это моя

жизнь! Моя! И я хочу ее назад, поняли!

Солнце заглядывало в город с запада, длинные тени ложились на землю. Друг продолжал орать. Грошу опять пришло в голову сравнение: Леха, стоящий в центре города, окруженный мертвыми домами, их тенями, орущий неведомо что, неведомо кому, был похож на древнего шамана. Сколько бед он отвел от него и других? Если кто и достоин стать воином Керифотна, то именно он.

Леха оборвал очередной обвиняющий крик и пнул стену. Что-то в основании камня хрупнуло, с таким звуком разлетается глиняный горшок, если его уронить с подоконника. От столба по земле разбежался десяток трещин, и площадь, которая казалась незыблемой, распалась на большие каменные куски, присыпанные землей и поросшие пучками зеленой травы. Игрок оттолкнулся от ходящей ходуном земли и прыгнул. Колонна со свистом ушла вниз.

Макс упал, кусок мостовой, на котором он распластался, накренился. Игрок хрипло заорал, приземлился в метре от Гроша и провалился под землю. Крик оборвался. Парень вцепился в камень, словно тот был спасательным кругом, а Макс – утопающим.

Не было ни землетрясения, ни взрыва – не было ничего. Только разваливающаяся улица и камни. Земля, изрезанная расширяющимися трещинами, куски почвы, булыжники. Они сталкивались и разрушались. Они напоминали обрывки пенопласта в ведре с водой, подвижные и не способ-

ные собраться обратно в единую форму. А вместо центра древнего города теперь зияла дыра, похожая на вырезанную в бумаге звездочку.

– Прекрасно, – донесся до него голос друга. – Эй, есть кто живой?

– Леха!

– Он самый, – внизу что-то хрупнуло и с грохотом упало. – Сможешь вытащить?

Макс попробовал приподняться, камень под ним накренился и ударился о соседний.

– Эм, – невразумительно ответил Грош и попытался перенести вес в другую сторону. Кусок мостовой послушно качнулся обратно, на этот раз ударившись сильнее, посыпалась земля. – Нет.

– Тогда...

Макс наблюдал, как под ладонью появляется трещина, как бесшумно тянется и ветвится дальше, как каменные обломки начинают осыпаться. Парень втянул воздух, и спустя секунду кусок мостовой под ним распался. Грош полетел вниз вместе с частью улицы. Миг падения был кратким, он даже не успел заорать, как удар отдался вибрацией в костях.

– Спускайся вниз, – закончил фразу Игрок. – Тут невысоко.

– Я вижу.

Грош поднял голову, ухватился за протянутую руку друга и встал, ощущая в ногах противную слабость. Кружащаяся

в воздухе пыль оседала, окрашивая усталые солнечные лучи в беловатый строительный цвет. Да, было невысоко, высота второго этажа максимум.

– Почему такое дерьмо всегда случается с нами? – спросил Игрок, задирая голову и разглядывая часть потолка. – Мы что, меченые?

– Ты сегодня необычайно религиозен, – Макс стряхнул с волос пыль.

Подземное помещение было широким, низким и явно созданным руками человека. Пол и стены выложены плиткой: под ногами – крупной и широкой, с боков – более мелкой и светлой. Каждая вторая на правой стене была украшена выпуклым крестом. Два знака были сбиты верхушкой обелиска, которая пропорола стену, словно старую ткань. Каменный четырехгранник замер поперек комнаты, так и не упав до конца. Основание столба ушло в пол, встопорчив плиты, как рыбу чешую. Везде валялись обломки и камни. Там, где камень вошел в стену, белело что-то подозрительно похожее на кости. Они нашли очередной могильник. Захоронение, от которого не ощущалось ни она энергии. Это могло значить только одно – здесь вмуровывали в стены отнюдь не простых людей.

Что-то низко выжидающе гудело.

– Мы вновь выиграли в лотерею, – Игрок сделал шаг в сторону на пустой квадрат плитки.

Один шаг, гудение усилилось – и все повторилось. Квад-

ратная плитка под его ногой ушла вниз. Провалилась, словно лифт с оборвавшимся тросом. Игрок отпрыгнул назад, и уже другая плитка, на которой он стоял до этого, рухнула вниз, присоединяясь к первой.

– Они срабатывают от прикосновения, – крикнул Макс. – На столб!

Грошев прыгнул к белому четырехграннику первым, за секунду до того, как пол под ним исчез. Плитки, словно клавиши пианино, проваливались, стоило их коснуться. Игрок запрыгнул следом. И каменный обелиск, казавшийся таким неподъемно тяжелым, качнулся.

– Замри! – скомандовал Игрок, но было поздно.

Одна из оставшихся целыми плит у основания столба уехала вниз, и столб съехал в темноту вслед за ней на целый метр. Верхушка вырвалась из стены, сбив еще одну плитку. Из захоронения посыпались кости.

Игрок, не удержавшись, повалился на столб, обхватывая его руками. Макс, раскинув руки, балансировал на грани.

И все замерло. Плитки, кости, обелиск и два студента. Зал наполнило гудение. Равновесие было хрупким, как кружащаяся в воздухе снежинка. Шевельнешься – и оно сломается.

– Мы проходим испытание? – спросил Леха.

– Без понятия.

– Тысячелетие прошло, механизмы должны согнуть от старости, – друг осторожно сел и выкрикнул в пустоту. – Официально заявляю, что не хочу быть воином Керифонта и от-

зываю поданную заявку.

В ответ еще одна плитка исчезла, столб качнулся и съехал сантиметров на десять.

– Кричать тоже нельзя, – констатировал Грош и поднял руку, сила прошла по дуге от мизинца к большому пальцу.

Что-то вылетело из стенного захоронения, парень сжал ладонь, обрывая связь. Две кости со стуком ударились о пол. Плитка под ними исчезла, зато вернулась одна из тех, что поддерживали обелиск.

– Они не могут исчезнуть все разом, – сказал Грошев. – Только по очереди.

– И каков лимит? Ограничение механизма? Тут с десятков сломанных, а большую часть вообще не видно, – Леха разглядывал пол.

– Не узнаем, пока не попробуем, – Макс поднял руки. – Давай! Вместе!

– Но я никогда... А, к черту! – Игроков обхватил ногами столб и выпустил энергию.

Макс ощутил запах острого соуса и перца. Чужая сила ворвалась в комнату, потянулась к ближайшей украшенной крестом плитке. Внутри что-то стукнуло, плитка треснула, и на пол упала большая берцовая кость. Квадрат пола исчез, квадрат пола вернулся. Макс вытащил целую кисть и швырнул вниз.

Пол послушно играл вальс на плитках, двигаясь в заданном парнями ритме. Но обелиск продолжал съезжать, лени-

во, по сантиметру, пока покачнувшийся Макс не спровоцировал рывок сразу на полметра. Игрок отпустил энергию и снова вцепился в столб, чтобы не свалиться. А Грош упал, в последний момент успев схватиться за каменный четырехгранник. Парень повис на руках, носок ботинка чиркнул по плитке, и под ним разверзся четный провал.

– Не получится, – хрипло сказал Леха.

– Получится. Если прибавим мощности, – Макс стал осторожно карабкаться обратно.

– Шутишь? Я не усилитель.

– Не шучу. Помнишь картинку на старом барельефе?

– Где четверорукому человеку загнали прут в башку? Да, но ничего подобного повторять не собираюсь.

– Это не проткнутый человек. Вставай, – Грошев уперся подошвами в каменную поверхность и медленно выпрямился. – Четвероруких людей не существует. Это двое, стоящие спиной к спине, голова к голове.

– И что будет?

– Не знаю. Но это единственная модификация, что может влиять на материю, – Макс развернулся, Игрок последовал его примеру. Столб вздрогнул и снова поехал. – Может, и ничего, тогда мы свалимся. Некогда думать. На счет три. Готов? Тогда: три!

Они подняли руки и соприкоснулись затылками.

Сила обрушилась на Макса со всех сторон. Будто здесь не два псионника, а два десятка. Для Гроша это было похоже

на выброс газа, сильный и внезапный, от которого вдруг исчез воздух. Маслянистый запах выхлопных газов окружал со всех сторон. Он думал, что задохнется, но не опускал руки. Он никогда не чувствовал такую бездну энергии, не знал, что ее вообще может быть столько. Когда тратишь силу, она исчезает, но когда делишься с тем, кто стоит за спиной, возрастает многократно. Теперь он понял, что сделал Керифонт. Он не отдал, он поделился.

Ураган, вихрь, торнадо из энергии разом сорвал плитки со стен, освобождая спрятанные там останки. Белые останки взлетали в воздух, а камни упали вниз. Обелиск дрожал, но это уже не имело значения. Пол тоже взбесился, квадраты исчезали и появлялись, столб рухнул вниз сразу на два метра, и Макс увидел темную яму без дна.

Игрок захохотал и снова стал кричать, будто бы в опьянении:

– Это моя жизнь! Слышишь? Моя! Если кто-то хочет забрать ее, ему придется распрощаться со своей! Потому что я все здесь разнесу!

– Звучит здорово! – голос был негромкий и спокойный.

Но Грошев услышал, может, потому, что ждал чего-то подобного, а может, отчаянно надеялся. Он повернул голову, разрывая контакт с Игроковым. Неосязаемый газ, клубившийся вокруг них, испарился. Стих ветер, которого не было. Гудение замолкло. Кости рассыпались по полу, который и не подумал исчезать, снова став целым. За исключением

тех провалов, что закрывались сломанными плитами.

Столб замер. Парни спрыгнули. Цаплин, сменивший форму на обычные брюки и рубашку с коротким рукавом, осмотрел зал. За его спиной светлым прямоугольником на темном фоне выделялась открытая дверь. Полотно, с одной стороны отделанное старым камнем, со второй – гладким пластиком.

– Они сломали механизм, – за спиной мужчины стоял солдат с винтовкой. Смутно знакомый солдат, можно сказать, почти приятель. Не каждый день имеешь счастье лицезреть того, кто тебя расстреливал.

– Меня больше интересует не то, что они сделали, а как, – Цаплин сделал в сторону открытой двери приглашающий жест. – За мной, экспериментаторы.

Когда они вошли, Макс едва подавил желание ущипнуть себя за руку. А вот Леха не подавил. Пыльный каменный мешок сменился обоями в ромбик и ковром под ногами. Подземный бункер превратился в светлое помещение с диваном, фикусом в кадке и блестящими дверями лифтовой кабины.

Куда он может ехать: вверх или вниз? Грош думал, что последнее вероятнее.

– Охренеть, – выразил общее мнение Леха.

– Кто вы? – конкретизировал Макс.

– Важно не кто я, а кто вы, – ответил Илья.

– Покойники, – предположил Игроков.

Цаплин поднял бровь, Макс посмотрел на солдата, который остался стоять на границе двух миров: древнего камня

и современного пластика. На винтовку в его руках.

– Он на таблетках, весь день ораторствует, – сказал Грошев. Игрок ухмыльнулся, услышав характеристику. – Вы не ответили на первый вопрос.

– Корпус внутренних расследований. Полковник Лисивин Илья Веденович.

– Отдать честь? – спросил то ли у Макса, то ли у мужчины Леха.

– Перед тобой Старший Куратор корпуса. Так что оставь себе, мальчик.

– О как? Не успели одного схоронить, как второй нашелся. Игроков прошел вперед, сел на скрипнувший диван и откинулся на спинку, серая грязь с его одежды осела на светлой ткани обивки.

– Вы сказали много слов, – Макс смотрел на Илью, – но так и не ответили: кто вы?

– Охотник на пси. На себе и тебе подобных.

– Кто? Такой специализации не существует. Ни кафедры, ни факультета, ни учеников.

– Правильно. Вы будете первыми. Ты будешь, – Цаплин-Лисивин смотрел только на Грошева.

– Или? – парень скрестил руки на груди.

– Или умрете. В сущности, вы умерли там, в лагере. Тела видело с десятков свидетелей.

– Холодные ящики, – вспомнил Макс. – В них привезли трупы. Вы с самого начала это спланировали? – он шагнул к

мужчине, сам не понимая, что хочет сделать. – Вы вели нас? Как собак, перед носом которых мелькает лисий хвост!

– Не с начала, там уж твоя девочка постаралась. Я пришел на вечеринку с опозданием. Но в остальном ты прав.

– Что это? – Грошев сорвал с шеи чужую табличку. – Приманка? Как крест, за которым шли древние? Испытание?

– Более или менее.

– Погодите, – Игроков встал с дивана, – в прошлый раз по этим координатам мы нашли тайник с камнями, а не... – он огляделся, – не офис секретных агентов.

– Каждый сам выбирает, как далеко пройти и когда остановиться. В прошлый раз вам хватило камней. Сегодня вы пошли до конца. Офисов у нас больше одного, – мужчина улыbnулся одними губами. – Аплодирую решению ситуации с камнем Керифонта. Теперь СБ огребет, а мы упрочим свои позиции.

– И выбора как всегда нет, – Макс отвернулся. – Снова.

– Ты не услышал ничего нового.

– Ненавижу.

– Знаю. Привычное чувство. Таких, как мы, ненавидят всегда. Ты будешь копать под коллег, друзей, сокурсников. Искать грязь, чистить наши ряды от таких, как Нефедов и Лисицын.

– Избавьте меня от пафосных речей о санитарях леса.

– Бабке с дедом сообщат, что я жив? – вдруг спросил Игроков.

– Если это условие твоего согласия, – тон мужчины стал деловым, – сделаем. А чего хочешь ты? – он посмотрел на Макса.

– Я хочу свободы!

– Возьми пистолет и застрелись. Другой свободы у тебя не будет.

Мелодично звякнуло, бесшумный лифт раскрыл зеркальные двери, из кабины вышли двое мужчин.

– Эээ, – один из тех редких моментов, когда Игрок не нашел слов.

– Чтобы поймать вора, нужен другой вор, – горько сказал Макс, глядя на Тилифа и Антониана Кирилова. Преступник и спасатель. – У них тоже были таблички, пусть за одной из них пришлось спуститься в могилу. Это было их испытание? Нет, не то. Скорее, опознавательный знак. А контрабанда камней? – парень перевел взгляд с одного мужчины на другого, они оставались бесстрастными, и в этот момент, стоя в комнате с лифтом под землей, он понял, увидел то, что было перед носом все время, – Боги, нет никакой контрабанды. Утечку кад-артов всегда контролировала Империя, но не напрямую, опасаясь повторения народных бунтов. Раимов с самого начала работал на вас, но его вечная неприкосновенность вызывала вопросы, и вы убрали фигуру с доски.

– Рад, что не ошибся в тебе, – Илья улыбнулся.

– Как этот, – он указал на спасателя, – живет без кад-арта? Его «тело» опознали по кристаллу, настолько оно обго-

рело, – парень прищурился. – Вы сожгли человека, чтобы инсценировать смерть! Только потому, что у него такой же камень? А «наши тела»? Тоже кого-нибудь убили?

– Зачем такие сложности. Трупы из невостребованных, а камень... парень, да проще изменить записи в Имперском реестре о кристаллах, чем искать человека определенного возраста, пола, комплекции, чье исчезновение не вызовет вопросов. Не делай из нас вселенских злодеев.

– Он, – Макс сделал шаг вперед, тихий и размеренный голос Лисивина не успокаивал, а наоборот выводил из себя, – воткнул нож мне в печень!

– Тогда я просто обязан назначить его твоим инструктором по рукопашному бою. Первый ученик, первый учитель.

Грошев выдохнул, посмотрел в равнодушные глаза народного героя, который отнюдь им не был, развернулся и пошел обратно. Пыль и грязь первого зала нравились ему больше чистоты этого места.

Солдат в дверях передернул затвор.

Вопрос выбора и цены, которую придется за него заплатить. Умереть свободным и жить на цепи.

Парень остановился. Выбор без выбора. Тихо клацнули закрывающиеся двери лифта, время ожидания вышло. На плечо парню легла чужая рука.

– Пошли, Малой, скоро ужин.

Конец

Сентябрь – Декабрь 2015